

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Новосибирский государственный
университет экономики и управления «НИНХ»

**ПРАВО И ЭКОНОМИКА:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ
И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ**

Сборник статей
по итогам VI Новосибирского
международного юридического форума
(13–19 мая 2024 г., 14 июня 2024 г.)

Новосибирск
2025

УДК 34
ББК 67.021
П68

Рецензенты:

канд. юрид. наук *М. В. Громоздина*,
канд. ист. наук *М. С. Саламатова*

Ответственный редактор:

канд. юрид. наук *О. Н. Шерстобоев*

П68 **Право** и экономика: национальный опыт и стратегии развития : сб. ст. по итогам VI Новосиб. междунар. юрид. форума (13–19 мая 2024 г., 14 июня 2024 г.) / Новосиб. гос. ун-т экономики и управления ; отв. ред. О. Н. Шерстобоев. — Новосибирск : НГУЭУ, 2025. — 380 с.

ISBN 978-5-7014-1165-2

В сборнике представлены научные статьи, подготовленные участниками VI Новосибирского международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития», который состоялся в г. Новосибирске 13–19 мая 2024 г., 14 июня 2024 г.

Издание рекомендовано для научно-педагогических работников, сотрудников государственных и муниципальных органов, а также для всех читателей, интересующихся вопросами взаимодействия правовых систем.

Статьи представлены в авторской редакции.

ISBN 978-5-7014-1165-2

УДК 34
ББК 67.021

© Новосибирский государственный
университет экономики
и управления «НИНХ», 2025

Уважаемые читатели!

Предлагаем очередной сборник работ участников VI Новосибирского международного юридического форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития», который состоялся 13–19 мая 2024 г. и 14 июня 2024 г. в г. Новосибирске.

Программа форума включает традиционные ежегодные конференции, посвященные разным аспектам развития правовых систем различных государств, их взаимодействия, а также теории и практике функционирования отраслей права. Всего состоялось девять международных научно-практических конференций: «Взаимодействие правовых систем: евразийское измерение — правовая интеграция на евразийском пространстве»; «Гармония частного права: современные глобальные тенденции развития международного и национального права»; «Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы»; «Эволюция семейного права: традиции и ожидаемые новеллы семейного законодательства»; «Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты»; «Корпоративное право и корпоративное управление: проблемы гармонизации в российском праве»; «Правосудие и судебные реформы: международный и национальный опыт»; «Административное право: обоснование административного акта»; «Interaction of Legal Systems: Comparative Law Issues». Последняя конференция проводилась на английском языке, а работы ее участников вошли в самостоятельный сборник «Annual Comparative Law Review.2023». Надеемся, что он найдет своих читателей в азиатских странах и других государствах, где интересуются вопросами сравнительного права; также отдельный сборник составили статьи конференций по уголовному и уголовно-исполнительному праву. Кроме того, работы участников конференции, посвященной административному усмотрению, публикуются в коллективной монографии. Остальные статьи и тезисы представлены в настоящем сборнике.

Организационный комитет форума выражает благодарность всем участникам и хочет отдельно отметить вклад его соучредителей. Помимо Новосибирского государственного университета экономики и управления, свой вклад в организацию мероприятий внесли Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан, министерство юстиции Новосибирской области, Кузбасский институт ФСИН России, Университет региона Кампании имени Луиджи Ванвителли. Ваше участие позволило расширить представительство специалистов из разных стран, регионов России, а также рассмотреть значительное число актуальных проблем, которые волнуют юристов разных стран.

Приглашаем к участию в следующем, VII Новосибирском международном юридическом форуме «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития». Всем нашим читателям желаем удачи и благополучия!

*С уважением, организационный комитет
Новосибирского международного юридического форума*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ: ЕВРАЗИЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ — ПРАВОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Р. К. Сарпеков

Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан
директор¹
заслуженный деятель Республики Казахстан
кандидат юридических наук
instzak-kz@mail.ru

Аннотация. В работе представлены основные итоги правовой реформы в Республике Казахстан в 2022–2024 гг. Обращается внимание на реализацию конституционной реформы, которая выразилась в формуле «сильный президент — влиятельный парламент — подотчетное правительство». Важное значение придается вопросам защиты прав граждан. В последнее время в Казахстане были обновлены процессуальные кодексы, заново сформирована административная юстиция. Был принят Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, что открыло новую страницу административной реформы, обеспечило большую защищенность прав и интересов граждан и их организаций. Интеграция на евразийском пространстве касается не только вопросов экономики, она существенно повлияла на вопросы правового регулирования. В частности, интерес представляет деятельность Суда ЕАЭС.

Ключевые слова: правовые реформы, Казахстан, административная реформа, административная юстиция, евразийская интеграция.

Abstract. The paper presents the main results of the completion of the reform in the Republic of Kazakhstan for 2022–2024. Attention is drawn to the implementation of the constitutional reform, which is expressed

¹ Должность указана на момент подачи статьи.

in the formula “strong President — influential Parliament — accountable Government”. Great importance is attached to the issues of protecting the rights of citizens. Recently, procedural codes have been updated in Kazakhstan, and administrative justice has been re-formed. The Administrative Procedure Code of the Republic of Kazakhstan was adopted, which opened a new page in administrative reform, ensuring greater protection of the rights and interests of citizens and their organizations. Integration in the Eurasian space concerns not only economic issues, it has significantly affected legal regulation issues. In particular, the activities of the EAEU Court are of interest.

Keywords: legal reforms, Kazakhstan, administrative reform, administrative justice, Eurasian integration.

Республика Казахстан проводит широкомасштабные демократические реформы, направленные на реальную защиту прав человека в полном соответствии со своими международными обязательствами. Так, конституционная реформа 2022 г. реально позволила обеспечить оптимальный баланс между органами государственной власти с реализацией формулы «сильный президент — влиятельный парламент — подотчетное правительство». Эта реформа подтвердила курс, обозначенный в ст. 1 Конституции: «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы». Особо хочется отметить, что конституционные реформы привели к усилению авторитета Парламента Республики, повышению самостоятельности местных представительных и исполнительных органов. Был воссоздан независимый, формируемый президентом и Парламентом Республики Казахстан орган конституционного контроля — Конституционный суд.

Конституционная реформа закрепила в Основном законе положение об однократном семилетнем сроке для президента Казахстана — без права на переизбрание, что позволило укрепить принципы демократии в стране. Реализованы законодательные меры, направленные на ликвидацию суперпрезидентских полномочий. В том числе в отношении местных исполнительных органов и сокращение «президентской квоты» в Сенате. Реально снижен порог регистрации политических партий (в четыре раза) — с 20 000 до 5000. Упрощена процедура регистрации.

Существенно расширились полномочия Мажилиса Парламента. Согласно новой избирательной модели выбора в Мажилис прошли по партийным спискам и одномандатным округам. Сейчас в палате Мажилиса имеется представительство шести политических партий.

Введена квота для женщин, молодежи и лиц с особыми потребностями в избирательных партийных списках и при регистрации депутатских мандатов. Реформы укрепили систему защиты прав человека и гражданина. Принят пакет законодательных поправок, направленных на усиление независимости судов. Расширены категории дел для суда присяжных.

В стране законодательно укреплен роль национальных механизмов по защите прав человека. На конституционный уровень повышен статус уполномоченного по правам человека. И законодательно закреплён ряд превентивных мер, направленных на поддержку бизнеса, защиту уязвимых категорий граждан, пресечение пыток, бытового насилия и др.

Президент Республики в ходе церемонии публичного подписания ряда важных законов, принятых по итогам состоявшегося в июне 2022 г. республиканского референдума о внесении изменений и дополнений в Конституцию, отметил: «Конституционная реформа ознаменовала собой начало новой эпохи в истории Казахстана. Она позволила закрепить политические преобразования последних трех лет и заложить прочный фундамент для дальнейшего укрепления нашей государственности. Отныне будут строго соблюдаться принципы справедливости, прозрачности и солидарности. Референдум убедительно показал, что можем противостоять беспрецедентным внешним и внутренним вызовам. Мы приступили к практической реализации конституционной реформы».

Построение правового государства невозможно без современной системы гарантированного механизма защиты прав и свобод физических и юридических лиц. Так, глава государства в своем послании народу Казахстана от 1 сентября 2023 г. отметил: «У нас есть четкий образ будущего: мы строим Справедливый Казахстан — страну равных возможностей и прогресса. Мы создаем эффективное государство, в котором господствуют закон и порядок, культура диалога, ответствен-

ности и солидарности». Президент четко обозначил приоритет принципов верховенства закона и справедливости.

В соответствии с Конституцией РК единственным источником государственной власти является народ, который осуществляет власть непосредственно через республиканский референдум и свободные выборы, а также делегирует осуществление своей власти государственным органам. В связи с этим в свободном, демократическом обществе во власти каждого гражданина должна быть возможность контролировать действия должностных лиц, а в случае выявления нарушений законов и прав или неисполнения данными лицами своих обязанностей — возможность эти действия обжаловать.

Одним из ключевых институтов защиты прав и свобод физических и юридических лиц является административная юстиция. Как известно, в 2020 г. был принят Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан.

В настоящее время эффективная деятельность административной юстиции стала объектом особого внимания со стороны не только ученых, но и практиков. Этот интерес главным образом вызван широким распространением данного института в мире, в том числе и в государствах — членах ЕАЭС, с которыми наша страна имеет тесные социально-экономические связи, направленные на повышение качества жизни и гармонизацию национальных законодательств.

Административная юстиция является судебной гарантией защиты интересов личности, функционирование которой не только позволяет гарантировать принцип справедливости, но и создает необходимые условия реализации идей конституционализма и ограничения административной власти нормами Конституции.

Таким образом, практика правового развития современных стран с демократическим типом развития выработала достаточно эффективные механизмы защиты прав человека от административного произвола, обеспечения качества правосудия и законности в сфере государственного управления.

Несколько слов о Суде Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

В рамках развития интеграционных процессов Суд Евразийского экономического союза является одним из ключевых органов ЕАЭС, призванных содействовать реализации этих процессов на евразийском пространстве. В настоящее время темы взаимодействия права ЕАЭС с национальным правом, а также с аналогичными международно-правовыми комплексами норм международного права приобретают приоритетный характер. Так, оживленную дискуссию среди научного сообщества и практиков вызывают вопросы соотношения права ЕАЭС с различными отраслями национального права, особенно в рамках урегулирования споров в Суде ЕАЭС.

На мой взгляд, одним из главных компонентов интенсификации интеграционных процессов на евразийском пространстве является единообразное применение права Союза. Достижение данной задачи невозможно без единого понимания норм права ЕАЭС государствами-участниками. И в данном направлении Суд ЕАЭС играет одну из главных ролей, так как в его компетенции входят полномочия по разъяснению положений правовых документов, являющихся составной частью права Союза. В частности, положений Договора ЕАЭС, решений органов Союза, его международных договоров и т. д.

Таким образом, можно отметить, что Суд ЕАЭС — независимый международный орган, играющий в этом процессе важную роль. Разъяснение правовых норм, содержащихся в актах ЕАЭС, имеет существенное теоретическое и практическое значение. В своей работе Суд ЕАЭС неоднократно обращался в Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан (с 2015 г. по настоящее время в адрес Института поступило 24 обращения).

В связи с этим наш Институт активно выступает за расширение взаимодействия между Судом ЕАЭС и научными организациями и выражает готовность к углублению сотрудничества в этой сфере.

РЕФОРМИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА

Н. Н. Турецкий

Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан
главный научный сотрудник
доктор юридических наук
tnnik@mail.ru

Аннотация. Судебная реформа в Республике Казахстан тесно связана с изменениями в законодательстве, социально-экономической сфере, повышением уровня правового сознания граждан. В статье рассмотрены предпосылки реформирования судебной системы, обозначены его цели, основные этапы и результаты. В частности, были внесены изменения в действующее законодательство, реформирован Аппарат Верховного Суда, пересмотрен конкурсный процесс по набору судей всех уровней, внедрены современные цифровые решения. Отдельное внимание уделено повышению независимости судебной системы и ее цифровизации.

Ключевые слова: судебная система, судебная реформа, судья, Верховный Суд, Конституционный закон, Высший Судебный Совет.

Abstract. Judicial reform in the Republic of Kazakhstan is closely related to changes in legislation, the socio-economic sphere, and an increase in the level of legal awareness of citizens. The article examines the prerequisites for reforming the judicial system, outlines its goals, main stages and results. In particular, changes were made to the current legislation, the Staff of the Supreme Court was reformed, the competitive process for recruiting judges at all levels was revised, and modern digital solutions were introduced. Special attention is paid to increasing the independence of the judicial system and its digitalization.

Keywords: judicial system, judicial reform, judge, Supreme Court, Constitutional Law, Supreme Judicial Council.

С момента принятия Конституционного закона Республики Казахстан от 25 декабря 2000 г. № 132-II «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» по настоящее время, т. е. за 24 года, изменения и дополнения в него были внесены 24 законами. Наибольшее количество поправок в определенной степени связано с изменениями, внесенными в Конституцию РК, а также принятием Конституционного закона «О Высшем Судебном Совете Республики Казахстан».

В среднем в Конституционный закон о судебной системе вносились изменения один раз в год, т. е. каждые 12 месяцев.

При этом не учитываются изменения, которые вносились в ГПК, УПК и связанные с принятием нового, Административного процедурно-процессуального кодекса.

В Казахстане перед реформированием судебной системы обсуждались проблемы коррупции в судах, отсутствия прозрачности в конкурсных процедурах на должности судей, недостаточной состязательности процесса. Вопрос судебной реформы был и остается в приоритете у руководства страны. Глава государства в своих ежегодных посланиях народу Казахстана неоднократно затрагивал этот вопрос, подчеркивая важнейшую роль судебной реформы в построении Справедливого Казахстана и обеспечении социально-экономической стабильности нашей страны. К примеру, в своем послании от 1 сентября 2022 г. президент посвятил реформе судебной системы отдельную главу, подчеркнув, что «необходимо обеспечить верховенство права и качество отправления правосудия» [6].

Проделана немалая работа по модернизации старой судебной системы Республики Казахстан в современный институт, построенный на принципах справедливости и честности. Принят ряд изменений в действующее законодательство, в том числе в Закон об адвокатской деятельности и юридической помощи, Административный процедурно-процессуальный кодекс, Конституционный закон о судебной системе и т. д. Был реформирован Аппарат Верховного Суда, пересмотрен конкурсный процесс по набору судей всех уровней, внедрены современные цифровые решения.

Целями реформы в этой области стали повышение профессионализма судей путем совершенствования фильтра отбора новых кадров и оценки действующих, создание «точек входа» для профессионалов извне судебной системы и усиление ответственности за допускаемые нарушения.

Экс-председатель Комитета по конституционному законодательству, судебной системе и правоохранительным органам Сената Парламента РК В. В. Волков отметил: «Глава государства считает, что для достижения существенного прогресса в реформировании судебной системы необходимо заложить принципиально новые подходы, ориентированные на про-

фессионализм судей, качество правосудия и судебного администрирования. Для этого требуются обновление и оздоровление судейского корпуса» [5].

Особое внимание профессионализму судебного корпуса, конечно же, уделяется не только в Республике Казахстан. Так, председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев на Всероссийском съезде судей 2022 г. отметил, что «качество правосудия определяется прежде всего уровнем профессионализма судей первой и апелляционной инстанций, которые наделены широкими процессуальными полномочиями в сфере исследования доказательств и установления фактических обстоятельств дела» [3].

В рамках реформы судебной системы были внедрены новые инструменты отбора кадров, нацеленные на снижение коррупционных рисков при назначении судей, а также внедрение фильтра, обеспечивающего прием только квалифицированных кадров. Этими инструментами стали шифрование имен кандидатов, психологический тест, ликвидация одного центра принятия решений, написание эссе, решение кейсовых задач, интервью с кандидатами.

Реформы открыли дорогу в судейский корпус кандидатам вне конкурса — специалистам в сфере налогов, таможи, инвестиций, интеллектуальной собственности, конкуренции и антимонопольной деятельности и др. На текущий момент уже шесть судей Верховного Суда были избраны по этому принципу, в регионах же повсеместно ведется усиление кадровых составов областных судов юристами-практиками.

Повышение независимости судебной системы. Независимость суда и защита судей от любого политического или экономического давления — актуальная тема еще с античных времен.

В Российской Федерации флагманом обеспечения независимости судебной системы выступает Верховный Суд. Как подчеркивает председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, «эффективно и в то же время деликатно с точки зрения принципа независимости и самостоятельности судов исполняет Верховный Суд свою роль по обеспечению единства судебной системы» [4].

Судебная реформа в Республике Казахстан направлена на обеспечение наивысшей степени беспристрастности судей. Для реализации этих целей Судебное Жюри и Комиссия по резерву были переданы из Верховного Суда в Высший Судебный Совет, что позволяет обеспечить, как было подчеркнуто ранее, прозрачную и адекватную оценку деятельности судей.

Сокращен максимальный срок пребывания председателей судов в должности — теперь максимальным сроком является отметка в десять лет, в то время как до реформы председатели судов могли занимать данную позицию по 20–30 лет. Также председатели были лишены прерогативы распределения дел, что повышает прозрачность и справедливость судебного процесса.

Наиболее важным этапом по обеспечению независимости судов стала работа по внедрению механизмов, направленных на снижение давления силовых органов на судей, и развитию состязательности в уголовном процессе. Так, например, реализуется механизм санкционирования следственных, оперативно-разыскных мероприятий в отношении судей генеральным прокурором, а не областной прокуратурой, как это было ранее. Эта модель значительно повышает независимость суда в регионе, позволяя судье выносить наиболее справедливые и прозрачные решения.

Как уже говорилось, был разработан новый Административный процедурно-процессуальный кодекс, созданный с учетом наилучшей мировой практики и международных стандартов. С появлением адмюстиции в 2021 г. введена новая парадигма «презумпции виновности госоргана», которая сменила обвинительный уклон против граждан в делах с участием государственных органов. Это значительно повысило доверие населения и бизнеса к суду — государственные органы стали чаще проигрывать дела, сейчас этот показатель достигает более 60 %, в то время как до этого госорганы проигрывали менее 15 % дел. Как отметил экс-председатель Верховного Суда РК Ж. К. Асанов, «адмюстиция изменила парадигму, что госорган всегда прав. Люди и бизнес почувствовали уверенность» [2].

«Обвинительный уклон» также был минимизирован при рассмотрении уголовных дел. За последние пять лет количество вынесенных оправдательных приговоров по уголовным делам увеличилось в семь раз, а санкции на арест не выдаются по каждому пятому делу (до 2018 г. в 95 % случаев суд выдавал санкцию на арест).

Что касается гражданских дел, в 2017 г. суды разрешили 900 тыс. дел, 30 % из которых — внутрисемейные споры. По итогам реформы количество исков в суды сократилось до 370 тыс., а количество дел, законченных мировым соглашением, выросло с 2–3 до 42 %. Во всех городах открыты центры внесудебной медиации [2].

По мнению Ж. К. Асанова, «в развитых странах благодаря внесудебным институтам до 90 % споров разрешают без суда. Логика проста: чем больше конфликтов разрешает государство в лице суда, тем больше конфликтности в обществе. И мы руководствуемся этим подходом с 2019 года. Делаем все, чтобы спорящие искали компромисс, не обращаясь в суд» [2].

Суды стали удовлетворять больше жалоб на следствие. С 2014 по 2017 г. было удовлетворено 28 % жалоб, с 2018 по 2021 г. — 35 %.

Если до 2018 г. суды каждый год отказывали следствию в даче санкций на содержание под стражей по 5 % дел, то с 2018 по 2021 г. — по 12 % дел, а в этом году — 15,6 % дел.

Цифровизация судебной системы. В Республике Казахстан введена в действие экстерриториальная подсудность. Именно благодаря цифровым системам дела теперь автоматически распределяются среди судов по всему Казахстану, что значительно повышает прозрачность процесса, в то время как коррупционные риски уменьшаются.

Одновременно с этим новый виток развития получил судебный кабинет, в рамках которого введен электронный формат судов. Технически сегодня судебное дело может быть инициировано и рассмотрено в онлайн-формате, документы загружаются на платформу и доступны для просмотра участниками процесса в любой момент. Статистика в данном случае говорит сама за себя: согласно информации Верховного Суда, более 90 % дел рассматриваются онлайн. Этот механизм

позволил разгрузить суды и сделать процессы более прозрачными.

В прошлом году в г. Буэнос-Айресе (Аргентина) презентовали нашу модель судебного управления. Президент МАСА Луис Пальма отметил: «Астана начала устанавливать новые передовые стандарты судебного администрирования» [1]. По цифровизации наши суды на четвертом месте в мире.

Фактически проводимая судебная реформа нацелена на модернизацию и совершенствование каждой детали в системе правосудия.

В своем послании народу Казахстана от 1 сентября 2022 г. глава государства отметил, что «реформа судебной системы не заканчивается, и при этом она должна разрабатываться силами специалистов уже вне Верховного Суда. Это позволит сделать процесс более состязательным, открытым для общественности, независимых экспертов, а значит, более эффективным» [6].

Данные изменения, равно как и дальнейшие шаги по реформе судебной системы, призваны стать фундаментом Справедливого Казахстана, обеспечив социально-экономическую стабильность общества, доверие граждан к государственным институтам, в первую очередь — к судебной системе.

Литература

1. IACA: высокая оценка казахстанской модели судебного администрирования // Официальный сайт Верховного Суда РК. URL: <https://www.sud.gov.kz/rus/massmedia/iaca-vysokaya-ocenka-kazahstanskoy-modeli-sudebnogo-administirovaniya-kazahstanskaya> (дата обращения: 25.07.2023).
2. Асанов Ж. К. Судебная система: 5 лет преобразований // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37870372 (дата обращения: 19.01.2023).
3. Выступление Председателя Верховного Суда РФ В. М. Лебедева на Всероссийском съезде судей (29 ноября 2022 г.) // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: kremlin.ru/events/president/news/69949 (дата обращения: 20.01.2023).
4. Выступление Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на Всероссийском съезде судей (29 ноября 2022 г.) // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: kremlin.ru/events/president/news/69949 (дата обращения: 20.01.2023).
5. Пути совершенствования судебной системы обсудили сенаторы с руководством Верховного Суда // Официальный сайт Сената Пар-

- ламента Республики Казахстан. URL: <https://senate.parlam.kz/ru-RU/news/details/7743> (дата обращения: 22.01.2023).
6. Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество / Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2022 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130> (дата обращения: 20.01.2023).

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Ж. И. Ибрагимов

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
профессор кафедры конституционного и гражданского права
доктор юридических наук, профессор
zhamaladen@mail.ru

Аннотация. Традиционными для Республики Казахстан явлениями остаются недостаточно высокий уровень правовой культуры и относительно высокая степень конфликтности. Медиация — одна из эффективных технологий, направленная на разрешение противоречия между спорящими сторонами с помощью третьей, нейтральной стороны, не заинтересованной в данном конфликте. В процессе своего становления медиация как самостоятельный институт проделала очень длинный путь. В разных странах этот поэтапный процесс развивался и развивается по-своему. Он вызывает научный интерес в силу актуальности изучаемой темы, а также в связи с возросшим интересом к процедуре как со стороны общественности, так и со стороны научного сообщества. Наряду с этим множество граждан рассматривают институт медиации как объект, не заслуживающий их доверия. Многим кажется, что судебное решение является более весомым актом, чем определение о прекращении производства по делу. В представленной статье рассматриваются понятие и признаки медиации, особенности правового регулирования и порядок проведения. Также выявлены ведущие факторы и причины недостаточного развития медиации в Казахстане, предложены меры по ее популяризации.

Ключевые слова: государство, право, суд, медиация, норма, процедура, примирение, би, решение, постановление.

Abstract. The lack of a high level of legal culture and a relatively high degree of conflict remains traditional phenomena in Kazakhstan. Mediation is one of the effective technologies aimed at resolving the conflict between the disputing parties through a third, neutral party not interested in the conflict.

In the process of its formation, mediation as an independent institution has come a long way. This step-by-step process has evolved and progressed in different ways in different countries. It is of scientific interest because of the relevance of the topic under consideration and because of the increased interest in the procedure, both by the public and by the scientific community. In addition, the institution of mediation is viewed by many citizens as an object that does not deserve their trust. It seems to many that a judgement is a more powerful act than a decision to dismiss a case. In the article the author discusses the concept and features of mediation, features of legal regulation and procedure. The author also identifies the leading factors and reasons of insufficient development of mediation in Kazakhstan, proposes measures to promote it.

Keywords: state, law, court, mediation, norm, procedure, reconciliation, bi, decision, resolution.

Медиация — это способ решения конфликтов с помощью переговоров и поиска компромиссов, с помощью удовлетворения интересов одной стороны, без нанесения ущерба другой.

Во-первых, медиация в законе и на научном языке — это новая форма альтернативного урегулирования споров с участием третьей, нейтральной, беспристрастной, не заинтересованной в конфликте стороны. Слово «медиация» происходит от латинского слова *mediare*, которое означает «посредничать». То есть посредничать и помогать двум сторонам решить проблему. Посредничество служит мостом от одной стороны к другой. Это способ быть услышанным и услышать сторону, стоящую напротив. В Казахстане был принят Закон «О медиации» 28 января 2011 г. (далее — Закон о медиации). В соответствии с нормами закона целями медиации являются: 1) достижение варианта разрешения спора (конфликта), устраивающего обе стороны медиации; 2) снижение уровня конфликтности сторон (ст. 3 Закона о медиации).

Затрагивая историко-правовые аспекты института медиации по отношению к нашей республике и к ее богатой истории становления, можно отметить, что элементы медиации имели место в деятельности суда биев. Так, можно провести аналогию между медиацией и судом биев, которые разрешали споры в казахской степи многие века [1, с. 1].

Механизмы института примирения и посредничества существовали и использовались в казахской степи издревле.

Как отмечал академик С. З. Зиманов, исторический опыт существования института биев является общекультурной ценностью. Еще в XIX в. известный русский востоковед В. Григорьев писал, что казахскому праву и правосудию биев «могли бы позавидовать ранее цивилизовавшиеся народы» [2, с. 44].

Во-вторых, считаем, девиз медиации — «к мирному соглашению — через переговоры». Сегодня наше общество все больше убеждается в эффективности и востребованности примирительных процедур в суде и до суда, ведь именно с их помощью граждане могут защитить свои законные права и интересы, оставшись победителем в споре [3, с. 62]. Мы стали чаще полагаться на процедуру медиации и на партисипативные соглашения. К миру — на любой стадии конфликта. Практика реализации Закона о медиации показала, что в судебном сообществе определилось позитивное восприятие медиации как метода примирения сторон. На основе сложившегося опыта можно сделать однозначный вывод: урегулирование споров с помощью медиации является эффективным инструментом решения существующих разногласий между сторонами. Явное преимущество медиации перед судом состоит в ориентированности не на конфликт, а на его положительное решение. То есть фокус усилий сосредоточен на интересах сторон, а не на правовых позициях или требованиях. При осуществлении медиации стороны, находящиеся в споре, сами находят решения выхода из него. При этом медиация показала значительные преимущества перед другими видами разрешения споров, позволяя экономить время и средства, в принятии решения самими сторонами, не третьими — это суд, арбитраж, и т. п. [4, с. 43].

Рассмотрим развитие примирительных процедур в Казахстане. Ни для кого не секрет, что медиация существует у казахов очень давно. Древний суд биев брал за основу своей деятельности установочную норму «Даудың түбі біту», что означает «Примирение есть цель и конец спора» [5, с. 1]. Пилотный проект партисипативной процедуры был разработан на основе законодательства Франции.

В средневековой Европе поддержание мира и согласия в обществе являлось одной из важнейших задач перед вождем.

В связи с частыми кровопролитиями и войнами между кланами (семьями) существовал ряд мер, принимаемых для сохранения добротных отношений между конфликтующими. Помимо примирительных переговоров, было общинное собрание, на котором обсуждалось то или иное деяние людей. Советы спорящим давал человек, считавшийся наиболее авторитетным из-за своего склада ума и имеющий власть в обществе. Для повышения эффективности примирения существовали такие институты, как поручительство; залог; заложенность и др. Дальнейшее соглашение закреплялось клятвой перед богами, нарушение которой угрожало всему племени и семье участников спора [6, с. 1].

В XVII в. обязательной процедурой перед судом являлось именно посредничество. За защитой своих прав обращались в суд только после получения на руки акта о проведении посредничества или если одна сторона не явилась на него [7, с. 1]. Медиация ориентирована не столько на конфликт (выяснение, кто прав, а кто виноват) или на выигрыш, сколько на конструктивный поиск потребности участников и может учитывать эмоциональные и личные аспекты спора. При этом сфера частных интересов участников полностью защищена, поскольку процесс медиации — это конфиденциальный процесс [8, с. 1].

Для реализации задачи развития медиации в Казахстане в 2015 г. был принят Новый Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан. Кодекс включает в качестве одной из задач примирение конфликтующих.

Обширное внедрение мировых технологий в соответствии с мировыми стандартами стало ключевым шагом в развитии альтернативных методов рассмотрения гражданских дел [9, с. 2]. Академик С. З. Зиманов в своем труде отметил следующее: «Казахский суд биев — уникальная судебная система». Следовательно, в конфликтных ситуациях, ставших разбирательством в судах биев, порою поиски истины обычными, традиционно-процессуальными приемами могут не дать желаемого результата или могут вовсе оказаться неприменимы. В таких случаях по обстоятельствам применялись иногда приемы психологического воздействия на стороны, имеющие

притязания. Одним из важных направлений развития судебной системы является разработка методов цивилизованного разрешения правовых споров, конфликтов путем введения институтов примирения и медиации.

Мы считаем, что в Казахстане уровень развития медиации значительно ниже, чем в других государствах, но Казахстан работает над этим.

Необходимо подчеркнуть, что потенциал будущего развития медиации в Казахстане определенно есть. Во-первых, с самого начала люди полагались на суд биев, так как хотели справедливости и с помощью биев приходили к общему решению. И даже во время реформ 1867–1868 гг. суд биев был сохранен, но появилась новая система суда, появились уездные и военные суды. Но, несмотря на это, казахи все равно полагались на суд биев. Нельзя не сказать, что даже русская интеллигенция уважала суд биев за его честность и открытость. Во-вторых, учитывая, что казахские бии завершали любой спор соглашением, для нашего народа миротворческая власть была самым ярким примером. Казахи — неконфликтный народ, который старается урегулировать конфликт с помощью разговора.

Проблемы развития медиации: низкая осведомленность о медиации, недостаток поддержки от государства.

Конечно, нужно указать актуальность темы. Проблема порождает решение. Люди научились вести судебные процессы, процессы по примирению сторон с помощью технологии, только когда начался карантин, это и было толчком для развития, потому что актуальность развития медиации значительно выросла. Появилась необходимость быстрого развития, люди поняли плюсы таких методов.

В качестве возможных вариантов развития примирительных процедур можно предложить:

1. Повышение информированности общественности. Казахстан проводит активную работу по информированию граждан о наличии примирительных процедур, их преимуществах. Граждане получают информацию о доступности примирительных процедур через средства массовой информации, образовательные программы и правовые консультации.

2. Развитие инфраструктуры. В последние годы Казахстан разработал и внедрил механизмы для создания инфраструктуры примирительных процедур. Были созданы специальные центры по разрешению споров и примирительные палаты, которые помогают гражданам находить альтернативные пути разрешения конфликтов.

3. Установление сильной платформы, чтобы она надежно функционировала и способствовала росту этого метода разрешения конфликтов.

4. Развитие профессиональности. Государство активно работает над повышением квалификации специалистов, занимающихся примирительными процедурами, через организацию тренингов, семинаров и курсов обучения. Профессиональные навыки помогают примирителям эффективно управлять процессами урегулирования споров.

5. Законодательные изменения. Казахстан постоянно работает над усовершенствованием законодательства, регулирующего примирительные процедуры. Это включает в себя внесение изменений в Гражданский процессуальный кодекс и другие соответствующие нормативные акты для облегчения использования и развития примирительных процедур.

Следует признать, что в развитии примирительных процедур в современности мы берем пример с зарубежных стран. Также, дополняя четвертый пункт списка задач развития процедур медиации, хотелось бы добавить, что надо начать обучать медиаторов с первого курса в высших учебных заведениях, как отдельную профессию, таким образом, они будут высококвалифицированными специалистами сразу после выпуска и более осведомленными о деталях профессии. Ведь медиаторы должны быть осведомленными в сферах закона, психологии, конфликтологии и т. п. Например, в Австрии профессия медиатора внесена в номенклатуру профессий. Поэтому видится, что для подготовки медиаторов недостаточно курсов.

В заключение хотелось бы добавить: примирительные процедуры в судебной практике имеют долгую историю начиная с древних времен, и они продолжают быть важным инструментом и в современности. Идея разрешения конфликтов через

добровольное соглашение сторон с помощью посредника или медиатора позволяет сохранить отношения между сторонами и достичь взаимовыгодных решений. Исторически примирительные процедуры использовались в различных культурах и правовых системах. В наше время они широко применяются во многих сферах, включая семейное право, трудовые споры и коммерческие споры. Примирительные процедуры имеют свои преимущества, такие как сохранение контроля сторон над решением, экономия времени и ресурсов по сравнению с традиционными судебными процессами.

Однако не все споры подходят для разрешения с помощью примирительных процедур, и некоторые дела требуют классического судебного процесса. Несмотря на это, примирительные процедуры остаются востребованным и эффективным средством разрешения конфликтов в судебной практике.

Литература

1. Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. 296 с.
2. Григорьев В. В. О скифском народе саках. Алматы, 1998. С. 44.
3. Зинашева Л. К мирному соглашению — через переговоры // ZANĠGER. 2022. № 11 (256). С. 88.
4. Калиакпарова Л. К миру — на любой стадии конфликта // ZANĠGER. 2023. № 3 (260). С. 88
5. Аманжолов Н. А Возникновение примирительных процедур в Республике Казахстан // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2019. № 12 (69). С. 49–51.
6. Давыденко Д. Л. Из истории примирительных процедур в Западной Европе и США // Вестник Высшего Арбитражного суда. 2004. № 1. С. 169.
7. Суворов Д. А. Использование примирительных процедур для разрешения гражданских дел на примере стран континентальной Европы (Великобритания, Франция, Германия) // Юридический мир. 2006. № 2. С. 5–6.
8. Зайнуллина М. Ю. Об урегулировании спора в порядке альтернативного разрешения споров // Фемида. 2018. № 11. С. 10–12.
9. Примирительные процедуры в гражданском судопроизводстве. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37174632

КОРПОРАТИВНЫЕ СТАНДАРТЫ И РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ

А. С. Панова

Казанский инновационный университет
им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)
заведующая кафедрой гражданского
и предпринимательского права
доктор юридических наук, доцент
albina_2005@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правовых вопросов корпоративной стандартизации. Особое внимание уделяется рассмотрению современного состояния и особенностей корпоративных стандартов предприятий реального сектора экономики.

Ключевые слова: корпоративный стандарт, предприятия реального сектора экономики.

Abstract. This article is devoted to the examination of legal issues related to corporate standardization. Special attention is paid to the current state and characteristics of corporate standards in enterprises of the real sector of the economy.

Keywords: corporate standard, enterprises of the real sector of the economy.

Термин «корпоративный стандарт» не закреплен в российском законодательстве, в российском правовом поле не сформирован строгий понятийный аппарат в области корпоративной стандартизации. Вместе с тем в последние годы набирает оборот практика разработки и внедрения корпоративных стандартов в различные области и сферы деятельности.

В современных условиях особое значение приобретают корпоративные стандарты предприятий реального сектора экономики. Рассмотрим их подробнее.

В разных компаниях порядок разработки корпоративных стандартов может различаться. Такие различия обуславливаются спецификой структуры и деятельности промышленного предприятия. Действующие ГОСТ 1.5-2001 [5] и ГОСТ Р 1.5-2012 [7] ориентированы на оформление межгосударственных и национальных стандартов, однако зачастую используются и при оформлении стандартов компаний. ГОСТ Р 1.4-2004 [8] дает вводную информацию о применении и целях стандар-

тов организаций. Вопрос же с поэтапной разработкой собственных стандартов компаний, подробным описанием данного процесса остается открытым и довольно проблемным. В настоящее время каждое предприятие справляется с этой задачей в силу компетенций своего персонала [6, с. 62, 63]. ГОСТ Р 1.4-2004 ограничивается указанием на то, что порядок разработки, утверждения, учета, изменения и отмены стандартов организаций устанавливается организациями самостоятельно (п. 4.9). С учетом сказанного можно заключить, что существует недостаточность правового регулирования корпоративной стандартизации.

Корпоративные стандарты могут затрагивать вопросы *безопасности*. Проекты таких стандартов подлежат согласованию с государственными контролирующими органами. Так, согласно подп. 4 п. 1 ст. 6 федерального закона от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [13] стандарты организаций, устанавливающие требования пожарной безопасности, подлежат согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на решение задач в области пожарной безопасности, — Министерством РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России). Порядок согласования стандартов организаций, содержащих требования пожарной безопасности, установлен приказом МЧС России от 15 ноября 2022 г. № 1161 [10]. Таким образом, пожарная безопасность объекта защиты может считаться обеспеченной при безусловном выполнении в полном объеме не только требований технического регламента, но и положений стандарта организации [3]. Корпоративные стандарты в этих случаях призваны не только обеспечивать частные интересы компаний, утвердивших такие стандарты, но и содействовать охране публичных интересов практически наравне с национальными и межгосударственными стандартами, связанными с техническими регламентами. И чем полнее и точнее в корпоративных стандартах будут отражены показатели и нормы безопасности, тем более предсказуемой будет минимизация (устранение) возможного

риска причинения вреда (ущерб) при производстве продукции, а также на других этапах ее жизненного цикла.

С недавнего времени в связи с принятием федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 523-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О стандартизации в Российской Федерации”» [9] корпоративные стандарты по инициативе утвердивших их организаций могут регистрироваться в Федеральном информационном фонде стандартов (далее — Фонд), представляющим собой организационно упорядоченную совокупность документов по стандартизации и являющимся государственным информационным ресурсом. Формирование и ведение Фонда организует Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (далее — Росстандарт) (п. 2, 3 Положения о порядке формирования и ведения Федерального информационного фонда стандартов и правилах пользования им, утв. постановлением Правительства РФ от 28 июня 2016 г. № 589) [11]. Решение о регистрации стандарта компании в Фонде принимает Росстандарт с учетом результатов проверки комплекта необходимых документов оператором Фонда — ФГБУ «Российский институт стандартизации». С момента регистрации такого стандарта в Фонде стандарт становится доступным для всех заинтересованных сторон. При этом, как верно отмечают специалисты, статус зарегистрированного стандарта организации повышается до уровня документа национальной системы стандартизации [4, с. 18].

Возможность такой регистрации стандартов компаний следует расценивать как позитивный шаг в развитии национальной экономики. Если национальные и межгосударственные стандарты являются *консервативными категориями нормативных документов*, так как согласно правилам стандартизации они пересматриваются не чаще одного раза в пять лет и процедура внесения в них изменений с целью актуализации сложна и требует временных затрат [1, с. 25], то стандарты компаний — категория весьма подвижная. Во-первых, они предназначены распространять знания о новых или успешно реализуемых методах, процессах, продуктах и т. п. посредством закрепления новых, прогрессивных требований к объектам

стандартизации. Во-вторых, их пересмотр осуществляется самими компаниями по принятым в них срокам и правилам. Первые результаты подачи заявок на регистрацию стандартов организаций свидетельствуют о проявлении интереса со стороны бизнеса к такой регистрации. Так, в 2022 г. в рамках процедуры регистрации была проведена экспертиза проектов стандартов организаций, действующих в области трубопроводной арматуры, железнодорожного транспорта, строительных материалов и изделий, чугуна, проката и металлоизделий, нефтяной и газовой промышленности, металлопродукции из черных металлов и сплавов [4, с. 17].

В последние годы пробивает себе дорогу новое направление в стандартизации — *умные (SMART) стандарты*. Официальная история SMART-стандартизации в России началась в июле 2021 г., когда был образован профильный проектный технический комитет «Умные (SMART) стандарты» (ПТК 711) [2]. Концептуальной основой для подготовки таких стандартов является Предварительный национальный стандарт ПНСТ 864-2023 «Умные (SMART) стандарты. Общие положения» (разработан АО «Информационная компания “Кодекс”», утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 октября 2023 г. № 41-пнст, вступил в силу с 1 февраля 2024 г.) (далее — ПНСТ 864-2023) [11]. SMART-стандарт согласно п. 3.17 ПНСТ 864-2023 представляет собой совокупность данных, содержащихся в документе по стандартизации, представленных в машиночитаемом, машиноинтерпретируемом и машинопонимаемом форматах. Таким образом, данные SMART-стандарта должны быть представлены в особых форматах, могут касаться таких объектов стандартизации, как этапы жизненного цикла продукции, промышленные процессы и услуги, оценка соответствия, промышленная кооперация, поставки, включая автоматизацию закупок и др. Термин «умный» применительно к этому новому типу (SMART) стандартов означает, что содержащиеся в нем данные могут обрабатываться и использоваться не только непосредственно человеком, но и специальными машиноориентированными информационными системами и сервисами.

Особенностями SMART-стандарта является то, что он обладает специфическими видами содержания и информационной структурой, для него характерна особая информационная среда функционирования. Так, *информационная структура* SMART-стандарта должна включать в себя информационные блоки (атрибуты, сопутствующие данные, текст и др.), которые в свою очередь могут состоять из специфических информационных элементов (таблиц, графических изображений 2D, формул, 3D-моделей, видео, аудио, программных исполняемых кодов и т. п.).

На предприятиях реального сектора экономики при помощи SMART-стандартов могут обеспечиваться управление работой датчиков, машин, оборудования, станков; автоматизация проверок выполнения требований нормативных актов; разработка конструкторской документации, проектирование и моделирование продукции. Таким образом, главными разработчиками и пользователями таких корпоративных SMART-стандартов должны выступать промышленные предприятия (их ассоциации и союзы), т. е. крупные экономические игроки, обладающие необходимой материально-технической базой. Появление SMART-стандартов в определенной степени будет способствовать трансформации права, поскольку информационно-технические положения SMART-стандартизации должны получить правовое обоснование.

Литература

1. Блинова А. О разработке стандартов, основанных на патентах // Стандарты и качество. 2023. № 10. С. 24–27.
2. Дмитриева С., Кубишин О., Керимова В. Архитектура и форматы данных в SMART-стандартах: введение // Стандарты и качество. 2024. № 3. С. 34–38.
3. Кохонович А., Новикова А., Варламкина А. Стандарты организаций в области пожарной безопасности // Стандарты и качество. 2023. № 12. С. 56–60.
4. Маковеев Е., Григорьев А. Первые результаты регистрации стандартов организаций и технических условий в Федеральном информационном фонде стандартов // Стандарты и качество. 2023. № 1. С. 16–19.
5. Межгосударственный стандарт ГОСТ 1.5-2001 «Межгосударственная система стандартизации. Стандарты межгосударственные, правила и рекомендации по межгосударственной стандартизации. Общие

- требования к построению, изложению, оформлению, содержанию и обозначению» (введен в действие постановлением Государственного комитета РФ по стандартизации и метрологии от 10 апреля 2002 г. № 145-ст). М., 2023.
6. Мороз А. Разработка стандартов организации. Применение контрольных листов для сбора информации // Стандарты и качество. 2022. № 10. С. 62–66.
 7. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 1.5-2012 «Стандартизация в Российской Федерации. Стандарты национальные. Правила построения, изложения, оформления и обозначения» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 ноября 2012 г. № 1147-ст). М.: Стандартиформ, 2013.
 8. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 1.4-2004 «Стандартизация в Российской Федерации. Стандарты организаций. Общие положения» (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 декабря 2004 г. № 154-ст). М.: ИПК Изд-во стандартов, 2005.
 9. О внесении изменений в федеральный закон «О стандартизации в Российской Федерации»: федер. закон от 30 декабря 2020 г. № 523-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 62.
 10. Официальный интернет-портал правовой информации. 1 декабря 2022 г. № 0001202212010004. URL: pravo.gov.ru
 11. О Федеральном информационном фонде стандартов (с изм. от 26 мая 2021 г.): постановление Правительства РФ от 28 июня 2016 г. № 589 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. 3). Ст. 4489; 2021. № 22. Ст. 3854.
 12. Предварительный национальный стандарт ПНСТ 864-2023 «Умные (SMART) стандарты. Общие положения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 октября 2023 г. № 41-пнст). М.: Российский институт стандартизации, 2023.
 13. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности: федер. закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 1). Ст. 3579; 2024. № 1 (ч. 1). Ст. 46.

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИНВЕСТИЦИЙ И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

О. М. Куницкая

Белорусский государственный университет
доцент кафедры хозяйственного права
кандидат юридических наук, доцент
volhakun@mail.ru

Аннотация. Показаны факторы предоставления мер государственной поддержки осуществления инвестиций, и обозначена направленность правового обеспечения инвестиционной политики.

Ключевые слова: инвестиции; инвестиционный проект, инвестиционный договор; государственная поддержка; преференциальные режимы; инвестиционная политика.

Abstract. The factors for providing measures of state support for investment are shown and the direction of legal support for investment policy is indicated.

Keywords: investments; investment project, investment agreement; governmental support; preferential regimes; investment policy.

Учитывая важность инвестиций для экономики, правовое регулирование инвестиционной сферы приобретает особую направленность, связанную с необходимостью установления наиболее благоприятных условий осуществления инвестиций.

В Республике Беларусь после ликвидации Инвестиционного кодекса от 22 июня 2001 г. № 37-З основным Законом в данной сфере стал Закон Республики Беларусь № 53-З «Об инвестициях» от 12 июля 2013 г. (далее — Закон об инвестициях). В последнее время активизировались процессы по пересмотру его основных положений и внесению изменений и дополнений. Подавляющее их большинство связано именно с решением вышеуказанной задачи. Закон Республики Беларусь от 8 января 2024 г. № 350-З «Об изменении Закона Республики Беларусь “Об инвестициях”» также вносит достаточно большое количество изменений в Закон об инвестициях, касающихся мер государственной поддержки.

В составе принципов осуществления инвестиций появляется новая формулировка наиболее важного принципа —

принципа *преференциальности* осуществления инвестиций — предоставление инвесторам льгот и (или) преференций, иных мер государственной поддержки в зависимости от территории осуществления инвестиций, вида деятельности (сектора экономики) для осуществления инвестиций, объекта осуществления инвестиций, объемов, источников и условий осуществления инвестиций, сроков реализации инвестиционного проекта, иных оснований, определяемых в соответствии с законодательными актами (ст. 5 Закона об инвестициях).

Видится значимым вопрос о правовом регулировании предоставления мер государственной поддержки осуществления инвестиций. Данное предоставление зависит от некоторых факторов, которые определены уже в самом нормативном значении данного принципа, где установлены основания предоставления мер государственной поддержки (территория осуществления инвестиций, вид деятельности (сектор экономики) для осуществления инвестиций, объект осуществления инвестиций, объем, источники и условия осуществления инвестиций, сроки реализации инвестиционного проекта, иные основания).

Представляется, что данные вопросы входят в сферу общественных отношений, связанных с формированием и реализацией государственной инвестиционной политики. Указанные общественные отношения имеют свое правовое обеспечение, сложившуюся совокупность правовых норм, регулирующих данные однородные общественные отношения, составляющую отдельный институт инвестиционного права комплексного характера.

Государство всегда осуществляет инвестиционное регулирование в экономическом секторе *в соответствии с определенной инвестиционной политикой* в области формирования (изменения) отраслевой, а также региональной структуры национального хозяйства с целью обеспечения экономической безопасности экономики и благополучия граждан страны [5, с. 17].

На реализацию инвестиционной политики направлено государственное регулирование как деятельность государства в лице его органов с использованием специальных средств, форм и методов.

Анализ мнений различных авторов относительно государственной инвестиционной политики показывает некоторую их общность, в частности, в вопросе целенаправленности действий со стороны государства. Инвестиционная политика рассматривается как «комплекс целенаправленных действий, проводимых государством по созданию благоприятных условий для всех субъектов хозяйствования с целью наращивания объемов инвестиций, оживления инвестиционной деятельности, подъема экономики, повышения эффективности производства и решения социальных проблем» [3, с. 34], «улучшения деятельности хозяйствующих субъектов, нормализацию экономических процессов в стране, стабильный рост экономики и регулирование социальных вопросов» [4, с. 63], «для создания благоприятных условий всем субъектам хозяйствования с целью оживления инвестиционной деятельности и подъема национальной экономики» [8, с. 120], как «совокупность хозяйственных решений, определяющих основные направления капитальных вложений, меры по их концентрации на решающих участках, от чего зависят достижение плановых темпов развития общественного производства, сбалансированность и эффективность экономики, получение наибольшего прироста продукции и национального дохода на каждый рубль затрат» [7, с. 134]; как «система хозяйственных решений, определяющих объем, структуру и направления долгосрочных вложений (инвестиций) как внутри хозяйствующего объекта, региона, государства, так и за их пределами с целью развития производства, предпринимательства, получения прибыли или других конечных результатов» [6, с. 45]; как «политика вложений, основанная на стремлении инвестора достичь конкретной цели с точки зрения обеспечения надежности, доходности, ликвидности, роста капитала, специфических целей» [2, с. 45].

Также из данных определений следует, что инвестиционная политика — это составная часть экономической политики, проводимая государством (макроуровень) и субъектами хозяйственной деятельности (микроуровень).

По мнению А. В. Белицкой, «государственная инвестиционная политика — это деятельность государственных орга-

нов и общественных институтов по воздействию на рынок инвестиций с целью перераспределения свободного капитала в пользу решения общественно значимых задач, а также по привлечению инвестиций в приоритетные направления развития экономики, установленные в нормативных правовых актах на определенный прогнозный период с учетом баланса частных и публичных интересов» [1, с. 91].

Государство может влиять на инвестиционную активность при помощи самых различных рычагов, включая кредитно-финансовую и налоговую политику, амортизационную политику, научно-техническую политику и др.

Цель инвестиционной политики — реализация стратегического плана экономического и социального развития страны, направленного на оживление инвестиционной деятельности, подъем отечественной экономики и повышение эффективности общественного производства. Задачи инвестиционной политики зависят от поставленной цели и конкретно сложившейся экономической ситуации в стране. К ним относятся выбор и поддержка в развитии отдельных отраслей экономики, обеспечение конкурентоспособности отечественной продукции, поддержка в развитии малого и среднего бизнеса, поддержка в развитии экспортных производств и др. Разработанная и принятая инвестиционная политика не может быть выполнена без источников и методов финансирования инвестиций, определения сроков и выбора органов, ответственных за реализацию инвестиционной политики, создания необходимой нормативно-правовой основы для функционирования рынка инвестиций, создания благоприятных условий для привлечения инвестиций.

Государственная инвестиционная политика является определяющей и находится в тесной взаимосвязи с отраслевой, региональной инвестиционной политикой и политикой отдельных субъектов хозяйствования.

Президент Республики Беларусь в сфере инвестиций определяет единую государственную политику (ст. 9 Закона об инвестициях). Совет Министров Республики Беларусь обеспечивает проведение единой государственной политики (ст. 10 Закона об инвестициях). Республиканский орган госу-

дарственного управления, осуществляющий регулирование и управление в сфере инвестиций, другие республиканские органы государственного управления, иные организации, подчиненные Совету Министров Республики Беларусь, местные исполнительные и распорядительные органы обеспечивают реализацию единой государственной политики в сфере инвестиций в пределах своей компетенции (ст. 11 Закона об инвестициях).

Государственная организация, уполномоченная на представление интересов Республики Беларусь по вопросам привлечения инвестиций в Республику Беларусь, обеспечивает взаимодействие инвесторов с республиканскими органами государственного управления, иными организациями, подчиненными Совету Министров Республики Беларусь, местными исполнительными и распорядительными органами, осуществляет иные полномочия в соответствии с законодательством.

Указанные государственные органы, организации вправе в пределах своей компетенции осуществлять взаимодействие с инвестором по реализации инвестиционного проекта в форме, не запрещенной законодательством, в том числе путем информирования, консультирования, иного предоставления информации, за исключением информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, при обращении инвестора.

Ст. 3 Закона об инвестициях определяет, что порядок и (или) особенности предоставления отдельных льгот и (или) преференций, установленных Законом об инвестициях, могут регулироваться налоговым законодательством, законодательством об охране и использовании земель, в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности.

Совокупность норм данного законодательства составляет отдельные преференциальные режимы, имеющие характер исключительных правовых режимов. В Беларуси функционирует несколько преференциальных режимов по стимулированию высокотехнологичных и направленных на экспорт производств, а также развитию регионов. При этом действующие в стране режимы не подменяют, а взаимно дополняют друг друга. К основным преференциальным режимам отно-

сятся свободные экономические зоны, индустриальный парк «Великий камень», особая экономическая зона «Бремино-Орша»; Парк высоких технологий, средние, малые городские поселения, сельская местность, Оршанский район Витебской области, Юго-восточный регион Могилевской области и др.

Осуществление инвестиций в рамках данных правовых режимов — это прежде всего формы реализации инвестиционных проектов и инвестиционный договор. С внесением изменений и дополнений в Закон об инвестициях (ред. от 8 января 2024 г.) появились преференциальный инвестиционный проект и специальный инвестиционный договор.

Преференциальный инвестиционный проект представляет собой форму реализации инвестиционного проекта, главная особенность которого — упрощенный порядок взаимодействия инвестора и государства без заключения инвестиционного договора, но с предоставлением необходимых льгот и преференций, предусмотренных Законом об инвестициях. Главный критерий для получения статуса преференциального инвестиционного проекта — соответствие приоритетному виду деятельности, перечень которых определяется правительством, а в отдельных случаях на местном уровне — местными органами исполнительной власти. Подтверждением преференциального статуса инвестиционного проекта станет его включение в соответствующий перечень. Инвестор, выбравший такую форму реализации инвестиционного проекта, реализует его без дополнительных согласований и уведомлений, получив необходимую поддержку государства.

Специальный инвестиционный договор, заключаемый на конкурсной основе, является особым видом инвестиционного договора и разработан с учетом аналогичного опыта Российской Федерации. Он призван увеличить степень локализации в производстве и способствовать созданию новых импортозамещающих производств. Главное его условие — организация производства усовершенствованной продукции с возможностью ее последующей реализации государственным предприятиям посредством проведения государственных закупок с применением процедуры закупки из одного источника по фиксированным ценам. То есть государство приобретает про-

изведенные инвестором товары на условиях заранее оговоренного объема и заранее установленных цен, а требования по объему инвестиций будут отсутствовать.

Правом заключения инвестиционных договоров будут обладать республиканские органы государственного управления, подчиненные правительству, Минским горисполком и областные комитеты, Управление делами президента, Оперативно-аналитический центр при президенте. Из полномочий президента выведено определение особенностей заключения инвестиционных договоров, что стало полномочиями правительства. За главой государства сохранено лишь право определения особенностей заключения инвестиционных договоров в отношении недр, а также право устанавливать меры поддержки для реализации инвестиционных проектов, не предусмотренных Законом об инвестициях.

При этом законодатель оставил возможность и для прямого вмешательства главы государства в отношения, регулируемые указанным Законом, в частности, предусмотрено право президента устанавливать особенности правового регулирования отношений, регламентированных Законом, что предполагает возможности для принятия президентом указов и подзаконных актов в случае такой необходимости (п. 2 ст. 9 Закона об инвестициях).

Разнообразие льгот и преференций предоставляется инвесторам в рамках реализации инвестиционного проекта на условиях заключения инвестиционного договора. Сюда включены льготы по налогам и арендной плате за земельные участки, предоставленные в рамках инвестиционных договоров, иные льготы в области земельных отношений, меры господдержки в области архитектурной и строительной деятельности, освобождение от таможенных платежей ввозимого оборудования, а в отдельных случаях — предоставление бюджетной финансовой поддержки (ст. 30–34 Закона об инвестициях).

При этом в случае прекращения инвестиционного договора по основаниям иным, чем исполнение инвестором (инвесторами) и (или) реализующей организацией (при ее наличии) своих обязательств по инвестиционному договору, инвестор (инвесторы) и (или) реализующая организация (при

ее наличии) обязаны возместить суммы льгот и (или) преференций, предоставленных в связи с заключением инвестиционного договора, уплатить таможенные платежи в порядке, определенном международными договорами Республики Беларусь, международно-правовыми актами, составляющими право Евразийского экономического союза, налоговым законодательством, законодательством о таможенном регулировании, уплатить неустойку (штраф, пенью), предусмотренную инвестиционным договором, при условии что такая неустойка (штраф, пеня) не была уплачена в период действия инвестиционного договора.

Предусмотрены особенности реализации и предоставления льгот инвестиционным проектам, имеющим статус преференциальных. Здесь мы видим все тот же перечень льгот и преференций, но в менее широком спектре, чем в случае реализации инвестиционного договора. Не применяется по отношению к преференциальным проектам и предоставление защиты от неблагоприятного изменения налогового законодательства. И, как и в случае с инвестиционными проектами, при исключении проекта из перечня преференциальных по основаниям, отличным от успешной реализации проекта, инвестор может быть обязан возместить предоставленные льготы и преференции (ст. 46–49 Закона об инвестициях).

Специальные инвестиционные договоры предназначены для организации производства новой или усовершенствованной продукции на территории Беларуси в рамках программ импортозамещения. Его особенность — установление предельного объема товара, реализуемого в рамках госзакупок с применением процедуры закупки из одного источника, что позволяет государству заместить недостающие комплектующие иностранного производства, а инвестору — получить заранее согласованный объем реализации произведенной продукции.

Таким образом, создание разнообразия реализации инвестиционных проектов позволяет государству и инвесторам более гибко настраивать формат совместной работы. Упрощенный порядок взаимодействия государства и инвестора предназначен также для стимулирования инвестиционной

активности в регионах. Отсутствие договора позволит сократить время начала реализации инвестиционных проектов, снизить финансовые издержки инвестора, в долгосрочной перспективе увеличить поступления в бюджет и содействовать привлечению инвестиций в регионы страны, в том числе требующие ускоренного экономического развития.

Литература

1. Белицкая А. В. Правовое обеспечение государственной инвестиционной политики: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 618 с.
2. Буглай В. Б. Международные экономические отношения. М.: Финансы и статистика, 2017. 158 с.
3. Деева А. И. Инвестиции. М.: Экзамен, 2014. 320 с.
4. Кругман П. Р. Международная экономика. М.: Юнити, 2003. 800 с.
5. Полихраниди Ю. Д. Формирование экономической политики государства в сфере инвестиционной безопасности: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Краснодар, 2009. 24 с.
6. Рыбалкин В. Е. Международные экономические отношения. М.: Юнити-Дана, 2016. 335 с.
7. Сергеев Н. В. Организация и финансирование инвестиций. М.: Финансы и статистика, 2016. 272 с.
8. Спиридонов И. А. Мировая экономика. М.: Инфра-М, 2011. 256 с.

КАЗАХСТАН, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО И РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ ПО ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ДЕЛАМ

М. А. Сарсембаев

Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан
Отдел международного права и сравнительного правоведения
главный научный сотрудник
доктор юридических наук, профессор
daneker@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена участию Казахстана в разрешении споров по хозяйственным делам в рамках международного частного права с использованием элементов международного публичного права. Источники казахстанского права и международного права по хозяйственно-правовым спорам даны во взаимодействии друг с другом.

Ключевые слова: рыночная экономика, внешнеэкономический спор, компания, международный арбитраж, закон, кодекс, конвенция.

Abstract. This article is devoted to Kazakhstan's participation in the settlement of disputes on economic matters within the framework of private international law using elements of public international law. The sources of Kazakh law and international law on economic and legal disputes are given in cooperation with each other.

Keywords: market economy, foreign economic dispute, company, international arbitration, law, code, convention.

Республика Казахстан стала суверенным, самостоятельным субъектом современного международного частного права с 1 декабря 1991 г. Постоянно по мере становления новой, рыночной экономики укреплялись не только экономические связи внутри страны, но и внешние экономические связи Казахстана с зарубежными государствами. По мере углубления внешних торговых, внешнеэкономических связей с компаниями, предприятиями зарубежных стран становятся неизбежными в тех или иных ситуациях внешнеэкономические споры. Такие споры могут быть разнообразными. Разумеется, также есть споры с учетом тех положений, которые закреплены в договоре (контракте) о торговых отношениях, об оказании услуг, работ. Стороны договора могут закрепить в своем договоре отдельным пунктом, в каких процедурах и в каком государстве будет разрешаться соответствующий спор. Немаловажно и то, будет рассматриваться спор в судебном или арбитражном порядке.

Когда мы ведем разговор о целесообразности проведения арбитражного разбирательства, нужно определиться с иском данного спора. Республика Казахстан сегодня достаточно часто обращает внимание на целесообразность разбирательства и вынесения спора в рамках Стокгольмского арбитражного института. Казахстан исходит из того, что, если ему или его казахстанскому юридическому лицу доведется выиграть спор в Стокгольмском арбитражном суде, благодаря авторитетности данного международного арбитражного органа возникает уверенность в том, что это вынесенное решение будет безусловно реализовано.

Отсюда можно сделать вывод о том, что и Республика Казахстан должна делать все возможное, чтобы материальные и процессуальные нормы казахстанского законодатель-

ства, в том числе по вопросам разрешения внешнеторговых, внешнеэкономических споров, безусловно и безусловно выполнялись. За неисполнение любого закона, кодекса, иного нормативного акта должна быть определена ответственность. Говоря другими словами, казахстанский законодатель должен разработать и принять новые казахстанские законы «О привлечении к ответственности и о назначении безусловного наказания за неиспользование материальных, процессуальных норм в судебном процессе, несмотря на ходатайства участников процесса», «Об уголовной ответственности за нарушение процессуальных норм уголовно-процессуального, гражданско-процессуального и иных кодексов Республики Казахстан».

Я полагаю, что Республика Казахстан и компании Республики Казахстан могут рассчитывать на выигрыши по спорным делам не только и не столько на иностранные юридические фирмы, но и на отечественные юридические фирмы, на юристов-международников — выпускников казахстанских международно-правовых и юридических вузов и факультетов университетов. Такой подход необходим, потому что иностранные юридические фирмы не всегда могут быть в курсе особенностей проблем казахстанского права, особенностей конкретного спора с казахстанской спецификой. И вот здесь самое время, чтобы казахстанские юристы, юристы-международники посвящали зарубежных коллег в особенности казахстанского спора. Такое сотрудничество казахстанских и иностранных юристов будет на пользу в плане разрешения торгового, внешнеторгового спора. Кроме того, эти юристы могут взаимно обогащать друг друга.

Руководители, юристы казахстанских компаний в процессе решения возникших споров внешнеторгового, внешнеэкономического характера должны опираться на казахстанскую правовую основу. В казахстанском правовом поле находятся следующие законы, которые составляют правовую основу Республики Казахстан в отношении решения споров материальными и процессуальными нормами: Закон Республики Казахстан от 8 апреля 2016 г. «Об арбитраже», который призван регулировать «общественные отношения, возни-

кающие в процессе деятельности арбитража на территории Республики Казахстан, а также порядок и условия признания и приведения в исполнение в Казахстане арбитражных решений» [3]; надлежащее регуляторное воздействие на разрешение спорных вопросов, споров по хозяйственным делам оказывает Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 2 ноября 2023 г. № 3 «О некоторых вопросах применения судами арбитражного законодательства».

Казахстанские юристы, задействованные в процессе разрешения международных споров с казахстанской спецификой, должны изучать, знать международные соглашения и конвенции, имеющие отношение к решению международных споров. К этим международно-правовым актам следует отнести Конвенцию Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации, Сингапур, 7 августа 2019 г. [2], Гаагскую Конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или коммерческим делам от 2 июля 2019 г., Нью-Йоркскую Конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г.

Казахстанским юристам не будет лишним знать для начала хотя бы основы английского, французского, германского, шведского права, поскольку в странах, где эти языки используются, действуют международные арбитражные суды, где наряду с нормами международного права действуют нормы местного права, права того или иного государства. Поэтому и нашим юристам надо хорошо знать особенности зарубежного права.

Вступившая 21 октября 2000 г. в силу для Республики Казахстан Вашингтонская Конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами от 18 марта 1965 г. во главу угла ставит Международный центр по урегулированию инвестиционных споров. При этом Конвенция исходит из потребности государств, в том числе Казахстана, «в международном сотрудничестве для экономического развития и значение в этом прямых иностранных инвестиций». Эта Конвенция была разработана

и принята, потому что есть «вероятность того, что время от времени могут возникать споры в связи с прямыми иностранными инвестициями между договаривающимися государствами и лицами других договаривающихся государств». При этом Конвенция признает, что такие споры преимущественно «подчинены национальной процедуре разрешения», тем не менее участники Конвенции убеждены в том, что «в определенных случаях международно-правовые средства могли бы быть применимы». Конвенция исходит из того, что она должна придавать «особое значение доступности международных средств примирения или арбитража, к которым оговаривающиеся государства и лица других договаривающихся государств могли бы прибегнуть, если они того пожелают».

Юристам Казахстана необходимо четко представлять себе статус и деятельность Международного центра по урегулированию инвестиционных споров, закрепленных в положениях ст. 1 анализируемой Конвенции. К цели Центра отнесено обеспечение разрешения «посредством примирения и арбитража инвестиционных споров между договаривающимися государствами и лицами других договаривающихся государств в соответствии с положениями настоящей Конвенции». Ст. 2 рассматриваемой Конвенции гласит, что «местонахождением Центра является штаб-квартира Международного банка реконструкции и развития».

Казахстанские юристы, работающие в государственных органах, компаниях и предприятиях республики, должны обратить внимание на ст. 18, которая говорит о том, что «Центр обладает полной международно-правовой правосубъектностью». Далее эта же статья Конвенции раскрывает правоспособность Центра, которая включает в себя следующие права: «а) заключать договоры; б) приобретать и обладать движимым и недвижимым имуществом; в) устанавливать порядок совершения процессуальных действий». Кроме того, им надлежит знать, что ст. 19 Конвенции закрепляет: «В целях обеспечения исполнения Центром своих функций на территории каждого Договаривающегося государства Центр обладает иммунитетами и привилегиями, устанавливаемыми в настоящем разделе». Ст. 20 Конвенции определяет, что «Центр, его имуще-

ство и активы обладают всеми видами иммунитета, за исключением случаев, когда Центр сам откажется от иммунитета».

Особенно важно то, что ст. 25 Конвенции в компетенцию Центра относит «разрешение правовых споров, возникающих непосредственно из отношений, связанных с инвестициями, между договаривающимся государством (или любым уполномоченным органом договаривающегося государства, о котором сообщено договаривающимся государством Центру и лицом другого договаривающегося государства, при условии наличия письменного согласия участников спора о передаче такого спора для разрешения Центру».

Большое внимание правоведы Казахстана должны обратить на ст. 37, 41, 48, 53 исследуемого международно-правового документа, которые достаточно подробно регулируют порядок учреждения арбитража, решение вопроса о своей компетенции, порядок принятия решений, обязательность решений арбитража для спорящих сторон. Итак, ст. 37 Конвенции говорит о том, что «арбитраж учреждается в кратчайший срок после регистрации заявления». Далее в п. 2 этой же статьи Конвенции утверждается, что «арбитраж состоит из одного или нечетного количества арбитров, назначаемых в соответствии с соглашением сторон». Эта же статья Конвенции предусматривает, что «в случае если стороны не договорились о количестве арбитров и порядке их назначения, а Арбитраж состоит из трех арбитров, по одному из которых назначает каждая из сторон, а третий, являющийся Председателем Арбитража, назначается по соглашению сторон».

Согласно ст. 41 анализируемой Конвенции «арбитраж сам решает вопрос о своей компетенции». Это означает, что «любое заявление стороны, содержащее утверждение о том, что рассмотрение данного спора находится вне компетенции арбитража, должно быть рассмотрено арбитражем, который определит, рассматривать ли такое заявление в качестве предварительного вопроса или в процессе рассмотрения спора по существу». В соответствии с требованиями ст. 48 «арбитраж принимает решения большинством голосов арбитров». Кроме того, эта же статья содержит норму о том, что «решение арбитража совершается в письменной форме и подписывается

арбитрами, голосовавшими за это решение». При этом следует подчеркнуть, что «решение выносится по каждому из вопросов, ставших предметом арбитражного рассмотрения, и должно содержать основания, на которых оно вынесено». В завершение данной статьи записано, каким образом решается вопрос о возможном особом мнении арбитра: «Каждый из арбитров вправе приложить свое личное мнение по поводу вынесенного решения, независимо от того, совпадает ли оно с мнением большинства или нет, а также заявление о своем несогласии с вынесенным решением».

Юристам Казахстана надо иметь в виду, что «решение арбитража является обязывающим для сторон и не подлежит апеллированию или иным способам обжалования, за исключением тех, которые предусмотрены в настоящей Конвенции». При этом «каждая из сторон обязана подчиниться и совершать действия, соответствующие требованиям решения арбитража, за исключением случаев, когда исполнение решения было приостановлено в соответствии с положениями настоящей Конвенции» (ст. 53 Конвенции). Пока Казахстан не имеет споров по инвестиционной тематике. С одной стороны, это хорошо. Это говорит о том, что отношения между зарубежными инвесторами, государственными учреждениями Казахстана, казахстанскими работниками, работающими на предприятиях зарубежных инвесторов, в целом заслуживают неплохой оценки. Чтобы инвестиционные споры не возникали, страна должна соблюдать нормы своего инвестиционного законодательства, заложенные преимущественно в Предпринимательском кодексе Республики Казахстан от 29 октября 2015 г., а также нормы международного инвестиционного права, закрепленные в 50 двусторонних соглашениях Республики Казахстан с иностранными государствами о поощрении и взаимной защите инвестиций [1], в не менее чем пяти международных многосторонних соглашениях по инвестиционным вопросам, участником которых является Республика Казахстан. Вместе с тем в перспективе не исключены инвестиционные споры между Казахстаном и инвесторами иностранных государств. Для того чтобы такие международные инвестиционные споры республики велись на

цивилизованной основе, нужно совершенствовать свое республиканское законодательство по материальным и процессуальным вопросам ведения инвестиционных споров.

Литература

1. Действующие Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций, заключенные Республикой Казахстан (по состоянию на октябрь 2023 года). URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/invest/press/article/details/2297?lang=ru> (дата обращения: 12.06.2024).
2. Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации от 7 августа 2019 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000116> (дата обращения: 14.06.2024).
3. Об арбитраже: закон Республики Казахстан от 8 апреля 2016 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000488> (дата обращения: 15.06.2024).

ПРИНЦИП ОБОСНОВАННОСТИ: ОТ «КОЧАНА» ДО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА «МОТИВИРОВАННОЕ ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Г. Н. Василенко

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин
кандидат юридических наук, доцент
svara1945@gmail.com

Аннотация. Тезисно представлена реакция автора на статью Должикова А., Васильевой А. «Почему? По кочану!»: принцип обоснованности в административном праве», опубликованную в журнале «Сравнительное конституционное обозрение» в 2023 г. (№ 6 (157). С. 33–65). Автором высказываются субъективные критические суждения относительно отдельных положений содержания и выводов в указанной статье.

Ключевые слова: обоснованность, законность, административное право, управление, правовой акт.

Abstract. The author's reaction to the article by Dolzhikov A., Vasilyeva A. "Why? By the head of cabbage!": the principle of validity in administrative law, published in the journal Comparative Constitutional Review in 2023 (La 6 (157). P. 33–65). The author expresses subjective critical judgments

regarding individual provisions of the content and conclusions contained in the said article.

Keywords: validity, legality, administrative law, management, legal act.

Анализируемая статья уважаемых авторов отражает результаты серьезного научного труда, проведенного в рамках сравнительно-правового исследования феномена обоснованности. Заслуживают уважения анализ многочисленных зарубежных источников, оригинальное применение методов научного поиска, глубокое погружение в суть заявленной проблематики. Вместе с тем обращает на себя внимание ряд моментов, вызывающих недоумение, возможно, в силу отсутствия достаточной аргументации или банальной невнимательности автора настоящей статьи.

В аннотации к статье авторы констатируют: «В российской доктрине административного права обоснованность традиционно не разграничивается с законностью».

Позволим себе не согласиться с таким категоричным заявлением.

Если мы рассуждаем в пределах административного права, а именно на эту область знания указывают авторы в названии статьи, то стоит отметить, что в отечественной правовой действительности принцип законности действительно неразрывно связан с обоснованностью, однако их разграничение также очевидно: законность превалирует над обоснованностью, в силу того что решение в рамках правоприменительного акта обосновывается соответствующей нормой права, выбираемой в результате квалификации на основании установленных фактических данных, только так и не иначе. Это касается позитивных и юрисдикционных отношений, а также реализации полномочий в рамках дискреции — они вторичны и ограничены нормой права, читай — закона.

Также можно с уверенностью говорить как о состоявшемся факте о нормативной регламентации принципа обоснованности, без привязки к принципу законности, в положениях ст. 6 федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации».

В части законотворчества наблюдаются аналогичная связь и разграничение обоснованности и законности, где последняя

превалирует над обоснованностью в силу того, что при подготовке законопроекта (административно-правового нормативного акта) всегда готовится обязательное расширенное обоснование.

Особенного внимания заслуживает авторская щепетильность относительно возраста губернатора Калининградской области, уточнение его года рождения в первом же предложении, скорее всего, имеет для авторов какое-то сакральное научное значение, смысл которого для читателя скрыт.

Прямо скажем, сомнительно, если не сказать голословно, выглядит утверждение авторов о том, что описываемый ими эпизод с решением губернатора «подорвал доверие к региональным властям». Следует заметить, что на момент 2017 г. и по сегодняшний день рейтинг доверия губернатору Калининградской области не опускался ниже 20-й позиции.

Кроме того, в интервью, выдержки из которого приводят авторы, глава региона говорит журналисту о том, что уже объяснял ранее свое решение и повторяет обоснование снова. В отсутствие полной записи диалога можно предположить, что, неоднократно получая один и тот же вопрос и отвечая неоднократно на него, губернатор отреагировал вполне естественно, продолжая терпеливо отвечать непонятливому журналисту.

Умело жонглируя философскими коннотациями обоснованности, авторы так и не смогли ответить на вопрос, что это за принцип, каковы его уникальные свойства и значение, при этом, исходя из содержания статьи, остается непонятным, о какой обоснованности авторы ведут речь: обоснованности принятия акта, обоснованности решения внутри этого акта или обоснованности того и другого.

Отдельно упоминая экономическую обоснованность управления, авторы почему-то не обратили внимание на экологическую, социальную, политическую, духовную, образовательную, здравоохранительную и другие «возможные обоснованности». В связи с этим непонятны критерии, определяющие ту обоснованность, которая, по мнению авторов, должна найти отражение в правоприменительной практике Российской Федерации. Интересно было бы посмотреть на реализа-

цию этого принципа комплексно, в реальном документарном акте управления.

В выводах авторов статьи и, возможно, соответствующего сравнительно-правового исследования не содержится никаких предложений относительно использования результатов этой научной работы в отечественной правовой системе, что ставит под сомнение ее целесообразность и подчеркивает описательный характер. Ведь известно, что юридическая компаративистика преследует гносеологическую и практическую цели одновременно.

Из содержания анализируемой статьи не следует, что авторы допускают зеркальность принципа обоснованности — распространения его влияния на действия и решения, адресуемые публичной властью лицами, не наделенными властными полномочиями. Условия общественного договора между государством и обществом одинаково обязательны для обеих его сторон. В связи с этим хотелось бы заметить, что, прежде чем «долго думать» над названием своей статьи, уважаемым авторам следовало бы вспомнить о том, как они тщательно реализовывали принцип обоснованности при формировании своей заявки на участие в соответствующем исследовании, выполненном за счет гранта государственного Российского научного фонда, и, главное, не забыть при этом, в интересах правовой системы какого государства это исследование проводилось.

По нашему скромному мнению, в целом с принципом обоснованности в Российской Федерации ситуация складывается не хуже, чем в юрисдикциях тех стран, которые упоминают авторы статьи, а если допустить у нас откровенно идеалистическую или даже утопическую обязательность обоснования всех управленческих решений публичной властью, то это, с одной стороны, неминуемо усугубит и так широкий простор для бюрократии и волокиты в административных делах, а с другой — парализует работу органов публичной власти, которые, напомним, должны действовать, помимо прочего, оперативно и в ряде случаев, например применения пресекающих административно-правовых мер, незамедлительно.

В заключение напомним, что в рамках федерального закона № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. любой гражданин может обратиться в любой орган публичной власти за разъяснением, если посчитает недостаточным изложенное в управленческом акте обоснование принятого решения, и гарантированно получит на свое обращение ответ в установленный законом срок, а затем, если для этого будут основания и желание, может обжаловать такое решение.

Р. С. Значение слов «мотивированное публичное управление», так же как необходимость позиционирования авторами губернатора Калининградской области как «молодого технократа», придает анализируемой статье флер некой загадочности и недосказанности.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА И РЕАЛИЗАЦИЯ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

А. Б. Кайжакпарова

Институт законодательства и правовой информации
Республики Казахстан
главный научный сотрудник
кандидат юридических наук, доцент
aida_12@mail.ru

Аннотация. Судебная власть обеспечивает верховенство закона, а судья как носитель этой власти должен обеспечивать справедливое судебное разбирательство. И главным условием для этого является независимость судьи. Поэтому все органы и общество, а особенно сама судебная система, должны соблюдать и защищать независимость судей. Всемирной хартией судей (*принята Международной ассоциацией судей в ноябре 1999 г.*) для обеспечения независимости судебной власти предусмотрено создание судейских советов, которые рассматривают вопросы приема, обучения, продвижения, прекращения полномочий и ответственности судей. Поэтому в первую очередь судейские советы должны гарантировать независимость судей. Это будет содействовать повышению эффективности правосудия и укреплению доверия общества к судам. В данной статье проведен анализ казахстанской модели

судейского совета с этапами его развития, а также ролью в формировании судейского корпуса в рамках проводимых судебных реформ.

Ключевые слова: судебная реформа, судейский корпус, судебная власть, Высший Судебный Совет Республики Казахстан.

Abstract. The judiciary ensures the rule of law, and the judge, as the bearer of this power, must ensure a fair trial. And the main condition for this is the independence of the judge. Therefore, all bodies and society, and especially the judicial system itself, must respect and protect the independence of judges. Therefore, all organs and society, and especially the judicial system itself, must respect and protect the independence of judges. The World Charter of Judges (adopted by the International Association of Judges in November 1999) provides for the creation of judicial councils to ensure the independence of the judiciary, which consider issues of admission, training, promotion, termination of powers and responsibility of judges. Therefore, first of all, judicial councils must guarantee the independence of judges. This will contribute to increasing the effectiveness of justice and strengthening public confidence in the courts. This article analyzes the Kazakhstani model of the judicial council, with the stages of its development, as well as the role in the formation of the judicial corps within the framework of ongoing judicial reforms.

Keywords: judicial reform, judicial corps, judicial power, Supreme Judicial Council of the Republic of Kazakhstan.

В Республике Казахстан особое внимание как со стороны руководства страны, так и со стороны общества всегда уделяется вопросам судебной системы. Так, глава государства на Восьмом съезде судей 23 октября 2020 г. отметил, что профессиональный судейский корпус является решающим фактором всех судебных реформ. Вопросами обеспечения судебной системы кадрами в Республике Казахстан наделен Высший Судебный Совет (ВСС, Совет), статус которого определен на уровне Конституции РК, главным назначением которого является обеспечение полномочий главы государства по формированию судов, обеспечению гарантий независимости судей и их неприкосновенности. ВСС с 2016 г. обрел статус автономного государственного учреждения, что соответствует международным стандартам, а также передовому международному опыту. Полномочия Совета с 2016 г. по настоящее время постоянно модернизировались и расширялись. За последние шесть лет на территории Республики Казахстан в рамках проводимой судебной реформы были затронуты главным образом кадровые вопросы.

Становление и развитие Высшего Судебного Совета Казахстана можно разделить на несколько этапов, связанных с периодами конституционного и государственного строительства в Казахстане. На первом этапе (1995–2007 гг.) ВСС обладал статусом консультативно-совещательного органа при президенте Казахстана. Вначале Совет непродолжительное время возглавлял сам глава государства, а с 1998 г. — уже председатель ВСС. Состоял ВСС из руководителей Конституционного Совета, Верховного Суда, генерального прокурора, министра юстиции, депутатов Сената, судей и других лиц, назначаемых президентом Республики.

Совет рассматривал вопросы обеспечения независимости судей, конкурсного отбора и освобождения судей областных судов, отбора по представлению Верховного Суда председателей и председателей коллегий областных судов, судей и председателей коллегий Верховного Суда и их освобождения.

Что касается судей первой инстанции, то наряду с Высшим Судебным Советом существовала Квалификационная коллегия юстиции (вначале была при Министерстве юстиции, затем при Администрации президента), которая занималась приемом экзамена на должность судьи, отбором и освобождением судей и председателей судов первой инстанции (*районные или приравненные суды*).

На втором этапе (2008–2015 гг.) Совет стал учреждением без образования юридического лица, в который входили председатель и другие лица, назначаемые главой государства. На этом же этапе расширились полномочия Совета, поскольку к нему перешли все функции упраздненной Квалификационной коллегии юстиции, связанные с проведением экзамена, отбором и освобождением судей первой инстанции.

На третьем этапе (2016–2017 гг.) Совет стал самостоятельным и автономным органом. И снова задачи Совета были расширены. Совет стал проводить отбор председателей судов первой инстанции уже в конкурсном порядке, а не по представлению Верховного Суда.

Также ВСС передали полномочия по утверждению оценки судьи по итогам первого года работы; рассмотрению жалоб судей на решения Судебного жюри. Такое жюри рассматри-

вало вопросы дисциплинарной ответственности судей и их профессиональной оценки. Наряду с этим претерпел изменения состав ВСС, который наполовину стал состоять из судей *(в том числе были представлены судьи в отставке)*. Кроме того, в состав ВСС вошли по должности председатель Верховного Суда, генеральный прокурор, министр юстиции, руководитель Агентства по делам госслужбы, председатели профильных комитетов Мажилиса и Сената Парламента, а для обеспечения представительства юридической общественности — адвокат и ученый-юрист. Также был создан аппарат Совета, который обеспечивал его работу.

На четвертом этапе (2018–2022 гг.) продолжались укрепление и развитие Совета, а также улучшение системы отбора судей. Начиная с 2019 г. в ведение Совета полностью были переданы кадровый резерв и дисциплинарная ответственность судей, также расширен конкурсный отбор. Кроме того, изменился состав Совета, из которого были исключены судьи в отставке, а также министр юстиции и руководитель уполномоченного органа по делам государственной службы. Исключение представителей государственных органов осуществлено с целью исключения влияния исполнительной ветви власти на отбор судейских кадров. Также с целью обеспечения прозрачности и публичности отбора кадров в судебной системе с 2022 г. был введен институт онлайн-трансляции конкурсных процедур и обязательного опубликования подробных, аргументированных разъяснений по их итогам.

Пятый этап (с 2023 г. по настоящее время) является одним из самых масштабных и кардинальных этапов реформирования ВСС как органа, обеспечивающего конституционные полномочия президента в судебной системе. Так, в марте 2023 г. был принят ряд законодательных поправок, направленных на усиление роли и статуса ВСС как полноценного института с четкими кадровыми функциями, начиная с отбора и заканчивая рекомендациями по назначению судей всех уровней, с передачей в его ведение вопросов подготовки кандидатов в судьи, повышения квалификации, продления предельного возраста, приостановления и прекращения полномочий действующих судей.

Основные направления проведенной в 2023 г. реформы:

- Усиление роли и статуса ВСС и сокращение кадровых полномочий руководства Верховного Суда.

Принятые поправки направлены на дальнейшее усиление статуса Высшего Судебного Совета в качестве полноценного института с четкими кадровыми функциями. Данные законодательные меры являются продолжением мероприятий, реализуемых Советом в этом направлении в последние годы. Высшему Судебному Совету переданы вопросы подготовки кандидатов в судьи, повышения их квалификации, продления предельного возраста, приостановления и прекращения полномочий действующих судей.

В частности, в настоящее время полномочия по переподготовке и повышению квалификации судей осуществляет Академия правосудия при Верховном Суде. В соответствии с принятыми законами Академия правосудия будет передана Совету с 15 июля 2024 г.

Действующим законодательством закреплён институт продления срока пребывания в должности судьи по достижении им пенсионного возраста. Ранее ВСС рассматривал эти вопросы по представлению председателя Верховного Суда. Теперь судьи вправе обращаться с заявлением о продлении им пенсионного возраста напрямую в Совет, минуя руководство Верховного Суда. Такой же механизм предусмотрен и при продлении предельного возраста судей. Данные меры позволят усилить независимость судей.

В компетенцию председателя Высшего Судебного Совета переданы вопросы приостановления полномочий действующих судей. Ранее данное полномочие осуществлялось председателем Верховного Суда. Также в соответствии с принятыми поправками у председателя Верховного Суда исключено право вносить в Высший Судебный Совет представления по вопросам прекращения полномочий действующих судей. Если ранее судьи обращались с заявлением на имя председателя Верховного Суда, то теперь они будут самостоятельно обращаться в Совет.

Кроме того, у председателя Верховного Суда изъяты полномочия по внесению представлений по вопросам внеконкурсного назначения судей. До настоящего времени функции по внеконкурсному назначению реализовывались по представлению председателя Верховного Суда. Такое назначение допускается в случаях реорганизации или упразднения суда, уменьшения числа судей соответствующего суда, а также истечения сроков полномочий председателей судов. Теперь вопросами внеконкурсного назначения будет заниматься непосредственно Совет.

- Привлечение новых кадров.

С целью привлечения в судебную систему квалифицированных и профессиональных кадров закреплено право прохождения кандидатами стажировки после получения рекомендации Высшего Судебного Совета.

Ранее стажировку в судах проходили кандидаты, успешно сдавшие квалификационный экзамен, а после стажировки кандидаты допускались к участию в конкурсном отборе на судейские должности. При этом стажировка осуществлялась с отрывом от основного места работы, что являлось одной из причин отказа от ее прохождения, поскольку кандидат рисковал остаться без работы, не имея никаких гарантий получить рекомендацию о назначении судьей. Теперь же кандидаты наделены правом проходить стажировку после получения соответствующей рекомендации Совета.

Это сделано для удобства кандидатов и более оперативного прохождения ими этапов конкурсного отбора, а также привлечения новых высококвалифицированных кадров в судебную систему.

Помимо этого, определен порядок пересмотра рекомендаций Совета в случае получения кандидатом в судьи отрицательного заключения пленарного заседания суда по итогам стажировки.

Еще одним нововведением является исключение необходимости получения заключения пленарного заседания суда для кандидатов в судьи, такое требование сохраняется лишь

для действующих и бывших судей, при этом заключение необходимо получать только в областном суде по месту работы.

- Внедрение элементов избрания судей и председателей судов.

Кандидатуры на должность судьи Верховного Суда будут рекомендоваться Высшим Судебным Советом главе государства для внесения в Сенат на альтернативной основе. Тем самым Сенату предоставляется возможность выбрать самого достойного не менее чем из двух кандидатов. Это повысит объективность отбора судей Верховного Суда и выборность наиболее достойных кандидатов на уровне Сената.

Наряду с этим определен механизм по внедрению элементов избрания на должности председателей районных судов. Данный механизм предполагает рассмотрение кандидатов на должность судьи районного суда как из числа лиц, состоящих в кадровом резерве, так и лиц, самостоятельно выдвинувших свою кандидатуру. При таком подходе Высшим Судебным Советом будет максимально использован потенциал кадрового резерва на судебские должности.

Ранее отбор кандидатов на должность председателя районного суда осуществлялся на конкурсной основе, при этом приоритет отдавался лицам, состоящим в кадровом резерве. Отмечаем, что приоритетность кадрового резерва сохранилась, но в случае если из числа самовыдвиженцев будет выдвигаться более достойная кандидатура, то приоритет будет отдаваться в пользу такой кандидатуры.

В целом все принятые поправки, направленные на дальнейшее усиление роли Совета и независимости судей, разработаны в рамках реализации поручений главы государства, озвученных в послании народу Казахстана от 1 сентября 2022 г. «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество».

Также судебная реформа затронула и состав ВСС. Так, в настоящее время больше половины состава ВСС составляют действующие судьи, что соответствует требованиям международных стандартов. Кроме того, в 2021 г. из его состава были выведены представители исполнительной власти — министр юстиции и руководитель уполномоченного органа по делам государственной службы.

ВСС состоит из председателя и других лиц, назначаемых президентом Республики Казахстан. Председатель назначается президентом Республики Казахстан с согласия Сената Парламента. Председатель Верховного Суда, генеральный прокурор, председатели соответствующих постоянных комитетов Сената и Мажилиса Парламента являются членами Совета по должности. В состав Совета президентом Республики Казахстан могут быть назначены и другие лица, в том числе ученые-юристы, адвокаты, иностранные эксперты, представители юридической общественности (ст. 4 п. 1 Закона «О ВСС»). Расширенное пленарное заседание Верховного Суда (ВС) избирает кандидатов из числа судей и рекомендует их к назначению президентом РК членами Совета. Кандидатуры судей в состав Совета рассматриваются на расширенном пленарном заседании ВС из числа кандидатов, рекомендованных расширенными пленарными заседаниями областных судов, с учетом обеспечения равного представительства в Совете судей районных и областных судов, а также ВС. Судьи составляют половину членов Совета, что соответствует международным стандартам.

В целях сохранения институциональной памяти и обеспечения преемственности в работе Совета установлен ротационный порядок смены его состава. То есть половина избранных членов Совета меняется каждые полтора года.

В настоящее время Высший Судебный Совет Казахстана — это автономный орган, обеспечивающий независимость и неприкосновенность судей, а также решающий кадровые вопросы судебной системы.

При этом важно отметить принцип недопустимости вмешательства в деятельность Совета при осуществлении им своих полномочий. Но в то же время и Совет не может вмешиваться в отправление правосудия.

Совет осуществляет свою деятельность на принципах независимости, законности, коллегиальности, гласности и беспристрастности.

В Совете также представлены юридическая и научная общественность и адвокатура (представители общественной организации профессиональных юристов, адвокатуры, уче-

ный юрист). При этом все они работают в Совете не на общественных началах (как было раньше), а на постоянной оплачиваемой основе.

Таким образом, осуществляемые в Республике Казахстан судебные реформы послужили основанием для усиления гарантий прав и свобод человека и гражданина, институтов подготовки, отбора, назначения, повышения квалификации и независимости судей, а также совершенствования деятельности Совета в целом.

Литература

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. // ИПС «Әділет». URL: http://10.61.42.188/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 20.03.2024).
2. О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан: конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 г. № 132 // ИПС «Әділет». URL: http://10.61.42.188/rus/docs/Z000000132_ (дата обращения: 20.03.2024).
3. О Высшем Судебном Совете Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 4 декабря 2016 г. 436-V // ИПС «Әділет». URL: <http://10.61.42.188/rus/docs/Z1500000436> (дата обращения: 20.03.2024).
4. О мерах реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 1 сентября 2022 г. «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное государство»: указ Президента Республики Казахстан от 13 сентября 2022 г. № 1008 // ИПС «Әділет». URL: <http://10.61.42.188/rus/docs/U2200001008> (дата обращения: 20.03.2024).
5. О мерах по реализации предвыборной программы Президента Республики Казахстан «Справедливый Казахстан — для всех и для каждого. Сейчас и навсегда»: указ Президента Республики Казахстан от 26 ноября 2023 г. № 2 // ИПС «Әділет». URL: <http://10.61.42.188/rus/docs/U2200000002> (дата обращения: 20.03.2024).
6. Об утверждении положений, предусмотренных Конституционным законом Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан»: указ Президента Республики Казахстан от 26 июня 2001 г. № 643 // ИПС «Әділет». URL: http://10.61.42.188/rus/docs/U010000643_ (дата обращения: 20.03.2024).

АНГЛОСАКСОНСКАЯ МОДЕЛЬ «СЛЕПОГО ТРАСТА» ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ИМУЩЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Е. Б. Абакумова

Новосибирский военный институт
им. генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации
Институт философии и права СО РАН
кандидат юридических наук, доцент
civilization1981@mail.ru

А. В. Комиссаров

Новосибирский военный институт
им. генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент
aleks_kom3172@mail.ru

Аннотация. В работе раскрывается суть модели «слепого траста», разработанная в США в качестве специального инструмента для передачи в доверительное управление отдельных видов имущества публичных служащих с целью предотвращения конфликта интересов. Авторами выявлены основные этапы соответствующей процедуры и показаны ключевые условия использования механизма доверительного управления на примере законодательства штата Западная Вирджиния.

Ключевые слова: антикоррупционное регулирование, доверительное управление, конфликт интересов, слепой траст.

Abstract. The paper reveals the essence of the “blind trust” model, developed in the United States as a special tool for the transfer into trust management of certain types of property of public officials in order to prevent conflicts of interest. The authors identifies the main stages of the relevant procedure and shows the key conditions for the use of the trust management mechanism on the example of the legislation of the state of West Virginia.

Keywords: anticorruption regulation, trust management, conflict of interest, blind trust.

Долгое время в странах англосаксонского права для предотвращения конфликта интересов на публичной службе передача имущества государственных служащих, также как сегодня в нашей стране, осуществлялась с применением договорных форм доверительного управления, принятых в частном праве, что позволяло собственнику получать информацию

о процессе управления и вмешиваться в принятие решений управляющим. Однако постепенно механизм доверительного управления имуществом государственных служащих дополнялся инструментами, позволяющими изолировать имущество от прямого влияния и контроля собственника, обеспечивая прозрачность и недопущение возможных злоупотреблений. Соответствующая «специальная» модель доверительного управления получила название «слепой траст» (Blind Trust).

«Слепой траст» — это механизм, который используется для управления имуществом государственных служащих или политиков без их прямого участия в управлении. Государственный служащий передает свое имущество в доверительное управление независимому доверительному управляющему, который управляет имуществом от его имени без последующих консультаций и разрешений со стороны самого служащего как учредителя управления. При этом исключается любая аффилированность управляющего по критериям родства или свойства, деловых или личных отношений.

Процесс передачи имущества служащего под управление в «слепой траст» обычно включает следующие этапы:

1. Уведомление о намерении учредить «слепой траст»: государственный служащий, который решает учредить доверительное управление, уведомляет соответствующие органы о своем намерении и готовит необходимые документы для передачи имущества.

2. Назначение доверительного управляющего: государственный служащий осуществляет выбор доверительного управляющего, который будет управлять имуществом в рамках «слепого траста». Доверительный управляющий должен быть независимым лицом или организацией, не имеющим связей с государственным служащим.

3. Подписание соглашения о «слепого трасте»: государственный служащий и доверительный управляющий подписывают трастовое соглашение, которое определяет условия управления имуществом, права и обязанности сторон, а также механизмы учета имущественных масс и отчетности.

4. Передача имущества: государственный служащий передает свое имущество в доверительное управление довери-

тельному управляющему. При этом вверяемая в управление имущественная масса, помимо различного вида вещей, может включать финансовые счета, ценные бумаги, недвижимость и другие активы, которые могут создать потенциальный конфликт интересов.

5. Управление имуществом: доверительный управляющий принимает на себя полномочия управления от имени государственного служащего, самостоятельно определяя вопросы о его инвестировании, формах управления и распределении доходов. Государственный служащий по общему правилу не имеет доступа к информации о том, как именно управляется его имущество и с какими результативными показателями.

6. Отчетность и контроль: доверительный управляющий обязан предоставлять отчеты о деятельности «слепого траста» в специализированный орган по этике публичных служащих, включая информацию о доходах, расходах, инвестициях и других операциях. Также обычно предусмотрены механизмы контроля и надзора за деятельностью доверительного управляющего.

В соответствии с упомянутым выше Законом об этике в государственном управлении (EGA) 1978 г. в США возможно установление трастовых договорных отношений по двум основным вариантам, оба из которых относятся к категории «квалифицированных трастов»: «квалифицированный слепой траст» (QBT) и «квалифицированный диверсифицированный траст» (QDT). В целом же особый характер квалифицированных трастов проявляется в возложении на независимого доверительного управляющего абсолютной ответственности за ход управления активами траста без участия или ведома какой-либо заинтересованной стороны или любого представителя заинтересованной стороны, а также последствия такого управления [1, с. 21].

В дополнение к федеральным законам в США некоторые штаты имеют собственные законодательные акты и правила, регулирующие передачу имущества государственных служащих в доверительное управление. Так, например, согласно Кодексу Западной Вирджинии (W. Va. Code Ann. §6B-2-8) квалифицированный «слепой траст» должен соответствовать следующим требованиям [2]:

1. Доверительным управляющим траста может являться организация или лицо, профессионально осуществляющее деятельность доверительного трастового управления. К таким организационно-правовым образованиям могут относиться финансовые учреждения, дипломированные юристы, бухгалтеры, аккредитованные брокеры или инвестиционный консультант. При этом доверительный управляющий:

- независим и не связан с какой-либо заинтересованной стороной, прямо или косвенно вовлеченной или касающейся отношений учрежденного управления;
- не является и не являлся сотрудником какой-либо заинтересованной или потенциально заинтересованной стороны или какого-либо корпоративного субъекта, аффилированного с какой-либо заинтересованной стороной;
- не является и не являлся партнером и/или участником каком-либо совместного предприятия или других инвестиционного проекта с какой-либо заинтересованной или потенциально заинтересованной стороной;
- не является родственником, свойственником какой-либо заинтересованной или потенциально заинтересованной стороны.

2. Любой актив, переданный в траст заинтересованной стороной, свободен от каких-либо ограничений в отношении его передачи или продажи, за исключением случаев, когда такое ограничение прямо одобрено комиссией по этике.

3. Основание, учреждающее траст, должно предусматривать следующее:

- за исключением установленных законом случаев, доверительный управляющий при осуществлении своих полномочий и действуя по своему усмотрению по управлению активами траста не должен получать консультаций от какой-либо заинтересованной стороны, а также осуществлять ее информирование;
- имущество и имущественные права, вверенные в траст, не должны содержать каких-либо активов, владение которыми запрещено заинтересованной стороной в силу действующих нормативных установлений;

- доверительный управляющий обязуется незамедлительно уведомлять комиссию по этике об отчуждении активов, переданных трасту любой заинтересованной стороной;
- траст освобождается от налогообложения, но доверительный управляющий обязан подавать уведомительную налоговую декларацию;
- учредитель или другой бенефициар траста не должен иметь доступа к информации о структуре активов и доходов траста, за исключением отчета в конце каждого календарного квартала в отношении общей денежной стоимости доли заинтересованной стороны в трасте или чистого дохода (а также убытков);
- к категории исключений из общего правила о воздержании трастового управляющего от сообщений и консультаций с любой заинтересованной или потенциально заинтересованной стороной относятся сообщения о необходимости отчуждения первоначально переданного в управление актива, владение которым создает или может создать конфликт интересов; сообщения о действии нормативного акта, который содержит запрет на владение активом заинтересованной стороной; сообщения о распределении денежных средств и общих финансовых интересах учредителя траста;
- заинтересованные стороны трастовых отношений не должны предпринимать действий, направленных на получение информации относительно активов доверительного управления, включая получение копий любых документов, в том числе поданной налоговой декларации или любой информации, относящейся к содержанию правоотношений.

Таким образом, модель «слепого траста», применяемая в некоторых странах общего права, предполагает значительное число условий и требований к процедуре передачи имущества государственных служащих в доверительное управление. Опыт этих стран показал, что только такая усложненная, специализированная форма траста способна снизить остроту проблемы предотвращения конфликта интересов на государственной службе, существенно ограничивая возможности воздействия собственника на управление передаваемыми активами.

Литература

1. Горохова С. С. Использование механизма доверительного управления как способа предотвращения конфликта интересов на государственной службе: опыт США // Юридические исследования. 2022. № 7. С. 21.
2. West Virginia Code. URL: <https://code.wvlegislature.gov/6B-2-8/> (дата обращения: 21.05.2024).

ОБ ОБОСНОВАННОСТИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ

Д. А. Полежаев

Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
аспирант
s0158631@msal.edu.ru

Аннотация. В статье автором уделяется внимание одному из принципов введения обязательных требований — принципу обоснованности обязательных требований, установленному федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». Автором анализируются условия выполнения данного принципа на примере сферы образования, в том числе поднимаются вопросы, ответы на многие из которых будут зависеть от доклада о достижении целей введения обязательных требований в сфере общественных отношений, возникающих в сфере образования, подготовка которого предусматривается в 2024 г.

Ключевые слова: обоснованность, обязательные требования, охраняемые законом ценности, принципы, сфера образования.

Abstract. In the article the author pays attention to one of the principles of introduction of mandatory requirements — the principle of reasonableness of mandatory requirements, established by the Federal Law No. 247-FZ “On Mandatory Requirements in the Russian Federation” dated 31.07.2020. The author analyses the conditions for the implementation of this principle on the example of the education sector, including raising questions, the answers to many of which will depend on the report on the achievement of the goals of the introduction of mandatory requirements in the area of public relations, including the questions that will depend on the report mandatory requirements in the area of public relations arising in the area of education, the preparation of which is envisaged in 2024.

Keywords: reasonableness, mandatory requirements, protected values protected by law, principles, area education.

Необходимость обеспечения защиты предусмотренных законом прав и иных ценностей субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности, снижения в отношении них административной нагрузки обусловили принятие федерального закона об обязательных требованиях [1] и появление института обязательных требований [2]. Указанный федеральный закон определяет, что содержанием обязательных требований являются условия, ограничения, обязанности и запреты. Невооруженным взглядом видно, что речь идет о правилах поведения общеобязательного характера, причем исполнение которых оценивается государством в рамках различных разрешительных, контрольно-надзорных механизмов, привлечения к административной ответственности и иных форм оценки и экспертизы.

По цели обязательные требования вводятся исключительно для защиты жизни, здоровья людей, нравственности, прав и законных интересов граждан и организаций, непричинения вреда (ущерба) животным, растениям, окружающей среде, обороне страны и безопасности государства, объектам культурного наследия, защиты иных охраняемых законом ценностей, следовательно, речь идет о защите публичных интересов (интересов и граждан, и государства).

Поэтому крайне важно соблюдение принципов установления обязательных требований, о которых подробно ранее мы уже говорили [3], и иных условий, предусмотренных федеральным законом об обязательных требованиях. Одним из таких принципов является принцип обоснованности обязательных требований, о нем и пойдет речь в данной статье. Данный принцип раскрывается федеральным законом об обязательных требованиях (ст. 6) через необходимость установления обязательных требований лишь при наличии риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям и с одновременной оценкой возможности и достаточности их установления в качестве мер защиты охраняемых законом ценностей. Для наглядности приведем пример из сферы образования.

Федеральным законом об образовании [4] провозглашаются обеспечение и защита конституционного права граждан

РФ на образование и предусматривается, что за нарушение или незаконное ограничение права на образование и предусмотренных законодательством об образовании прав и свобод обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, нарушение требований к организации и осуществлению образовательной деятельности образовательная организация и ее должностные лица несут административную ответственность в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [5], таким образом, указанными федеральными законами такая ценность, как право на образование, взята под охрану; отмечена возможность нарушения или незаконного ограничения права на образование, а значит, имеется риск причинения вреда (ущерба) указанной ценности.

Соответственно, есть право на образование и иные права и свободы обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, защиту которых необходимо обеспечить посредством установления обязательных требований.

Заметим, что в соответствии с ч. 1 и 3 ст. 2 федерального закона об обязательных требованиях обязательные требования могут быть установлены в том числе федеральными законами, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти.

В этой связи, например, ст. 55 федерального закона об образовании предусмотрены общие требования к приему на обучение в организацию, осуществляющую образовательную деятельность, и, в частности, предусмотрено правовое основание для установления федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования, порядка приема на обучение по основным общеобразовательным программам — указанное правовое основание, по нашему мнению, не что иное, как одно из правовых возможностей установления соответствующих обязательных требований в качестве мер защиты права на образование.

В свою очередь, вышеуказанным федеральным органом исполнительной власти, которым является Минпросвещения России, утвержден Порядок приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования (далее — Порядок № 458) [6].

Согласно п. 14 Порядка № 458 прием в общеобразовательную организацию осуществляется в течение всего учебного года при наличии свободных мест — данная обязанность является для организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования (далее — общеобразовательная организация), обязательным требованием, так как посредством нее, например, обеспечивается защита права на образование от отказа в приеме в организацию на обучение при наличии свободных мест.

К слову, отнесение п. 14 Порядка № 458 к обязательному требованию подтверждается перечнем нормативных правовых актов (их отдельных положений) в сфере общего образования, среднего профессионального образования и соответствующего дополнительного профессионального образования, профессионального обучения, дополнительного образования детей и взрослых, содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется органами государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими переданные полномочия Российской Федерации в сфере образования, в рамках федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования, утвержденным Минпросвещения России по согласованию с Рособрнадзором [7].

Итак, обязательное требование об осуществлении приема в общеобразовательную организацию в течение всего учебного года при наличии свободных мест установлено уполномоченным органом в соответствии с предусмотренным ст. 55 федерального закона об образовании правовым основанием в целях защиты права граждан на образование.

Однако может ли быть указанное требование достаточным в качестве меры защиты права на образование? С нашей точки зрения, данное требование является самодостаточным для защиты права на образование, но только в пределах тех

условий (случаев), которые заложены в этом требовании. Это говорит о том, что могут быть разные случаи незаконного отказа в приеме на обучение, обеспечение защиты от которых должно быть предусмотрено соответствующими обязательными требованиями. В свою очередь, последнее указывает на возможность отнесения обязательных требований к определенным группам в зависимости от общественных отношений, возникающих при приеме на обучение или при организации и осуществлении образовательной деятельности и в других случаях.

Между прочим, ч. 1 ст. 12 федерального закона об обязательных требованиях зафиксирована обязанность федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих нормативно-правовое регулирование в соответствующих сферах общественных отношений (далее — уполномоченный орган), или уполномоченных организаций в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации (далее — Правила оценки применения обязательных требований) [8], готовить доклады о достижении целей введения обязательных требований.

Правила оценки применения обязательных требований предусматривают формирование (с учетом предложений Минюста России) и утверждение Минэкономразвития России плана проведения оценки применения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах, в соответствии с которым уполномоченный орган (уполномоченная организация) готовит и утверждает перечень нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования, применение которых подлежит оценке.

Уполномоченный орган (уполномоченная организация) проводит оценку достижения целей введения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах, представленных в утвержденном перечне, а также целей, указанных в п. 3 Правил оценки применения обязательных требований, и готовит проект доклада, включающий комплексную оценку системы обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах, представленных в утвержденном перечне, по соответствующей сфере общественных отношений.

Надо сказать, что в доклад включаются сведения, в частности, о результатах оценки достижения целей введения обязательных требований для каждого содержащегося в докладе нормативного правового акта. Указанные результаты, в свою очередь, должны содержать в том числе информацию о соблюдении принципов установления и оценки применения обязательных требований, установленных федеральным законом об обязательных требованиях.

И, что также представляется важным, Правила оценки применения обязательных требований позволяют проводить оценку достижения целей введения не только самостоятельных обязательных требований, но и групп обязательных требований.

Соответственно, оценка достижения целей введения группы обязательных требований (если имеется такая группа обязательных требований) — это не только упрощение для уполномоченного органа (уполномоченной организации), выражающееся в проведении такой оценки без рассмотрения каждого входящего в группу обязательного требования в отдельности, но и, в первую очередь, необходимость, предусмотренная законодательством РФ и продиктованная конкретными общественными отношениями, для защиты прав и иных законных ценностей субъектов которых установлена такая группа обязательных требований.

Говоря о риске причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, на устранение которого направлено установление обязательных требований, нельзя не сказать о том, что на основании ч. 3 ст. 6 федерального закона обязательных требованиях оценка наличия такого риска, проводимая федеральным органом исполнительной власти или уполномоченной организацией при разработке проекта нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования, должна основываться на анализе объективной и регулярно собираемой информации об уровне причиненного охраняемым законом ценностям вреда (ущерба) и (или) иной информации применительно к отношениям, при регулировании которых предполагается установление обязательных требований.

Однако вызывает сомнение возможность обеспечить данное условие, и вот почему.

Ранее мы уже говорили, что Минпросвещения России осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования, в свою очередь, функции по нормативно-правовому регулированию в сфере государственной регламентации образовательной деятельности, функции по контролю и надзору в сфере образования осуществляет Росособназор. К тому же следует учитывать, что на основании п. 1 ч. 1 ст. 7 федерального закона об образовании полномочие по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования в отношении организаций, осуществляющих образовательную деятельность, зарегистрированных по месту нахождения (индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных по месту жительства) на территории соответствующего субъекта Российской Федерации, за исключением организаций, указанных в п. 7 ч. 1 ст. 6 федерального закона об образовании, переданы органам государственной власти субъектов Российской Федерации.

Последнее означает, что правоприменительной практикой, а именно информацией об уровне причиненного охраняемым законом ценностям вреда (ущерба), обладают Росособназор и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, которым передано вышеуказанное полномочие по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования (далее — органы контроля). Следовательно, чтобы располагать данной информацией, Минпросвещения России нужно регулярно ее запрашивать у указанных органов. Да, в принципе, такое возможно, но запрос не порождает обязанность органов контроля предоставить запрашиваемую информацию. Помимо этого, с большой долей вероятности, могут возникнуть вопросы, связанные с периодичностью предоставления информации, ее объема и в конечном итоге того, кто будет нести за нее ответственность. В этой связи без соответствующей закреплённой нормы о порядке и сроках сбора такой информации и ее предоставлении — проведение Минпросвещения России оценки риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, на устранение которого направлено установление обязатель-

ных требований, в части анализа объективной и регулярно собираемой информации об уровне причиненного охраняемым законом ценностям вреда (ущерба), представляется сомнительным, а значит, не ведущим к надлежащему, полному выполнению условия, предусмотренного ч. 3 ст. 6 федерального закона об обязательных требованиях.

Следующее, что нам предписывает ст. 6 федерального закона об обязательных требованиях и на что хотелось бы обратить внимание, это то, что обязательные требования должны соответствовать современному уровню развития науки, техники и технологий в соответствующей сфере деятельности, развития национальной экономики и материально-технической базы.

Возьмем, к примеру, порядок № 458, о котором шла речь выше. Одним из требований, установленных Порядком (п. 16) и предъявляемых к государственной или муниципальной общеобразовательной организации, является размещение на своем информационном стенде и официальном сайте в сети Интернет, а также в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» информации о количестве мест в первых классах не позднее десяти календарных дней с момента издания распорядительного акта, указанного в п. 6 Порядка № 458, и о наличии свободных мест в первых классах для приема детей, не проживающих на закрепленной территории, не позднее 5 июля текущего года.

Учитывая, что в данном обязательном требовании идет речь о необходимости использования в том числе федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», имеет место вопрос: насколько обоснованно данное требование?

Ст. 98 федерального закона об образовании предусматривается, что в целях информационного обеспечения управления в системе образования и государственной регламентации образовательной деятельности уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации создаются, формируются и ведутся государственные инфор-

мационные системы, в том числе государственные информационные системы, предусмотренные федеральным законом об образовании.

На сегодняшний день в перечень типовых государственных и муниципальных услуг, предоставляемых исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, государственными учреждениями субъектов Российской Федерации и муниципальными учреждениями, а также органами местного самоуправления, утв. распоряжением Правительства РФ от 18 сентября 2019 г. № 2113-р [9], включена услуга «Прием заявлений о зачислении в государственные и муниципальные образовательные организации субъектов Российской Федерации, реализующие программы общего образования».

Еще в 2021 г. указанная услуга была включена в перечень массовых социально значимых услуг регионального и муниципального уровней, и были утверждены план перевода массовых социально значимых услуг (сервисов) в электронный формат и единые требования по переводу массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронный формат [10].

Как следует из письма Минпросвещения России от 29 марта 2022 г. № АЗ-352/03 [11], в рамках плана перевода массовых социально значимых услуг регионального и муниципального уровней в электронный формат, утвержденного протоколом президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 10 декабря 2021 г. № 44, был разработан по согласованию с Минцифры России и направлен руководителям органов исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющих государственное управление в сфере образования, для учета и использования в работе типовой административный регламент предоставления государственной (муниципальной) услуги «Прием заявлений о зачислении в государственные и муниципальные образовательные организации субъектов Российской Федерации, реализующие программы общего образования», в котором предусматривается размещение информации по вопросам предоставления

указанной услуги, в том числе в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)».

Таким образом, вышеуказанная информация свидетельствует о том, что требование, предусмотренное п. 16 Порядка № 458, как минимум соответствует современному уровню развития технологий в сфере образования.

Надо заметить, что в соответствии с п. 3 Плана проведения оценки применения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах на 2024 г. [12], в 2024 г. предусматривается проведение оценки применения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актов, в рамках общественных отношений, возникающих в сфере образования [13].

Представляется, что ответы на многие вопросы, в том числе касающиеся обоснованности обязательных требований (групп обязательных требований), оценка достижения целей введения которых проводится в 2024 г. в рамках общественных отношений, возникающих в сфере образования, или, наоборот, появление новых вопросов будет зависеть от доклада Минпросвещения России о достижении целей введения обязательных требований (в частности, обязательных требований, содержащихся в Порядке № 458) в сфере общественных отношений, возникающих в сфере образования.

Литература

1. Об обязательных требованиях в РФ: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5006.
2. Ноздрачев А. Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования (Часть 1) // Административное право и процесс. 2022. № 3. С. 19–24.
3. Ноздрачев А. Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования (Часть 2) // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 8–15.
4. Полежаев Д. А. О принципах введения обязательных требований и их оценки применения // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 57–60.
5. Об образовании в РФ: федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

6. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 3 февраля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
7. Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования: приказ Минпросвещения России от 2 сентября 2020 г. № 458 (ред. от 4 марта 2025 г.). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.09.2020)
8. Утвержден Минпросвещения России 17.07.2023 по согласованию с Рособрнадзором // Официальный сайт Минпросвещения России. URL: <http://www.docs.edu.gov.ru/document/179242dd6637f3fb47e973701e0244f9/download/6019/> (дата обращения: 17.05.2024)
9. Правила оценки применения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах, подготовки, рассмотрения доклада о достижении целей введения обязательных требований и принятия решения о продлении срока действия нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования, или о проведении оценки фактического воздействия нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования, утв. постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2454 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 3. Ст. 586.
10. Пункт 49 Перечня типовых государственных и муниципальных услуг, предоставляемых исполнительными органами субъектов РФ, государственными учреждениями субъектов РФ и муниципальными учреждениями, а также органами местного самоуправления, утв. распоряжением Правительства РФ от 18 сентября 2019 г. № 2113-Р // Собрание законодательства РФ. 2019. № 39. Ст. 5457.
11. Протокол Президиума правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 25 июня 2021 г. № 19. URL: <https://xn--c1akhxjc.xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/file/1f97a653446d8651b29418a76c4a2859> (дата обращения: 05.04.2025).
12. О направлении типового административного регламента: письмо Минпросвещения России от 29 марта 2022 г. № А3-352/03 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2025)
13. План проведения оценки применения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах, на 2024 год, утв. Минэкономразвития России 18 августа 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2025).
14. Перечень нормативных правовых актов Министерства просвещения РФ, касающихся общественных отношений, возникающих в сфере образования, содержащих обязательные требования, применение которых подлежит оценке в 2024 году, утв. приказом Минпросвещения России от 24 ноября 2023 № 888 // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <http://www.regulation.gov.ru/regulation/npa/publicview?npaid=142953#> (дата обращения: 17.05.2024).

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГАРМОНИЯ ЧАСТНОГО ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ И ВЫПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ

А. Аманбаева

Карагандинский университет Казпотребсоюза
старший преподаватель
кафедры правового регулирования экономических отношений
магистр права
araika_17_94@mail.ru

Аннотация. В данной статье проведен сравнительный анализ актуальных проблем взыскания и выплаты алиментов в России и Казахстане. Исследование основывается на изучении правовых основ, регулирующих алиментные обязательства, и выявлении основных трудностей, с которыми сталкиваются обе страны. В России и Казахстане имеются схожие правовые механизмы для взыскания алиментов, однако существуют значительные проблемы, такие как массовая неуплата алиментов, неэффективность судебной системы и сложности с учетом неофициальных доходов. Особое внимание уделено сравнительному анализу, выявляющему как общие черты, так и различия в подходах к решению данных проблем в обеих странах. В статье предложены рекомендации по совершенствованию законодательства и улучшению механизмов контроля и исполнения судебных решений, направленные на обеспечение эффективного взыскания алиментов и защиту интересов детей.

Ключевые слова: алименты, алиментное соглашение.

Abstract. This article provides a comparative analysis of the current problems of alimony collection and payment in Russia and Kazakhstan. The study is based on the study of the legal framework governing alimony obligations and the identification of the main difficulties faced by both countries. Russia and Kazakhstan have similar legal mechanisms for collecting alimony, but there are significant problems such as massive non-payment of alimony, inefficiency of the judicial system and difficulties

taking into account unofficial income. Special attention is paid to the comparative analysis, which reveals both common features and differences in approaches to solving these problems in both countries. The article offers recommendations on improving legislation and improving mechanisms for monitoring and enforcement of court decisions aimed at ensuring effective recovery of alimony and protecting the interests of children.

Keywords: alimony, alimony agreement.

В современном обществе особенно актуальны вопросы соблюдения юридических обязательств по выплате алиментов. Данная проблематика имеет важное социально-правовое значение, поскольку непосредственно затрагивает интересы детей, нуждающихся в материальной поддержке, а также интересы родителей, которые обязаны их содержать.

В стране по состоянию на 2024 г. ведется 292 000 исполнительных производств о взыскании алиментов. Из них 12 883 проблематичны. Сумма задолженности равна 14,6 млрд тенге. Из общего количества проблемных алиментов 97,1 % приходится на мужчин, 2,9 % — на женщин, 7882 должника временно ограничены выездом за пределы Республики Казахстан [1].

Взыскание и выплата алиментов являются важной социальной и юридической проблемой, с которой сталкиваются многие страны, включая Россию и Казахстан. Алименты представляют собой обязательные денежные выплаты, которые один из родителей должен выплачивать другому для обеспечения надлежащего ухода за ребенком после развода или раздельного проживания. Алиментные отношения играют важную роль в системе семейного права, обеспечивая материальную поддержку нуждающихся членов семьи, прежде всего детей, после развода или раздельного проживания родителей.

Алиментные отношения — это правовые отношения, возникающие между обязанным лицом (алиментоплательщиком) и получателем алиментов, основанные на обязанности предоставления материального содержания нуждающимся членам семьи. Алиментные обязательства могут возникать между родителями и детьми, супругами и бывшими супругами, а также другими родственниками в случаях, предусмотренных законодательством [2].

В России алиментные отношения регулируются Семейным кодексом Российской Федерации (СК РФ). Основные нормы содержатся в разделе V «Алиментные обязательства членов семьи», который определяет круг лиц, обязанных выплачивать алименты, порядок их взыскания и выплаты, а также права и обязанности сторон [3].

Одним из способов урегулирования алиментных обязательств является заключение соглашения между родителями. Это соглашение должно быть нотариально удостоверено и иметь силу исполнительного документа. Основные этапы включают:

1. Переговоры и согласование условий. Родители договариваются о размере, форме и порядке выплаты алиментов.

2. Заключение соглашения. Соглашение должно быть заключено в письменной форме и удостоверено нотариусом. Стороны могут договориться о фиксированной сумме или доле от доходов алиментоплательщика. Форма выплаты. Алименты могут выплачиваться в денежной или натуральной форме. Сроки и порядок выплаты. Соглашение должно предусматривать порядок и сроки выплаты алиментов.

3. Исполнение соглашения. Если одна из сторон не выполняет условия соглашения, другая сторона может обратиться в суд для принудительного исполнения. Алименты могут выплачиваться на основании соглашения между сторонами. Это соглашение должно быть заключено в письменной форме и нотариально удостоверено. Оно имеет силу исполнительного документа и может включать следующие положения:

Если стороны не могут достичь соглашения, алименты могут быть взысканы через суд. Основные этапы судебного порядка включают:

- Подачу искового заявления. Один из родителей или другой законный представитель ребенка подает исковое заявление в суд.

- Рассмотрение дела в суде. Суд рассматривает дело, принимая во внимание материальное положение сторон и потребности ребенка.

- Вынесение решения. Суд выносит решение о взыскании алиментов, устанавливая их размер, форму и порядок выплаты.

- Исполнение судебного решения. Исполнение решения осуществляется через службу судебных приставов.

Размер алиментов, взыскиваемых через суд, обычно определяется в долях от заработка или иного дохода алиментоплательщика. Согласно СК РФ размер алиментов на одного ребенка составляет 25 % от заработка родителя, на двоих детей — 33 %, на троих и более — 50 %. Суд может изменить эти пропорции в зависимости от конкретных обстоятельств дела [3].

Исполнительное производство начинается после вынесения судебного решения или заключения соглашения об уплате алиментов. Основные этапы включают:

- Возбуждение исполнительного производства: взыскатель подает заявление в службу судебных приставов о возбуждении исполнительного производства.

- Розыск имущества должника: судебный пристав-исполнитель осуществляет розыск имущества и доходов должника.

- Принудительное взыскание: судебный пристав-исполнитель принимает меры по принудительному взысканию алиментов, включая арест имущества и денежных средств должника.

Для обеспечения исполнения алиментных обязательств могут применяться различные меры, включая:

- Арест имущества. Арест имущества должника для последующей его реализации с целью погашения задолженности.

- Запрет на выезд за границу. Временное ограничение на выезд должника за пределы Российской Федерации.

- Удержание из заработной платы. Прямое удержание алиментов из заработной платы или иных доходов должника.

Проблемы:

1. Неуплата алиментов: массовая неуплата алиментов остается острой проблемой. Многие родители уклоняются от своих обязанностей, что приводит к серьезным финансовым трудностям для получателей алиментов.

2. Неэффективность судебной системы: процедура взыскания алиментов через суд может затягиваться, что усложняет получение алиментов вовремя.

3. Укрытие доходов: многие родители работают неофициально или скрывают часть своих доходов, что затрудняет определение реального размера алиментов и их взыскание.

4. Сложности исполнения судебных решений: даже после вынесения судебного решения проблемы с его исполнением могут сохраняться.

Пути решения:

1. Ужесточение наказаний за неуплату алиментов: введение административной и уголовной ответственности за неуплату алиментов, а также ограничение на выезд за границу.

2. Улучшение работы судебной системы: оптимизация процессов рассмотрения дел о взыскании алиментов, чтобы сократить сроки рассмотрения и повысить эффективность работы судов.

3. Усиление контроля за доходами: усиление контроля за финансовыми потоками родителей через налоговые органы и банковские учреждения.

4. Повышение эффективности работы судебных приставов: улучшение работы службы судебных приставов, включая повышение их квалификации, увеличение штата и внедрение современных технологий для отслеживания должников.

Алиментные отношения являются важным элементом семейного права, обеспечивая материальную поддержку нуждающихся членов семьи. В России порядок выплаты и взыскания алиментов регулируется Семейным кодексом и включает как добровольные, так и судебные механизмы. Однако на практике существуют значительные проблемы, такие как неуплата алиментов, неэффективность судебной системы, укрытие доходов и сложности исполнения судебных решений. Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего ужесточение наказаний, улучшение работы судебной системы и служб судебных приставов, усиление контроля за доходами и проведение информационных кампаний. Только такие меры позволят обеспечить надлежащее выполнение алиментных обязательств и защиту интересов детей [3].

В Казахстане правовые основы взыскания алиментов регулируются Кодексом Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье». Основные положения включают:

1. Размер алиментов. Размер алиментов на одного ребенка составляет 25 % от заработка родителя, на двоих детей — 33 %, на троих и более — 50 %.

2. Форма выплаты. Алименты могут выплачиваться в фиксированной денежной сумме или в долях от заработка.

3. Сроки и порядок взыскания. Взыскание алиментов также может быть инициировано в любое время, и суды обязаны рассматривать такие дела в приоритетном порядке [2].

Актуальные проблемы взыскания и выплаты алиментов в Казахстане:

1. Неуплата алиментов. В Казахстане также наблюдается проблема массовой неуплаты алиментов. Многие родители уклоняются от своих обязательств, что создает значительные проблемы для получателей алиментов.

2. Сложности в исполнении судебных решений. Хотя законы и судебные решения существуют, их исполнение часто оказывается сложным и неэффективным. Механизмы контроля и наказания за неуплату алиментов нуждаются в улучшении.

3. Неофициальные доходы. Как и в России, укрытие доходов от налогообложения затрудняет процесс взыскания алиментов, так как многие родители работают неофициально и не показывают реальные доходы.

Как показывает практика, в большинстве случаев заявители лишаются возможности взыскать сумму задолженности за весь период установления алиментных обязательств в связи с халатностью государственных служащих. Так, в соответствии с Кодексом РК «О браке (супружестве) и семье» взыскание алиментов с момента возбуждения исполнительного производства, восстановленного на основании дубликата судебного приказа, осуществляется только в пределах трех лет, предшествующих его представлению. [2].

Для устранения данного противоречия предлагаем внести изменения в вышеуказанную норму Кодекса, а именно установить срок взыскания алиментов на основании исполнительного документа на весь период с момента определения судом обязанности должника по уплате алиментов.

В целях повышения ответственности судебных исполнителей и исключения спорных ситуаций между сторонами исполнительного производства предлагается рассмотреть следующие конкретные меры:

- Определение прямого направления судьей судебного приказа в соответствующий орган юстиции по месту жительства должника, а не на самого взыскателя, как предусмотрено действующим законодательством в Гражданском процессуальном кодексе;
- Предусмотренный законом РК «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» возврат исполнительного документа по алиментному производству не взыскателю, а суду, вынесшему судебный акт [4].

Также в соответствии с Гражданским процессуальным законодательством в настоящее время в судах общей юрисдикции приказ обращает внимание на правоприменительную практику рассмотрения в судах дел, касающихся взыскания алиментов на содержание несовершеннолетних детей, рассматриваемых в процессуальном порядке. По мнению Национального правоохранительного учреждения, дела об алиментах отличаются спецификой, затрагивающей права несовершеннолетнего, и требуют особого подхода при их рассмотрении. В этом контексте было предложено рассмотреть возможность отнесения всех гражданских дел, касающихся этих вопросов, к подсудности ювенальных судов [5].

Еще один важный момент — недостаточная работа в рамках досудебного расследования в отношении должников.

Одной из основных причин прекращения уголовных дел в отношении злостных неплательщиков алиментов остается отсутствие у должника реальной возможности исполнения судебного акта, и данный факт исключает возможность привлечения лица к уголовной ответственности в соответствии с нормативным постановлением Верховного суда «Об ответственности за неисполнение судебных актов» [6].

Обращаем внимание на то, что, с одной стороны, уголовным законодательством установлена ответственность за неуплату алиментов, с другой стороны, вышеуказанное нормативное постановление Верховного суда предусматривает

освобождение должника от такой ответственности. В этой связи в целях обеспечения занятости должника, материального стимулирования его к исполнению алиментных обязательств предложено предусмотреть привлечение должника к оплачиваемым общественным работам в качестве вида наказания.

Важность пропаганды в обществе семейных ценностей, правовых знаний, международных стандартов в этой сфере в целях повышения уровня правосознания, ответственности родителей в обращении; проведения обучающих мероприятий для судебных исполнителей, сотрудников правоохранительных органов на постоянной основе; расширения практики использования института медиации в сфере алиментных споров, проведения разъяснительной работы по процедуре медиации, подготовки профессиональных медиаторов отмечен в этой области.

Некоторые должники специально снижают свой доход, чтобы уменьшить выплаты.

Изменить систему выплаты алиментов в Казахстане предложил председатель правления Республиканской палаты частных судебных исполнителей Ернар Ибраев. Это предложение он внес на круглом столе в докладе на тему «Защита прав граждан в исполнительном производстве, проблемы и пути их решения» [7].

В Казахстане во всех случаях размер алиментов устанавливается в зависимости от заработной платы. Как отметил Ернар Ибраев, такая система существует с 1936 г., тогда уровень доходов всех советских граждан был одинаковым. «Сегодня законодательство позволяет снизить свои доходы и официально установить минимальную заработную плату», — подчеркнул он.

Нехватка средств влияет на качество жизни ребенка. «Порядок получения задолженности от индивидуальных предпринимателей также нарушает права детей. Размер рассчитывается из чистого дохода индивидуального предпринимателя. Такой механизм позволяет должнику ложно увеличить расходную часть, тем самым уменьшая его чистый доход», — сказал Ернар Ибраев [8, с. 76].

Для решения предлагается рассмотреть вопрос взыскания алиментов на законодательном уровне с установлением порога минимального размера в зависимости от прожиточного минимума по модели международной практики.

«В европейских странах алименты взыскиваются в зависимости от уровня дохода должника, возраста и потребностей ребенка. В Швеции, Норвегии и Латвии выплаты достигают 50–70 % от величины прожиточного минимума. В Беларуси, Азербайджане и Узбекистане выплаты зависят от прожиточного минимума» [9].

Также было предложено нормативное регулирование изъятия платежей у индивидуальных предпринимателей, а заинтересованным государственным органам разработать социальную программу по поддержке детей, не получающих алименты: секции, курсы, возможно, льготы вузам по определенным специальностям.

Также проявляется необходимость изменения методики поиска должников по алиментам. Сегодня их ищут по месту регистрации, но они могут жить в других местах.

«Основанием для завершения поиска должника является посменное указание адреса проживания, проверка фактического проживания должника по данному адресу сотрудниками ОВД не проводится».

«При наличии у должника долга по алиментам суды в большинстве случаев принимают ненадлежащие меры в виде штрафов. Такая судебная практика не оказывает должного влияния на сознание и поведение должника, но создает новые судебные акты, которые искусственно не могут быть заведомо исполнены. Если он не платит алименты, он не платит штраф». Новая статья об аресте должника должна быть включена в зависимости от суммы задолженности и периода ее неисполнения.

По данным Центра изучения института семьи Министерства информации и общественного развития РК, в Казахстане должниками по алиментам являются около 222 тыс. человек, их задолженность — более 17 млрд тенге. В этой связи на базе городского научно-методического центра новых технологий в образовании в Алматы по инициативе Комитета по защите

прав детей Министерства образования РК при поддержке Управления образования мегаполиса были обсуждены пути совершенствования механизмов взыскания алиментов и расширения полномочий государственных органов по их истребованию [9].

Как отметила алматинский уполномоченный по правам ребенка, доктор права PhD Халида Ажигулова, умышленная невыплата алиментов влечет серьезные негативные последствия: из-за недостатка материального содержания дети подвергаются буллингу или совершают кражи. «Бывают случаи, когда заявитель не знает ИИН бывшего или гражданского мужа и не может подать иск в суд. Суд возвращает исковое заявление. Или уже есть судебный приказ, но в 5–6 лет женщина не может взыскать алименты с скрывающегося должника. В результате родители вынуждены тратить время на требование алиментов, а не на работу, воспитание и уход за ребенком. В некоторых случаях бывший супруг, устроившись на новую с зарплатой 1 МЗП (70 тыс. тенге), специально освобождается от хорошей работы или считается безработным. Есть должники, которые платят нерегулярные алименты. Поэтому мамам нельзя планировать занятия ребенка в спортивных секциях и платных кружках», — отметила она. [10, с. 89].

Халида Ажигулова отметила необходимость содействия судебным исполнителям в выявлении скрытых доходов должников налоговыми органами и предложила внести изменения в закон «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» по социально значимой категории дел, о которых ранее заявляли гражданские активисты.

Запретить ИП и ТОО третьим лицам, а также родственникам и третьим лицам перерегистрацию имущества со дня назначения алиментов на содержание несовершеннолетних детей или с согласия второго родителя. Следует разрешить опрос родственников по долгу плательщика алиментов, поскольку они часто принимают непосредственное участие в сокрытии доходов должника.

Обязать бабушку и дедушку выплачивать внукам алименты, если есть схема подсчета имущества, перерегистрации бизнеса на их имя. Часто должники по алиментам исполь-

зуют карты и счета своих родственников, чтобы скрыть свои транзакции от судебных приставов, поэтому необходимо разрешить запрашивать информацию о транзакциях по счетам ближайших родственников, а также о ранее принадлежавшем им имуществе. Мы также предлагаем ужесточить наказание для работодателей, которые помогают получателям алиментов скрыть реальный размер заработной платы, снизить его, провести аудиторские и другие проверки за счет государства в интересах детей в организациях, в которых работает получатель алиментов, скрывающий доходы. Запретить работодателям и должникам платить минимальную заработную плату — этим пользуется большинство недобросовестных плательщиков алиментов, отказываясь платить алименты. Сравнительный анализ показывает, что Россия и Казахстан сталкиваются с похожими проблемами в области взыскания и выплаты алиментов. Оба государства имеют сходные правовые базы и сталкиваются с проблемами неуплаты алиментов, неофициальных доходов и недостаточно эффективной судебной системы. Однако в Казахстане наблюдается больше проблем с исполнением судебных решений, в то время как в России больше акцентируется на проблеме уклонения от уплаты алиментов.

В заключение можно отметить, что проблемы взыскания и выплаты алиментов в России и Казахстане требуют комплексного подхода к их решению. Необходимо совершенствовать законодательство, улучшать механизмы контроля и исполнения судебных решений, а также проводить широкомасштабные информационные кампании для повышения осведомленности населения о важности уплаты алиментов. Только комплексный подход позволит обеспечить эффективное взыскание алиментов и защиту интересов детей в обоих государствах.

Литература

1. Жумабекова Ж. Залог денег // Правовая реформа в Казахстане. Алматы, 2024. № 4. С. 72.
2. Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. № 518-IV «О браке (супружестве) и семье».
3. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31 июля 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023).

4. Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей: закон Республики Казахстан от 2 апреля 2010 г. № 261-IV.
5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V ЗРК.
6. Дети не бывают бывшими // Вечерний Алматы. № 56. 04.05.2023.
7. Алиментные права и обязанности членов семьи. М.: Изд-е Тихомирова М. Ю., 2019. 167 с.
8. Глисков А. Г., Забейворота А. И. Алиментные отношения. М.: Феникс, 2020. 192 с.
9. Пергамент А. И. Семейное право. Курс лекций. М.: Юрист. 2020. 235 с.
10. Жусупов А. Т. Алиментные обязательства и их последствия. Алматы, 2019.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЕСХОЗЯЙНОЙ НЕДВИЖИМОЙ ВЕЩИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

К. А. Арыкова

Сибирский федеральный университет
кафедра гражданского права
аспирант
pustogacheva.gorny@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования бесхозяйной недвижимой вещи в Германии, Франции и ряде государств постсоветского пространства. Проведено сравнение гражданского законодательства других стран с законодательством России, в частности, со ст. 225 Гражданского кодекса Российской Федерации. Выделены особенности национального законодательства других стран по вопросам регулирования бесхозяйной недвижимости. Исходя из других правовых порядков сформулированы предложения по изменению российского законодательства.

Ключевые слова: бесхозяйные недвижимые вещи, приобретательная давность, отказ от права, собственность органов местного самоуправления.

Abstract. The article examines the features of the legal regulation of ownerless real estate in Germany, France and a number of post-Soviet states. A comparison was made of the civil legislation of other countries with the legislation of Russia, in particular with Article 225 of the Civil Code of the Russian Federation. The features of the national legislation of other countries on the regulation of ownerless real estate are highlighted. Based on other legal systems, proposals have been formulated to change Russian legislation.

Keywords: ownerless real estate, acquisitive prescription, waiver of right, property of local governments.

Стабильность экономического развития современного государства напрямую зависит от эффективности гражданского оборота. Потому крайне важно обеспечить максимальную вовлеченность объектов гражданских прав в оборот товаров, работ, услуг. Однако существуют объекты гражданских прав, временно вышедшие из оборота, — так называемые бесхозяйные вещи.

В Российской Федерации правовое регулирование бесхозяйных вещей осуществляется в соответствии со ст. 225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1]. Так, в российском праве законодатель выделяет как движимые, так и недвижимые бесхозяйные вещи. Безусловно, наибольшую ценность для оборота имеют именно недвижимые вещи, поэтому своевременный возврат бесхозяйной недвижимости в гражданский оборот приобретает особую актуальность.

Понятие бесхозяйных вещей не является новеллой для российского гражданского права. Еще римскому праву была известна такая категория вещей, как вещи бесхозяйные (*res nullius*), иными словами, ничейные. Приобретение права собственности на такие вещи осуществлялось посредством завладения (*adprehensio*) [2, с. 233]. Упоминание бесхозяйных вещей содержится и в таком памятнике римского права, как Институции Гая: «66. И не только то, что делается нашею собственностью посредством передачи, принадлежит нам по естественному праву, но также и то, что мы приобретаем путем завладения, так как вещи эти были бесхозяйными, как, например, те, которые захватываются на земле (дикие звери), в море (рыбы), или в воздушном пространстве (птицы)» [3, с. 52]. Объектами оккупации по римскому праву могли быть: «(i) предметы дикой природы, как то: птицы, звери, рыбы, раковины из моря, острова, появившиеся в море и т. п.; (ii) вещи врагов; впрочем, земля, захваченная у врагов, становится *ager publicus*; (iii) заброшенные вещи (*res derelictae*), т. е. те, от которых хозяин отказался» [4, с. 256].

Изучение правового регулирования бесхозяйной недвижимости в других правовых порядках позволяет соотнести нормы национального права с нормами других стран, определить

различные подходы, выявить наилучшие практики. Анализ гражданского законодательства ряда государств позволили прийти к следующим выводам.

Относительно зарубежного европейского законодательства необходимо отметить следующее. Как Гражданское уложение Германии [5], так и Гражданский кодекс Франции [6] наиболее полно восприняли правовое регулирование бесхозяйных вещей, установленное еще римским правом. Так, Гражданское уложение Германии в параграфе 958 подраздела 5 «Присвоение» не содержит указания на существование бесхозяйных недвижимых вещей. При этом движимая вещь становится бесхозяйной, если ее собственник прекращает владение вещью с намерением отказаться от права собственности на нее (параграф 959). Также германское законодательство относит к бесхозяйным вещам диких животных, в отдельных случаях прирученных животных и пчелиные рои.

В соответствии со ст. 713 Гражданского кодекса Франции бесхозяйное имущество принадлежит коммуне, на территории которой оно находится. Далее ст. 714, 716 и 717 раскрывают, что существуют вещи, которые не принадлежат никому и которыми могут пользоваться все, а также выделяют такие различные категории бесхозяйных движимых вещей как клад и вещи, выброшенные в море. При этом право охоты и рыбной ловли в соответствии со ст. 715 регулируется специальным законодательством. Исходя из анализа правового регулирования Германии и Франции можно сделать вывод, что данные правовые порядки не выделяют такую правовую категорию, как бесхозяйные недвижимые вещи, и предусматривают особый перечень вещей, относящийся к бесхозяйным движимым вещам.

Российское правовое регулирование бесхозяйных недвижимых вещей и правовое регулирование постсоветских государств имеет множество схожих черт, но при этом существуют и свои национальные особенности.

В российском праве законодатель выделяет три вида бесхозяйных вещей: вещи, которые не имеют собственника, вещи, собственник которых неизвестен, вещи, собственник от которых отказался. Аналогичного подхода придерживаются

такие страны, как Армения [7], Беларусь [8], Казахстан [9], Кыргызстан [10], Таджикистан [11].

При этом гражданское законодательство Узбекистана [12] пошло по другому пути, отойдя от классической триады бесхозяйности. Ст. 191 Гражданского кодекса Узбекистана предусматривает, что бесхозяйной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен. Из бесхозяйных исключена такая категория вещей, как «вещи, собственник от которых отказался».

Интересным является вопрос о предоставлении возможности приобретения права собственности на бесхозяйные вещи в силу приобретательной давности. Такая возможность предоставлена как в российском правовом порядке, так и в правовом порядке Беларуси, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана. При этом в Казахстане предусмотрена возможность приобретательной давности только для движимых вещей, а в Армении — только для недвижимых.

В соответствии с российским законодательством предусмотрена процедура обязательного учета бесхозяйной недвижимости органом, осуществляющим регистрацию права собственности по заявлению органов местного самоуправления, а в городах федерального значения — по заявлению уполномоченных государственных органов. Процедура учета по заявлению органа местного самоуправления предусмотрена в Казахстане, Беларуси, Узбекистане. При этом в Таджикистане установлено, что бесхозные недвижимые вещи принимаются на учет органом, осуществляющим государственную регистрацию недвижимого имущества, по заявлению соответствующего государственного органа. В Кыргызстане предоставлена возможность как органам местного самоуправления, так и соответствующим государственным органам обратиться с заявлением о постановке на учет бесхозяйной недвижимости. Полагаем, что в российском правовом порядке целесообразно предоставить право на обращение в орган регистрации прав с заявлением о постановке на учет бесхозяйной недвижимой вещи в том числе органам государственной власти на территории всех субъектов Российской Федерации, не ограничивая это право городами федерального значения.

Крайне важным является определение возможного круга лиц, которые могут приобрести в собственность бесхозяйные недвижимые вещи. Как правило, это органы местного самоуправления и органы государственной власти, приобретающие право собственности на недвижимость, состоящую на учете в качестве бесхозяйной, и физические и юридические лица, приобретающие право собственности на недвижимые бесхозяйные вещи в порядке приобретательной давности. В странах постсоветского пространства данный вопрос решается по-разному.

Приобретение права государственной собственности, муниципальной собственности и собственности иных лиц в порядке приобретательной давности предусмотрено в Узбекистане и Кыргызстане. Возможность приобретения права государственной собственности и собственности иных лиц в порядке приобретательной давности установлено законодательством Таджикистана. В Беларуси существует возможность приобретения права муниципальной собственности и собственности иных лиц в порядке приобретательной давности. В Казахстане существует возможность приобретения только права муниципальной собственности на бесхозяйные недвижимые вещи. В Армении право собственности приобретается только в порядке приобретательной давности.

В России существует возможность приобретения права муниципальной собственности и права государственной собственности на бесхозяйную недвижимость, находящуюся на территории городов федерального значения, а также права собственности физических и юридических лиц в порядке приобретательной давности. При этом в российском законодательстве в отличие от других правовых порядков существует такая новелла, как сокращенный срок для учета бесхозяйных линейных объектов — три месяца, по истечении которого возможно приобретение права муниципальной собственности или право собственности организации, обязанной осуществлять эксплуатацию данного объекта.

На наш взгляд, наиболее широкий круг лиц, имеющих возможность приобрести право собственности на бесхозяйные недвижимые вещи, позволяет наиболее быстрым спо-

собою вернуть вещи в гражданский оборот. Очевидно, чем больше существует потенциальных собственников на вещь, тем быстрее будет оформлено право собственности. При этом важно законодательно определить приоритетность получения прав во избежание конкуренции.

Одним из дискуссионных вопросов является вопрос об обязанности признания права муниципальной собственности на бесхозяйное имущество органом местного самоуправления. Конструкция правовой нормы, установленной в ст. 225 ГК РФ вызывает множество споров: одни исследователи полагают, что приобретение права собственности — это обязанность органа местного самоуправления, другие — что это право. Данная дискуссия находит свое отражение и в судебной практике, существуют судебные акты, в которых суд воспринимает указанную правовую норму как диспозитивную, в иных случаях данная норма, по мнению судов, является императивной.

Конструкция нормы, предусматривающая диспозитивную возможность для приобретения права собственности, закреплена в гражданском законодательстве Российской Федерации, Беларуси (право коммунальной собственности на бесхозяйную недвижимую вещь может быть признано судом), Узбекистана (орган, уполномоченный управлять государственным имуществом, или орган самоуправления граждан могут обратиться в суд с требованием о признании этой вещи поступившей в государственную собственность или в собственность органа самоуправления граждан), Таджикистана (по истечении одного года со дня поставки бесхозной недвижимой вещи на учет, уполномоченный государственный орган может обратиться в суд с требованием о признании этой вещи государственной собственностью), Кыргызстана (по истечении трех лет со дня постановки бесхозяйной недвижимой вещи на учет орган, уполномоченный управлять государственным или муниципальным имуществом, может обратиться в суд с требованием о признании этой вещи поступившей в государственную или муниципальную собственность).

Императивная норма установлена в ГК Казахстана (местный исполнительный орган обращается в суд с требованием

о признании этой вещи, поступившей в коммунальную собственность).

С учетом различных подходов к решению данного вопроса полагаем необходимым установить однозначную позицию в законе с целью унификации судебной практики и однозначного понимания органами местного самоуправления данной нормы. На наш взгляд, в ГК РФ следует предусмотреть обязанность принимать в муниципальную собственность объекты бесхозяйной недвижимости, но с оговоркой, что данные объекты должны соответствовать целям деятельности органов местного самоуправления, относится к объектам ресурсоснабжения или представлять опасность для жизни и благополучия населения для их последующей возможной передачи специализированным субъектам.

Интересным для рассмотрения являются некоторые особенности национального законодательства ряда государств по сравнению с российским правопорядком.

Так, ч. 3 ст. 242 Гражданского кодекса Казахстана предусмотрено, что порядок учета, хранения, оценки, дальнейшего использования и реализации имущества, поступившего в государственную собственность, определяется Правительством Республики Казахстан. Из этого следует вывод, что бесхозяйная недвижимость может подлежать реализации органом государственной власти.

Также законодательством Казахстана предусмотрена возможность собственника в любое время до возникновения права собственности другого лица на такое имущество обратиться с заявлением о снятии с учета принадлежащей ему недвижимой вещи как бесхозяйной и вновь принять ее в свое фактическое владение.

Кроме того, по ГК Казахстана не могут быть поставлены на учет и переданы в коммунальную собственность бесхозяйные недвижимые вещи, находящиеся у граждан или негосударственных юридических лиц, которые владеют таким имуществом как своим собственным. Следовательно, такие вещи не являются бесхозяйными.

Особенностью Гражданского кодекса Республики Армения является отсутствие указания на порядок учета, предоставле-

ния бесхозной недвижимости в собственность. При этом Гражданский процессуальный кодекс Армении в гл. 30 предусматривает возможность признания бесхозным имуществом только движимого имущества [13].

В Гражданском кодексе Республики Беларусь не регламентирован отзыв отказа от права. Предусмотрено интересное правило в ст. 223, в соответствии с которым если лицо отказалось от сноса самовольной постройки на земельном участке, находящемся в государственной собственности, указанное имущество может быть признано бесхозным и передано в коммунальную собственность (если самовольное строительство осуществлено без нарушения требований градостроительных норм и существенных требований безопасности, или материалов, которые использовались при самовольном строительстве).

В законодательстве Республики Таджикистан употребляется термины «бесхозные» и «бесхозные вещи», при этом они являются равнозначными.

В Республике Кыргызстан установлен наибольший срок по учету бесхозной недвижимой вещи органом, уполномоченным управлять государственным или муниципальным имуществом, который составляет три года. В ГК Кыргызстана также отсутствует процедура отзыва отказа от права собственности.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Несмотря на общий схожий подход к регулированию бесхозных недвижимых вещей, среди стран постсоветского пространства имеются значительные национальные особенности.

Исходя из правопорядков других государств предлагается:

- предусмотреть обязанность по обращению органа местного самоуправления с заявлением в орган по регистрации прав на недвижимое имущество о постановке на учет бесхозной недвижимости и принятию в собственность бесхозных объектов, которые соответствуют либо целям деятельности органов местного самоуправления, либо относятся к объектам ресурсоснабжения, либо представляют опасность для жизни и благополучия населения для их последующей возможной передачи специализированным субъектам;

- предоставить право на обращение в орган регистрации прав с заявлением о постановке на учет бесхозяйной недвижимой вещи в том числе органам государственной власти на территории всех субъектов Российской Федерации, не ограничивая это право городами федерального значения, а также предоставить право указанным органам на обращение бесхозяйной недвижимости в свою собственность.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://online.consultant.ru> (дата обращения: 30.04.2024).
2. Яковлев В. Н. Древнеримское частное право и современное российское гражданское право: учеб. М.: Волтерс Клувер, 2010. 960 с.
3. Памятники римского права: Законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. 608 с.
4. Зайков А. В. Римское частное право в систематическом изложении: учеб. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 480 с.
5. Гражданское уложение Германии (ГТУ) от 18 августа 1896 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.05.2024).
6. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21 марта 1804 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru> (дата обращения: 01.05.2024).
7. Гражданский кодекс Республики Армения // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. URL: http://www.parliament.am/law_docs/050598HO239rus.html?lang=rus (дата обращения: 02.05.2024).
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?gu_id=3871&p0=hk9800218 (дата обращения: 02.05.2024).
9. Гражданский кодекс Республики Казахстан // Информационная система «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1006061&pos=2742 (дата обращения: 02.05.2024).
10. Гражданский кодекс Республики Кыргызстан // Информационная система «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30224035 (дата обращения: 02.05.2024).
11. Гражданский кодекс Республики Таджикистан // Информационная система «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35039815 (дата обращения: 02.05.2024).
12. Гражданский кодекс Республики Узбекистан // Информационная система «Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421270 (дата обращения: 02.05.2024).
13. Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6196&lang=rus> (дата обращения: 02.05.2024).

МЕТАВСЕЛЕННЫЕ: ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

И. З. Аюшеева

Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
доцент кафедры гражданского права
кандидат юридических наук, доцент
aiusheeva@gmail.com

Аннотация. Проблемы определения правового режима метавселенных прежде всего связаны с проблемами определения режима платформы, виртуальной реальности, аватара, аккаунта.

Ключевые слова: метавселенная, цифровая платформа, аватар, дополненная реальность, объекты виртуальной реальности.

Abstract. The problems of determining the legal regime of metaverses are primarily related to the problems of determining the mode of the platform, virtual reality, avatar, account.

Keywords: metaverse, digital platform, avatar, augmented reality, virtual reality objects.

«Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер: 1022040700002-6-5.5.1

В настоящее время широкое распространение получила концепция метавселенных, которая рассматривается в качестве итога развития отношений цифровой платформенной экономики. В условиях развития концепции метавселенных на современном этапе проблема определения их гражданско-правового режима, равно как и режима виртуальных объектов, приобретает большую актуальность. На современном этапе единого понятия метавселенной не было выработано. Обычно под ней понимают объединение физической, дополненной и виртуальной реальности в общем онлайн-пространстве [8]. Метавселенная также рассматривается в качестве цифрового пространства для различных видов деятельности, в рамках которого имитируется личное присутствие пользователя и в котором виртуальные объекты объединяются с физическими вещами и событиями в рамках единой технологической платформы [5, с. 116–117].

Исходя из общепринятых подходов метавселенная неразрывно связана с категориями виртуальной и дополненной реальности. Виртуальная реальность обычно определяется в качестве созданного техническими средствами мира, передаваемого человеку через его ощущения (зрение, слух, осязание и т. п.) [6]. Дополненная реальность — это результат введения в зрительное поле любых сенсорных данных с целью дополнения сведений об окружении и изменения восприятия окружающей среды [7].

Помимо этих категорий, для понимания сути и определения правового режима метавселенной важным также является определение платформы, в том числе технологической платформы, которая является центральной категорией цифровой платформенной экономики, но понятие и правовой режим которой до настоящего времени однозначно не определен ни в законодательстве, ни в доктрине. Безусловно, в связи с тем, что в метавселенной предполагается личное участие субъектов реального мира, важно определить особенности правового режима (или статуса) так называемых их аватаров, поскольку физическое присутствие человека в виртуальном мире в настоящее время не представляется возможным, в связи с чем такое личное участие осуществляется за счет создания аватара и управления им с помощью различных электронных и технических устройств в режиме реального времени. Указанная проблема также влечет за собой необходимость формирования правового режима аккаунта участников гражданских правоотношений в цифровом мире, прежде всего в рамках соответствующих цифровых платформ.

Создание метавселенных является результатом развития отношений цифровой платформенной экономики, однако в действующем отечественном законодательстве не сформирован единый правовой режим платформы, цифровой платформы, не раскрывается и понятие технологической платформы. Чаще всего под технологической платформой имеют в виду коммуникационную площадку для взаимодействия бизнеса, науки, потребителей и государства по вопросам модернизации и научно-технического развития по определенным технологическим направлениям [9]. В Порядке фор-

мирования перечня технологических платформ, который был утвержден решением Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям 3 августа 2010 г., под технологической платформой понимается коммуникационный инструмент, направленный на активизацию усилий по созданию перспективных коммерческих технологий, новых продуктов (услуг), на привлечение дополнительных ресурсов для проведения исследований и разработок на основе участия всех заинтересованных сторон (бизнеса, науки, государства, гражданского общества), совершенствование нормативно-правовой базы в области научно-технологического, инновационного развития. Различные понятия сформированы в действующем законодательстве в отношении агрегаторов информации о товарах (услугах), инвестиционных платформ, платформы цифрового рубля и т. п.

В литературе коммуникационные площадки и платформы определяются как гибридные распределенные пространства перевода и согласования деятельности различных акторов, функционирующих в рамках сетевой культуры цифрового пространства интернета [3, с. 1–11]. Цифровую платформу рассматривают в качестве гибридной структуры (гибрида рынков, фирм, сообществ и технологических систем), которая создает ценность через обеспечение прямого взаимодействия между разными группами пользователей, их называют посредническим институтом [1, с. 22–25].

При этом в федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» есть легальное определение информационной системы как совокупности содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств, оператором которой выступает гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных. Таким образом, цифровая платформа по своей природе является объектом гражданских правоотношений, информационной системой, объединяющей базы данных и технологии их обработки. Соответствующий

субъект (оператор информационной системы) обеспечивает доступ к платформе ее пользователям, которые взаимодействуют между собой, заключая договоры с использованием тех возможностей, которые предоставлены платформой. Таким образом, в рамках платформенной экономики, в том числе в рамках метавселенных неизбежно складывается сложная структура договорных связей, что требует определения особенностей и содержания заключаемых договоров.

В связи с тем, что создание искусственных миров или внесение изменений в существующую действительность связано с интеллектуальной деятельностью, правовой режим метавселенной, как и виртуальной и дополненной реальности, часто определяется через категории права интеллектуальной собственности. Как правило, виртуальная или дополненная реальности создаются на основе разработки компьютерных программ, которые сами по себе признаются объектами авторского права. Внутри указанных миров могут использоваться иные объекты авторского права. Само воспроизведение искусственного мира или дополнение существующей реальности требуют использования соответствующих технических устройств (специального оборудования: очков, джойстиков, иных устройств), а данные объекты могут признаваться объектами патентного права (например, полезные модели, промышленные образцы).

В литературе отмечается, что анализ зарубежной правоприменительной практики позволяет выделить три основных режима охраны технологий виртуальной или дополненной реальности: через механизмы авторского права, патентного права или через товарные знаки [2, с. 90–97; 5, с. 502–523], однако такая позиция является дискуссионной.

Например, в рамках одного из подходов предлагается распространить на виртуальные объекты нормы о вещах, однако, думается, регулирование отношений по поводу объектов виртуальной или дополненной реальности нормами вещного права не соответствует существу рассматриваемых отношений, поскольку такие объекты не обладают физическими свойствами вещи, права на них невозможно осуществить без действий лица, обладающего исключительным правом на соот-

ветствующую компьютерную программу. Кроме того, сложно представить защиту прав в отношении изучаемых объектов с помощью вещно-правовых исков, в частности, виндикационного или негаторного исков. Таким образом, думается, приращение объектам виртуальной, дополненной реальности правового режима вещи не вполне соответствует природе возникающих по поводу указанных объектов правоотношений.

Возможность использования результата творческой деятельности (компьютерной программы) для создания объектов виртуальной, дополненной реальности возможно в рамках лицензионного договора. При этом на объекты, которые были созданы в результате творческой деятельности пользователя платформы, можно признать самостоятельные интеллектуальные права как на результаты интеллектуальной деятельности. Если же указанные объекты, создаваемые пользователями, созданы без приложения творческих усилий, то они не могут считаться результатами интеллектуальной деятельности. Тем не менее, в искусственном мире или в метавселенной, в которой может сочетаться физическая и виртуальная реальность, данные объекты могут принадлежать определенным пользователям, в связи с чем допустимо распространение на указанные объекты режима иного имущественного права, предоставляющего пользователю возможность беспрепятственного доступа к указанному объекту на соответствующей платформе, его использования и защиты от посягательств всяких иных лиц, в том числе от правообладателя компьютерной программы, в рамках которой приобретен или создан соответствующий объект.

Существует позиция, что права в отношении объектов, созданных в метавселенной, могут быть реализованы за счет обладания NFT как цифровым активом [4, с. 26–31], однако в указанном случае остается проблема определения гражданско-правового режима NFT, который также сегодня не определен. При этом, поскольку метавселенная является по своей сути конвергенцией как физической, так и виртуальной реальности, в которой пользователь может осуществлять свою деятельность, очевидно, что многие объекты (например, имущественные права, результаты интеллектуальной деятельности,

нематериальные блага, услуги), которые по своей природе не должны иметь форму предмета материального мира, могут не терять своих свойств и внутри метавселенной.

Не менее сложной является и проблема определения правового режима аватара и аккаунта. В данном случае, думается, одной из главных задач при определении особенностей правового регулирования соответствующих отношений является обеспечение защиты личных неимущественных прав пользователей, их персональных данных, изображения. В то же время нельзя не учитывать возможность формирования имущественных прав в отношении указанных объектов, в связи с чем, вероятно, указанные отношения могут иметь природу личных неимущественных, но связанных с имущественными, отношений.

Литература

1. Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 6. С. 22–25.
2. Гринь Е. С., Королева А. Г. Формирование базовых моделей охраны технологий виртуальной и дополненной реальности в сфере права интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 90–97.
3. Масланов Е. В. Коммуникационные площадки в сети интернет как зоны обмена: возможности и ограничения // Философия и культура. 2020. № 2. С. 1–11.
4. Нигматзянова Д. А. NFT как основа экономики метавселенных // Право и бизнес. 2022. № 4. С. 26–31.
5. Рузакова О. А., Гринь Е. С. Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (VR, AR) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 502–523.
6. Холодная Е. В. О правовой концепции метавселенных // Lex russica. 2024. № 3. С. 116–128.
7. Виртуальная реальность // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Виртуальная_реальность (дата обращения: 03.06.2024).
8. Дополненная реальность // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дополненная_реальность (дата обращения: 03.06.2024).
9. Масленко Д. Что такое метавселенная и почему все о ней говорят // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/61449fa89a7947159f1df418?from=copy> (дата обращения: 03.06.2024).
10. Технологическая платформа // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1649125?ysclid=lvw4cch3nt652830166> (дата обращения: 03.06.2024).

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ООО

Ю. А. Борзенко

ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России»
начальник факультета профессионального обучения
и дополнительного профессионального образования
кандидат юридических наук, доцент
borzenkoua@mail.ru

Е. С. Брылякова

ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России»
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин
кандидат юридических наук, доцент
kots_es@mail.ru

Аннотация. Научная статья посвящена анализу понятия и правовой природы доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. В результате анализа гражданского законодательства и доктринальных суждений авторы статьи делают вывод о формальной неопределенности и динамичности содержательной стороны термина «доля», а также необходимости законодательного закрепления рассматриваемого понятия, предлагая соответствующие изменения в ГК РФ.

Ключевые слова: корпоративные права, доля в уставном капитале.

Abstract. The scientific article is devoted to the analysis of the concept and legal nature of a share in the authorized capital of a limited liability company. As a result of the analysis of civil legislation and doctrinal judgments, the authors of the article conclude about the formal uncertainty and dynamism of the substantive side of the term “share”, as well as the need for legislative consolidation of the concept in question, proposing appropriate changes to the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: corporate rights, share in the authorized capital.

По данным Федеральной налоговой службы России, по состоянию на 1 января 2024 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 2 612 932 коммерческих юридических лиц, среди которых 2 531 194 обществ с ограниченной ответственностью, т. е. более 96 % всех юридических лиц создаются в организационно-правовой форме «общество с ограниченной ответственностью» (далее — ООО) [10], а учитывая, что юридические лица являются основными участниками предпринимательской деятельности, вопросы обеспечения

эффективного перехода прав участников приобретают особую значимость в современных условиях нестабильных экономических реалий.

ООО признается непубличное хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли (п. 1 ст. 87 ГК РФ), объем правомочий участников определяется пропорционально их долям в уставном капитале и может быть предусмотрен уставом, а также корпоративным договором при условии внесения сведений о наличии такого договора и о предусмотренном им объеме правомочий участников общества в единый государственный реестр юридических лиц (абз. 2 п. 1 ст. 66 ГК РФ). Ст. 14 федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) закрепляет, что уставной капитал ООО составляется из номинальной стоимости долей его участников. Размер уставного капитала общества (определенный законодателем минимальный размер имущества, гарантирующего интересы кредиторов ООО) и номинальная стоимость долей участников общества определяются в рублях, а внесение долей может осуществляться деньгами, ценными бумагами, другими вещами или имущественными правами либо иными имеющими денежную оценку правами (ст. 15 Закона об ООО).

Очевидно, что правовая основа ООО изначально обусловлена правом собственности на некое имущество, принципиально обособляемом за данным юридическим лицом. Однако при таком обособлении происходит неизбежная трансформация права собственности в право на долю (долю участия) в ООО, что приводит и к обладанию некими новыми организационно-распорядительными полномочиями в отношении юридического лица, также связанными с обладанием долей.

Между тем следует признать, что понятие доли до настоящего времени остается формально неопределенным и, более того, можно говорить о динамичности содержательной стороны данного термина. Так, А. А. Максуров полагает, что «...для понимания правовой сущности категории “доля” (“доля участия”) в ООО некоторую помощь может оказать историко-правовой подход» [7, с. 4]. А. В. Корягина справедливо отмечает,

что «...генезис правовой сущности исследуемого экономико-правового явления “доля” тесно взаимосвязан с историей корпораций, сформированных как совокупности определенных правовых явлений, представляющих собой и вещи участников, и их права, обязанности» [6, с. 18]. С развитием товарно-денежных отношений еще в Римской империи появился прообраз торгового предприятия, в качестве которого выступил договор товарищества (*societas*), во многом аналогичный современному российскому договору простого товарищества. Изначально новый субъект права не создавался, а в виде «доли участия» выступал определенный договором порядок участия в общих доходах и расходах. Такого рода подход был положен в основу первого субъекта с обособленным имуществом — муниципии — городской общины, а позднее данный принцип формирования нового субъекта права с некими частными интересами был положен и в основу создания частных общин, переродившихся впоследствии же в корпорации [11, с. 48].

В корпорации уже было понятие «доли участия», однако весьма интересным выступает тот факт, что «в зародыше» долей считалась только часть имущества участника в объединении, о связи участника и объединения речи долгое время не шло, а по достижении своих целей такая корпорация распадалась, и каждый из ее участников забирал собственное и, возможно, новое, нажитое корпорацией, имущество пропорционально своему вкладу. Неизменность существования корпорации и допустимость оборота долей появилась только в доктрине декурионов (совокупностей). В эпоху рецессии римского права в XII в. в Германии появляется понятие «кукса» как доли в горных товариществах Германии [12, с. 84].

Российское понимание сущности доли в корпорации также имеет значительную историю. Например, первые упоминания о корпорациях присутствуют уже в «Русской Правде» (в виде «товарищества»), сама же доля (тогда — пай) упоминается в грамоте Великого Новгорода 1417 г., где выделяется отдельное право членов товарищества, возможное к отчуждению, но внутри товарищества. И уже к началу XIX в. в Манифесте императора Александра I о дарованных купечеству новых выгодах упоминается «пай» [2, с. 329]. Таким образом, пони-

мание доли участия в корпорации исторически зависело от двух основных факторов в совокупности: от развития организационно-правовых форм объединения людей и (или) капиталов и от преобладания на определенном историческом этапе, в конкретном обществе и государстве той или иной доктрины юридического лица. Именно от этих факторов влияния «производно» и понимание доли.

Если обратиться к ст. 66.1 ГК РФ, то из п. 1 следует, что «...вкладом участника хозяйственного товарищества или общества могут быть денежные средства, вещи, доли (акции) в уставных (складочных) капиталах других хозяйственных товариществ и обществ, государственные и муниципальные облигации. Таким вкладом также могут быть подлежащие денежной оценке исключительные, иные интеллектуальные права и права по лицензионным договорам, если иное не установлено законом».

То есть, исходя из легальной интерпретации определения понятия «уставной капитал», мы можем говорить о его соотношении с понятием «имущество». При этом понятие «имущество» носит широкое толкование и может включать в себя согласно ст. 128 ГК РФ вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права).

В чем состоит проблема отнесения к категории имущества правомочий, составляющих содержание доли? Ст. 65.1 ГК РФ указывает на корпоративную природу прав правообладателей долей в уставном капитале.

Однако толкование п. 1 ст. 2 ГК РФ не указывает на то, как корпоративные отношения соотносятся с имущественными.

Существующие доктринальные труды не позволяют сформулировать однозначный ответ этот вопрос. Так, Д. В. Ломакин указывает на то, что «...корпоративные и обязательственные отношения имеют разные объекты, содержание, возникают из разных юридических фактов и прекращаются также одновременно и по разным основаниям» [5, с. 350].

Говоря об ООО, следует отметить, что согласно п. 3 ст. 48 ГК РФ оно является юридическим лицом, в отношении которого его участники имеют корпоративные права, а доля участника в уставном капитале ООО представляет собой способ закрепления за лицом определенного объема имущественных и неимущественных прав и обязанностей участников общества (Определение ВАС от 7 сентября 2009 г. № ВАС-11093/09).

Соответственно, доля в уставном капитале ООО может формироваться как из денежного, так и неденежного вклада, но подлежит обязательно денежной оценке. Участники общества не вправе определять денежную оценку неденежного вклада в размере, превышающем сумму оценки, определенную независимым оценщиком.

Подчеркнем, что согласно действующим нормам, «доля участия» законодателем не приравнена ни к имущественным правам, ни к ценным бумагам, ни к вещам в целом, что в свою очередь влечет проблему выбора способа защиты прав участников ООО на долю в уставном капитале ООО [4, с. 79].

Таким образом, из ранее представленных суждений мы можем наблюдать неоднозначность позиции законодателя посредством интерпретации определения понятия доли через призму таких трактовок, как «номинальная стоимость доли», «размер доли», «оплачивать доли в уставном капитале общества» и т. д. Не отличаются единством и теоретические воззрения. Так, например, сторонники концепции обязательственно-правовой природы доли [8, с. 154] исходят из того, что участники ООО передают право собственности на имущество (имущественные права) учрежденному юридическому лицу, а в обмен на это приобретают обязательственные права (права требования). Вместе с тем следует и привести аргументы не в пользу данной концепции: у участников есть такие права, как право участвовать в управлении делами общества, право получать информацию о деятельности общества, что выходит за рамки обязательственных прав.

Если брать за основу вещно-правовую концепцию при определении правовой природы доли, то первоначально внимание обращается на индивидуально-определенные вещи, которые, как верно отмечает Т. А. Мингазов, имеют такие

характеристики, как абсолютный характер; имущественная ценность; материальная форма, т. е. телесный объект [8, с. 154]. При этом доля в уставном капитале ООО имеет только признак имущественной ценности (постановление ФАС УО от 17 декабря 2007 г. по делу № А60-3253/2007-С1).

В этой связи нельзя не упомянуть об имеющейся точке зрения о единой правовой природе акции и доли, т. е. понимании доли в уставном капитале как имущественном праве [1, с. 95], подтверждение которой можно найти и в судебной практике (постановление Президиума ВАС РФ № 5950/11 от 11 октября 2011 г., 7454/12 от 13 декабря 2012 г.). Вместе с тем Закон об ООО наделяет участников такими обязанностями: оплачивать долю (абз. 1 ч. 1 ст. 9 Закона об ООО), не разглашать информацию о деятельности общества, в отношении которой установлено требование об обеспечении ее конфиденциальности (абз. 2 ч. 1 ст. 9 Закона об ООО), известить остальных участников общества и само общество в письменной форме о своем решении продать свою долю или часть доли в уставном капитале общества третьему лицу (ч. 5 ст. 21 Закона об ООО), что ставит под сомнение рассмотренную выше позицию.

Думается, что по этому поводу права Л. А. Новоселова, указывающая, что «...при характеристике доли как объекта права наличие у ее обладателя не только прав, но и обязанностей упускается из виду. В связи с этим определение доли как совокупности имущественных прав, как единое имущественное право не совсем точно...» [9, с. 206].

А. Е. Зорькина и А. Е. Синецкая указывают, что «...членство в корпорации предполагает наличие у участников как имущественных, так и личных неимущественных прав. По своему объему преобладают имущественные права... личные неимущественные права могут быть выражены, в частности, в форме права на участие в голосовании» [3, с. 137].

Таким образом, к сожалению, генезис формирования содержания понятия «доля в корпорации» («доля участия») не привел к формулировке его легитимного определения в законодательстве, и для устранения указанного пробела предлагаем дополнить ГК РФ нормой следующего содержания: «доля — это совокупность организационно-управленческих

прав и имущественных прав, принадлежащих участнику, среди которых основное значение имеют права на участие в управлении обществом и на получение прибыли от его деятельности», — а также указать долю в качестве объекта гражданских прав в ст. 128 ГК РФ.

Литература

1. Добровольский В. И. Анализ и комментарий корпоративного законодательства и судебной практики. М.: Волтерс Клувер, 2007. 464 с.
2. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции: моногр. М.: Волтерс Клувер, 2006. 736 с.
3. Зорькина А. Ю., Синецкая А. Е. Некоторые аспекты наследования корпоративных прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2-2. С. 137–139
4. Камышанский В. П. Некоторые особенности формирования уставного капитала ООО // Актуальные проблемы частноправового регулирования: мат-лы Всерос. IV науч. конф. молодых ученых. Самара, 23–24.04.2004. Самара: Самарский ун-т, 2004. С. 79–81.
5. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2015. 552 с.
6. Корягина А. В. История развития понятия доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 17–22.
7. Максуров А. А. Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ: моногр. М.: Юстицинформ, 2021. 176 с.
8. Мингазов Т. А. Правовая квалификация доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32). С. 154–156.
9. Новоселова Л. А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: сб. ст. М., 2007. С. 206–210.
10. Статистика ФНС России по государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в целом по Российской Федерации. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/13134463/ (дата обращения: 01.05.2024).
11. Суворов Н. С. О юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 48.
12. Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. 294 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРИМЕНЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В СФЕРЕ КУПЛИ-ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОСТИ

З. У. Гасанов

Казанский инновационный университет (им. В. Г. Тимирязова)
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
кандидат юридических наук
gasanov-ksu@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена перспективам развития применения криптовалют в сфере купли-продажи недвижимости.

Автор делает вывод о необходимости правового регулирования криптовалюты и блокчейн-технологий в сфере осуществления сделок с недвижимостью.

Ключевые слова: недвижимость, сделка с недвижимостью, расчеты с недвижимостью, криптовалюты в сфере недвижимости, регулирование обращения криптовалют, платежное средство.

Abstract. The article is devoted to the prospects for the development of the use of cryptocurrencies in the field of purchase and sale of real estate.

The author concludes that there is a need for legal regulation of cryptocurrency and blockchain technologies in the field of real estate transactions.

Keywords: real estate, real estate transaction, real estate settlements, cryptocurrencies in real estate, adjustment of cryptocurrency circulation, means of payment.

В течение 2019–2022 гг. средний объем вычислительных мощностей для майнинга, приходящийся на РФ, составлял 7,2 %, что соответствовало четвертому месту в мире. По данным на 2022 г. [8], Россия владеет 12 % мировых криптовалют и считается важным игроком. Но вот курьез: криптоактивы, криптовалюты и любые операции с ними находятся вне правового поля, просто не существуют для государства. Следовательно, остается одно — теневой сектор.

Однако развитие выпуска криптовалюты в теневом секторе экономики лишает другие экономические субъекты, в первую очередь государство, некоторых возможностей.

Первая криптовалюта под названием Bitcoin, или биткойн, появилась в 2008 г. Однако в России Bitcoin появился в 2009 г. вместе с выпуском первой версии программного обеспечения. Со временем Bitcoin в России получил большую популяр-

ность, как и во многих других странах, спрос на него значительно возрос. Bitcoin стал средством выполнения различных операций, таких как покупка товаров и услуг, инвестирование и отправка денег и др. Однако в России регулирование и отношение к Bitcoin прошло через ряд изменений и дебатов. В начале 2014 г. Банк России опубликовал предупреждение о рисках использования криптовалют, включая Bitcoin, и произнес, что они не являются законным средством платежа в России. В 2017 г. был предложен проект закона, который должен был запретить использование криптовалют в России, однако этот законопроект не стал полностью реализован [1, с. 18–22].

По данным Кембриджского университета [9], с 2019 г. наибольший удельный вес в объеме вычислительных мощностей для майнинга имел Китай, однако в июле и августе 2021 г. его доля сократилась до нуля в результате полного запрета из-за дефицита электроэнергии. Несмотря на это, в сентябре 2021 г. доля Китая в объеме вычислительных мощностей составила 22 %, лидирующую позицию заняли США (28 %), третье место — Казахстан (18 %). Россия занимала пятое место с долей около 5 %.

В последние годы интерес к криптовалютам в России значительно увеличился. Все больше людей и компаний используют и инвестируют в криптовалюты. В связи с этим важно иметь эффективное и прозрачное регулирование, которое будет обеспечивать безопасность и защиту интересов участников рынка.

Банк России активно работает над разработкой регулирующего криптовалюты законодательства. Одной из основных задач банка является обеспечение финансовой стабильности и защита прав потребителей. Он продолжает исследования по вопросам эмиссии, регулирования и надзора над криптовалютами, сфере блокчейн-технологий и цифровых финансовых активов. Блокчейн-технология имеет потенциал изменить различные сферы жизни, включая финансы, логистику, медицину и многое другое. Она обеспечивает прозрачность, безопасность и децентрализацию. Россия активно исследует применение блокчейна в различных отраслях, и регулирование обращения криптовалют является неотъемлемой частью этого процесса.

На практике нет единого подхода к регулированию криптовалют и операций с ними. Полный запрет на любые операции введен в Алжире, Бангладеш, Египте, Ираке, Марокко, Катаре, Китае и Тунисе [11]. Обратная ситуация наблюдается в Сальвадоре и Центральноафриканской Республике. Правительства этих стран распространили на биткоин статус платежного средства, эквивалента национальным валютам [12]. В ряде стран оборот криптовалют не регламентируется действующим законодательством. Европейский союз в течение последних пяти лет активно прорабатывал этот вопрос [7], как результат, в 2024 г. вступит в силу документ, направленный на регулирование рынков криптоактивов, Regulation on Markets in Crypto-Assets (MiCA Regulation) [10].

В целом Россия продолжает разрабатывать и модернизировать свое законодательство в области криптовалют, не перенося исключительно биржевые сделки под юрисдикцию вне территории страны, полагаясь на анализ международной практики и сотрудничество с другими странами. Это создает основу для стабильного и устойчивого развития рынка криптовалют в России. Однако регулирование криптовалют все еще является процессом, который требует дальнейшего совершенствования и адаптации к изменяющимся условиям и технологиям.

Однако развитие выпуска криптовалюты в теневом секторе экономики лишает другие экономические субъекты, в первую очередь государство, некоторых возможностей. Как и в любой сфере, связанной с финансами, существует риск мошенничества и незаконной деятельности в сфере криптовалют. Хорошо разработанное и эффективное регулирование помогает снизить риски и обеспечить защиту пользователей криптовалют. Необходимость защиты от мошенничества и противодействия незаконной деятельности обусловлена тем, что криптовалюты могут быть использованы для мошенничества, отмывания денег и финансирования терроризма. Грамотное правовое регулирование обращения криптовалют помогает предотвратить такую незаконную деятельность и обеспечить безопасность пользователей.

В России также разрабатывается законодательство относительно налогообложения операций с криптовалютами. Действующими правилами установлена обязанность налогового учета при совершении сделок с криптовалютами и уплате соответствующих налогов [3]. Следует отметить, что оборотоспособность криптовалюты в сфере налогового учета и уплаты соответствующих налогов являются предметом дискуссий и требует дополнительного правового регулирования [4, с. 36–40].

Шайдуллина В. Н. рассматривает несколько сценариев правового регулирования оборота криптовалют в РФ, где особое внимание уделяется формированию фундаментальных основ законодательства [6, с. 90–94]. Егорова и Белицкая предлагают признать майнинг видом предпринимательской деятельности для целей налогообложения [2, с. 129–136]. Также отвергается идея признания криптовалюты в качестве бездокументарной ценной бумаги ввиду отсутствия характерных для данного актива эмиссионных этапов.

В России в 2018 г. был принят закон «О цифровых финансовых активах» (известный как «Закон об официальных криптовалютах»), определяющий правовую основу для обращения криптовалют и внедрения блокчейн-технологий. Законом предусматривается возможность для регулирования и надзора криптовалютного рынка в стране, поощряется развитие цифровой экономики и внедрение инновационных решений. Таким образом, Bitcoin присутствует и используется в России, но регулирование обращения криптовалют, включая Bitcoin, продолжает развиваться и совершенствоваться.

Согласно действующему закону цифровые права представляют собой «обязательственные и иные права, содержание и условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам».

По мнению П. Крашениникова, закрепление понятия «цифровое право» в Гражданском кодексе позволит определить его место в системе объектов гражданских прав, допустить оборот этого объекта, в том числе куплю-продажу, а также предо-

ставить защиту гражданам и юридическим лицам по сделкам с цифровыми правами [13].

В судебной практике известны случаи, когда криптовалюту относили к «иному имуществу», которое может быть включено в конкурсную массу должника (например, в деле № А40-124668/2017 о банкротстве физического лица), но также известны случаи, когда цифровую валюту не относили к объектам гражданского права или же рассматривали в качестве имущественных прав.

Совершение сделок купли-продажи недвижимости с расчетами в криптовалюте в России запрещено. «Покупатели, расплачивающиеся криптовалютой за недвижимость, несут высокие риски, в том числе риск отказа Росреестра в регистрации перехода права собственности. По такой сделке невозможно получить имущественный вычет на покупку недвижимости, а также есть риск привлечения к ответственности за нарушение требований 259-ФЗ».

Возникает вопрос: имеется ли легальный, т. е. законный подход?

Автор полагает, что единственный выход для сторон, намеренных совершить сделку купли-продажи недвижимости с оплатой криптовалютой в России, — это заключение договора на покупку недвижимости в рублях с одновременным заключением сделки по продаже криптовалюты (опцион, зачет встречных требований) или покупка недвижимости через криптовалютный фонд (мена).

Пока покупка недвижимости за криптовалюту разрешена лишь в нескольких странах, включая США, Индонезию, Сингапур и Швейцарию. Сделка по покупке жилья за криптовалюту абсолютно безопасна и законна, если она происходит в рамках законодательства страны, где находится недвижимость.

Например, как это происходит в Индонезии. Покупатель заключает договор с продавцом, в котором указан счет компании-продавца на крупнейшей местной криптобирже INDODAX, и переводит туда средства в эквиваленте стоимости в долларах США. Компания, получив криптовалюту, продает ее на бирже и зачисляет себе на счет уже доллары или местную валюту. Продавцу выставляется приходный ордер с подтверж-

дением произведенной оплаты. Сделка проходит так же, как и при оплате через денежный перевод. В данном случае отсутствуют валютный контроль и необходимость подтверждения происхождения средств.

Необходимо четкое определение статуса криптовалюты в России. Так что же такое криптовалюта? По мнению автора, необходимо законодательное закрепление данного термина: криптовалюта — это цифровая или виртуальная форма валюты, которая использует криптографию для обеспечения безопасности транзакций, контроля создания новых единиц и верификации активов.

В ФЗ «О цифровых финансовых активах» есть определение цифровой валюты как платежного средства. Биткоин попадает под это определение, так как он не является фиатной валютой и на практике может быть использован для инвестиций или оплаты товаров и услуг. Однако далее законодатель поясняет, что в РФ цифровая валюта не принимается в качестве встречного предоставления, т. е. не является платежным средством на территории страны, поэтому ее смысл и главная функция теряются. Тогда как криптовалюта имеет ряд преимуществ перед другими платежными способами, такие как децентрализованность, конфиденциальность, безопасность и прозрачность системы пользователей, быстрый срок выполнения платежей, — все это позволяет бороться с существующими несовершенствами банковской системы.

Необходимо отметить, что Россия лидирует в мире по доле теневых криптовалютных операций [5, с. 67–71]. Глобальный подход к регулированию криптовалют поможет избежать «серой» зоны обращения криптовалют. Так как число пользователей криптовалютой неуклонно растет, детальное правовое обозначение термина, признаков, а также способов обращения криптовалют в России послужит средством поддержания устойчивости и стабильности национальной экономики, а также противодействию отмывания денег и финансированию терроризма.

Криптовалюты основаны на технологии блокчейн, которая представляет собой распределенный реестр, где все транзакции записываются и хранятся в виде блоков.

По мнению автора, следует отметить важность правового регулирования криптовалюты и блокчейн-технологий, которые также являются предметом развития цифровой экономики. В связи с этим необходимым представляется разработка нормативной базы, регулирующей оборот финансовых цифровых активов и цифровых валют на территории Российской Федерации.

Разработка законопроекта должна происходить с учетом важного значения цифровой валюты в сфере привлечения иностранных капиталов на территорию России, а также в развитии цифровой экономике государства в целом. В процессе формирования правового поля цифровых финансовых активов и цифровой валюты, на наш взгляд, должен быть проанализирован и опыт других стран, который может быть успешно применен на территории Российской Федерации.

Литература

1. Абрамова Е. Н. К вопросу о соотношении электронных денег и криптовалюты // Конкурентное право. 2019. № 3. С. 18–22.
2. Егорова М. А., Белицкая А. В. Майнинг криптовалюты в России и в мире: понятие и правовое регулирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 4. С. 129–136.
3. Письмо Минфина от 26.09.2019 № 03-04-05/74126, от 20.08.2019 № 03-04-05/63704, от 28.12.2021 № 03-04-05/107093.
4. Токарев С. И. Налогообложение цифровых валют (криптовалют) в условиях отсутствия специального правового регулирования (правового вакуума) // Финансовое право. 2020. № 9. С. 36–40.
5. Ушаков А. Ю., Поздышев Р. С. О правовой регламентации и рисках криптоэкономики // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 2. С. 67–71.
6. Шайдуллина В. Н. Правовое регулирование оборота криптовалюты в Российской Федерации: мнение экспертного сообщества // Теория и практика общественного развития. 2019. № 4(134). С. 90–94.
7. Wronka C. Crypto-asset activities and markets in the European Union: issues, challenges and considerations for regulation, supervision and oversight // Journal of Banking Regulation. 2023.
8. Cryptocurrency regulations by country // Thomson Reuters. 2022. URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/wp-content/uploads/sites/20/2022/04/Cryptos-Report-Compendium-2022.pdf> (дата обращения: 29.05.2024).
9. Cambridge Bitcoin Electricity Consumption Index // Cambridge Centre for Alternative Finance. URL: https://ccaf.io/cbnsi/cbeci/mining_map (дата обращения: 01.06.2024).

10. Markets in Crypto-Assets Regulation (MiCA) // ESMA. 2023. URL: <https://www.esma.europa.eu/esmas-activities/digital-finance-and-innovation/markets-crypto-assets-regulation-mica> (дата обращения: 29.05.2024).
11. Как регулировать майнинг в России? // ЦСР. 2022. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/fe5/is5zwilpf79vf70lrdep9ol7xjck2jiz.pdf> (дата обращения: 25.05.2024).
12. Первая страна Старого Света узаконила биткоин как платежное средство // РБК. 2022. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/62694a859a79470d31cdd903> (дата обращения: 03.06.2024).
13. Сколько всего существует криптовалют. URL: <https://cryptonews.net/ru/news/other/27852176/> (дата обращения: 01.06.2024).

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М. В. Громоздина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
m.v.gromozdina@edu.nsuem.ru

Аннотация. Правовое регулирование семейных отношений с участием супругов, родителей и детей представляется актуальным. Особенно это касается имущественных отношений супругов, возникающих при разделе имущества, а также в случаях, связанных с воспитанием несовершеннолетних детей. Нередко имущественные отношения супругов оказывают влияние на интересы детей, которые не всегда учитываются в нормах действующего законодательства.

Ключевые слова: воспитание, дети, имущественные отношения, интересы детей, раздел имущества, споры между родителями, супруги.

Abstract. The legal regulation of family relations involving spouses, parents and children is relevant. This is especially true of the property relations of spouses that arise during the division of property, as well as in cases related to the upbringing of minor children. Often, the property relations of spouses have an impact on the interests of children, which are not always taken into account in the norms of current legislation.

Keywords: Upbringing, children, property relations, interests of children, division of property, disputes between parents, spouses.

В 2025 г. исполняется 30 лет со дня принятия Семейного кодекса РФ. Это сравнительно небольшой период времени даже для человеческой жизни, потому что не каждого в этом возрасте можно назвать зрелым, мудрым и опытным, а если сравнивать с историей, то вообще ничтожно мал, понимая, что есть Кодекс Наполеона 1804 г., закрепивший многие положения современного семейного права.

Для российского общества эти 30 лет были наполнены новизной и преобразованиями. Россияне узнали про ипотеку, брачный договор, жилищные алименты, алиментные соглашения и соглашения о разделе имущества, раздел долгов и совместное банкротство супругов, а также многое другое, о чем даже не задумывались наши бабушки и дедушки. И вот спустя 30 лет мы снова на рубеже изменений, которые диктует сама жизнь. Супруги не хотят делиться тем, что было «нажито непосильным трудом» одного из них, оплачивать долги, которые не брали и о которых не знали. Судебная практика «изобретает» новые варианты раздела имущества супругов, детально выясняя источники доходов и кто из родителей что кому подарил на свадьбу.

Нужны указания законодателя, который с учетом объективной реальности обозначит новый вектор в имущественных вопросах супругов, как это уже сделали наши китайские друзья. Очень интересные разъяснения по разделу имущества и иным семейным вопросам дал Верховный народный суд Китая, например, что имущество при разделе остается тому из супругов, чьи родители его подарили на свадьбу.

Что касается некоторых актуальных вопросов российского семейного законодательства, то здесь также есть сложности, требующие внесения изменений в Семейный кодекс РФ. В данном случае можно отметить, что имущественные отношения между супругами в контексте раздела имущества или изменения долей в общем имуществе уже на протяжении длительного времени вызывают дискуссию у ученых, а правоприменительная деятельность имеет новые тенденции в разрешении таких споров, в то время как споры, связанные с воспитанием детей, находятся в состоянии стагнации, несмотря на очевидную необходимость «что-то менять». Рассмотрим

некоторые дискуссионные моменты и возможность внесения изменений в Семейный кодекс РФ.

Вопрос относительно равенства прав и обязанностей родителей независимо от факта определения места жительства ребенка с одним из родителей и порядка общения с ребенком отдельно проживающего родителя очень непростой и актуальный, но при этом требующий изменения родительских статусов. Несмотря на то что аналогичные предложения уже были предметом рассмотрения в начале 2000-х гг., следует отметить, что внесенные поправки в ст. 65, 66 СК РФ об обеспечительных мерах в определенной степени улучшили ситуацию, связанную с разрешением судами споров о детях на момент рассмотрения дела в суде, но принципиально не решен вопрос о роли отдельно проживающего родителя, который формально наделен равным объемом прав с родителем, с которым проживает ребенок.

Таким образом, существующая правовая неопределенность при очевидных неравных статусах родителей не разрешает спор между родителями, а всего лишь создает иллюзию его завершенности.

Наделение родителей разными статусами (что уже имеется) и закрепление разного объема прав за каждым направлено на создание объективных предпосылок для добросовестного осуществления родительских прав и предотвращение ситуаций, связанных с похищением детей родителями друг у друга. В связи с этим необходимо закрепить право единоличного и совместного осуществления родительских прав и обязанностей и внести изменения в ст. 61, 65, 66 Семейного кодекса РФ. Как сказано Е. Г. Комиссаровой относительно родительских прав и дискуссии по вопросу об их абсолютности, «это не права на ребенка, созданное нормами объективного права нормативное пространство для покровительства и заботы о нем» [4].

Вопрос относительно определения того, какое имущество подлежит передаче каждому из супругов, включая денежные средства, находящиеся на банковских счетах и долги, представляет собой наиболее частый вид исковых требований при разделе имущества. При этом следует учитывать, каким обра-

зом были накоплены и потрачены денежные средства, а также кем и для чего были взяты кредиты (займы) — единолично одним из супругов на личные нужды или на нужды семьи, а также в какой период.

Споры о разделе денежных средств на счетах особо актуальны в ситуациях, когда один из супругов не имеет самостоятельного дохода, в том числе без уважительных причин, но претендует на получение половины от всего имущества, приобретенного в браке. В таких случаях необходимо устанавливать источник накопления денежных средств и учитывать цели расходования денежных средств. Подобные проблемы возникают не только у российских супругов, это вполне распространенная международная практика.

Например, Гражданский кодекс Японии (ст. 761) также содержит нормы об ответственности супругов по общим долгам, устанавливая солидарную ответственность, но при этом отмечает, что третье лицо, принимавшее участие в сделке, должно быть уведомлено о несогласии второго супруга на совершение сделки [3].

Необходимо пересмотреть положения ст. 38 СК РФ и внести изменения по аналогии со ст. 45 СК РФ, установив, что денежные средства, потраченные одним из супругов на нужды семьи как в период брака, так и после расторжения брака, разделу не подлежат.

Еще одним актуальным вопросом при разделе имущества супругов выступает вопрос о возможности изменения долей в общем имуществе в порядке ст. 39 Семейного кодекса РФ. Несмотря на достаточно редкие случаи применения судами положений ст. 39 СК РФ, изначально логика применения означает перераспределение долей исключительно между супругами, в то время как основанием такого изменения являются интересы детей, которые в конечном варианте ничего не получают, так за счет детских интересов увеличивается доля одного из супругов. Это является несправедливым в отношении детей, так как очевидна манипуляция детскими интересами. Следует отметить, что подобная норма есть в Гражданском кодексе Китайской Народной Республики, а именно ст. 1092 ГК КНР устанавливает возможность уменьшения или

лишения доли одного из супругов, того, кто растратил общее имущество или сфальсифицировал документы об общем долге [2].

Именно поэтому наиболее справедливым будет, если внести изменения в ст. 3 СК РФ о случаях отступления от начала равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из интересов их несовершеннолетних детей, установив, что в таких случаях детям выделяется доля в имуществе супругов. В данном случае необходимо учитывать и применять нравственные нормы, направленные на создание баланса интересов всех участников семейных отношений, в том числе и детей. Следует согласиться с В. Ф. Антоновым в том, что нравственные нормы устраниют предпосылки «механического» применения закона [1].

Предлагается внести изменения в ст. 39 СК РФ следующего содержания: в случае отступления судом от начала равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из интересов их несовершеннолетних детей долю, на которую суд уменьшил долю в имуществе одного из супругов, передать несовершеннолетнему ребенку (детям).

Представленные предложения носят обобщающий характер и основаны на ситуациях рассматриваемых споров в судах. Конкретные формулировки норм могут быть отредактированы по итогам обсуждения и проработки основной идеи по совершенствованию семейного законодательства

Литература

1. Антонов В. Ф. Нравственные основания правового регулирования. М., 2024.
2. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. М., 2025. С. 268.
3. Гражданский кодекс Японии / отв. ред. М. В. Кратенко. М., 2024. С. 226.
4. Комиссарова Е. Г. Родители и родительство по нормам российского семейного права (теоретико-правовое исследование). М., 2024.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

А. Д. Джантасова

Карагандинский университет Казпотребсоюза
старший преподаватель кафедры
правового регулирования экономических отношений
магистр юриспруденции
aminad13@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловила необходимость рассмотрения и разработки практических рекомендаций по определению основных направлений правового регулирования валютно-финансовых отношений в Республике Казахстан и перспектив совершенствования отечественного законодательства в свете интеграционных процессов Евразийского экономического ЕАЭС с учетом интересов государства и влияния на экономическую составляющую нашей страны.

Ключевые слова: валютно-финансовые отношения, банк, страховая компания, фондовый рынок.

Abstract. The relevance of the research topic necessitated the consideration and development of practical recommendations for determining the main directions of legal regulation of monetary and financial relations in the Republic of Kazakhstan and the prospects for improving domestic legislation in the light of the integration processes of the Eurasian Economic EAEU, taking into account the interests of the state and the impact on the economic component of our country.

Keywords: monetary and financial relations, bank, insurance company, stock market.

На современном этапе развития казахстанского общества и государства в контексте геополитической трансформации мирового сообщества и экономической турбулентности особую актуальность приобретают вопросы, связанные с правовым регулированием валютно-финансовых отношений в ходе интеграционных процессов Евразийского экономического союза и непосредственно Республики Казахстан.

В этом плане правовое регулирование валютно-финансовых отношений в Республике Казахстан — это сложный государственный процесс, обусловленный экономической политикой Казахстана как суверенного государства, образующий экономическую безопасность стран.

Необходимо подчеркнуть, что валютно-финансовые отношения включают в себя проблемы не только мировой, но и национальной экономики, развитие которых обусловлено исторически и соотносится как общее и частное, образуя тем самым единую систему.

Валютно-финансовые отношения в Казахстане на современном этапе, который характеризуется принятыми санкционными мерами в отношении сопредельных государств, входящих в Евразийский экономический ЕАЭС, безусловно, отражают такие актуальные аспекты, как обмен и конвертацию денежных средств, возможности оплаты посредством международных платежей и переводов, а также валютным контролем на евразийском пространстве.

Одним из основных законов, регулирующих валютно-финансовые отношения в Казахстане, является действующий законодательный акт в Республике Казахстан «О валютном регулировании и валютном контроле», который не только устанавливает правовые основы валютного регулирования, но и в целом определяет структуру и порядок проведения валютных операций [1].

Кроме того, рассматриваемый закон определяет требования к резидентам и нерезидентам в сфере валютных операций на территории Казахстана и за ее пределами, что ставит в зависимость эффективность осуществления интеграционных процессов.

Современный Казахстан как признанное мировым сообществом суверенное и независимое государство принимает активное участие в интеграционных процессах Евразийского экономического союза, что оказывает существенное влияние на правовое регулирование валютно-финансовых отношений внутри самой страны, обеспечивая стабильность и независимость финансовой системы

Особое значение правовое регулирование валютно-финансовых отношений на национальном уровне отражается в рамках интеграционных процессов Евразийского экономического союза, где страны — члены ЕАЭС совместными решениями выстраивают единую достаточно эффективную валютно-финансовую политику в целях обеспечения общего рынка с едиными стандартами и требованиями [2, с. 51].

Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) представляет созданную на основе многостороннего международного договора международную организацию региональной экономической интеграции, куда входят пять стран, а именно Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Армения, Российская Федерация и Кыргызская Республика, и, соответственно, обладает международной правосубъектностью.

Целью ЕАЭС является всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик, что, безусловно, создаст условия для повышения уровня жизни в странах-участниках.

Отметим, что рассматриваемый нами союз позволяет путем проведения согласования и координации действий стран-участниц, проведения единой политики обеспечивать свободное движение различных товаров, капитала, услуг и рабочей силы в рамках ЕАЭС.

Правовое регулирование валютно-финансовых отношений в рамках ЕАЭС и на национальных уровнях стран-участниц осуществляет специально основанный исполнительный орган, а именно Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) [3].

Актуальность темы исследования обусловила необходимость рассмотрения и разработки практических рекомендаций по определению основных направлений правового регулирования валютно-финансовых отношений в Республике Казахстан и перспектив совершенствования отечественного законодательства в свете интеграционных процессов Евразийского экономического ЕАЭС с учетом интересов государства и влияния на экономическую составляющую нашей страны.

В целом регулирование финансового сектора ЕАЭС направлено на создание благоприятной инвестиционной среды, обеспечение финансовой устойчивости, защиту интересов потребителей финансовых услуг и содействие экономическому росту в регионе.

Важной составляющей регулирования финансового сектора в рамках ЕАЭС является также создание единого правового пространства, которое позволило бы поддерживать единые стандарты и правила деятельности финансовых организаций во всех странах-участниках. Это способствует укреплению доверия к финансовой системе и повышению ее эффективности.

Кроме того, парадигмой регулирования финансового сектора является также предотвращение финансовых мошенничеств и легализации доходов, а также борьба с террористическим финансированием. В этой связи страны — участницы ЕАЭС совместно работают над укреплением механизмов контроля за финансовыми операциями и ужесточением мер по предотвращению незаконной деятельности в финансовом секторе.

В целом регулирование финансового сектора в ЕАЭС играет важную роль в обеспечении устойчивого развития экономики региона, укреплении финансовой безопасности и повышении конкурентоспособности финансовых институтов. Совместные усилия по совершенствованию нормативно-правовой базы, мониторингу и надзору за финансовым сектором способствуют улучшению инвестиционного климата и создают условия для устойчивого экономического развития региона.

Правовое регулирование валютно-финансовых отношений в Республике Казахстан и перспективы совершенствования отечественного законодательства в свете интеграционных процессов Евразийского экономического союза должны сводиться к следующим основным направлениям:

1. Унификация валютного законодательства в целях обеспечения свободного оборота капитала и создания единых условий для предпринимательства и бизнес-сектора, страны — члены ЕАЭС стремятся к гармонизации своего валютного законодательства.

Указанное позволит значительно снизить административные барьеры и упростить проведение валютных операций.

Кроме того, стремление к унификации валютного законодательства в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) имеет стратегическое значение для обеспечения свободного оборота капитала и устранения барьеров для предпринимательской деятельности в регионе.

Гармонизация валютного законодательства позволит создать единые правила и условия для деятельности бизнес-сектора в странах — членах ЕАЭС, что способствует развитию экономики и укреплению интеграционных процессов в регионе.

Отметим, что гармонизация валютного законодательства в рамках ЕАЭС также способствует укреплению финансовой стабильности и повышению доверия к сотрудничеству между странами-членами. Общие правила и нормы помогут предотвратить возможные финансовые кризисы и улучшить механизмы контроля за обменными операциями и капиталовложениями.

По нашему мнению, согласование валютных норм и правил позволит улучшить условия для финансовых институтов, таких как банки, инвестиционные компании и финансовые организации, что способствует их развитию и улучшению качества финансовых услуг для населения и предприятий.

Унификация валютного законодательства также создаст основу для более эффективного контроля над монетарной политикой и обеспечения стабильности национальных валют в странах — участниках союза. Это поможет снизить риски финансовых колебаний и повысить доверие к финансовой системе региона.

Более того, гармонизация валютного законодательства будет способствовать привлечению иностранных инвестиций, поскольку создание единых правил для валютных операций и инвестиций уменьшит неопределенность для иностранных инвесторов и сделает регион более привлекательным для внешних капиталовложений.

Кроме того, унификация валютного законодательства позволит упростить процедуру проведения международных торговых операций, облегчит ведение бухгалтерского и нало-

гового учета для компаний, работающих на территории ЕАЭС, и способствует интеграции рынков капитала. Это отражает стремление стран-участниц к созданию благоприятной инвестиционной среды и улучшению условий для привлечения иностранных инвесторов.

Этот шаг также поможет снизить риски и повысить прозрачность операций, связанных с обменом валют, инвестициями и финансовыми операциями между странами — членами ЕАЭС. Благодаря согласованию валютного законодательства будет обеспечено гармоничное функционирование финансовых рынков и повышена конкурентоспособность предприятий в рамках единого экономического пространства.

Таким образом, унификация валютного законодательства в ЕАЭС имеет важное значение для содействия экономическому развитию региона, укрепления торговых связей и создания благоприятных условий для предпринимательства и бизнеса.

Являясь важным шагом на пути к углублению экономического сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза и созданию единого экономического пространства, способствует устойчивому экономическому развитию региона и выступает стратегически важным шагом для содействия интеграционным процессам, укрепления финансовой стабильности и развития экономики региона.

2. Регулирование валютного контроля странами — участниками союза. ЕАЭС и государства-участники постоянно разрабатывают и совершенствуют механизмы валютного контроля, направленные на предотвращение незаконных валютных операций, тем самым обеспечивая стабильность и безопасность финансовой системы как на евразийском пространстве, так и на региональном уровне.

Подчеркнем, что регулирование валютного контроля в рамках Евразийского экономического союза как достаточно важный финансовый инструмент позволяет обеспечить экономическую безопасность стран — участниц ЕАЭС и способствует финансово-экономической стабильности в Евразийском пространстве.

Страны — участницы ЕАЭС постоянно работают над совершенствованием механизмов контроля за валютными операциями с целью борьбы с незаконными практиками и обеспечения надлежащего функционирования финансовой системы.

Такие меры направлены на предотвращение отмывания денег, финансирования терроризма, уклонения от уплаты налогов и других преступных действий, которые могут негативно повлиять на финансовую стабильность региона. Проведение валютного контроля способствует также защите национальной валюты, обеспечивая ее стабильность и предотвращая негативное влияние внешних факторов на экономику стран-членов.

Усилия регулирования валютного контроля странами-участниками на евразийском пространстве также выступают базой для создания благоприятного инвестиционного климата, повышения доверия к финансовой системе региона и укрепления экономических отношений между странами — участниками ЕАЭС.

Кроме того, валютный контроль на евразийском пространстве является важным элементом сотрудничества в рамках ЕАЭС, который способствует достижению общих целей по развитию экономики и укреплению финансовой устойчивости.

Одним из таких правовых механизмов, например, является обязательное лицензирование некоторых видов деятельности, связанных с обменом валюты и осуществлением платежей.

3. Развитие электронных платежных систем на территории евразийского пространства, что позволит снять нагрузку и облегчить трансграничные платежи, а также способствует повышению эффективности финансовых операций стран — участниц ЕАЭС, представляет возможность активно развивать электронные платежные системы, что соответствует современным технологическим процессам в мире.

Также это позволяет быстро и безопасно осуществлять переводы между различными странами Евразийского экономического союза.

4. Оптимизация регуляторной базы в области финансового рынка в рамках ЕАЭС.

В рамках интеграционных процессов ЕАЭС стремится к оптимизации и согласованию регуляторной базы в области финансового рынка, что способствует улучшению условий для работы финансовых институтов и предпринимателей, что включает в себя, например, создание единой системы разрешений и лицензий для финансовых организаций.

Оптимизация правовой регуляторной базы в области финансового рынка в рамках ЕАЭС является важным направлением деятельности для обеспечения стабильности и развития финансового сектора во всех странах — участницах союза. Правовая база в этой сфере играет ключевую роль в обеспечении прозрачности, эффективности и безопасности финансовых операций, защите интересов инвесторов и участников рынка, а также в содействии созданию благоприятной инвестиционной среды.

Необходимо отметить, что для оптимизации правовой регуляторной базы в области финансового рынка в рамках ЕАЭС необходимы следующие меры:

- гармонизация правовых норм, т. е. обеспечение согласованности и соответствия национальных законодательств стран-участниц совместным нормам ЕАЭС, что в свою очередь позволит снизить риски правовых коллизий, повысит предсказуемость и стабильность финансового правопорядка;
- совершенствование законодательства в области регулирования финансовых рынков, которое подразумевает разработку и внедрение новых правовых актов, учитывающих современные тенденции и вызовы финансового сектора, а также стандарты международного регулирования;
- укрепление механизмов контроля и надзора, что обеспечит эффективность и прозрачность работы финансовых регуляторов на региональном уровне, интеграцию их усилий для действенного противодействия финансовым рискам и предотвращения финансовых кризисов;
- повышение защиты прав инвесторов и потребителей финансовых услуг посредством создания комплексной системы защиты интересов участников финансового рынка, включая механизмы компенсации убытков, мониторинга и предотвращения финансовых мошенничеств;

- развитие рынков капитала и финансовых инструментов, т. е. содействие развитию конкурентных и инновационных финансовых рынков, стимулирование долгосрочного инвестирования, а также укрепление финансовой устойчивости;
- оптимизация правовой регуляторной базы в области финансового рынка в рамках ЕАЭС позволит улучшить инвестиционный климат, содействовать росту экономики и укрепить международное позиционирование стран-участниц на финансовых рынках.

5. Обеспечение защиты потребителей финансовых услуг является наиболее важным и сложным направлением в сфере валютно-финансовых отношений, так как включает в себя достаточно много правовых элементов, в том числе повышение финансовой грамотности и финансовой безопасности.

ЕАЭС и его члены работают над созданием механизмов защиты потребителей и установлением единых стандартов качества предоставления финансовых услуг.

Обеспечение защиты прав и интересов потребителей финансовых услуг в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) представляет собой важную задачу, которая направлена на обеспечение стабильности и доверия на финансовых рынках стран — участниц союза. ЕАЭС включает Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию и Россию.

Для обеспечения защиты потребителей финансовых услуг в ЕАЭС ведется работа по разработке и совершенствованию нормативно-правовых актов, которые регулируют деятельность финансовых организаций и обязательства перед потребителями. Важным элементом является разработка стандартов и правил предоставления финансовых услуг, которые направлены на защиту интересов клиентов.

Механизмы защиты потребителей финансовых услуг включают в себя информирование потребителей об условиях предоставления услуг, контроль за деятельностью финансовых организаций, урегулирование споров между потребителями и финансовыми организациями, а также возмещение ущерба в случае нарушения их прав.

Уровень защиты потребителей финансовых услуг в рамках ЕАЭС соответствует международным стандартам и наци-

ональным законодательствам стран — участниц союза. Постоянное совершенствование правовой базы и практики защиты прав потребителей содействует развитию финансового сектора и повышению доверия к финансовым услугам в регионе.

Важно отметить, что защита потребителей финансовых услуг в Евразийском экономическом союзе осуществляется не только на уровне законодательства, но и через различные программы образования и информирования потребителей о их правах и обязанностях при взаимодействии с финансовыми учреждениями.

Один из важных механизмов защиты потребителей финансовых услуг в регионе — это наличие специализированных органов и структур по защите прав потребителей, которые занимаются разрешением споров и конфликтов между потребителями и финансовыми организациями. Такие органы обычно имеют процедуры по приему жалоб, проведению анализа и разрешению конфликтов путем медиации или арбитража.

Также важным аспектом защиты потребителей финансовых услуг является обеспечение прозрачности и доступности информации о финансовых продуктах и услугах для клиентов. Финансовые организации обязаны предоставлять четкую и понятную информацию о своих услугах, стоимости, условиях предоставления и возможных рисках, чтобы потребители могли принимать обоснованные решения.

Еще одним важным аспектом защиты прав потребителей финансовых услуг в рамках Евразийского экономического союза является контроль за деятельностью финансовых учреждений и их соответствием установленным нормам и стандартам. Регуляторы финансового рынка в странах — участниках союза осуществляют надзор и контроль за финансовыми компаниями, чтобы обеспечить их финансовую устойчивость и надежность для клиентов.

Кроме того, активно развивается сотрудничество между государствами — членами ЕАЭС в области защиты прав потребителей финансовых услуг. Это позволяет обмениваться опытом, передавать лучшие практики и координировать усилия по повышению уровня защиты потребителей на всех уровнях.

Важной частью обеспечения защиты прав потребителей является их финансовая грамотность.

Для обеспечения устойчивого развития финансовой системы и защиты интересов потребителей финансовых услуг ЕАЭС и страны-участницы активно проводят программы по повышению финансовой грамотности.

Основной целью таких программ является обучение населения основам финансового планирования, управления личными финансами и осуществления финансовых операций.

Программы образования и информирования помогают клиентам финансовых организаций понимать свои права, осознавать риски и принимать обоснованные финансовые решения. Это способствует более ответственному и осознанному отношению к финансовым продуктам и услугам.

Защита прав потребителей финансовых услуг в Евразийском экономическом союзе представляет собой комплексный подход, охватывающий законодательство, надзор, образование и информирование. Развитие этой области способствует укреплению доверия к финансовым рынкам и созданию условий для стабильного и устойчивого развития экономики стран — участниц союза [4, с. 7].

По нашему мнению, особенностью в рассматриваемом направлении выступают достаточно значимые изменения и реформы, которые могут повлиять на защиту потребителей финансовых услуг в рамках Евразийского экономического союза.

В этом смысле можно выделить такой важный аспект, как процесс гармонизации законодательства в области финансового регулирования между странами — членами союза. Указанное позволит создать единые стандарты и правила для финансовых учреждений, что способствует укреплению прав потребителей и облегчает взаимодействие финансовых организаций на пространстве ЕАЭС.

Кроме того, активно внедряются новые технологии в сфере финансовых услуг, такие как цифровые платежи и технология блокчейн. Эти инновации требуют новых подходов к защите потребителей, поскольку они могут изменить способы обслуживания клиентов и повлиять на безопасность и конфиден-

циальность данных. Поэтому важно разрабатывать соответствующие механизмы защиты в рамках новых финансовых технологий.

Нередко вопросы защиты потребителей финансовых услуг связаны с проблемами кибербезопасности.

В последние годы наблюдается увеличение случаев кибератак на финансовые учреждения, что создает угрозу для конфиденциальности данных клиентов и безопасности их средств. Поэтому важно разработать эффективные меры по защите от киберугроз и обеспечению безопасности финансовых операций.

Таким образом, защита потребителей финансовых услуг в рамках Евразийского экономического союза играет важную роль в создании благоприятного инвестиционного климата, повышении доверия к финансовым рынкам и обеспечении устойчивого развития экономики региона. Взаимодействие между государствами-участниками, финансовыми организациями и потребителями способствует эффективной защите прав и интересов всех участников финансовых отношений.

Кроме того, достаточно важно продолжать работу по совершенствованию и развитию механизмов защиты прав потребителей финансовых услуг в рамках Евразийского экономического союза, учитывая современные вызовы и тенденции в сфере финансовых технологий и кибербезопасности.

6. Развитие финансовых рынков. Страны — члены ЕАЭС стремятся развивать финансовые рынки в соответствии с передовыми международными стандартами. Это включает развитие рынка ценных бумаг, страхового рынка, фондового рынка и других финансовых инструментов. Одной из задач ЕЭК является разработка единых правил и процедур для участия в таких рынках.

7. Содействие инвестициям. ЕАЭС стремится к созданию благоприятной инвестиционной среды в регионе. Для этого разрабатываются единые правила и процедуры для привлечения и защиты инвестиций. Также осуществляется сотрудничество с другими странами и региональными организациями в области привлечения инвестиций и развития инфраструктуры для инвестиционной деятельности.

8. Регулирование финансового сектора. ЕАЭС и его члены заботятся о стабильности финансовой системы и надежности финансовых институтов.

В этом контексте осуществляются контроль и регулирование финансовых организаций, включая банки, страховые компании и пенсионные фонды, с целью обеспечения их надежности, прозрачности и соблюдения стандартов.

Литература

1. О валютном регулировании и валютном контроле: закон РК № 167-IV от 2 июля 2018 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33740496
2. Изотов В. С., Мешкова Т. А., Теплов А. С. Перспектива формирования единого финансового рынка ЕАЭС. URL: <https://iorj.hse.ru/data/2020/12/29/1356181152/>
3. Ануфриева Л. П. ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении // Московский журнал международного права. URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-4-48-62>
4. О сотрудничестве государств — членов Евразийского экономического союза в сферах макроэкономической и валютно-финансовой политики: распоряжение Евразийского межправительственного совета от 8 сентября 2015 г. № 17.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА ОСНОВАНИИ ЗАКОНА

В. В. Долинская

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
профессор кафедры гражданского права
доктор юридических наук, профессор
член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ
civil-VVD@yandex.ru

Аннотация. Обобщены позиции по вопросам понятия и классификации представительства. Выявлены проблемы представительства на основании закона в отношении несовершеннолетних и организаций.

Ключевые слова: несовершеннолетние; правосубъектность; представительство; субъект права; юридические лица.

Abstract. The positions on the concept and classification of representation are summarized. The problems of representation on the basis of the law in relation to minors and organizations have been identified

Keywords: minors; legal personality; representation; legal entity; legal entities.

Правовую природу представительства и его классификации рассматривали дореволюционные [см., например: 4; 12; 17] и советские [см., например: 16; 21; 24] ученые, в современной России эти вопросы до сих пор ложатся в основу диссертационных и монографических исследований [см., например: 10; 13; 15; 18; 19].

Так, А. О. Гордон существо представительства видел в том, что одно лицо отправляет юридическую деятельность вместо другого [см.: 4, с. 8]. К. Н. Анненков указывал, что представительство — это *«заступление одного лица другим перед третьими лицами, когда одно лицо совершает юридическое действие именем другого и вместо другого лица — принципала, вследствие чего и последствия юридической сделки, совершенной им вместо и от имени последнего, т. е. установленные ею права и обязанности, должны относиться исключительно к принципалу, а не к представителю»* [2, с. 491].

В дальнейшем ученые и законодатель выводили такие характеристики представительства, как:

- замещение в правоотношении, в гражданском обороте представителем другого лица;
- квалификация осуществления представительства в качестве юридической деятельности;
- осуществление представительства по установленной законом процедуре;
- деятельность представителя, с одной стороны, порождает правовые последствия для доверителя (представляемого);
- с другой стороны, представитель несет ответственность перед доверителем за качество выполняемой деятельности, а в ряде случаев и перед третьими лицами.

В. А. Рясенцев выявил на примере представительства связь между экономикой и правом, указал на установление экономической связи у двух лиц с помощью участия третьего лица,

сделал вывод о посредничестве как экономической основе представительства, раскрыл природу полномочия.

Е. Л. Невзгодиной принадлежит теоретическое обоснование сложноструктурированного характера правоотношений представительства и исключительно правомерного характера действий, которые опосредует представительство.

Неоднократно поднимался вопрос о классификации представительства.

Со времен Г. Ф. Шершеневича наиболее распространенным является деление по основанию возникновения представительства (закон или договор) на законное, или необходимое, и договорное, или добровольное. К законному представительству он относил представительство интересов недееспособных лиц, а также представительство интересов юридического лица его органами. Договорное представительство, по мнению Г. Ф. Шершеневича, возникает при наличии в совокупности двух обстоятельств:

- 1) когда представляемым является лицо, свободное в своей воле вступать в юридические правоотношения;
- 2) когда в основе отношений между представителем и представляемым лежит договор доверенности [см.: 24].

Эта классификация повторяется в разных работах [см., например: 1, с. 8; 3, с. 185; 5, с. 307; 7, с. 272], но часто упускается из виду, что: а) ученый обоим терминам дал альтернативные названия (и они, на наш взгляд, точнее); б) доверенность в современном праве является не договором, а односторонней сделкой.

К сожалению, в науке почти не нашла поддержки критика, высказанная О. С. Иоффе [см.: 11]. Мы вслед за ним также считаем, что законному противостоит незаконное и что надо различать «законное» и «на основании закона». Ученый справедливо выделял более дробные основания представительства, в том числе указывал, что представительство, осуществляемое опекуном, возникает не из закона, а из закона и изданного на его основании акта уполномоченного органа государственной власти, поэтому термин «законное представительство» применительно к данной ситуации неправильно отражает существо правоотношения. О. С. Иоффе также был прав, отказыва-

ясь ставить знак равенства между добровольным и договорным представительством, так как основанием возникновения добровольного представительства может быть иной юридический факт, отличный от договора. Поэтому ученый предлагал классификацию представительства на обязательное и добровольное.

Но основания представительства сейчас многообразнее, и предложенное деление не отвечает четко на вопросы: обязательное для кого? Чья добрая воля?

Некоторые авторы предлагают трехчленное деление представительства: добровольное, законное (обязательное) и на основании административного акта (по назначению) [см., например: 14, с. 210]. Помимо указанного О. С. Иоффе терминологического недостатка в такой классификации отсутствует единый критерий.

В. А. Рясенцев, будучи в какой-то мере сторонником этой классификации, в то же время отмечал, что представительства по закону (в собственном смысле слова) и по назначению являются двумя разновидностями в составе законного представительства в широком смысле [см.: 21, Т. 2. С. 286].

В. К. Андреев подразделяет представительство на обязательное (основанное на юридическом факте-событии) и добровольное (основанное на юридическом факте-действии) [см.: 1, с. 9]. Эта классификация, может быть, и не всеобъемлющая, недостаточно подробная, все же больше учитывает систему юридических фактов.

Таким образом, в зависимости от воли представляемого представительство можно подразделить на добровольное, возникающее по его воле, и обязательное, возникающее независимо от его воли.

Помимо того, что вопрос классификации оснований представительства до сих пор не решен единообразно, происходит «размывание», необоснованное расширение так называемого законного представительства, или, точнее, представительства по закону.

Рассмотрим наиболее яркие примеры.

В ст. 26 ГК законными представителями несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет прямо названы *«родители,*

усыновители или попечитель». В ст. 28 ГК показано по элементам, что недостатки дееспособности малолетних в гражданском обороте восполняют *«родители, усыновители или опекуны»*. Термин «законный представитель» хоть и используется в статье, но не раскрывается.

Согласно ч. II п. 1 ст. 64 СК *«родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий»*.

К ним максимально приближены по своему правовому статусу усыновители. Согласно п. 1 ст. 137 СК *«усыновленные дети... по отношению к усыновителям..., а усыновители... по отношению к усыновленным детям... приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению»*. Поэтому логично, что в ст. 26 ГК усыновители наряду с родителями названы законными представителями несовершеннолетних (см. также: п. 1 ст. 28 ГК).

А вот применительно к опекунам и попечителям не только в литературе, но и в правовых актах встречаются некорректные формулировки.

Например, п. 2 ст. 25.3 КоАП гласит: «Законными представителями физического лица являются его родители, усыновители, опекуны или попечители».

Однако федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»¹ (далее — ФЗ «Об опеке») прямо называет законными представителями только опекунов (ст. 2, п. 2 ст. 15), потому что опека устанавливается над малолетними (в возрасте до 14 лет) и недееспособными (ст. 145 СК, ст. 28, 29, 32 ГК), т. е. лицами, самостоятельное волеизъявление которых в силу их физических и психических особенностей закон игнорирует.

Хотя и опека, и попечительство устанавливаются *«для защиты прав и интересов»* подопечных (п. 1 ст. 31 ГК), но воля несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и ограниченных в дееспособности лиц законом учитывается.

¹ СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755 (с изм.).

Согласно п. 3 ст. 15 ФЗ «Об опеке» попечитель *«может выступать в качестве законного представителя своего подопечного в случаях, предусмотренных федеральным законом...»*.

По ч. II п. 2 ст. 33 ГК и ст. 2 ФЗ «Об опеке» попечитель обязан оказывать несовершеннолетнему подопечному содействие в осуществлении его прав и исполнении обязанностей, охранять несовершеннолетнего подопечного от злоупотреблений со стороны третьих лиц, а также давать согласие совершеннолетнему подопечному на совершение ими действий в соответствии со ст. 30 ГК.

Сами несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет и ограниченные в дееспособности лица могут совершать ряд юридически значимых действий. Более того, за первой группой подопечных признано право в ряде случаев выдавать доверенности.

Поэтому вызывает большие сомнения корректность формулировки п. 2 ст. 31 ГК: *«Опекуны и попечители выступают в защиту прав и интересов своих подопечных в отношении с любыми лицами, в том числе в судах, без специального полномочия»*.

Норма п. 1 ст. 3 ФЗ «Об опеке» свидетельствует о том, что в иерархии источников права ГК является общим законом, а ФЗ «Об опеке» — частным случаем, но в данной ситуации представляется более оправданной именно формулировка ФЗ «Об опеке», не включающая попечителей в число законных представителей.

Логично унифицировать нормы ГК, СК и ФЗ «Об опеке», одновременно обратить внимание на то, что, вопреки научным дискуссиям, ст. 182 ГК различает закон и административный акт как основания представительства.

В ст. 22 федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»¹ (далее — ФЗ № 114) указано, что *«обязанности законных представителей несовершеннолетних»* при организованном выезде групп несовершеннолетних граждан Российской Федерации без сопровождения их законных пред-

¹ СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029 (с изм.).

ставителей возложены на руководителей выезжающих групп. Но, во-первых, вызывает большие сомнения, что это касается восполнения не всех недостатков в правосубъектности несовершеннолетних, например, их сделкоспособности, — судя по названию статьи, речь идет об ответственности за их жизнь и здоровье и узкоцелевых вопросах; во-вторых, представляется, что в основе такого руководства группой лежит какой-то юридический факт (например, трудовой или гражданско-правовой договор с образовательной или воспитательной организацией, к которой прикреплен ребенок, или с туристической фирмой), природа полномочия не ограничивается этой нормой закона.

Ст. 20 ФЗ № 114 гласит, что для выезда ребенка в составе организованной группы среди прочего необходимо нотариально удостоверенное согласие хотя бы одного из законных представителей на имя руководителя группы на конкретную поездку за границу с указанием государства и сроков выезда и возвращения, действия разрешения. В тематическом постановлении Правительства РФ назван договор об организации отдыха и (или) оздоровления¹. В приказе Минпросвещения РФ и Минэкономразвития РФ от 19 декабря 2019 г. № 702/811 «Об утверждении общих требований к организации и проведению в природной среде следующих мероприятий с участием детей, являющихся членами организованной группы несовершеннолетних туристов, прохождения туристских маршрутов, других маршрутов передвижения, походов, экспедиций, слетов и иных аналогичных мероприятий, а также указанных мероприятий с участием организованных групп детей, проводимых организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и организациями отдыха детей и их оздоровле-

¹ См., например: Правила выдачи органами опеки и попечительства разрешений на выезд из Российской Федерации для отдыха и (или) оздоровления несовершеннолетних граждан Российской Федерации, оставшихся без попечения родителей и находящихся в организациях для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, существенные условия договора об организации отдыха и (или) оздоровления таких несовершеннолетних граждан Российской Федерации, а также требования к юридическим лицам, выразившим намерения заключить указанный договор, утв. постановлением Правительства РФ от 6 апреля 2011 г. № 249 // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2128 (с изм.).

ния, и к порядку уведомления уполномоченных органов государственной власти о месте, сроках и длительности проведения таких мероприятий»¹ формулировки еще четче: копия организационно-распорядительного акта о проведении мероприятия, утвержденного организатором мероприятия; письменное согласие родителей (законных представителей) на участие ребенка в мероприятии (договор, доверенность или иной документ).

То есть все тематические акты говорят о том, что полномочия руководителей выезжающих групп производны от волеизъявления законных представителей несовершеннолетних.

С серьезными проблемами мы сталкиваемся и при анализе правосубъектности юридических лиц и их представительства.

Юридическое лицо — своего рода фикция, поэтому его правосубъектность в гражданском обороте должна быть персонифицирована.

По общему правилу юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы (п. 1 ст. 53 ГК). В предусмотренных законом случаях юридическое лицо может приобретать гражданские права и принимать на себя гражданские обязанности через своих участников (п. 2 ст. 53 ГК) или представителей, отличных от его органов и участников (гл. 10 ГК). Особо закон выделяет полномочия собственника в отношении имущества казенных предприятий и учреждений, а также в отношении самих этих юридических лиц (§ 4 гл. 4, ст. 123.21–123.23, гл. 19 ГК).

Однако органы юридического лица не признаются в ГК субъектами отношений.

¹ Об утверждении общих требований к организации и проведению в природной среде следующих мероприятий с участием детей, являющихся членами организованной группы несовершеннолетних туристов, прохождения туристских маршрутов, других маршрутов передвижения, проходов, экспедиций, слетов и иных аналогичных мероприятий, а также указанных мероприятий с участием организованных групп детей, проводимых организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и организациями отдыха детей и их оздоровления, и к порядку уведомления уполномоченных органов государственной власти о месте, сроках и длительности проведения таких мероприятий: приказ Минпросвещения РФ и Минэкономразвития РФ от 19 декабря 2019 г. № 702/811. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 16.04.2020).

В литературе справочного характера под органом (от греч. *organon* — орудие, инструмент) предлагается понимать «... *структурное подразделение юридического лица, обладающее собственной, как правило, управленческой компетенцией, или физическое лицо, постоянно выполняющее в организации функции управленческого характера на основании ее устава или в силу закона*» [22, с. 291]. Органы юридического лица представляют собой его составную часть, которая согласно имеющимся у нее полномочиям формирует и выражает волю юридического лица, руководит его деятельностью. Их деятельность направлена на внутреннее управление организацией, реализацию вовне ее гражданской правосубъектности, но они не обладают всеми признаками субъекта права, правосубъектностью в полном смысле этого слова [см. подробнее: 6, § 5.4 (автор параграфа — В. В. Долинская)].

В гражданском праве преобладает классическая и одновременно актуальная до настоящего времени позиция Б. Б. Черепашина в отношении органов юридических лиц. Ее основные моменты:

- 1) органы юридического лица являются волеобразующими и волеизъявляющими;
- 2) деятельность волеобразующих органов направлена на внутреннее управление организацией;
- 3) только во внешней деятельности проявляется гражданская дееспособность юридического лица благодаря деятельности его волеизъявляющих органов;
- 4) орган представляет юридического лица, но не представляет от имени юридического лица [см.: 23].

Об актуальности этой позиции свидетельствуют судебные дела, связанные с квалификацией сделок юридических лиц, которые совершены с превышением полномочий органов юридического лица и т. п.¹ В постановлении Президиума Выс-

¹ См.: О некоторых вопросах практики применения статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации при реализации органами юридических лиц полномочий на совершение сделок: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 мая 1998 г. № 9 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1998. № 7; О некоторых вопросах практики

шего Арбитражного Суда РФ от 9 февраля 1999 г. № 6164/98 прямо указывалось, что *«орган юридического лица не является представителем последнего... Согласно ст. 53 ГК органы юридического лица, к числу которых относится и руководитель, не могут рассматриваться как самостоятельные субъекты правоотношений и являются частью юридического лица»*¹.

В административном праве наблюдается неопределенность. С одной стороны, закон и судебные акты различают органы юридического лица и лиц, осуществляющих функции органов юридического лица (например, ч. 2 ст. 25.4 КоАП, п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 июля 2007 г. № 46 «О внесении дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. № 10 “О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях”»²). Именно последние как субъекты административных, гражданских и процессуальных отношений являются так называемыми законными представителями юридического лица [см.: 9]. С другой стороны, тот же п. 2 ст. 25.4 КоАП к законным представителям юридического лица относит его руководителя, *«а также иное лицо, признанное в соответствии с законом или учредительными документами органом юридического лица»* [выделено мной. — В. Д.].

Еще больше запутывает ситуацию требование подтверждения полномочий законного представителя юридического лица *«документами, удостоверяющими его служебное положение»*.

Легального определения этого термина, используемого и в КоАП, и в ТК, и в УК, нет. В доктрине предлагаются разные подходы [см.: 20].

применения статьи 183 Гражданского кодекса Российской Федерации: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 октября 2000 г. № 57 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 12.

¹ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 9.

² Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2007. № 9.

Чаще специалисты по административному и уголовному праву обращают внимание на соотношение понятий «служебное положение» и «служебные (должностные) полномочия»¹.

Для нас актуальнее вопросы о характере службы (исключительно публично-правовой или и частноправовой) и компетенции.

Компетенция — это система, включающая в себя два элемента: 1) предмет ведения и 2) полномочия — совокупность прав и обязанностей в сфере отношений, основанных на властном подчинении одной стороны другой (п. 3 ст. 2 ГК). Иначе говоря, это совокупность вопросов, решения по которым полномочны принимать те или иные лица (в нашем случае — органы управления).

Замена в ГК терминов «назначение» и «избрание» на «порядок образования» свидетельствует о том, что:

- частное право имеет в виду именно органы, а не составляющие их, реализующие их функции физические лица;
- основания возникновения полномочий органов юридического лица носят смешанный характер (определяются законом и учредительными документами).

Спорной, на наш взгляд, новеллой является возможность плюрализма персонификации правосубъектности юридиче-

¹ См.: О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21; О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1; О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11; О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12; О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19; О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5, О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1.

ского лица, причем лица, выступающие от его имени могут действовать *«совместно или независимо друг от друга»* (ч. III п. 1 ст. 53 ГК). Такой порядок низводит организации до уровня договорных объединений (договор простого товарищества и т. п.) и раньше встречался именно у организационно-правовых форм юридического лица, недалеко ушедших от договора.

Наличие нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга, с правом подписи финансовых документов и без указания на необходимость разграничения полномочий может повлечь за собой возникновение корпоративных конфликтов, спровоцировать экономическую нестабильность юридического лица.

Кроме того, возможна передача по решению общего собрания участников хозяйственного общества полномочий единоличного исполнительного органа общества другому хозяйственному обществу (управляющей организации) или индивидуальному предпринимателю (управляющему) по договору, условия которого утверждаются собранием (подп. 2 п. 2 ст. 67.1 ГК), если уставом общества решение указанных вопросов не отнесено к компетенции коллегиального органа управления общества (п. 4 ст. 65.3 ГК).

Наличие нескольких представителей (помимо того, что они не входят в число субъектов гражданских правоотношений) с неопределенной на уровне закона компетенцией не только противоречит потребностям гражданского оборота, но и еще раз свидетельствует в пользу того, что говорить о законных представителях юридического лица некорректно.

На взгляд автора, обязательное представительство по исключительному или главному в юридическом составе основанию возникновения можно классифицировать на следующие основные группы:

- в силу закона,
- в силу распорядительного акта государственного органа или органа местного самоуправления (административного акта),
- смешанное, с учетом волеизъявления представляемого.

Представительство в силу закона возникает независимо от волеизъявления представляемого и представителя, объем полномочий представителя определяется законом.

Представительство в силу административного акта может учитывать волеизъявления представляемого и представителя, объем полномочий представителя определяется законом и/или административным актом.

Правовое регулирование отношений представительства в значительной части требует унификации и восполнения пробелов, в том числе с учетом норм о правосубъектности.

Литература

1. Андреев В. К. Представительство в гражданском праве. Калинин: Изд-во Калининского государственного университета, 1978.
2. Анненков К. Н. Система русского гражданского права. СПб., 1899. 2-е изд. Т. 1: Введение и общая часть. С. 491.
3. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1963.
4. Гордон А. Представительство в гражданском праве. СПб., 1879.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Научно-практический комментарий / отв. ред. Т. Е. Абова, А. Ю. Кабалкин, В. П. Мозолин. М.: Изд-во БЕК, 1996.
6. Гражданское право: участники правоотношений: учеб. пособ. / отв. ред. В. В. Долинская, В. Л. Слесарев. М.: Проспект, 2017 (Сер. «Гражданское право» / науч. ред. В. Л. Слесарев).
7. Гражданское право: учеб. Ч. I. Изд. 3-е, перераб. и доп. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 1998.
8. Долинская В. В. Органы юридического лица: проблемы доктрины и современного законодательства (на примере акционерного общества) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 11.
9. Долинская В. В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2.
10. Дурнева П. Н. Добровольное представительство по гражданскому праву России: моногр. Ставрополь: Бланкиздат, 2012.
11. Иоффе О. С. Советское гражданское право. М.: Юрид. лит., 1967.
12. Казанцев Л. Н. Учение о представительстве в гражданском праве. Ярославль, 1878.
13. Каменская К. В. Обоснование института прямого представительства в категориях правоотношения: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
14. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. Изд. 3-е, испр., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2005.
15. Коротков Д. Б. Представительство как гражданское правоотношение: моногр. Пермь: ПГНИУ, 2013.
16. Невзгодина Е. Л. Представительство по советскому гражданскому праву. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980.
17. Нерсесов Н. О. Понятие добровольного представительства. М., 1878 (переиздание: Нерсесов Н. О. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М.: Статут, 2000 (сер.: Классика российской цивилистики)).

18. Носкова Ю. Б. Представительство и доверенность в гражданском праве России: моногр. Екатеринбург: Уральск. юрид. ин-т МВД России, 2017.
19. Пантелишина О. В. Правовое регулирование отношений представительства в гражданском праве: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.
20. Романова В. В. К вопросу о соотношении понятий «служебные полномочия» и «служебное положение» // Криминалист. 2016. № 2 (19). С. 27–30.
21. Рясенцев В. А. Представительство в советском гражданском праве: дисс. ... д-ра юрид. наук. В 2 т. М., 1948.
22. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1997.
23. Черпахин Б. Б. Органы и представители юридического лица // Ученые записки. Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. М., 1968. Вып. 14. С. 131–140.
24. Шерешевский И. В. Представительство, поручение и доверенность: Комментарий к ст. 38–40 и 251–275 Гражданского кодекса. М.: Право и жизнь, 1925. 107 с. (Гражданский кодекс: практ. комментарий / под ред. А. М. Винавера и И. Б. Новицкого).
25. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 10-е изд. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912.

ИЗЪЯТИЕ АКЦИЙ МИНОРИТАРНЫХ АКЦИОНЕРОВ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Е. А. Дорожнинская

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Сибирский институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
доцент кафедры гражданского права и процесса
кандидат юридических наук, доцент
dorozhinskaya-ea@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу недавней практики изъятия государством активов частных субъектов в государственную собственность. Одним из способов явилась так называемая деприватизация, резко снижающая стабильность гражданского оборота. Автор оценивает правовые основания и законность действий представителей государства в указанной сфере.

Ключевые слова: национализация, частная собственность, неприкосновенность собственности, публичные интересы, государственное имущество.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the recent practice of seizure by the state of assets of private entities into state ownership. One of the methods was the so-called deprivatization, which sharply reduces the stability of civil circulation. The author evaluates the legal basis and legality of the actions of state representatives in this area.

Keywords: nationalization, private property, inviolability of property, public interests, state property.

В последнее время участились ситуации, связанные прямо либо косвенно с изъятием активов частных субъектов в публичную собственность. В юридических кругах активно обсуждаются сложившиеся тенденции к так называемой «национализации» или «деприватизации» частных активов, которая фактически реализуется в нескольких формах, выглядящей как «изъятие в пользу государства».

Несмотря на известный принцип неприкосновенности собственности, стоит отметить, что ст. 1 протокола № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод не предусматривает полную неприкосновенность частной собственности, лишь фиксируя ее бесспорное уважение в рамках законодательства страны и принципов международного права. А Конституция Российской Федерации, закрепляя право каждого иметь имущество в собственности, одновременно допускает возможность ограничения права федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Если говорить о способах защиты публичных интересов, позволяющих обратить активы из частной собственности в государственную, то в последнее время популярными являются три:

1. Выявление нарушений антикоррупционного законодательства.
2. Выявление нарушений порядка осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для государства.
3. Оспаривание проведенной приватизации.

Относительно первого способа стоит сказать, что нормы подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ позволяют обратить в доход Российской Федерации имущество, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы в соответствии с российским законодательством о противодействии коррупции. Как правило, такие действия в последние годы проводились параллельно с ведением крупных «коррупционных» уголовных дел, при этом параллельно с вышеназванными нормами применялись нормы ст. 169 ГК РФ об «антисоциальных сделках».

Таких примеров немало, например, 21 декабря 2023 г. Преображенский районный суд Москвы приговорил бывшего министра «Открытого правительства» Михаила Абызова к 12 годам колонии строгого режима по делу о хищении 4 млрд р. При этом, кроме мошенничества, суд признал его виновным в совершении преступлений по ч. 4 ст. 174.1 («Легализация денежных средств...») и ч. 4 ст. 204 («Коммерческий подкуп») УК РФ [2]. В итоге акции новосибирского АО «Региональные электрические сети» (РЭС) в 2023 г. были обращены в доход государства, таким способом было исполнено решение суда о взыскании с Абызова и подконтрольных ему кипрских компаний 32,5 млрд руб.

Несмотря на то, что в данном примере речь шла об уголовном наказании, чуть ранее, в августе 2023 г. Генеральная прокуратура РФ подала иск против предпринимателя Андрея Мельниченко [4]. Иск касался активов, которые, по утверждению прокуратуры, были куплены у организаций Михаила Абызова. Истец требовал взыскать в собственность государства акции СИБЭКО, обосновывая это тем, что имеются сведения, что при совершении сделок по приобретению акций СИБЭКО гражданин Мельниченко и подконтрольные ему юридические лица нарушили законодательства о противодействии коррупции. Был сделан вывод, что в данной сделке имелись признаки извлечения преимущества из недобросовестного поведения, поэтому возникли основания для взыскания в доход государства всего полученного сторонами «антисоциальных» сделок [1]. Дело относительно Мельниченко было прекращено

заключением мирового соглашения, к тому же выяснилось, что ответчик на момент совершения вменяемых ему сделок не имел права управления этими организациями.

По поводу применения второго способа стоит вспомнить недавно обновленный федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», смысл применения которого в последние годы стал несколько иным. Согласно нормам ст. 15, организации, которые, по мнению государства, «имеют стратегическое значение для оборонной безопасности», не могут контролироваться иностранными лицами, иначе ФАС РФ вправе обратиться в суд с иском об оспаривании сделок по приобретении долей (акций) и безвозмездном обращении их в доход РФ.

В качестве примера можно привести выявленные ФАС РФ нарушения порядка осуществления иностранных инвестиций в АО «Мурманский морской рыбный порт» как хозяйственном обществе, имеющем стратегическое значение для государства, что повлекло взыскание его акций в доход Российской Федерации [5].

Третий способ, основанный на оспаривании результатов приватизации, имеет давнишнюю историю применения, например, известное «дело Башнефти». 7 ноября 2014 г. Арбитражный суд г. Москвы удовлетворил иск на основании нарушений, допущенных при изначальной приватизации ПАО АНК «Башнефть». Все акции, принадлежащие АФК «Система», были истребованы в собственность Российской Федерации, а сама компания признана добросовестным покупателем и получила право истребовать убытки с продавца (чего сделать не получилось) [6].

Но недавно принятое судебное решение повернуло практику в неожиданном направлении. В апреле 2024 г. Арбитражный суд Пермского края впервые в истории России принял решение изъять акции Соликамского магниевого завода (далее — СМЗ) у частных инвесторов-миноритариев в результате процесса деприватизации активов.

В октябре 2021 г. Генпрокуратура РФ, действуя в интересах Росимущества, обратилась в Арбитражный суд Пермского края с требованием изъять акции СМЗ, принадлежащие четырем крупным акционерам: Сергею Кирпичеву (15,45 %), Петру Кондрашеву (24 %), Тимуру Старостину (25 %) и Игорю Пестрикову (25 %). Прокуратура посчитала, что в 1992 г. решение о приватизации стратегического предприятия было принято неуполномоченным органом. В итоге с ответчиков в пользу государства изъяли долю в 89,4 %.

Оставшаяся часть корпоративных бумаг СМЗ (10,6 %) находилась в собственности миноритариев, поскольку акции были размещены на Московской бирже. В ноябре 2022 г. торги ими были прекращены, но бумаги оставались у инвесторов, которыми являлись 2100 частных клиентов (как мелких частных инвесторов, так и иностранных организаций).

Прокуратура посчитала, что миноритарии являются незаконными владельцами, поэтому суд постановил истребовать в пользу Российской Федерации государственное имущество в виде обыкновенных именных акций ОАО «Соликамский магниевый завод. Несмотря на то, что миноритарные акционеры приобрели на торгах Мосбиржи через брокерские компании, суд счел владение ими незаконным.

На этом этапе возникает несколько вопросов, ставящих под сомнение законность такого решения.

1. Ожидаемо, что миноритарные акционеры апеллировали к тому факту, что являются добросовестными приобретателями, поэтому истец не вправе истребовать спорные акции.

Но арбитражный суд посчитал, что акционеры «не могут являться добросовестными приобретателями, поскольку в данном случае имущество выбыло от Российской Федерации помимо ее воли... фактически ответчики (акционеры) не стали ни собственниками, ни правомерными владельцами спорного имущества акций СМЗ, в связи с чем на них не распространяются положения главы 20 ГК РФ, предоставляющей добросовестным участникам оборота защиту собственности и иных прав» [7].

Такая вольная трактовка понятия «добросовестный приобретатель» вызывает недоумение, поскольку противоречит очевидному смыслу п. 1 ст. 302 ГК РФ, привязывающему эту характеристику не к волевому основанию выбытия имущества, а к осведомленности приобретателя акций о праве отчуждателя на совершение сделки.

2. В качестве еще одного обоснования своей правовой позиции миноритарные акционеры использовали тот факт, что их акции были приобретены в порядке, установленном федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах». П. 7.3. ст. 18 закона прямо устанавливает, что «имущество, приобретенное по договору, заключенному на организованных торгах, не может быть истребовано от добросовестного приобретателя». Арбитражный суд не обратил внимания на этот аргумент, несмотря на позицию Банка России. Банк также указал, что бездокументарные ценные бумаги, приобретенные на организованных торгах, независимо от вида удостоверяемого права не могут быть истребованы от добросовестного приобретателя, и поэтому требования к таким ответчикам не подлежат удовлетворению.

Немаловажно, что, по мнению Банка России, на момент подачи иска Российская Федерация уже владела пакетом акций ОАО «СМЗ», позволяющим обеспечивать корпоративный контроль, необходимый для надлежащего обеспечения его хозяйственной деятельности. То есть никаких способов ограничить волю и интересы государства с корпоративно-правовой точки зрения не было.

3. Миноритарные акционеры также заявили о пропуске истцом срока исковой давности, поскольку Росимуществу, в интересах которого заявлен иск, было известно о приватизации государственного предприятия с момента совершения соответствующих действий, т. е. с 1992 г.

Существует понятие так называемой объективной исковой давности, устанавливающее, что срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен. Это правило, согласно п. 2 ст. 196 ГК РФ, начало применяться с 1 сентября 2013 г.,

поэтому в таких исках автоматически должно быть отказано. Генеральная прокуратура утверждает, что на эти иски срок давности не распространяется, так как они защищают интересы общества. Но в данном случае используется иск, поданный в интересах государства именно как собственника.

Безусловно, не стоит забывать и про «субъективную исковую давность», составляющую три года с момента, когда истец узнал о нарушении права, и в этом случае вопросы возникают уже по поводу наступления такого момента. В случаях подачи исков до 1 сентября 2023 г. (даты истечения десяти лет с момента вступления в силу норм об объективной исковой давности) прокуратура исчисляет субъективную исковую давность с момента, когда сама же прокуратура провела проверку. Но очевидно, что исковая давность должна считаться с момента, когда государственный орган, уполномоченный распоряжаться государственным имуществом, должен был узнать о нарушениях. Нельзя представить, что Росимущество, в интересах которого заявлен иск, не было известно о приватизации государственного предприятия с момента совершения соответствующих действий.

Подводя итоги, можно с уверенностью утверждать, что практика последних лет «деприватизации» применительно к миноритарным акционерам строится на весьма шатких юридических основаниях, не позволяющих утверждать, что она проводится исключительно в целях защиты публичных интересов. Это особенно заметно, если придерживаться позиции Верховного суда РФ о том, что под публичными следует понимать «интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды» [3]. Стоит повторить, что в представленном примере судебного акта об изъятии акций у миноритарных акционеров СМЗ никакого нарушения публичных интересов не усматривалось, поскольку своими предыдущими действиями государство уже приобрело полный корпоративный контроль в данной организации. Самое же решение арбитражного суда Пермского края необъяснимым образом строится на наруше-

нии норм действующего законодательства и деформации сложившейся практики.

Действия государства по возвращению активов из частной собственности в государственную должны иметь четко определенные законные основания, основываться на целесообразности и учитывать перспективы влияния этих решений на российскую экономику.

Литература

1. Канаев П. Генпрокуратура подала в суд на Андрея Мельниченко: эксперты увидели в действиях прокуратуры вектор на национализацию // RBC. 2023. 20 авг. URL: <https://www.rbc.ru/business/20/08/2023/64e193609a7947456665c05f> (дата обращения: 22.04.2024).
2. Приговор в отношении экс-министра Российской Федерации // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. 2023. 22 дек. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/preobrazhenskij/news/prigovor-v-otnoshenii-eks-ministra-rossijskoj-federatsii> (дата обращения: 22.04.2024).
3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 22.04.2024).
4. Дело № 2-5985/2023 ~ М-3751/2023 Свердловского районного суда Красноярска. URL: clck.ru/3ADcqG (дата обращения: 22.04.2024).
5. Решение Арбитражного суда Мурманской области от 10 октября 2022 г. по делу № А42-7217/2021. URL: sudact.ru/arbitral/doc/0JyVm9dVoGS/ (дата обращения: 22.04.2024).
6. Решение Арбитражного суда города Москвы от 7 ноября 2014 г. по делу № А40-155494/2014. URL: sudact.ru/arbitral/doc/IXZYIZixRiHC/ (дата обращения: 22.04.2024).
7. Решение Арбитражного суда Пермского края по делу № А50-21394/2022 от 02.04.2024. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/ebd14af9-107e-4ec6-b23b-6747e265eb6b> (дата обращения: 22.04.2024).

СЕРВИС «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОНЛАЙН-РЕГИСТРАЦИЯ БИЗНЕСА» И РИСКИ УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ ПРИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИИ

Е. А. Дорожинская

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Сибирский институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
доцент кафедры гражданского права и процесса
кандидат юридических наук, доцент
dorozhinskaya-ea@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу возможных рисков в области обеспечения корпоративных прав участников хозяйственных обществ при использовании нового сервиса «Государственная онлайн-регистрация бизнеса».

Ключевые слова: корпоративные риски, электронная подпись, цифровая среда, решение органа управления, электронные сервисы.

Abstract. The article is devoted to the analysis of possible risks in the field of ensuring the corporate rights of participants in business companies when using the new service “State online business registration”.

Keywords: corporate risks, electronic signature, digital environment, decision of the governing body, electronic services.

В прошлом году на сайте Федеральной налоговой службы России был активирован новый сервис «Государственная онлайн-регистрация бизнеса» (далее по тексту — Сервис), нацеленный на упрощение административных процедур приобретения статуса субъекта предпринимательской деятельности путем исключения непосредственного обращения учредителей в регистрационные органы.

Стоит обратить особое внимание на использование Сервиса именно обществами с ограниченной ответственностью по двум причинам. Во-первых, Приказом Минэкономразвития России от 1 августа 2018 г. № 411 «Об утверждении типовых уставов, на основании которых могут действовать общества с ограниченной ответственностью» для ООО были введены

для выбора тридцать шесть типовых уставов, и этот выбор гораздо удобнее заложить в алгоритм Сервиса при регистрации ООО. Во-вторых, для рассмотрения практики использования Сервиса акционерными обществами необходимо более глубоко изучить дополнительные нюансы, связанные с эмиссией ценных бумаг, что не входит в цель исследования.

Сервис предназначен для использования не только при создании новой организации, но и для регистрации любых изменений ее правового статуса путем внесения записей в ЕГРЮЛ, проведения реорганизации и ликвидации. Все указанные манипуляции в любом случае связаны с реализацией и изменением прав корпоративных участников хозяйственного общества.

Основным достоинством Сервиса является то, что он минимизирует риски получения отказа в проведении регистрационных действий. Алгоритм программы построен так, что при заполнении сведений система автоматически проверяет их на корректность введенных данных, а также не позволяет отправить документы на регистрацию без приложения обязательного пакета документов.

Еще одним достоинством Сервиса является снижение затрат на совершение действий при его использовании, поскольку организация освобождается от уплаты государственной пошлины при направлении документов в электронном виде, подписанных электронной подписью заявителя, и через нотариуса.

Очевидно, что государство активно вовлекает организации в цифровую среду обслуживания, поскольку для пользования Сервисом надо оформить учетную запись на сайте «Госуслуг», зарегистрироваться в Единой биометрической системе и т. д.

Для использования Сервиса нужна усиленная квалифицированная электронная подпись, оформляемая через приложение «Госключ» и получаемая в удостоверяющем центре ФНС России. Только после этого лицо сможет зарегистрироваться в Сервисе, при этом речь идет о вполне конкретном лице — руководителе организации (единоличном исполнительном органе),

уполномоченном на совершение регистрационных действий и играющем основную роль в проводимой процедуре.

При формировании заявки на регистрацию создается «транспортный контейнер» с файлами документов, а ссылка на подписание их электронной подписью заявителя, как правило, направляется непосредственно руководителю организации.

После получения контейнера регистрирующим органом заявителю направляется расписка в получении документов. В установленный день их получения в личный кабинет приходит ссылка для скачивания полученных документов, подписанных электронно-цифровой подписью регистратора из ФНС России. При необходимости получения документов на бумажном носителе заявитель должен об этом указать при заполнении заявки, но в таком случае уполномоченному лицу необходимо будет лично явиться в регистрирующий орган.

Что касается рисков обращения к Сервису для участников корпорации, то особое значение имеет тот факт, что на стороне заявителя выступает уполномоченное физическое лицо. Для использования электронной подписи пользователь (уполномоченное лицо) проходит двухфакторную аутентификацию. Но эти способы защиты конфиденциальности информации могут не сработать в случаях недальновидной добровольной передачи руководителем организации ключа третьему лицу либо неправомерного завладение ими ключом по собственной инициативе. В первом случае вину руководителя можно расценить на уровне небрежности, во втором случае может иметь место преступление, совершенное с целью посягательства на имущество корпорации.

Но, как показывает практика привлечения к ответственности директоров хозяйственных обществ, нельзя исключать умышленные недобросовестные действия руководителя. Безусловно, целесообразность такого поведения директора стремится к нулю, поскольку он должен быть заинтересован в максимальной выгоде корпорации. Но когда руководитель организации является не участником общества, а наемным работником, личный корыстный интерес может преобладать над корпоративным. В этом случае существует возможность совершения регистрационных действий помимо воли корпоративных участников, а узнать о последствиях они смогут нескоро.

Например, исходя из условий электронного документооборота, в тех случаях, когда для проведения регистрации требуется предоставить протокол общего собрания участников, недобросовестный директор может подделать их подписи, отсканировать и загрузить необходимые документы в систему. В этом случае достоверность и подлинность документов не подлежит анализу, ведь регистратор проверяет только наличие и достаточность документов для регистрации. Если данную процедуру проводить с обращением к нотариусу, то он проверит достоверность намерений участников хозяйственного общества на совершение этих действий, и не согласится заверить форму для регистрации изменений без надлежащего подтверждения их волеизъявлений.

Есть еще один риск, который участники хозяйственных общества могут самостоятельно заложить при разработке устава корпорации. Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в гл. 4 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» ГК РФ был дополнен ст. 67.1, устанавливающей, что текст протокола общего собрания участников должен быть заверен у нотариуса. В этом случае, согласно ст. 103.10 Основ законодательства РФ о нотариате (утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1), помимо составления самого протокола общего собрания участников обязательным будет выдаваемое нотариусом свидетельство об удостоверении факта принятия решения органом управления юридического лица и о составе участников (членов) этого органа, присутствовавших при принятии данного решения. В итоге изменения судьбы корпорации без информирования участников становятся маловероятными.

Но эта же ст. 67.1 ГК РФ закрепила право общества предусмотреть альтернативный способ заверения протоколов, который должен быть зафиксирован в уставе общества или решении общего собрания, принятом участниками единогласно, и в этом случае обращения к нотариусу не требуется. Например, участники закрепляют в уставах положения о подписании протокола всеми участниками или их большинством. В этом

случае возникает вполне реальная возможность подделки подписей отсутствующих участников общества, а следовательно, возникают риски нарушения их корпоративных прав.

Стоит сделать вывод, что при очевидных преимуществах Сервиса проводить онлайн-регистрацию движения статуса хозяйственных обществ целесообразно и менее рискованно в ситуациях, когда:

- трансформируется «общество одного лица», когда участник является единственным и, соответственно, неспособен осознанно создать проблемы себе и корпорации;
- присутствует полное доверие между всеми участниками корпорации (что возможно, например, в случае организации «семейного бизнеса»);
- гарантировано полное отсутствие возможности получения кем бы то ни было несанкционированного доступа к электронной подписи.

В иных случаях предпочтительнее проведение регистрационных процедур по-прежнему с участием нотариуса, что минимизирует риски как возникновения корпоративных конфликтов между участниками, так и совершения уголовных посягательств третьих лиц на благополучие как участников, так и корпорации в целом.

Несмотря на указанные неоднозначные позиции, развитие онлайн-сервисов продолжается, и с 1 марта 2024 г. в России заработал экспериментальный вариант сервиса «Старт бизнеса онлайн» [1]. Кроме предлагаемых ранее действий, теперь Сервис позволяет дистанционно открыть счет в банке. При этом зарегистрировать биометрию пользования Сервисом можно в одном из 13 тыс. отделений банков. Эксперимент проводится при участии Минфина, Банка России, Росфинмониторинга и АО «Центр Биометрических Технологий», а также отобранных кредитных организаций до 1 марта 2025 г.

Литература

1. Правительство проведет эксперимент по онлайн-регистрации бизнеса // Ведомости. 2024. 1 февр. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2024/02/01/1017876-pravitelstvo-provedet-eksperiment> (дата обращения: 07.05.2024).

АДВОКАТСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ КАК ОСОБЫЙ ВИД ДОГОВОРА

И. В. Захарова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
старший преподаватель
кафедры гражданского и предпринимательского права
адвокат
Адвокатская палата Новосибирской области
г. Новосибирск, Россия
ziv_1974@mail.ru

Аннотация. В научном сообществе дискуссия по вопросу о соглашении адвоката с доверителем на оказание юридической помощи, по-прежнему актуальна. Ученые не пришли к общему мнению о том, к какому виду договоров следует относить данное соглашение. Очевидно, что договор адвоката — это сложная конструкция, состоящая из элементов разных видов договоров. В настоящей статье автор высказывает собственное мнение по данному вопросу с позиции практика осуществляющего адвокатскую деятельность.

Ключевые слова: юридическая помощь, адвокат, адвокатская деятельность, договор, смешанный договор, представительство, соглашение адвоката.

Abstract. In the scientific community, the discussion on the issue of the lawyer's agreement with the principal to provide legal assistance is still relevant. Scientists have not come to a common opinion on what type of contracts this agreement should be attributed to. Obviously, a lawyer's contract is a complex structure consisting of elements of different types of contracts. In this article, the author expresses his own opinion on this issue from the position of a lawyer practicing law.

Keywords: legal assistance, lawyer, advocacy, contract, mixed contract, representation, lawyer's agreement.

Соглашение адвоката является гражданско-правовым договором, однако неопределенного по настоящее время вида. Поскольку соглашение адвоката остается среди непоименованных, анализ его правовой природы имеет существенное значение как для определения его места среди уже существующих договоров, так и с целью выбора наиболее адекватного правового режима для его сторон и отграничения от смежных видов.

В настоящее время в научной доктрине соглашение адвоката исследовалось и было квалифицировано в разных работах как договора поручения [12; 13], подряда [7], возмездного оказания услуг [11], непоименованного [8], смешанного [3; 4; 5; 6].

С одной стороны, предмет соглашения, согласно которому адвокат обязуется исполнить в интересах доверителя определенные действия юридического характера, за счет последнего. При этом доверитель обязан оплатить вознаграждение поверенному. С другой стороны, адвокатская деятельность консультационного характера, скорее можно отнести к договору возмездного оказания услуг, согласно которому исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. При этом в ч. 2 ст. 779 ГК РФ, гл. 49 «Договор поручения» исключена из сферы деятельности гл. 38, т. е. договор возмездного оказания услуг не может быть заключен на совершение действий юридического характера, что представляет собой адвокатская деятельность в виде представительства. Вопросы разграничения этих двух видов договоров давно являются предметом научных исследований.

Соотношение договора подряда с соглашением адвоката рассматривалось в рамках выполнения порученной доверителем работы, имеющей свое выражение в форме конкретного правового документа, разрешения спора и т. п.

В первоначальной редакции Закона об адвокатуре до внесения в него изменений от 30 декабря 2004 г. вид соглашения об оказании юридической помощи адвокатом определялся в соответствии с его предметом, т. е. ставился в зависимость от характера оказываемой помощи. В ст. 25 было регламентировано следующее: «Адвокат выступает в качестве представителя доверителя в конституционном, гражданском, административном судопроизводстве, в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и судопроизводстве по делам об административных правонарушениях, а также представляет интересы доверителя в органах государственной власти, органах местного самоуправления,

в отношениях с физическими лицами только на основании договора поручения. Иные виды юридической помощи адвокат оказывает на основании договора возмездного оказания услуг». Впоследствии в научных кругах данное разграничение видов соглашения вызвало острую дискуссию, результатом которой стало исключение указанной формулировки, и в настоящее время законом определено лишь то, что соглашение — это гражданско-правовой договор.

Между тем вопрос об определении вида договора для соглашения адвоката не перестал быть актуальным, поскольку разнообразие оказываемой юридической помощи адвокатами и принятых обязательств требует четкого формального выражения.

Необходимость составления адвокатом двух договоров одновременно при оказании юридической помощи на консультирование и представительство виделось многим ученым нелогичным, трудоемким и не отвечающим интересам как доверителей, так и адвокатов.

Кроме того, оба указанных вида договоров не отвечали в полном объеме тем требованиям, которые должны предъявляться к такому договору, по мнению практиков.

Например, ряд исследователей отмечали, что согласно ст. 977 ГК РФ [2] договор поручения прекращает свое действие на основании отказа поверенного, который вправе выразить его в любой момент, а соглашение об отказе поверенного от такого права ничтожно. Но ст. 6 «Закона об адвокатуре» прямо запрещает адвокату отказ от принятой на себя защиты [8]. Однако в этой части можно возразить, поскольку речь идет о защите, а данный термин применим лишь к правоотношениям между адвокатом и доверителем в уголовном судопроизводстве и по делам об административных правонарушениях, но не гражданском и административном. В связи с чем в случае оказания юридической помощи по представительству в указанных судах договор поручения мог быть реализован в части отказа адвоката от договора. Но возникает другой вопрос, насколько это положение договора отвечает принципам и задачам адвокатской деятельности, нормам профессиональной этики.

Некоторые авторы с учетом разнообразия оказываемой адвокатами юридической помощи пришли к выводу о том, что нецелесообразно настаивать на каком-либо одном виде договоров, полагая, что адвокат и доверитель могут основывать свои правоотношения на любом из договоров: поручения, возмездного оказания услуг, агентском по типу поручения и, возможно, доверительного управления имуществом [11].

Между тем нельзя согласиться с выводами авторов о том, что соглашение адвоката содержит признаки лишь одного из видов договора, поскольку сфера адвокатской деятельности широка, и адвокат, осуществляя поручение доверителя, может совершать абсолютно разнообразные действия юридического характера, которые невозможно сконцентрировать в рамках лишь одного договора. Нельзя забывать и о деятельности адвоката по назначению, в которой вообще отсутствует договорная основа, ввиду наличия одностороннего акта со стороны суда в форме определения, которым назначается адвокат. При этом суд, действуя в соответствии со ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, определяет лишь необходимость назначения представителя в лице адвоката, ответчику (административному ответчику) при условии неизвестности его места жительства(нахождения), обращаясь в адвокатское образование, которое по своему усмотрению направляет конкретного адвоката для исполнения определения суда.

Согласно с ч. 1 ст. 980 ГК РФ [2], действия без поручения, иного указания или заранее обещанного согласия заинтересованного лица в целях предотвращения вреда его личности или имуществу, исполнения его обязательства или в его иных непротивоправных интересах (действия в чужом интересе) должны совершаться исходя из очевидной выгоды или пользы и действительных или вероятных намерений заинтересованного лица и с необходимой по обстоятельствам дела заботливостью и осмотрительностью.

Действуя по назначению суда, адвокат не имеет поручения от самого доверителя, чьи интересы необходимо представлять, а также защищать права, в том числе и имущественные. Законодатель определил основное условие, определяющее действие как действие в чужом интересе, это то, что лицо

(гестор) должен совершить действие (работу) в интересах другого лица (доминуса) без прямого указания последнего, но в его интересах с целью предотвращения причинения какого-либо вреда его правам или интересам.

Необходимость реализации полномочий адвоката на исполнение конкретного поручения доверителя требует удостоверенной нотариусом доверенности, поскольку процессуальное право предоставляет адвокату лишь ряд общих процессуальных прав. Доверенность — это односторонняя сделка по уполномочиванию одного лица другим на совершение каких-либо действий. В связи с чем, для того чтобы заключить соглашение с адвокатом, доверителю необходимо совершить указанную сделку, что в конкретном случае невозможно ввиду отсутствия последнего.

В то же время суд выступая от имени государства, назначая адвоката, тем самым реализует закрепленное Конституцией право каждому на судебную защиту и получение квалифицированной юридической помощи. В связи с чем государство фактически совершает действие в чужом интересе без поручения. Если рассмотреть нормы, сосредоточенные в гл. 50 ГК РФ, то возможно выделить ряд условий, при которых наступают соответствующие правовые последствия:

1. Действия в чужом интересе совершаются государственными или муниципальными органами.
2. Действия предпринимаются в отсутствие собственного интереса, в интересах другого лица и ведут к очевидной или возможной выгоды. При этом действия могут совершаться как юридического, так и фактического характера. В данном случае суд, действуя в чужом интересе, совершает юридическое действие, выраженное в назначении адвоката для представления интересов и защиты прав, лица, которое в силу объективных причин не может лично реализовать свое право на защиту.
3. Действия, совершаемые в интересах другого лица, должны быть правомерными, и сам интерес правомерный.
4. Действия совершаются вследствие очевидной выгоды или пользы для лица, в интересах которого действует суд.

Совокупность указанных условий имеется при назначении судом адвоката, и в свою очередь фактически порождает внедоговорные отношения, в которые вступает суд с адвокатом.

Действия в чужом интересе относятся к односторонней сделке и выражаются в том, что суд в одностороннем порядке принимает решение и выносит судебный акт о назначении адвоката ответчику (административному ответчику) для участия в процессе. Однако деятельность адвоката в ходе исполнения назначения не регламентируется ни нормами права, ни соглашением.

В соответствии с ч. 4 ст. 185 ГК РФ [2] положения о доверенности применяются и в случае, если полномочия содержатся непосредственно в договоре. В связи с чем нецелесообразно усложнение правоотношений адвоката и доверителя необходимостью выдачи нотариальной доверенности, если полномочия адвоката могут быть изложены в самом соглашении.

В связи с чем допустимо рассмотреть вопрос о возможности заключения соглашения между судом и адвокатским образованием (поскольку именно оно направляет конкретного адвоката на исполнение определений суда при возложении исполнения на конкретного адвоката). При этом в рамках автоматизированной системы определения конкретного адвоката по назначению суда возможно заключение соглашения с адвокатской палатой субъекта РФ.

Необходимость определенности в субъектах и наличия такого соглашения вытекает из вопроса о гражданско-правовой ответственности, которую несет каждый адвокат перед своим доверителем в рамках конкретного соглашения.

В данной работе уже исследовался вопрос об особенности статуса адвоката, что позволило прийти к выводу о том, что возложенная на адвоката ответственность при осуществлении адвокатской деятельности по реализации конституционного права, гарантированного государством на получение квалифицированной юридической помощи, вполне отвечает высоким требованиям, предъявляемым к адвокатам.

Нотариальное удостоверение полномочий при осуществлении представительства основано на нормах процессуального законодательства при согласовании адвокатом и довери-

телем конкретных действий, в частности, по подписанию ряда процессуальных документов. При совершении данного нотариального действия нотариус не обязан осуществлять каких-либо специальных действий, на которые был бы уполномочен только он. Правовым основанием совершения данной сделки является дееспособность гражданина и его волеизъявление на передачу своих полномочий адвокату. При этом дееспособность нотариус оценивает по собственному наблюдению, восприятию, опыту и лишь при наличии сомнения в психическом здоровье вправе требовать предоставления медицинского освидетельствования.

Однако адвокат при заключении соглашения с доверителем, аналогично нотариусу, выясняет вопрос о наличии дееспособности гражданина, обратившемуся за оказанием ему юридической помощи, поскольку это имеет правовое значение, как и при заключении любого другого договора. Отсутствие дееспособности у доверителя влечет последствия, предусмотренные ст. 171 ГК РФ [2]. В связи с чем при наличии у адвоката сомнения в дееспособности доверителя он теоретически имеет возможность запросить от него справку медицинского характера, поскольку это не запрещено законом.

Согласование полномочий адвоката в соглашении заключаемого с доверителем, поскольку это не запрещено законом, позволило бы разрешить некоторые вопросы, связанные с реализацией полномочий, в том числе в случае назначения адвоката по основаниям, предусмотренным законом, равно как устранить пробелы в законодательстве, которые порождают правовые коллизии.

Принимая во внимание, что в рамках оказания юридической помощи адвокат совершает разные процессуальные действия, начиная с проведения досудебной деятельности с целью урегулирования конфликта (составление претензий, ведение переговоров, сбор документов, обращение к специалистам и др.), консультирование, составление правовых и процессуальных документов, а также осуществляя представительство в суде, государственных учреждениях, организациях разных форм собственности, соглашение адвоката должно содержать положения о каждом таком поручении, а следовательно,

невозможно выделить один какой-то конкретный вид договора. В связи с чем соглашение адвоката — это смешанный договор, который позволяет его сторонам согласовать условия исходя из конкретных обстоятельств и потребностей каждого из участников соглашения. При этом субъекты данного правоотношения могут моделировать договор, делая его более приспособленным под их экономические потребности, используя элементы договоров, уже урегулированных нормами гражданского права.

Литература

1. Конституция Российской Федерации.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации.
3. Адвокат навыки профессионального мастерства / под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 5.
4. Пак М. З. О юридической природе договора на оказание правовых услуг // Адвокат. 2006. № 1.
5. Владимирова И. А. Особенности гражданско-правового регулирования оказания услуг адвокатом: дисс. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2006. С. 33.
6. Карманов А. Ф. Соглашение об оказании юридической помощи: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 17.
7. Брагинский М. И, Витрянский В. В. Договорное право. Т. 3: Договоры о выполнении и оказании услуг. М.: Статут, 2002. С. 221–222.
8. Бардин Л. Н., Мاستинский Я. М., Минаков А. И. О недостатках Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре по вопросу о правовых основаниях оказания адвокатом юридической помощи // Адвокатская практика. 2003. № 4. С. 3.
9. Адвокат: навыки профессионального мастерства / под ред. Л. А. Воскобитовой, И. Н. Лукьяновой, Л. П. Михайловой. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 5.
10. Собр. законод. РФ 2002 № 23. Ст. 2102 (с изм.).
11. Кратенко М. В. Договор об оказании юридической помощи в современном гражданском законодательстве. М.: Статут, 2006. С. 71.
12. Клигман А. В. Договор поручения (с участием граждан) / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. М.: Информ-Право, 2020. С. 75.
13. Ануфриев Д. В. Адвокатура как институт гражданского общества в многонациональной России: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 162.
14. Токмаков И. С. Соглашение об оказании юридической помощи: теория и практика адвокатской деятельности: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

ФОРМИРОВАНИЕ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА. ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

В. В. Карпова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
Karpusha2017@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования судебного корпуса. Проводится анализ научных статей отечественных и зарубежных авторов, их позиции и основные мысли относительно пополнения судебного корпуса.

Ключевые слова: судья, судебский корпус, кадры, гендер, формирование, тенденция.

Abstract. The article discusses the process of forming the judiciary. The analysis of scientific articles by domestic and foreign authors, their positions and main thoughts on the replenishment of the judicial corps is carried out.

Keywords: judge, judicial corps, personnel, gender, formation, trend.

Вопросы формирования судебного корпуса занимают одно из центральных мест при изучении судебной системы в целом. Они представляют собой некие пути развития судебного общества, во взаимосвязи с причинами, носящие исторический, политический и экономический характеры в разное время был свой путь формирования.

Данный вопрос представляет большой интерес в научных кругах. Это обусловлено тем, что судебная система РФ относительно недавно выстроилась как самостоятельный правовой институт и какими способами он пополняется, организуется, развивается на протяжении определенного времени, позволяет делать некие выводы о том, существуют ли наиболее частные, установленные тенденции, которые приняты в судебском обществе при его формировании, и влекут ли они какие-либо проблемы.

Судебная система РФ относительно недавно выстроилась как самостоятельный правовой институт и какими способами она пополняется, организуется, развивается на протяжении определенного времени, позволяет делать некие выводы о том, существуют ли тенденции его пополнения и развития.

Говоря о судебском корпусе, мы имеем в виду совокупность государственных должностных лиц, занимающих должности судей. В судебский корпус входят не только действующие судьи, но и пребывающие в отставке.

Судейский корпус должен состоять из судей, которые обладают особой квалификацией и высоким профессионализмом. При этом им также присущи такие качества, как повышенная ответственность, рассудительность и нравственность, ведь итогом судебной деятельности является вынесенное решение, которое должно соответствовать не только нормам права, но и справедливости.

В данной статье нам предстоит исследовать различные научные взгляды и правовые позиции относительно формирования судебского корпуса, наличествуют ли какие-либо наиболее распространенные способы формирования и играют ли роль определенные личностные характеристики при выборе кандидата в судебский корпус.

Так, В. В. Волков, являясь профессором социологии, вместе с А. В. Дмитриевой посвятил научную статью [1] изучению судей как профессиональной группы.

При анализе данной научной работы, на наш взгляд, наиболее значимым и представляющим интерес стали умозаключения о том, что при формировании судебского корпуса в вопросе пополнения кадров сложился особый подход. А именно, стало иметь значение при выборе кандидата его предшествующий опыт, а также социальные и профессиональные характеристики. Таким образом, в разные периоды времени судебский корпус формировался по-разному. Например, на стыке XX–XXI вв. значимым критерием при выборе на должность судьи являлся опыт работы в прокуратуре. Это было связано с «особым» складом ума и самой личности, работающей в системе. Уместно будет отметить и гендерную сторону, которая при таком направлении подбора кадров складывалась в большей степени из мужчин. Мы видим это весьма логичным. Действительно, в то время больше шансов стать судьей было у мужчины средних лет с опытом работы в прокуратуре, чем у молодой женщины с опытом в адвокатуре.

С течением времени изменились взгляды на процесс формирования судейского корпуса и тенденция относительно преимущественного опыта перешла к кандидату из аппарата суда. Чаще стали пополнять корпус «своими» же кадрами. В свою очередь, это породило некий дисбаланс, обусловленный наймом из внутреннего аппарата.

Интересным является взаимосвязь между тенденциями формирования судейского корпуса. Смена кадровой политики влечет смену преимущественного гендерного состава. Так, отдавая предпочтение кандидату с опытом работы в аппарате суда, судейский корпус, в прямом смысле слова, стал более женственным.

В этом вопросе существует множество факторов, приведем несколько из них:

Условия для работы не всегда являются престижными для мужчин. В каком-то смысле, это замкнутый круг. Смысл его в том, что, если основным источником пополнения кадров является аппарат суда, в котором наиболее удачно получается строить карьеру у лиц женского пола, профессия приобретает «женский окрас», а это в свою очередь, не является престижным для мужчин. На наш взгляд слово «престиж» не совсем верно отражает суть того, что мужчины уступают женщинам в количественном составе на должности судьи. Можем предположить, что мужчинам даже не всегда интересна должность судьи. Например, получив юридическое образование мужчине намного интереснее будет работать в правоохранительных органах. Данная работа славится своей опасностью, наличием и применением оружия, все это просто больше привлекает мужчин. Поэтому женщины изначально заинтересованы больше, чем мужчины в занятии должности судьи.

Девушка, получив высшее юридическое образование, начинает свою профессиональную карьеру с секретаря судебного заседания, далее переходит в помощники и только достаточно набравшись опыта, изучив всю систему изнутри, сформировав «судейский» склад ума, выдвигает свою кандидатуру на должность судьи. При этом, очень маленький процент мужчин, которые готовы пройти такой же трудный путь, чтобы стать судей. В поддержку данной позиции следует отметить,

что играет роль профессиональный критерий, а именно, профессия юриста стала актуальной за последние десятилетия и женщины охотно получают данное образование. Несмотря на то что юридическое образование дает множество перспектив, профессия судьи считается наиболее почетной. Таким образом, смена одной тенденции влечет смену другой.

В этом вопросе нельзя проигнорировать и психологическую составляющую. Существует довод о том, что женщины более эмоционально восприимчивы [3]. Если бы эта позиция имела полную силу, то не существовало бы никакого единства судебной практики. Поэтому, мы считаем, что эмоциональные черты присуще как женщинам, так и мужчинам в разной степени. Судья должен быть «бесполым», чтобы не иметь неподконтрольный эмоциональный эффект.

Позиция В. В. Волкова и А. Д. Дмитриевой [1] касаясь психологического аспекта заключается в следующем: авторы утверждают, что гендерное различие напрямую связано с психологическими аспектами. Их довод заключается в том, что женщины, работающие в аппарате суда, отличаются большей продуманностью. Они ведут себя стратегически правильно и, как ни странно, оказываются более трудоспособными в рамках судебного корпуса.

Но справедливым будет отметить, что по своей природе женщины более чувствительны, чем мужчины. Так, Е. А. Иванова в исследовании под названием «Гендерный дисбаланс в Российском судебном корпусе: феминизация профессии» [2] отметила, что судья не может судить по-разному в зависимости от принадлежности его к определенному полу. На наш взгляд, это изначально искажает справедливость всего судебного процесса.

В данном вопросе интересно обратиться к зарубежной литературе. Так, Д. Финан в монографии «Женщины-судьи: гендерный подход к судейству» [6] поддержал мысль о том, что сейчас в вопросе формирования судейского корпуса есть тенденция на увеличение представительства женщин в суде. Автор анализирует утверждение о том, что «женщины имеют право голоса, отличное от голоса мужчин», т. е. предполагая их неравное положение как судей. Этот аргумент в значитель-

ной степени потерпел неудачу, и более свежее обоснование основывается на необходимости разнообразия в судебной системе, имея в виду то, что не следует отдавать значительное предпочтение одной из гендерных групп. В данном вопросе необходим баланс, с чем мы полностью согласны.

Научный интерес представляет и то, что отечественные ученые отмечают одной из проблем в формировании судебного корпуса его гендерный дисбаланс. Зарубежные авторы в свою очередь, формулируют эту проблему как структурную дискриминацию, от которой берет свое начало негативное отношение к преимуществу женщин. Так, полагаем, что статистика формирования судебного корпуса независимо от государства примерно идентичная. На первый план выходят личностные качества и предшествующий опыт, и, как показывают исследования, женщины находятся в приоритете при выборе на должность судьи. В обществе формируется различное отношение к этому. Мы же, в свою очередь, не видим явных причин, которые негативно бы влияли на судебское общество в целом, и как уже указывалось нами ранее, судья выражает закон и является «бесполым».

Таким образом, мы видим, что процесс формирования судебного корпуса подразумевает собой комплекс взаимосвязанных вопросов, которые задают определенные направления развития судебного общества в целом. Имеют значение такие вопросы как: способ, источник пополнения кадров, преимущественный опыт, образование, возраст, пол.

Рассмотрев исследование авторов, можно сделать вывод о явной динамике в положительную сторону развития судебного корпуса. Полагаем, что формирование судебного корпуса, это процесс, который задает направление развития судейства в РФ. Несомненно, важным фактором при выборе кандидата является не только его знание норм права, но сами свойства и навыки кандидата, его ценностный установки, психологический склад личности, ведь от качеств человека зависит напрямую, какие решения он будет принимать, находясь в статусе судьи.

Ответственность судьи неоспорима велика, ведь судья является неким транслятором справедливости и приоритета закона.

Литература

1. Волков В. В., Дмитриева А. В. Источники рекрутирования, гендер и профессиональные субкультуры в российской судебной системе // Социология власти. Т. 27. 2015. № 2.
2. Иванова Е. А. Гендерный дисбаланс в Российском судебном корпусе: феминизация профессии // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 4. 2018.
3. Волков В. В., Дмитриева А. В., Поздняков М. Л., Титаев К. Д. / под ред. В. В. Волкова. М.: Российские судьи: социологическое исследование профессии: моногр. М.: Норма: Инфра-М, 2018.
4. Дмитриева А. В., Савельев Д. А. Источники пополнения судейского корпуса РФ и роль аппарата судов: Институт проблем правоприменения. СПб., 2018.
5. Горбуз А. К., Краснов М. А., Мишина Е. А., Сатаров Г. А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. М.; СПб.: Норма, 2018.
6. Feenan D. Women Judges: Gendering Judging, Justifying Diversity // Journal of Law and Society. Vol. 35. № 4. 2018.

ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ДОМЕННЫХ ИМЕН: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Н. С. Карцева

Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского государственного университета
доцент кафедры гражданского права
кандидат юридических наук, доцент
37korona@mail.ru

П. К. Комиссарова

ООО «СТАТУС»
ведущий специалист
pkomissarova@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам создания правового регулирования отношений, возникающих в связи с переходом прав на доменные имена по наследству.

Ключевые слова: доменное имя, наследство, сайт, сеть Интернет, наследник.

Abstract. The article is devoted to certain aspects of the creation of legal regulation of relations arising in connection with the transfer of rights to domain names by inheritance.

Keywords: domain name, inheritance, website, Internet, heir.

Сегодня цифровая трансформация коснулась всех сфер жизнедеятельности человека, что неизбежно ведет к изменению традиционных форм взаимодействия между людьми, а также к появлению новых объектов, существующих исключительно в цифровом пространстве. Причем наличие в сети Интернет огромного количества сайтов обеспечивает возможность пользователям не только найти интересующую информацию практически по любой теме, но и приобрести товар либо же получить различного рода услуги. При этом уникальный адрес определенного веб-ресурса определяет доменное имя, которое играет ключевую роль в онлайн-маркетинге и продвижении бренда в сети Интернет.

Оговоримся, согласно определению, закрепленному в федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 12 декабря 2023 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», доменное имя — это обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети Интернет в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети Интернет. Однако стоит сказать, что в настоящее время доменные имена не просто служат средством для адресации сайтов, а представляют собой ценные коммерческие активы, поскольку зачастую дублируют фирменное наименование или товарный знак.

При этом в настоящее время в законодательстве отсутствуют нормы, которые бы регламентировали отношения, связанные с фиксацией и использованием доменных имен, в том числе не закреплены и механизмы осуществления процедуры наследования доменных имен. Однако решение указанного вопроса становится все более востребованным, поскольку со дня регистрации первых доменных имен в России пошло уже около 30 лет, а значит, и появление наследников закономерно, что неизбежно приведет к возникновению большого количества споров. Кроме того, как уже было отмечено, доменное имя способствует идентификации интернет-ресурса, в связи

с чем после смерти правообладателя доменного имени возникает риск недобросовестного получения прав на него, например, с целью продажи товаров или оказания услуг под именем бренда, ранее набравшего популярность среди определенного круга лиц. В связи с чем уже сегодня требуется вмешательство законодателя с целью разработки необходимого формата правового регулирования процедуры наследования доменного имени.

Отметим, уже сейчас многие граждане обращаются к регистраторам доменных имен по вопросам их наследования. В связи с чем повышенный интерес к упорядочению отношений в этой сфере обусловил разработку отдельных аспектов процедуры наследования самими регистраторами доменных имен.

Так, согласно данным, размещенным на официальном сайте ООО «Регистратор доменных имен РЕГ.РУ», для того чтобы в случае смерти администратора доменного имени право администрирования на домен перешло к определенному лицу, т. е. наследнику, администратор может заключить с «Рег.ру» соглашение о переходе прав администрирования доменного имени в случае смерти администратора [1]. В этом случае для осуществления регистрации соответствующего доменного имени наследником, указанным в соглашении, он должен не позднее 30 дней с момента смерти наследодателя обратиться с заявлением к регистратору. Согласно же процедуре, установленной АО «РСИЦ» (RU-CENTER), в случае смерти администратора домена и по прошествии шести месяцев со дня открытия наследства [2], наследнику необходимо заключить договор с указанной компанией и предоставить соответствующие документы. И здесь, наличия соглашения, заключенного еще при жизни наследодателя, вообще не требуется.

Таким образом, изучив две предлагаемые регистраторами наследственные процедуры, которые не установлены действующим законодательством, можно констатировать, что они неоднобразны как по сроку обращения, так и по кругу лиц, которые могут обращаться с соответствующим запросом, что создает неравные возможности для потенциальных наследников на рынке доменных имен и, безусловно, повле-

чет возникновения различного рода злоупотреблений правами в этой сфере. Кроме того, установленные регистраторами правила не могут гарантировать наследнику абсолютное отсутствие претензий третьих лиц, поскольку существуют вне правового поля.

Итак, переходя к рассмотрению процедуры наследования в рамках гражданского законодательства России, необходимо оговориться, что в настоящее время исследуемый аспект осложнен и неоднозначностью судебной практики, даже относительно самой возможности наследования данного объекта. Представляется, что сложившаяся ситуация обусловлена отсутствием доменного имени среди закрепленных объектов гражданских прав, помимо этого, его легальное определение, как и иные нормы, в которых оно упоминается, не раскрывают правовую природу.

И здесь стоит сказать, что для использования доменного имени не возникает ситуации его купли-продажи — право на доменное имя приобретается на основании возмездного договора об оказании услуг регистрации доменных имен. При этом п. 1.1 Правил регистрации доменных имен в доменах «.RU» и «.РФ», утвержденных Решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 5 октября 2011 г. № 2011-18/81 (в ред. от 7 ноября 2022 г.) (далее — Правила) регистрация доменного имени определяется как внесение в Реестр сведений о доменном имени, его администраторе и иных сведений, установленных Правилами [3]. В связи с чем можно констатировать: регистрация доменного имени не порождает права собственности в привычном его понимании, а лишь удостоверяет техническую возможность использования конкретного доменного имени как средства адресации в сети Интернет для личного, коммерческого или иного использования. Исходя из чего доменное имя можно воспринимать как услугу регистратора, а значит, в данном контексте наследование доменного имени не представляется возможным, поскольку исходя из ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации оказание услуг в состав наследства не входит.

Указанная позиция встречается и в судебной практике. Так, председатель Суда по интеллектуальным правам Л. А. Новоселова на заседании рабочей группы Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам привела в качестве примера одно из решений Мытищинского районного суда города Москвы, где «содержится вывод о том, что доменное имя по наследству перейти не может, так как доменное имя представляет собой услугу по «переадресации», — соответственно, услуги по наследству не переходят» [4]. Кроме того, в 2020 г. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда, рассматривая апелляционную жалобу на решение районного суда, которым отказано в удовлетворении исковых требований о признании права на доменное имя, обязаны осуществить перерегистрацию доменного имени, установила: «поскольку из условий договора оказания услуг не следует, что после смерти ... права на доменное имя переходят к наследникам, оснований для удовлетворения иска у суда не имелось» [5]. При этом сторона истца приводила доводы о наличии как научно обоснованной позиции, так и сложившейся судебной практики по отнесению права на доменное имя к имущественным правам, однако, суд их отклонил как противоречащие нормам федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также положениям Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно ст. 418 («Прекращение обязательства смертью гражданина») и гл. 39 («Возмездное оказание услуг»).

Проанализировав приведенную практику, можно сделать вывод, что, поскольку законодательство не относит доменное имя к какому-либо объекту гражданских прав, судебные органы нередко при принятии решений исходят именно из природы договора, заключаемого между администратором и регистратором доменного имени.

Однако вывод о рассмотрении доменного имени исключительно в качестве вида деятельности, признаваемого возмездным оказанием услуг, противоречит его функциональной составляющей, которая заключается в адресации сайта, а также его выделении среди всех остальных интернет-ресур-

сов. И здесь, следует оговориться, что в правовой доктрине распространена позиция, согласно которой доменное имя относят к средствам индивидуализации, что видится целесообразным, поскольку именно эту функцию оно и выполняет по отношению к определенному сайту. Вместе с тем, исходя из экономической ценности и высокой значимости самого доменного имени, как объекта цифрового пространства, наиболее обоснованным представляется рассмотрение его в качестве имущества, существующего исключительно в интернет-среде и способного выполнять функцию индивидуализации интернет-ресурса. И в этой связи, разрешать вопросы наследования права на доменное имя необходимо исходя из общих положений о наследовании имущественных прав.

Данная позиция также находит свое отражение и в судебной практике. И здесь возможно привести определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда, вынесенного 28 сентября 2022 г. Так, на заседании была рассмотрена апелляционная жалоба на решение суда первой инстанции, которым было отказано в удовлетворении исковых требований об обязании внести изменения в реестр доменных имен, исходя из заключенных договоров об оказании услуг. Однако, судебная коллегия, изучив процедуру регистрации доменного имени, пришла к выводу: «право администрирования доменного имени, по смыслу закона, признается имущественным правом, имеющим денежную стоимость и участвующим в обороте, и которое в силу ст. 1112 ГК РФ может входить в состав наследственного имущества» [6]. Вследствие чего по делу принято новое решение об удовлетворении исковых требований в полном объеме.

Итак, во избежание серьезных разногласий в правоприменении, представляется целесообразным закрепить в гражданском законодательстве норму, регламентирующую право на доменное имя, согласно которой оно и будет рассматриваться как объект имущественных прав и, как следствие, входить в состав наследства. Вместе с тем первостепенным видится внесение в утвержденные Решением Координационного центра национального домена сети Интернет Правила как основополагающего на данный момент документа по регулиро-

ванию вопросов в отношении доменных имен, положений относительно процедуры оформления прав на доменное имя, переданных по наследству, особенностей реализации прав и обязанностей наследника доменного имени, а также обязанностей регистратора при проведении такой процедуры.

Таким образом, рассмотрев в настоящем исследовании основные нюансы наследования доменных имен, можно сделать вывод, что данный объект должен включаться в состав наследственной массы как имущественное право. Вместе с тем, учитывая актуальность рассматриваемого аспекта, в целях создания единообразной практики по наследственным спорам в отношении доменных имен, видится необходимым совершенствование законодательства в данной сфере, что позволит защитить права и законные интересы наследников.

Литература

1. Наследование домена // Официальный сайт ООО «Регистратор доменных имен РЕГ.РУ». URL: <https://help.reg.ru/support/pravovyye-voprosy/kliiyentam/nasledovaniye-domena> (дата обращения: 08.05.2024).
2. Можно ли передать домен по наследству? // Официальный сайт АО «РСИЦ» (RU-CENTER). URL: https://www.nic.ru/help/mozhno-li-peredat6-domen-po-nasledstvu_3742.html (дата обращения: 08.05.2024).
3. Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ (утв. Решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 5 октября 2011 г. № 2011-18/81) (в ред. от 7 ноября 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Протокол № 2. Заседание рабочей группы Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 23 января 2014 г. // Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам. URL: <https://ipc.arbitr.ru/node/13473> (дата обращения: 10.05.2024).
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 2 марта 2020 г. № 33-9821/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/548875824> (дата обращения: 13.05.2024).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 28 сентября 2022 г. № 33-38299/2022 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1300025112> (дата обращения: 13.05.2024).

ПОНЯТИЕ ПРАВА СЛЕДОВАНИЯ В ВЕЩНОМ ПРАВЕ РФ

К. В. Косарев

Кузбасский институт ФСИН России
старший преподаватель
кафедры гражданско-правовых дисциплин
Writer999@mail.ru

Аннотация. Нормами семейного права предусмотрено возникновение обязательств при наступлении определенных юридических фактов. Например, содержание несовершеннолетнего ребенка. Закон допускает два способа определения размера алиментов: договорной и судебный. Договорной выражается в заключении соглашения об уплате алиментов. Данное соглашение представляет собой договор. Целью написания данной статьи является рассмотрение условий соглашения об уплате алиментов. Автором предпринята попытка провести анализ судебной практики, научной литературы и законодательства зарубежных стран.

Ключевые слова: алименты, соглашение об уплате алиментов, договор, содержание соглашение об уплате алиментов.

Abstract. The norms of family law provide for the emergence of obligations upon the occurrence of certain legal facts. For example, the maintenance of a minor child. The law allows two ways to determine the amount of alimony; contractual and judicial. Contractual is expressed in the conclusion of an agreement on the payment of alimony. This agreement is a contract. The purpose of writing this article is to consider the terms of the agreement on the payment of alimony. The author made an attempt to analyze the judicial practice, scientific, literature and legislation of foreign countries.

Keywords: Alimony, agreement on the payment of alimony, contract, content of the agreement on the payment of alimony.

Право следования является одним из важнейших черт в вещном праве, при этом одной из малоизученных. В этой связи считаем правильным предпринять попытку и рассмотреть понятие данного права.

Право следования является одним из важнейших элементов вещного права и представляет собой особое право, предоставляемое владельцу вещи. Это право обеспечивает владельцу возможность использовать свою вещь в определенных целях, сохраняя при этом ее неприкосновенность и обладая правом преследования вещи в случае ее утраты или ущерба.

Следует отметить, что право следования встречается не только в вещном праве, но и в других институтах частного права, например, права нанимателя (ст. 675), права рентополучателя (ст. 586), права авторов (ст. 1293).

Суть права следования заключается в том, что владелец вещи имеет право пользоваться ею по своему усмотрению в пределах законодательно установленных рамок. Это означает, что владелец может использовать свою вещь для своих нужд, сдавать ее в аренду или передавать другим лицам на использование. В рамках этого права владелец вещи имеет право самостоятельно определять условия использования своей собственности, в том числе устанавливать цену аренды, сроки пользования и другие важные параметры.

Как отмечают в литературе, «Классически считается, что ограниченное вещное право следует за вещью, смена фигуры собственника не прекращает это вещное право. Иначе говоря, право следования является одним из вариантов действия против третьих лиц» [1].

«Вещные права обременяют вещи и следует за ними. При чем такой признак, как право следования, является одним из двух признаков, которые в настоящее время непосредственно закреплены в ст. 216 ГК РФ. Данный признак закреплен в п. 3 ст. 216 ГК РФ, в соответствии с которым переход права собственности на имущество к другому лицу не является основанием для прекращения иных вещных прав на это имущество. Это означает, что право следует за вещью. Вещное право непосредственно обременяет вещь и следует за вещью» [2].

На эту особенность право следования обращают внимание и другие авторы: «Переход права собственности на имущество к другому лицу не является основанием для прекращения иных вещных прав на это имущество, получается, что право следует за вещью, так возникает один из признаков вещного права право следования. В случае отчуждения заложенного имущества, при переходе права от залогодателя к другому лицу залог сохраняется (ст. 353 ГК РФ). Собственник вещи, выбывшей из его владения помимо его воли, в частности в результате хищения, либо сделки, совершенной путем обмана или применения насилия, не перестает быть собствен-

ником и вправе истребовать вещь из чужого незаконного владения (ст. 301 ГК РФ), за исключением случаев, предусмотренных в ст. 302 ГК РФ» [3].

При этом следует отметить, что владелец обязан использовать свое право следования таким образом, чтобы не нарушать права других лиц и не причинять вред окружающей среде или обществу. Например, если владелец недвижимости решает сдать ее в аренду, он обязан соблюдать все требования закона и не допустить незаконного использования своей собственности со стороны арендатора. Также владелец вещи не может использовать свою собственность для осуществления деятельности, запрещенной законом или моральными нормами общества.

Следует отметить, что право следования включает в себя право преследования вещи в случае ее утраты или ущерба. Это означает, что, если вещь была украдена или повреждена по вине третьего лица, владелец имеет право обратиться в суд с требованием возмещения причиненного ущерба или возврата утраченной вещи.

Таким образом, право следования играет важную роль в вещном праве, обеспечивая владельцу вещи возможность ее использования и защиты от незаконных действий третьих лиц. Правильное использование этого права способствует обеспечению справедливости и уравниванию интересов собственников и пользователей вещей.

Литература

1. Григорьян Д. В. Обязательственные начала в вещном праве: немецкий подход // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 12. С. 114–161.
2. Корнилова Н. В. О признаках вещного права // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4 (184).
3. Мазанаев М. Ш., Абдурахманова М. Г. Владение как правомочие собственника // Образование и право. 2020. № 8.

О СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЯХ

О. Ю. Косова

Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
профессор кафедры гражданского права и процесса
доктор юридических наук, доцент
olurko@mail.ru

Аннотация. В статье обращается внимание на значимость юридического понятийного аппарата в правовом регулировании, а также необходимость при редактировании действующего семейного законодательства соблюдать юридико-технические требования к его формированию, бережно относиться к правовой традиции, соотносить принимаемые нормы с социальной действительностью. Учитывая значимость института семьи для общества, это важно для адекватности и эффективности правового воздействия на семейную сферу, соблюдения режима законности. Анализируются выдвинутые в порядке законодательной инициативы предложения относительно легализации ряда семейно-правовых терминов, высказываются соответствующие замечания и рекомендации. На основе существенных признаков брака сформулировано его понятие в юридическом аспекте.

Ключевые слова: понятийный аппарат, корректировка семейного законодательства, законопроект.

Abstract. The article draws attention to the importance of the legal conceptual apparatus in legal regulation, as well as the need, when editing the current family legislation, to comply with the legal and technical requirements for its formation, to be careful about the legal tradition, and to correlate the accepted norms with social reality. Considering the importance of the family institution for society, this is important for the adequacy and effectiveness of legal influence on the family sphere and compliance with the rule of law. The proposals proposed as a legislative initiative regarding the legalization of a number of family law terms are analyzed, and relevant comments and recommendations are made. Based on the essential features of marriage, its concept is formulated in a legal aspect.

Keywords: conceptual apparatus, adjustment of family legislation, bill.

Для эффективной единообразной соответствующей закону правоприменительной деятельности публичных органов, а также законотворчества исключительно важное значение в правовом регулировании имеют сформировавшиеся и используемые для нормирования общественных отношений понятия. Их смысловое содержание должно быть адекватно отраженным в них фактам социальной действительности.

сти, требующим юридической квалификации, единообразно понято и принято для использования не только конкретными лицами, выполняющими должностные функции, но и по большей части самими участниками общественных отношений для защиты принадлежащих им субъективных прав.

Различия в научной и юрисдикционной трактовке базовых юридических категорий нередко обусловлены юридикотехническими погрешностями их фиксации, смысловой неопределенностью, отсутствием последовательности и логики в построении системы отраслевых правовых норм, что не способствует формированию единой для страны правоприменительной практики, укреплению законности, что вряд ли приемлемо для правового государства. Отсюда актуальность вопроса об отраслевой семейно-правовой лексике, на основе которой выстраивается правовое регулирование отношений, связанных с функционированием важнейшего для общества института семьи, что приобретает особую социальную значимость на фоне кризисного его состояния.

Процессы, протекающие в семейной сфере российского общества, приводят к ослаблению традиционных семейных и родовых связей людей. Не без этого в общественном сознании теряются смысловые контуры ранее вполне устоявшихся и очевидных базовых жизненных понятий. В немалой степени процессы размывания категориальных смыслов усиливаются популяризацией, прежде всего средствами массовой информации, аномальных и по большому счету асоциальных форм жизни, скрывающихся под внешне приемлемой для общества знакомой терминологической оболочкой, например, «гостевые», «однополовые» или «фактические» браки, «ювенальная» юстиция, «суррогатное» материнство, «потенциальные» родители, «планирование» семьи, «временная защита» детей и другие, которые постепенно включаются в правовое регулирование и приобретают юридическое значение. Вследствие этого появляется потребность смыслового упорядочения и легального раскрытия основополагающих понятий семейно-правовой сферы в целях формирования правосознания общества, управляющих им субъектов, а также обучающихся.

Смысловое значение слова «понятие» в русском языке имеет несколько смысловых оттенков, согласно трактовке С. И. Ожегова, это: 1) логически оформленная общая мысль о классе предметов, явлений; 2) представление, сведения о чем-нибудь; 3) уровень понимания чего-нибудь [6]. Следуя выстраиваемому на базе русской лексики философскому подходу, понятия выступают как результат познания протекающих в мире явлений и процессов в их развитии и взаимосвязи, исторически от простых до более глубоких мыслительных форм. Понятия отражают сущностные признаки таких явлений, процессов и зафиксированы в определенных языковых формах. Они делают возможным «установление точного значения слов и оперирование ими в процессе мышления», используя его активность и творческий характер»; «... при помощи понятия происходит более глубокое познание действительности путем выделения и исследования существенных сторон ее» [1, с. 321]. С помощью определения понятий выстраиваются логически связанные более широкие по охвату и глубокие суждения о взаимосвязи явлений, будучи системно объединены они формируют теории.

Семейный кодекс РФ [5] (далее — СК РФ) юридически наиболее приближен к институту семьи и поведению людей в семейных отношениях. Не случайно поэтому он в большей степени, чем имеет место в ином отраслевом источнике, использует соответствующие понятия: семья, брак, супруги, родители, дети, родство, попечение, общая собственность супругов, члены семьи, осуществление и защита их прав и другие, которые могут применяться в нормативных актах правой отраслевой направленности.

Говоря о категории «понятия» важно заметить, что явления и процессы, связанные с созданием и функционированием семьи объективны и в силу своей специфики протекают достаточно автономно от воздействия законов, а отсутствие последних не исключает существования семей, — как известно, право появилось вместе с государством, гораздо позже, чем институт семьи. Изменения в правовых нормах не меняют его сущности, но указывают на состояние, которое законодатель стремится с его точки зрения «усовершенствовать» в опреде-

ленном политико-правовом направлении, в том числе подвести под определенные идеологические параметры или даже лоббируемые теоретические позиции. Например, согласно нормам общественной морали, религии и традиции практически всех народов России еще в начале XX в. совместная семейная жизнь до брака или вне брака считалась аморальной, греховной. Нацеленность на разрушение «буржуазного» брака («основы буржуазной семьи») и отделение конфессий от государства в первой трети прошедшего века сменили форму брака с конфессиональной на общегражданскую, — светскую, привели к легализации на некоторый период «фактических брачных отношений» (1926–1944 гг.).

Запоздалые и ошибочные правовые решения, основанные на неадекватных представлениях о действительном положении дел, способны если не уничтожить, то деформировать законодательство и социальные связи. В этом аспекте интерес представляет проект Федерального закона № 157281-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] в части планируемых перемен в понятийном аппарате действующего СК РФ, хотя текстуально проект масштабен и помимо названных в нем планируются более значимые корректировки. Предлагаемые новеллы, определяющие смысловое содержание двенадцати терминов, законопроектом сосредоточены в ст.1¹, дополняющей общую часть СК РФ. При всей теоретической дискуссионности проблемы легализации понятий семейного права, полагаем, что терминологический ряд, раскрываемый в этой статье, в смысловом и юридико-техническом отношении далек от совершенства. В рамках ограниченного объема настоящей работы детально обратимся лишь к предлагаемому определению брака, значимость которого несомненна, — это основа семьи.

В п. 2 ст. 1¹ брак определяется как «добровольный союз мужчины и женщины, направленный на создание семьи, государственная регистрация заключения которого осуществляется в соответствии с настоящим Кодексом и Федеральным законом от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния».

В доктринальных определениях брака часто присутствует признак добровольности брачного союза. Концептуально брак, как многофакторное социальное явление, может существовать пока совместная жизнь удовлетворяет стороны и социум. Между тем, в русском языке слово «союз» уже предполагает добровольность участия в нем, а указывающее на это обстоятельство «взаимное согласие сторон» формально названо «условием заключения брака» (ст. 12 СК РФ). Добровольность брака как обязательное условие его существования заложено в процедурах заключения и расторжения брака, содержащихся в СК РФ и более детально в ФЗ «Об актах гражданского состояния» [3] (далее — ФЗАГС). Поэтому признак «добровольности» в рассматриваемом определении брака представляется излишним.

Брак является основой семьи и ввиду его социальной значимости требует правовой охраны, которая невозможна без юридического публичного подтверждения возникновения супружеского правоотношения, — в настоящее время это государственная регистрация заключения брака. Однако привязка «регистрации» брака к СК РФ и ФЗАГС в самой конструкции этого базового понятия в качестве сущностного признака вызывает недоумение: получается, что до принятия этих законов брака в России не существовало или, к примеру, в случае принятия иных законов, определяющих порядок оформления брака, — существовать не будет. К тому же указание на реквизиты (дату, номер) ФЗАГС отягощает смысловое содержание раскрываемого термина и не вписывается в юридико-технические традиции СК РФ. Раскрывая понятие брака достаточно было бы указать, что он юридически оформляется в установленном законом порядке, при необходимости оговорив за рамками такого указания правовые источники, определяющие порядок государственной регистрации его заключения. Придание конкретным нормативным актам значения признаков брака, вводимых в его понятие, видится ошибочным.

Государственная регистрация указывает на общегражданскую форму брака в России. Между тем, в досоветский период правовая охрана в подавляющем большинстве случаев давалась государством конфессиональным бракам. Браки, оформ-

ляемые согласно канонам конфессии, также предполагают публичность, де-факто они могут иметь место в отдельных регионах России наряду с общегражданскими. Нормы морали, основанные на конфессиональной этике, получают приоритет и, не лишают такие браки признания и гарантий социальной среды. Игнорировать этот факт по сути означает игнорирование существования одной из исторически поддерживаемых государствами форм заключения брака (конфессиональной), возможность возвращения которой в законодательство (либо установление смешанной) вследствие происходящих в обществе этнокультурных процессов не исключается.

В течение века в советском семейном праве применительно к признакам брака избегали использования термина «сожитительство», который буквально означает не более чем совместное проживание, заменив его признаком «направленности на создание семьи». Какими метаморфозами общественного сознания или теории это было вызвано, теперь выяснять сложно. Однако действительность такова, что большинство современных браков оформляется, когда не имеющее правовой охраны сожитительство уже имеет место быть, зачастую длится не один год, вокруг него образуются семейные связи каждого из сожителей с их общими детьми и родственниками. Не разделяя идей правовой охраны сожитительства мужчины и женщины (так называемого «фактического брака»), вспомним, что подобный эксперимент уже был в истории отечественного права, он негативно отразился на обществе, существенным образом девальвируя традиционные семейно-ценностные ориентиры. С нашей точки зрения, возможной была бы корректировка предлагаемого проектом определения брака путем замены слов «союз мужчины и женщины, направленный на создание семьи» на слова «союз мужчины и женщины, характеризующийся их совместной семейной жизнью».

Отсутствие в проектируемом определении брака признака, являющегося следствием государственной регистрации его заключения, в виде указания на наличие у супругов взаимных прав и обязанностей, порождает вопрос, идет ли в нем речь о понятии брака в так называемом юридическом смысле.

Если так, то упущением является отсутствие такого признака, поскольку он указывает на правовую охрану отношений между мужчиной и женщиной. Именно в юридическом аспекте брак предстает в виде одного из основных видов семейных правоотношений, а именно супружеского (брачного). С этих позиций универсальным можно было бы считать определение брака проф. Г. Ф. Шершеневичем, ставшее основой для многих других определений в советский и постсоветский период. Он писал: «с точки зрения юридической брак есть союз мужчины и женщины с целью сожительства, основанный на взаимном согласии и заключенный в установленной форме» [2, с. 263]. Если же речь идет о браке как социальном, а не юридическом явлении, тогда предлагаемое проектом определение коллидирует с подходом к понятию «семья», определяемом в п. 12 ст. 1¹.

До сих пор устоявшимся подходом в отечественном семейном праве было определение брака только в доктрине: оно конструировалось с помощью базовых признаков: двух социальных (союз мужчины и женщины и ведение семейной жизни) и двух юридических признаков (оформление согласно закону и тем самым его публичное признание, а также следствие оформления — предоставление правовой охраны в виде субъективных прав и обязанностей у сторон). Отсюда, с нашей точки зрения, «юридическое» определение брака теоретически могло бы быть следующим: «брак — союз мужчины и женщины, характеризующийся их совместной семейной жизнью, оформленный в установленном законом порядке и порождающий у них взаимные права и обязанности, находится под правовой охраной государства».

Вопрос в том, нужно ли в принципе легализовать доктринальное определение брака? В последнее время в теории упорно продвигается идея о такой необходимости. Полагаем, что она не обнаруживается, так как в целом общие теоретические представления о браке сохраняются несмотря на различия в конкретных научных формулировках. Концептуально отечественное право по-прежнему исходит из давней правовой традиции, что «брак — это институт особого рода» (*sui generis*), что не оспаривается в большинстве научных публи-

каций. Если вставать на путь легализации, нужно самым тщательным образом подойти к формулировке этого понятия, однако предлагаемое законопроектом определение представляется несовершенным со смысловой и юридико-технической точек зрения.

Литература

1. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя М.: Изд. полит. Лит-ры, 1975. 495 с.
2. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 11-е изд., М.: Изд. Башмаковых, 1915. 550 с.
3. Об актах гражданского состояния: федер. закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (дата обращения: 05.06.2024).
4. О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федер. закона № 157281-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8> (дата обращения: 07.06.2024).
5. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31 июля 2023 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 18.06.2024).
6. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=22630> (дата обращения: 05.06.2024).

О ВОЗМОЖНОСТИ ВИНДИКАЦИИ АКЦИЙ И ЗАЩИТЕ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ

С. А. Краснова

Новосибирский государственный университет
доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики
Сибирский институт-филиал РАНХиГС
доцент кафедры гражданского права и процесса
кандидат юридических наук, доцент
s.krasnova@g.nsu.ru

Аннотация. Введение в российское гражданское законодательство специальных способов защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг, вопреки ожиданиям, не привело к исчезновению практики применения виндикации для возврата неправомерно списанных со счета акционера акций. В результате сравнительного анализа автор

обосновывает самостоятельный характер требования о возврате акций и выявляет негативные эффекты сложившейся судебной практики применения норм о виндикации для истребования акций.

Ключевые слова: виндикационный иск, неправомерное списание акций со счета, добросовестный приобретатель

Abstract. The introduction of special methods of protection of the rights of owners of uncertificated securities into Russian civil legislation, contrary to expectations, did not lead to the disappearance of the practice of vindication for the return of shares illegally written off from the shareholder's account. As a result of comparative analysis, the author substantiates the independent nature of the claim for return of shares and reveals the negative effects of the existing judicial practice of application of vindication norms for reclaiming shares.

Keywords: vindication claim, unauthorized withdrawal of stock, good faith acquirer

Несмотря на использование отечественным законодателем понятия «имущество» при описании виндикационного иска (ст. 301), цивилистическая доктрина в качестве объекта истребования традиционно рассматривает не любое имущество, но вещь. Этот вывод является логическим следствием признания объектом вещных прав исключительно телесных, физически осязаемых объектов (вещей). По этому признаку вещные права могут быть отграничены от других видов субъективных гражданских прав (обязательственных, интеллектуальных и корпоративных прав). Следует отметить, что особый объект — индивидуально-определенная вещь — заявлен в качестве конститутивного признака вещных прав в Проекте изменений Гражданского Кодекса [21].

В конце 90-х — начале 2000-х гг. на страницах научных публикаций появились рассуждения о необходимости расширения сферы применения виндикации и включения в нее таких объектов, как бездокументарные ценные бумаги и доли участия в хозяйственных обществах. При этом использовались разные теоретические конструкции: одни авторы предлагали применять нормы о виндикации по аналогии, другие — опирались на концепции «бестелесного имущества», бездокументарной бумаги как идеальной правовой оболочки, и заявляли о тождестве правового режима документарных и бездокументарных ценных бумаг. В судебной практике того периода также наблюдалось санкционированное Высшим

Арбитражным Судом РФ отступление от признания объектом виндикации исключительно материальных, телесных объектов: в ряде своих решений, а также в Информационном письме от 21 апреля 1998 г. № 33 [6] Суд указал, что требование собственника о возврате акций *носит виндикационный характер* и должно разрешаться по правилам ст. 302 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК).

Все эти усилия юридической теории и практики были в конечном счете направлены на преодоление правовой неопределенности режима бездокументарных ценных бумаг, отсутствия полноценного законодательного регулирования отношений, связанных с оборотом акций, долей участия в хозяйственных обществах.

Предложение о формировании особого механизма защиты владельцев бездокументарных бумаг, сформулированное в Концепции развития гражданского законодательства [7], было реализовано в рамках реформирования раздела ГК об объектах [23], направленного, в том числе, на создание особого режима бездокументарных ценных бумаг, не совпадающего с режимом документарных. Проявлением этого специального правового режима выступают способы, обеспечивающие защиту прав владельцев бездокументарных ценных бумаг в ситуации неправомерного списания их со счета правообладателя. Структурное расположение норм о них в соответствующем параграфе главы ГК о ценных бумагах (ст. 149.3, 149.4) позволяет рассматривать их как специальные, имеющие приоритет над общими способами (ст. 12 ГК).

С появлением специальных способов защиты в § 3 гл. 7 ГК РФ, актуальных в первую очередь для акционеров, можно было бы ожидать, что практика предъявления виндикационных исков для возврата незаконно списанных со счета участника АО акций сойдет на нет. Однако даже при поверхностном анализе судебных актов, принятых после 2014 г., обнаруживаются далеко не единичные случаи квалификации судами требований акционеров о возврате акций в качестве виндикационных [10; 11; 12; 14; 16]. В научных публикациях, так или иначе затрагивающих вопросы защиты прав акционеров, нередко отмечается значительное сходство предусмотрен-

ного ст. 149.3 ГК требования о возврате акций с виндикацией, его виндикационный характер [4], а некоторыми авторами выдвигаются предложения о создании обобщенного способа защиты прав на регистрируемое нематериальное имущество по модели виндикации [3, с. 357].

Однако сравнительный анализ норм ст. 149.3–149.4 и ст. 301–303 позволяет прийти к выводу, что они закрепляют разные способы защиты. Во-первых, несмотря на использованную законодателем формулировку «правообладатель... вправе требовать возврата...ценных бумаг», в действительности речь идет о восстановлении утраченных корпоративных прав, неразрывно связанных со статусом истца как акционера. Экономическая ценность любой ценной бумаги, как известно, заключается не в ее оболочке, а в тех правах, которые она удостоверяет (оформляет в случае с бездокументарными ценными бумагами). Как справедливо отмечает А. А. Кузнецов, «в центре любого вещного права находится сама вещь, из нее извлекаются полезные свойства, важна ее ценность. Тогда как позиция участника (акционера) не может быть редуцирована до вещи, просто потому что полезные свойства и ценность такой вещи, как доля (акция), здесь достигаются за счет и с участием третьих лиц, что характерно для прав требований» [1]. Кроме того, в отличие от вещных отношений — абсолютных по своей природе — корпоративные отношения, возникающие в связи с приобретением акций, носят относительный характер, и личность их участника может быть значимой для других участников. Во всяком случае в непубличных акционерных обществах (значительно более распространенных в обороте) законодатель допускает установление преимущественного права приобретения акций в случае их отчуждения акционером либо получение согласия текущих участников на отчуждение акций третьим лицам (п. 3, 5 ст. 7 федерального закона «Об акционерных обществах»). Еще более показательным является появление в составе статуса акционера обязанностей — как общих для всех участников корпораций (ст. 65.2 ГК), так и персонифицированных (п. 7 ст. 7 закона об АО), что уже заставляет сомневаться в теории акции как вещи [1].

Во-вторых, при сопоставлении внешне схожих условий применения виндикации и требования о возврате акций по ст. 149.3 ГК обнаруживаются отличия: для первой критически важным является сохранение индивидуализации и тождества вещи на момент предъявления требования о ее возврате к незаконному владельцу, тогда как иск о возврате акций в силу буквального толкования п. 1 указанной статьи не сопряжен с доказыванием этих фактов. Более того, произошедшая в период после списания акций со счета истца конвертация в другие акции не является препятствием для удовлетворения иска.

В обоих случаях на решение спора может повлиять характер приобретения (возмездное или безвозмездное) и добросовестность приобретателя. Однако применительно к возврату бездокументарных ценных бумаг есть очень важное уточнение, в большей степени обеспечивающее защиту добросовестных приобретателей, связанное со способом приобретения: если бездокументарные ценные бумаги были приобретены на организованных торгах, они не подлежат возврату (абз. 2 п. 1 ст. 149.3). Аналогичное по смыслу положение имеется и в федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ «Об организованных торгах», распространяющем свое действие и на финансовые рынки. Внесенное еще в 2017 г., оно «...осталось практически незамеченным для юридической общественности и не становилось предметом дискуссий. При этом очевидно, что положение об ограничении истребования имущества, приобретенного на организованных торгах, призвано обеспечить стабильность гражданского оборота и повысить доверие лиц к организованным торгам» [2]. Схожее по цели ограничение наблюдаем в нормах о виндикации, исключающее истребование от добросовестного приобретателя денег и предъявительских ценных бумаг независимо от того, произошло ли выбытие вещи из владения собственника помимо его воли (п. ст. 302).

Наконец, не совпадает и круг лиц, уполномоченных на применение сравниваемых способов защиты. Требование о возврате акций может заявлять исключительно акционер, т. е. лицо, на лицевом счете (счете депо) которого ранее име-

лась запись о принадлежности акций и которая была изменена в отсутствие его воли и правового основания. Во втором случае это обладатель вещного права, в том числе собственник. Указанное различие становится принципиальным в ситуациях, когда публично-правовое образование, констатируя факт нарушения приватизационного законодательства, истребует не имущество (имущественный комплекс), а акции созданного в процессе приватизации акционерного общества у нынешних акционеров.

В ряде актов, вынесенных арбитражными судами в период 2022–2024 гг., заявленные прокурорами требования были определены как виндикационные иски и рассмотрены судами по правилам ст. 301–303 ГК [15; 17; 18; 22]. Очевидно, что, не являясь первоначально акционером, государство в принципе не могло бы рассчитывать на возврат акций. Предъявление виндикационного иска для решения проблемы возврата стратегически важных объектов в публичную собственность также вызывает большие сомнения как с позиций несоответствия избранного сугубо частноправового механизма публично-правовой природе приватизационных отношений (не случайно, о защите именно публичного интереса упоминается в рассмотренных судебных решениях), так и с позиций невыполнения условия, необходимого для удовлетворения иска о истребовании имущества (отсутствие тождества между выбывшим из владения объектом и тем имуществом — акциями, которое было заявлено к возврату). Последнее, впрочем, не воспринимается судами как препятствие для виндикации акций. «Суды при разрешении настоящего спора учли цель предъявления заявленного иска и исходили из того, что восстановление контроля Российской Федерации над указанным предприятием возможно только посредством передачи в ее собственность акций АО «Волжский Оргсинтез», т. е. посредством получения государственного контроля над тем предприятием, которое было образовано на базе ранее существовавшего государственного предприятия ПО «Оргсинтез» [15].

Обозначенный судами в такого рода делах публичный интерес — «устранение незаконно установленного контроля группы лиц с участием иностранных компаний над страте-

гическим предприятием, недопущение причинение вреда жизни и здоровью человека, диверсий (с учетом характера выпускаемой предприятием продукции), остановки критически важного производства, а также дальнейшего причинения ущерба экономическим интересам государства» [16], позволяющий преодолевать возражения ответчиков о пропуске срока исковой давности, неизбежно сталкивается с не менее значимыми интересами добросовестных приобретателей. Так, в одном из недавних дел, получивших широкую огласку в СМИ, наряду с четырьмя крупными акционерами, владевшими в совокупности 89,4 % акций ПАО «Соликамский магниевый завод» и аффилированных с иностранными компаниями [17], в роли ответчиков оказались несколько тысяч граждан-миноритариев, инвестировавших свои средства в акции публичного общества. Истец (прокурор) полагал, что ответчики (акционеры) не могут являться добросовестными приобретателями, поскольку в данном случае имущество выбыло от Российской Федерации помимо ее воли. Кроме того, фактически ответчики (акционеры) не стали ни собственниками, ни правомерными владельцами спорного имущества акций Соликамского магниевого завода, в связи с чем на них не распространяются положения гл. 20 ГК РФ, предоставляющей добросовестным участникам оборота защиту собственности и иных прав [22].

Арбитражный суд, поддержав заявленное требование, отклонил возражения ответчиков о добросовестном приобретении ими акций. При этом суд посчитал неприменимым установленное ст. 149.3 ГК ограничение возврата акций, приобретенных добросовестными приобретателями на организованных торгах, поскольку «спорные акции первоначально выбыли из владения государства в отсутствие законных оснований, следует считать, что все последующие сделки с такими акциями также являются совершенными в отсутствие законных оснований. Иной подход приводит к дифференциации правовых последствий, возникающих у собственников спорных акций в зависимости от способа приобретения акций, а также не достигает цели восстановления защиты нарушенного права» [22].

Неизбежно возникает вопрос: если ограничение истребования акций не срабатывает в случае их незаконного выпуска в оборот (по мнению суда), то в каких тогда случаях оно вообще применяется? При таком ограничительном толковании (необоснованным судом) нормы установленное в целях стабильности гражданского оборота ограничение перестает выполнять свою функцию, что очевидно противоречит цели введения соответствующей нормы законодателем. Показательно, что привлеченные в качестве третьих лиц по данному делу Мосбиржа и Центральный банк РФ (далее — ЦБ) возражали против истребования акций у добросовестных миноритариев и впоследствии обратились с апелляционными жалобами на решение арбитражного суда. Но если Мосбиржа полагает, что для защиты добросовестных приобретателей необходимо внесение поправок [8], то глава ЦБ уверена, что в действующем законодательстве есть все необходимые нормы для защиты добросовестных приобретателей на организованных торгах, проблема возникает на уровне их применения [9].

Действительно, имеющиеся нормы в совокупности уже способны обеспечить защиту лиц, добросовестно приобретающих акции на организованных торгах. Судам же следует учитывать, что воплощенная в ст. 302 ГК модель ограниченной виндикации, известная практически всем современным правовым порядкам [5], является *результатом компромисса между принципами неприкосновенности частной собственности и стабильности гражданского оборота*. Предусмотренные законодателем общие условия этой модели (выбытие вещи по воле собственника, возмездность приобретения от неуправомоченного отчуждателя и добросовестность приобретателя) могут с учетом дополнительных факторов (политико-правовых оснований) в определенных случаях изменяться. Таковыми случаями являются уже упомянутые выше выбытие из владения собственника наиболее оборотоспособных объектов (денег, предъявительских ценных бумаг), а также приобретение частными лицами жилых помещений, право собственности на которое не было своевременно зарегистрировано публично-правовым образованием. Здесь уместно вспомнить, что введению п. 4 в ст. 302 ГК предшествовало постановление

Конституционного Суда РФ, в котором при сопоставлении публичного интереса и интересов частных лиц, добросовестно полагававшихся на данные реестра недвижимости, выбор был сделан в пользу последних. Конечно, в ситуации с приобретением акций на организованных торгах невозможно говорить о защите социально значимой потребности граждан в жилье, но проявляется не менее сильный фактор наряду с общим для всех случаев защиты интересов добросовестных приобретателей — стабильностью гражданского оборота. Это принцип защиты слабой стороны, каковой в корпоративных отношениях выступают участники, обладающие минимальными долями участия (миноритарии). В этой связи уместно вспомнить положения Кодекса корпоративного управления: «Чем более высокого уровня защиты интересов акционеров удастся достичь, тем на большие инвестиции смогут рассчитывать российские акционерные общества, что окажет положительное влияние на российскую экономику в целом» [13].

Представляется, что дальнейшее игнорирование судами специальных способов защиты акционеров от неправомерного лишения акций повлечет очевидно негативные эффекты: отсутствие достаточной эмпирической базы (сложившейся правоприменительной практики) не позволяет оценивать текущее правовое регулирование защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг с позиций эффективности. *Но еще более угрожающим выглядит фактически поддерживаемый судами обход закона, который позволяет удовлетворять требования о возврате акций, минуя прямо предусмотренные ст. 149.3 ГК ограничения, защищающие добросовестных приобретателей.* Такая практика, помимо прочего, противоречит и поддерживаемой высшими судами идее о недопустимости конкуренции способов защиты, в частности недопустимости применения реституции для возврата вещи из незаконного владения, установленной для недопущения нарушения гарантий защиты прав и законных интересов добросовестного приобретателя [19; п. 35, 20].

Литература

1. Кузнецов А. А. Переход доли в уставном капитале (акций): практические и теоретические проблемы // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 62–98.

2. Мальбин Д. А. Перспективы развития института защиты добросовестного приобретателя на современном этапе // *Гражданское право. 2023.* № 1. С. 32–37.
3. Мурзин Д. В. Виндикационная модель защиты абсолютных имущественных прав в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 388 с.
4. Предпринимательское право: учеб.: в 2 т. / А. Ю. Бушев, О. А. Городов, Д. А. Жмулина [и др.]; под ред. В. Ф. Попондопуло. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. Т. 2. 640 с.
5. Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. 602 с.
6. Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21 апреля 1998 г. № 33.
7. Концепция развития гражданского законодательства (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Мосбиржа призвала защитить инвесторов при деприватизации. URL: <https://pravo.ru/news/251653/>
9. Набиуллина допустила отток капитала после изъятия акций СМЗ у миноритариев. URL: <https://www.interfax.ru/russia/960585>
10. Обобщение практики рассмотрения Арбитражным судом Центрального округа дел, связанных с применением положений статей 301–305 Гражданского кодекса Российской Федерации, за период 2020–2022 годы // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Верховного Суда РФ от 31 августа 2022 г. № 305-ЭС22-14951 по делу № А40-107830/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Верховного Суда РФ от 31 августа 2022 г. № 310-ЭС22-14873 по делу № А35-3452/2020 (ред. от 12 декабря 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
13. О Кодексе корпоративного управления: письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 1 июня 2023 г. по делу № А03-3641/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20 февраля 2024 г. № Ф06-13122/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 1 июня 2023 г. по делу № А32-22557/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20 декабря 2022 г. № Ф09-7059/22 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29 февраля 2024 г. № Ф09-247/24 // СПС «КонсультантПлюс».
19. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева: постановление

- Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П // СПС «КонсультантПлюс».
20. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. // СПС «КонсультантПлюс».
 21. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: проект федерального закона № 47538–6/5. URL: <http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/2019-1/obzor2019-12/>
 22. Решение Арбитражного суда Пермского края от 2 апреля 2024 г. № А50-21394-2022 // СПС «КонсультантПлюс».
 23. О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

ДРОБЛЕНИЕ ИСКА КАК ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ

С. К. Минаков

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
аспирант
арбитражный управляющий
член ассоциации «Саморегулируемая организация
арбитражных управляющих “Меркурий”»
lawyer_minakov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема злоупотребления процессуальными правами путем дробления иска. Автор анализирует судебную практику и предлагает меры по предотвращению подобных злоупотреблений.

Ключевые слова: дробление иска, иск, принцип правовой определенности, арбитражный процесс, злоупотребление процессуальным правом.

Abstract. The article deals with the problem of abuse of procedural rights by splitting up a claim. The author analyzes judicial practice and suggests measures to prevent such abuses.

Keywords: splitting of a claim, a claim, the principle of legal certainty, arbitration proceedings, abuse of procedural law.

Дробление иска как форма злоупотребления процессуальным правом становится все более актуальной проблемой в современной юридической практике. Этот метод может быть использован сторонами в судебных процессах для достижения своих целей, однако часто возникает вопрос о законности и справедливости таких действий.

В настоящее время учеными активно исследуются проблемы злоупотребления процессуальными правами, однако проблема дробления иска как формы злоупотребления правом на предъявление иска мало изучена [4, с. 28]. Среди молодых ученых, которые акцентировали свое внимание на указанной проблеме можно выделить В. Д. Мельник, Д. Р. Прокопенко.

Исследование вопроса дробления иска находит свое отражение и в правовой доктрине зарубежных стран. Так, например, в Соединенных Штатах Америки в рамках доктрины *res judicata* действует правило недопустимости дробления иска. Согласно данному правилу, истец не имеет права разбивать сумму, подлежащую взысканию, и должен предъявить все требования относительно этой суммы в рамках одного иска [3, с. 867]. Несмотря на различия в правовых системах различных стран, этот принцип заслуживает внимания. В российской правовой доктрине критикуется иная позиция Президиума Верховного Арбитражного Суда Российской Федерации, согласно которой требование истца о взыскании оставшейся части долга с ответчика после взыскания части долга в отдельном процессе рассматривается как новый предмет иска и должно быть рассмотрено судом в рамках отдельного процесса [6].

В соответствии со ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] стороны имеют право на судебную защиту своих прав и законных интересов. Однако в случаях, когда истец намеренно дробит иск на части с целью уклониться от законных требований или продлить процесс рассмотрения дела, возникает проблема злоупотребления этим правом.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 127.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее — АПК РФ), суд может отклонить иск, если он противоречит принципам правовой определенности и законности. Кроме того, п. 2 ч. 1

ст. 150 АПК РФ устанавливает, что при противоречии между требованиями в нескольких исках по одному и тому же предмету дела судебное производство может быть прекращено.

Данные нормативные акты являются основой для определения законности дробления иска в судебных процессах. Автор рассматривает влияние дробления иска на судебные процессы, правовые последствия таких действий, а также меры по предотвращению злоупотреблений процессуальными правами в судебной практике.

Наиболее ярким примером в практике арбитражных судов может являться дело № А56-11154/2021, находившееся в производстве Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Суть дела заключается в том, что организация обратилась в суд с требованием взыскать с общества задолженность по поставленной тепловой энергии. Суд первоначально удовлетворил иск, однако позднее организация подала еще один иск на взыскание задолженности за другой временной период.

Ответчик утверждал, что решением по предыдущему делу с него уже взыскана задолженность за период, включающий и период, указанный в новом иске. Он считал, что производство по новому иску должно быть прекращено из-за противоречия с принципами правовой определенности.

Судебные инстанции постановили, что иск о взыскании задолженности может быть удовлетворен, даже если это не первый иск по данному предмету. Они указали, что истец имеет право требовать судебную защиту в том объеме, который считает нужным. Однако Верховный суд пришел к выводу, что последующие иски по тому же предмету противоречат принципу правовой определенности и должны быть отклонены [7].

Все же организация протестовала против этого решения суда, но жалоба была отклонена, поскольку несоответствие периодов задолженности в первом иске и во втором иске, устраненное окружным судом при рассмотрении дела, означает несовпадение оснований исков.

Таким образом, вышестоящими судебными инстанциями установлено, что злоупотребление процессуальными правами, включая дробление исков, может стать основанием для отказа в судебной защите. В данном случае, несмотря на некоторые противоречия, суд удовлетворил иск о взыскании задолженности второй раз из-за отличия временных периодов задолженности, представленных в обоих исках.

Следует так же отметить, что рассмотрение дела по существу, невзирая на дробление исков, является не единственным подходом со стороны суда к решению спорного вопроса.

Судебной практике известны случаи, когда производство по делу ввиду наличия признаков внешнего тождества исков прекращается; дробление исков признается злоупотреблением процессуальными правами истца и на него возлагаются понесенные ответчиком судебные издержки [5, с. 210].

Более того, проанализированный автором способ дробления разных требований, вытекающих из одного обязательства, не является единственным. Помимо этого, суды сталкиваются с дроблением единого требования, а также дроблением путем уступки части требования аффилированному лицу, которое после этого заявляет первый иск [5, с. 211].

Несмотря на различные позиции, выработанные судебной практикой, вызванных несовершенством правовых норм, регулирующих данные вопросы, следует, что такие нормы, должны быть ясными, точными и непротиворечивыми, а механизм их действия — предсказуемым и понятным субъектам правоотношений, которые должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть правовые последствия своего поведения.

Резюмируя вышеизложенное, автор полагает, что при разрешении аналогичных споров в цивилистическом процессе, судам следует прежде всего ставить на обсуждение вопрос о наличии или об отсутствии в действиях истца признаков недобросовестного поведения в связи с дроблением иска (злоупотреблением процессуальными правами), а именно исследовать, извлек ли истец из такого поведения необоснованную выгоду.

Сперва необходимо отталкиваться от цели дробления. К примеру, если истец таким образом увеличивает размер суммы судебных издержек, понесенных им при рассмотрении раздробленных дел, или искусственно создает условия для дробления иска для иных выгод, то судом должно быть установлено злоупотребление процессуальным правом со стороны истца.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Бернам У. Правовая система США / науч. ред. В. А. Власихин; пер. с англ. А. В. Александрова. М.: Новая юстиция, 2007. 1211 с.
4. Мельник В. Д. «Дробление» иска как частный случай злоупотребления процессуальными правами // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 7. С. 28–30.
5. Прокопенко Д. Р. Дробление исков: тождество или злоупотребление правом? // Эволюция права — 2022: сб. тезисов Междунар. научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 07.11.2022. М.: МАКС-Пресс, 2023. С. 210–212.
6. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 27 июня 2004 г. № 2353/04 по делу № А60-14530/03-С4. URL: http://lawrussia.ru/texts/legal_173/doc173a850x642.htm (дата обращения: 05.05.2024).
7. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2022 г. № 307-ЭС22-8816 по делу А56-11154/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6bd2f9af-f7bc-42d5-a5e9-cb201ca73c2f/2ba257b3-6cc1-4cc2-841f-904d51b78cc8/A56-11154-2021_20220808_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 05.05.2024).

АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ

С. Т. Нурмахамбетова

Карагандинский университет Казпотребсоюза
старший преподаватель кафедры
правового регулирования экономических отношений
saule.nurmahambetova83@gmail.com

Аннотация. Безо всякого преувеличения можно сказать, что защита права собственности — это альфа и омега всего гражданского оборота в целом. Потребности же социально-экономической действительности возродили к жизни и другие вещные права, которые, так же как и право собственности, нуждаются в эффективных механизмах защиты.

Защита права собственности и иных вещных прав имеет решающее значение в отношениях, возникающих в связи с приватизацией и национализацией, решением земельного вопроса, эксплуатацией природных ресурсов и распределением прибыли от нее и других. Они определяют механизмы структурной перестройки экономики, непосредственно влияют на инвестиционную политику, сбережения и финансы, налоговую реформу и др.

Такое всеобъемлющее значение защиты права собственности и иных вещных прав в социально-экономической жизни общества требует развитых юридических форм их защиты и правового обеспечения возможности собственников (обладателей иных вещных прав) владеть, пользоваться и распоряжаться своими правами.

Между тем одной из серьезнейших проблем, препятствующих наиболее полному осуществлению тех возможностей, которые предоставляют современные экономические условия, выступают проблемы юридического характера, в том числе и в вопросах осуществления правомочий обладателей вещных прав и их защиты.

Несмотря на то что вопросам защиты вещных прав в современной юридической литературе отводится немало места, споры о природе этих явлений, основаниях их возникновения, составе участников, содержании, порядку применения, последствий применения не утихают.

По-прежнему нет определенности по вопросам содержания правоотношений, возникающих в связи с защитой правомочий их правообладателем, порядка применения владельческой и пользовательской защиты, круга лиц, обладающим правом на защиту и других. Отсутствие обоснованных убеждений по указанным вопросам предполагает разноречивость практики применения действующего законодательства и не служит целям стабилизации имущественных отношений.

Имея в виду значимость права собственности и иных вещных прав и механизмов их защиты в жизни и экономической деятельности людей, полагаем избранную тему актуальной, злободневной и имеющей не только теоретическое, но и большое практическое значение.

Динамичность развития современного, в том числе гражданского, законодательства, позволяет определить научные тенденции развития института защиты права собственности и иных вещных прав. Комплексный анализ этих тенденций дает возможность дачи научных и практических рекомендаций, которые могли бы, несомненно, помочь избежать вероятных ошибок и недочетов, а также послужить целям улучшения эффективности существующих средств защиты правомочий обладателей вещных прав.

Ключевые слова: собственность, защита, виндикационный иск, негаторный иск, вещные права.

Abstract. It is no exaggeration to say that the protection of property rights is the alpha and omega of all civil turnover as a whole. The needs of socio-economic reality have revived other property rights, which, like property rights, require effective mechanisms of protection.

The protection of property rights and other property rights are of decisive importance in relations arising in connection with privatization and nationalization, the resolution of the land issue, the exploitation of natural resources and the distribution of profits from it, and others. They determine the mechanisms of structural reorganization of the economy, directly affect investment policy, savings and finances, tax reform, etc.

Such a comprehensive significance of the protection of property rights and other property rights in the socio-economic life of society requires developed legal forms of their protection, and legal support for the ability of owners (holders of other property rights) to own, use and dispose of their rights.

Meanwhile, one of the most serious problems that hinders the fullest implementation of the opportunities provided by modern economic conditions are legal problems, including in matters of exercising the powers of holders of property rights and their protection.

Despite the fact that issues of protecting property rights are given a lot of space in modern legal literature, disputes about the nature of these phenomena, the grounds for their occurrence, the composition of participants, content, procedure for application, and consequences of application do not subside.

There is still no clarity on issues of the content of legal relations arising in connection with the protection of rights by their owner, the procedure for applying owner and user protection, the circle of persons entitled to protection, and others. The absence of well-founded convictions on the above issues suggests inconsistency in the practice of applying current legislation and does not serve the purpose of stabilizing property relations.

Bearing in mind the importance of property rights and other property rights and mechanisms for their protection in the lives and economic activities of people, we believe that the chosen topic is relevant, topical and has not only theoretical but also great practical significance.

The dynamism of the development of modern legislation, including civil legislation, allows us to determine scientific trends in the development of the institution of protection of property rights and other property rights. A comprehensive analysis of these trends makes it possible to provide

scientific and practical recommendations that could undoubtedly help to avoid probable errors and shortcomings, as well as serve the purpose of improving the effectiveness of existing means of protecting the rights of holders of property rights.

Keywords: property, protection, vindictory claim, negatory claim, property rights.

Собственность является экономической сердцевинкой любого государства, и в понятии права собственности, как в капле воды, отражаются все проблемы и все достижения данного общества и государства.

Многие постулаты, о которых будет говориться в данной статье, кажутся уже наивными и даже ненужными, например, понятия общесоюзной и республиканской собственности, собственности Советов и депутатов или собственности граждан. Но нельзя забывать, какое значение они имели в то время. Поэтому многие споры и мнения приводятся с сохранением реальных научных достижений тех лет, а не с точки зрения нынешних научных теорий, уже многое объяснивших и сделавших многое бесспорным.

В соответствии с Конституцией СССР выделялись три формы социалистической собственности: государственная, колхозно-кооперативная, собственность профсоюзных и иных общественных организаций, а также личная собственность — как производная от социалистической.

Больше всего споров в период перестройки вызывало понятие государственной собственности, и это понятно, ибо прежде всего огосударствление собственности привело к отчуждению труженика от средств производства.

Характерно, что уже в то время понятие «социалистическая собственность» вообще исчезло из законодательства. Классификация собственности проводилась по трем группам: собственность граждан, коллективная и государственная собственность.

По действовавшему тогда законодательству государственная собственность Казахстана считалась достоянием всего советского народа, общенародной собственностью, т. е. являлась собственностью СССР. Это было явным противоречием, поскольку Казахская ССР являлась суверенным государством.

Соответственно Казахская ССР должна была сама быть субъектом государственной собственности.

Необходимо было отказаться от представления о государственной собственности как о чем-то единообразном, монументальном и обязательно общесоюзном. Нужна была децентрализация государственной собственности, которая могла бы выступать в трех видах: общесоюзной, республиканской и местной (коммунальной) собственности, что и было сделано в Законе о собственности в СССР (ст. 19) [1].

В исключительной собственности Казахской ССР должны были находиться земля, ее недра, воды, леса и другие природные ресурсы. Союзная республика как суверенное государство должна обладать правами на свою территорию, ибо существование любого государства невозможно без территории, на которой оно расположено. Праву собственности республики на свои природные ресурсы было и историческое обоснование. В момент образования СССР союзные республики этого права Союзу ССР не передавали. Территория Казахской ССР, как союзной республики, являлась частью территории СССР. Но в то же время Казахская ССР обладала правом собственности на свои природные ресурсы. Без этого трудно себе представить даже теоретически, как союзная Республика могла бы осуществить право на самоопределение, вплоть до свободного выхода из СССР, закрепленная всеми конституциями республики.

Заметно было стремление любыми средствами и способами сохранить участие Союза ССР в распоряжении природными ресурсами природных республик.

Введение термина «народное достояние» не решало, а наоборот еще больше запутывало вопрос. Земля и другие природные ресурсы по предложенной концепции принадлежат народам, проживающим на данной территории, и советскому народу в целом. Причем советская республика должна была обеспечивать права каждого из народов республики на сохранение и самостоятельное использование принадлежащих им природных объектов. Неясно, что понимали авторы проекта под народами, проживающими на территории республики. В Казахстане их более ста, и значит, все они имели

право на казахскую землю? И как обеспечивалось бы при этом право народа, издревле проживавшего на территории республики и давшего ей имя?

В своей статье «Народное достояние и собственность» автор идеи народного достояния С. Алексеев писал, что прежде всего это «неотъемлемое достояние народа, проживающего на данной территории. Того народа, чьи национальные вековые корни именно в этой земле, в этих пастбищах и реках, долинах и озерах» [2]. По мнению С. Алексеева, это фокус, решающий пункт, ключевой центр проблемы. Однако это утверждение голословное, не вытекающее из пункта проекта закона.

Понятие «народное достояние» кроме разжигания межнациональных страстей ничего не давало. Ибо после этого все равно встает вопрос о собственности. В этот период в законе в очередной раз предлагалась все та же идея совместной собственности республик и Союза: союзная республика владеет, пользуется и распоряжается, но в интересах своих и Союза ССР.

В концепции самоуправления и самофинансирования Казахской ССР было записано, что земля и другие природные ресурсы находятся в исключительной собственности Казахской ССР. Идея совместной собственности создавала весьма расплывчатое и неопределенное положение, не гарантирующее право республик в распоряжении своими природными ресурсами. Собственник всегда должен быть персонифицирован, все остальные юридические формы не обеспечивают эффективной правовой защиты. Законодательно закрепив за собою часть правомочий, центр мог в любой момент ограничить в любых пределах правомочия республик.

Однако при этом не учитывалось, что республика — это тоже государство, и как государство она должна обладать территорией, природными ресурсами и средствами производства. Без экономического суверенитета нет и суверенитета политического, вообще невозможен суверенитет.

Еще один вопрос, который так и не был решен на первом этапе — это вопрос о частной собственности. В законе о собственности в СССР вместо прежнего понятия «личная собственность» было введено понятие «собственность граждан»

Новое понятие было использовано с единственной целью — не допустить применения термина «частная собственность». Однако, с экономической точки зрения частная собственность реально существовала в нашей жизни (трудовые и крестьянские хозяйства) и продолжала развиваться бурными темпами.

В Концепции самоуправления и самофинансирования Казахской ССР предусматривалась индивидуальная собственность, которая разделялась на личную и индивидуально-производственную (мелкую частную) собственность. Предусматривалось в Концепции и применение наемного труда.

Частная собственность и наемный труд для трудового и крестьянского хозяйств были предусмотрены и в Законе «О собственности в Казахской ССР».

Принятие Закона «О собственности Казахской ССР» 15 декабря 1990 г. явилось значительным этапом в развитии законодательства Казахстана. Впервые были законодательно закреплены основные принципы и понятия права собственности. Закон послужил базой для развития ряда законодательных актов (о предприятиях, о хозяйственных товариществах и акционерных обществах, о банкротстве, о залоге, о приватизации, об иностранных инвестициях и другое).

В законе о собственности Казахской ССР была закреплена исключительная собственность республики на землю и другие природные ресурсы. Все остальное государственное имущество также было объявлено республиканской собственностью, хотя допускалось формирование общесоюзной собственности.

Закон о собственности в Казахской ССР впервые перестал употреблять понятия «социалистическая» или «общенародная» собственность.

Из республиканского Закона было исключено также положение, бывшее в Законе о собственности в СССР о том, что использование любой формы собственности должно исключать отчуждение работника от средств производства и эксплуатацию человека человеком. Под этим внешне безобидным идеологическим штампом скрывалось многое: можно, например, запретить наем работников частному предпринимателю под предлогом, что при этом будет иметь место эксплуатация

человека человеком. Однако, следует иметь в виду, что в СССР существовала эксплуатация человека государством. Поэтому человеку должен был быть предоставлен выбор, где и тем он хочет быть эксплуатируемым: на государственном предприятии, кооперативном или частном. До сих пор у него такого выбора не было, так как государство запрещало развивать иные формы собственности. По инерции, исходя из сложившейся традиции, первые ростки кооперативного движения вызвали ожесточенное сопротивление и бюрократии, и части населения.

Принятие Гражданского кодекса явилось решающим этапом в развитии права собственности в РК. Однако, нельзя забывать того факта, имеющего большое значение, что Верховный Совет РК принял 9 апреля 1993 г. Закон о собственности в новой редакции. Многие положения, которые нашли отражение в Гражданском кодексе, получили развитие именно в этом усовершенствованном Законе о собственности.

Прежде всего, это касается фундаментального положения о том, что различаются только две формы собственности: государственная и частная. Под частной собственностью понимается негосударственная собственность. Частная собственность выступает как собственность граждан или негосударственных юридических лиц и их объединений.

В то же время в Законе опять выявилась непоследовательность и юридическая несогласованность. В новый Закон о собственности были заложены противоречия, выраженные в несогласованности между различными статьями закона.

Более четко решен этот вопрос в ГК. Такое решение вопроса нашло закрепление в новой Конституции РК, принятой на референдуме 30 августа 1995 г.

Разделение собственности на две формы производится в Конституции по признаку их отношения к государству как субъекту права собственности. В этом смысле частная собственность понимается как негосударственная. Там, где субъектом права собственности выступает государство, речь идет о государственной собственности.

Негосударственная (частная) собственность в зависимости от субъектов делится на два вида: собственность негосу-

дарственных юридических лиц (то, что раньше называли коллективной собственностью) и собственность граждан.

Негосударственная собственность юридических лиц отличается многообразием, на это многообразие сводится опять-таки в зависимости от субъектов к тем правовым формам, в которых выступают юридические лица в соответствии со ст. 34 ГК [3]. Для коммерческих организаций таких форм только две: хозяйственные товарищества и производственные кооперативы.

Государственная собственность делится в соответствии с ГК на два вида: республиканскую и коммунальную. О коммунальной собственности упоминается в Конституции РК. В ст. 87 закрепляется, что к ведению местных исполнительных органов относится, в частности, управление коммунальной собственностью [4]. Это не означает введения какого-то нового вида собственности. Не означает это также расширения объектов собственности, находящихся в ведении местных органов. Основная масса государственного имущества находится в республиканской собственности. В коммунальной собственности находятся средства местного бюджета, имущество, закрепленное за коммунальными юридическими лицами в соответствии с законом, а также иное имущество, приобретенное или созданное за счет других средств.

Принципиально новым решением является закрепленная Конституцией возможность частной собственности на землю. Здесь надо обратить внимание на то, что в качестве общего правила закрепляется государственная собственность на землю, ее недра, другие природные ресурсы. Частная собственность, как исключение, допускается только на землю на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом.

Прежде чем приступить к характеристике способов защиты права собственности и иных вещных прав, необходимо выяснить, что такое собственность и дать определение праву собственности и вещным правам. Собственность относится к той категории понятий, которую изучали и продолжают изучать ученые многих стран мира. В Казахстане этому вопросу также всегда уделяли пристальное внимание. И этому есть разумное объяснение, поскольку у каждого человека есть

определенные вещи, которыми он владеет, пользуется и распоряжается. А это, в свою очередь, порождает определенные отношения собственника вещи и других людей, право которых по отношению к ней ограничено.

Нормы о вещных правах составляют подотрасль гражданского права — вещное право. Установление прав конкретных лиц на собственность как основной, главный, объект экономической деятельности составляет важнейшее условие функционирования всякого хозяйства, основанного на началах свободного товарообмена (децентрализации) [5, с. 216].

Поэтому субъективное вещное право, и прежде всего право собственности, как отмечал И. А. Покровский, «отноуд не является для человечества исконным и, так сказать, прирожденным: оно созидалось с трудом путем медленного исторического процесса. Оно было одним из первых требований развивающейся личности, и создание его явилось в реальной исторической обстановке прошлого важнейшей победой для этой последней» [6, с.192], обеспечив материальную основу для всей ее деятельности.

Таким образом, вещные права получают свой особый правовой режим, отличный от режима их традиционного «антипода» — обязательственных прав. Принято считать, что различие вещных и обязательственных прав имеет исторические корни в сложившемся еще в римском частном праве различии «вещных» (*actio in rem*) и «личных» (*actio in personam*) исков, т. е. обусловлено особенностями защиты этих прав. Однако в нашем праве это различие, к сожалению, существенно нивелировано законом, допускающим предъявление вещно-правового иска субъектами не только вещных, но и ряда обязательственных прав [7, с. 206].

Как уже отмечалось, по общему правилу объектами вещных прав признаются только вещи, причем индивидуально-определенные. Объектом обязательственных прав могут быть и вещи, определенные родовыми признаками (обязательство поставить определенное количество однородных товаров), и даже часть вещи (например, при найме комнаты или ее части на время дачного или курортного сезона или в случае известного обязательства шекспировского героя «отдать пол-

царства за коня»). Для вещных прав такая ситуация исключается, ибо данные абстрактные объекты не могут находиться в чем-либо конкретном владении и стать предметом хозяйственного господства.

Вместе с тем развитие имущественного оборота привело к тому, что объектами ряда сделок теперь являются не только отдельные вещи, но и целые имущественные комплексы (например, имущество предприятия), в состав которых наряду с вещами входят также имущественные права и даже обязанности (долги) их владельцев. Кроме того, имущественные права (например, удостоверенные «бездокументарными ценными бумагами») стали объектом таких сделок, которые ранее совершались лишь в отношении вещей (договоров купли-продажи, залога и др.). Такое положение иногда приводит исследователей к выводу о возможности признания права собственности (или другого вещного права) на обязательственные права, что, в свою очередь, вызывает сомнения в сохранении своего значения и этим важным признаком вещных прав, и в целом в необходимости дальнейшего использования этой традиционной гражданско-правовой категории.

Одной из важнейших гарантий стабильности гражданского оборота в любом государстве мира является предоставление субъектам гражданских прав права на их защиту. Вообще, если бы не существовало особого права на защиту субъективных гражданских прав, то само существование гражданского общества, скорее всего, оказалось бы под угрозой.

Правомочия собственника раскрываются с помощью традиционной для гражданского права «триады» правомочий: владения, пользования и распоряжения, охватывающих в своей совокупности все возможности собственника. Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом.

Нормальный гражданский оборот предполагает не только признание за субъектами определенных гражданских прав, но и обеспечение их надежной правовой охраны. В соответствии со сложившейся в науке традицией, понятием «охрана гражданских прав» охватывается вся совокупность мер, обеспечивающих нормальный ход реализации прав. В него

включаются меры не только правового, но и экономического, политического, организационного и иного характера, направленные на создание необходимых условий для осуществления субъективных прав.

Предметом защиты являются не только субъективные гражданские права, но и охраняемые законом интересы (ст. 3 ГПК) [8].

Ст. 9 ГК РК называет примерный перечень способов защиты гражданских прав. К ним относятся:

- признание права;
- восстановления положения, существовавшего до нарушения права;
- пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- присуждение к исполнению обязанности в натуре;
- взыскания убытков, неустойки;
- признание оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки;
- компенсации морального вреда;
- прекращения или изменения правоотношений;
- признания недействительным или не подлежащим применению не соответствующего законодательству Республики Казахстан акта органа государственного управления или местного представительного либо исполнительного органа;
- взыскания штрафа с государственного органа или должностного лица за воспрепятствование гражданину или юридическому лицу в приобретении или осуществлении права.

Кроме того, допускается возможность использовать и другие методы защиты, кроме названных в ст.9 ГК РК, если на этот счет есть прямое указание в законе.

Важнейшим способом защиты права собственности является виндикация, т. е. истребование собственником своей вещи из чужого незаконного владения (ст. 260 ГК РК) [3].

Данный способ защиты права собственности известен со времен римского права. Название иска произошло от латинского слова *vindicere*, т. е. объявлять о применении силы. В последнем заключалось исторически обусловленное про-

цессуальное наименование регламентированного правом поведения собственника по розыску и возвращению своей вещи — где нахожу, там и виндицирую.

Истцом в этом иске выступал собственник вещи, а ответчиком — всякий ее владелец на момент возбуждения спора. Причем интенция данного иска прямо ставила вопрос о принадлежности предмета спора истцу на праве собственности, а также уточняла и индивидуализировала предмет, о котором идет спор. Истец обязан был доказать свое право собственности на точно обозначенную, определенную вещь — *species*, отклонение от этого правила возможно было только при виндикации большого количества каких-либо вещей (например, стадо скота), являющихся предметом иска, и достаточно было доказать право собственности на большую часть. Если же истец доказывал свое право собственности на вещь, то у ответчика уже не было практически шансов на ту же вещь.

Нарушение права собственности не всегда бывает связано с лишением собственника владения принадлежащей ему вещью. Оно может заключаться в совершении действий, не затрагивающих владения, может быть выражено в совершении действий, которые препятствуют собственнику нормально осуществлять другие его правомочия — пользование и распоряжение. В соответствии со ст. 264 Гражданского кодекса Республики Казахстан собственник вправе требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения. Такой иск называется негаторным.

С помощью негаторного иска защищается спокойное осуществление права собственности на вещь. Анализируя конструкцию негаторного иска, многие авторы выделяют следующие его особенности:

- Этот иск можно считать парадигмой сферы суверенной власти, которой право наделяет собственника в отношении его имущества.
- Иск применяется для защиты не только права собственности, но и иных вещных прав, например, сервитутов.
- Обширная природа негаторного иска, которая обеспечивает эффективную защиту от всякого рода посягательств на субъективное право индивидов.

- Данный иск преследует цель привнесения в имущественное право ясности и определенности, что является одним из ценных его аспектов. Этой функции негаторного производства сопутствуют разного рода специальные иски, направленные на уточнение физических границ собственности.

- Негаторный иск включает запретительные меры защиты от дядящегося нарушения имущественного права. Подобная защита может быть предоставлена как мера пресечения всякого рода дядящихся помех в осуществлении имущественного права.

- Негаторный иск сохраняет главенствующее положение также и в том случае, когда недостаточно лишь предупредить в будущем действия, затрагивающие субъективное имущественное право.

Осуществление проводимой в Республике Казахстан радикальной экономической реформы, направленной на создание в стране рыночной экономики, принципиально новых экономических отношений, невозможно без обеспечения действенной защиты права собственности. Нормы гражданского права играют неодинаковую роль в деле защиты права собственности. Одни из них устанавливают, закрепляют принадлежность материальных благ к тем или иным субъектам права. Сюда относятся в первую очередь правила о приобретении и прекращении права собственности и иных вещных прав. Другие правила обеспечивают условия для осуществления собственниками принадлежащих им прав. Третьи непосредственно охраняют и защищают право собственности от воздействия на вещь всех третьих лиц.

В связи с этим понятна логика законодателя, который во все века и во всех странах стремился обеспечить стабильность существующих отношений собственности, снабдив данное субъективное гражданское право эффективными средствами защиты.

Не является, в этом смысле, и исключением и действующее гражданское законодательство Республики Казахстан. В целом тот уровень защиты права собственности, который существует в настоящее время в нашей стране, следует признать весьма высоким. Но, вместе с тем, проведенный в рам-

ках данной работы анализ значительного числа нормативно-правовых актов, научной литературы и материалов правоприменительной практики, с учетом специфики права собственности, позволил выявить также и некоторые недостатки действующего законодательства РК.

Литература

1. Закон о собственности в СССР от 6 марта 1990 г.
2. Алексеев С. С. Народное достояние и собственность // Правда. 1989.
3. Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 г. № 268-ХІІІ.
4. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г.
5. Ромашов Р. А. Теория государства и права. СПб.: Питер, 2006. С. 216.
6. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 192.
7. Вещные права в Республике Казахстан / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы: Жеті жарғы, 1999. С. 18.
8. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V ЗРК.

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ИНВАЛИДОВ

Р. Д. Окашев

Карагандинский университет Казпотребсоюза
Караганда, Республика Казахстан
доцент кафедры правового регулирования
экономических отношений
кандидат педагогических наук
okashev_rustem@mail.ru

Аннотация. В данной статье освещены вопросы адаптации, вопросы трудоустройства, вопросы социального существования для лиц с ограниченными возможностями. Государство делает немало в этой области, однако, как показывает реальность, при этом наблюдаются как положительные, так и отрицательные стороны правового положения инвалидов в государстве, такие как нерешенность вопросов реабилитации инвалидов, устройство на работу с достойной заработной платой и др. Решение данных проблем будет способствовать процветанию и благосостоянию лиц с ограниченными возможностями и адаптации их в гражданском обществе.

Ключевые слова: инвалиды, лица с ограниченными возможностями, государственная политика, инвалидность, пособия по инвалидности, инвалидизация, национальное законодательство, реабилитация, индивидуальные программы.

Abstract. This article addresses issues of adaptation, employment, and social existence for people with disabilities. The state is doing a lot in this area, however, as reality shows, some aspects of the current situation, noting at the same time the positive and negative aspects of the legal status of disabled people in the state, such as the unresolved issues of rehabilitation of disabled people, employment with decent wages, etc. The solution to these problems will contribute to the prosperity and well-being of persons with disabilities and their adaptation in civil society.

Keywords: disabled people, persons with disabilities, public policy, disability, disability benefits, disability, national legislation, rehabilitation, individual programs.

Инвалиды составляют особую категорию населения, численность которой постоянно увеличивается. Мировым сообществом социальная защита инвалидов рассматривается как проблема первостепенной важности. По оценкам Международной организации труда (МОТ), 386 млн человек из общей численности населения трудоспособных возрастов в мире являются инвалидами. Это составляет 1/15 количества жителей нашей планеты. Данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) свидетельствуют, что число таких жителей в мире составляет 650 млн человек, что достигает 10 %. Они представляют собой самую многочисленную группу меньшинств. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), эта цифра возрастает в связи с ростом численности населения, достижениями медицинской науки и процессом старения населения.

Нетрудоспособные граждане в каждой стране составляют предмет заботы государства, которое социальную политику ставит во главу угла своей деятельности. Основной заботой государства по отношению к пожилым людям и инвалидам является их материальная поддержка (пенсии, пособия, льготы и др.). Однако нетрудоспособные граждане нуждаются не только в материальной поддержке. Важную роль играет оказание им действенной физической, психологической, организационной и другой помощи [1].

Потеря здоровья и трудоспособности жестоко отражается на материальном положении и мироощущении такой значительной части населения, порождает настроение обездоленности, ущербности и пессимизма не только у них самих, но и у окружающих. Поэтому перед обществом, осознающим свою человечность и стремящимся к ее реализации, встает проблема всесторонней помощи тем, кто в ней крайне нуждается [2].

Национальное законодательство дает следующее определение инвалиду — лицо, имеющее нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, увечьями (ранениями, травмами, контузиями), их последствиями, дефектами, которое приводит к ограничению жизнедеятельности и необходимости его социальной защиты. Иными словами, инвалидность является некоторым препятствием, барьером, который мешает человеку в полном объеме участвовать в жизни общества, в том числе трудиться наравне с другими. Инвалидность представляет собой социальный феномен, избежать которого не может ни одно общество, и каждое государство сообразно уровню своего развития, приоритетам и возможностям формирует социальную и экономическую политику в отношении инвалидов. Однако возможности общества в борьбе с инвалидностью как социальным злом в конечном итоге определяются не только степенью понимания самой проблемы, но и существующими экономическими ресурсами. Конечно, масштаб инвалидности зависит от множества факторов, как-то: состояние здоровья нации, развитие системы здравоохранения, социально — экономическое развитие, состояние экологической среды, исторические и политические причины, в частности, участие в войнах и военных конфликтах и пр.

Инвалиды в Казахстане являются самой уязвимой группой бедного населения с позиции многоаспектности понимания бедности (т. е. с точки зрения возможностей развития человеческого потенциала). Риск бедности среди инвалидов наиболее высок, во-первых, в силу ограничения их жизнедеятельности из-за здоровья, а значит, ограничения возможностей удовлетворить свои базовые потребности. Во-вторых, инвалиды в Казахстане более ограничены по сравнению с другими

группами населения в доступе к участию в общественной и политической жизни, к услугам образования, к удовлетворению социально-культурных потребностей [3].

По мнению экспертов ООН, основными правами, которые должны быть гарантированы инвалиду и на основе которых определяется степень соответствия национальной политики государства международным стандартам, являются права на образование и труд, на вступление в брак, на родительские права, право обращаться в суд, право на неприкосновенность частной жизни и собственности, а также политические права.

Наиболее распространенными мерами поддержки инвалидов на рынке труда являются:

- квотирование рабочих мест;
- приспособление рабочих мест;
- освобождение работодателей от выплаты минимальной заработной платы;
- финансовые льготы работодателям, осуществляющим адаптацию рабочих мест для нужд инвалидов;
- финансовые льготы работодателям, нанимающим инвалидов;
- субсидии инвалидам, организующим свой малый бизнес;
- помощь в трудоустройстве [1].

Для улучшения положения инвалидов в Казахстане в этом направлении необходимо в первую очередь начать с полного учета и регистрации инвалидов, составить их полный реестр. Причем в него должны входить не только те лица, у которых есть справки об инвалидности, но и те, кто по объективным показателям может занять статус лица с ограниченными возможностями. Также в реестр необходимо вносить и функциональные нарушения каждого инвалида, реестр нужно поддерживать, обновлять списки, т. е. он всегда должен быть «живым». Только такие комплексные меры позволят точно определить какую помощь, какой группе инвалидов оказывать [5].

Нуждаются в усовершенствовании методы проведения экспертизы и проведения реабилитации.

В республике роль специализированных медицинских центров для инвалидов выполняет отделение дневного пре-

бывания в центрах социального обеспечения и многопрофильные медицинские учреждения (амбулатории, поликлиники). То есть существует необходимость создания серии центров, специально ориентированные на проведение реабилитационных мер для инвалидов. В этой связи является открытым вопрос подготовки персонала для этих центров. Как известно, в республике при подготовке медицинских специалистов должного внимания психологическим аспектам обращения с людьми с ограниченными возможностями не уделяется. Расходы на эффективные лекарства и специальные средства остаются одними из наиболее проблем. Компенсации, льготы и пособия не обеспечивают инвалидов в материальной помощи, возможность получить санаторно-курортный отдых или с 50-процентной скидкой получает лишь малая часть инвалидов.

Одним из основных направлений поддержки инвалидов является профессиональная реабилитация, которая является важнейшей составной частью государственной политики в области социальной защиты инвалидов. Основная цель профессиональной реабилитации — обеспечить человеку с инвалидностью возможность получить или сохранить подходящую работу и тем самым способствовать его социальной интеграции, достижению материальной независимости или повышению доходов и возможности самообеспечения. В последнее время, государственная политика в отношении инвалидов направлена на изменение общепринятого иждивенческого образа жизни, на понимание инвалидом, что он — не ущербный, обделенный жизнью человек, а полноценный, самостоятельный гражданин, способный внести свой вклад в общественную жизнь.

Решение проблемы занятости инвалидов в Казахстане, также, как и во многих других странах, осложняется значительными препятствиями, главным из которых является низкая конкурентоспособность инвалидов на рынке труда и отсутствие условий для их трудоустройства.

В развитых странах, согласно отчету «Об изолированности к равенству: реализация прав лиц с ограниченными возможностями» порядка 40 % инвалидов трудоспособного возраста

работают. В Казахстане людям с ограниченными возможностями устроиться на работу не так просто. По данным Министерства труда и социальной защиты населения, в Казахстане среди 417,7 тыс. лиц с ограниченными возможностями трудоспособного возраста более 30 % работают — 127,1 тыс. человек (в течение года хотя бы один раз были отчисления). В Казахстане число занятых инвалидов составляет менее 50 тыс. человек или 12 % от общего количества трудоспособных лиц [6]. Однако перечисленные цифры не являются показателями успешной реализации государственной политики в области трудоустройства лиц с ограниченными возможностями, остальные проценты хоть и работоспособны, однако не могут найти работу, соответствующей квалификации. Позиция нанимателей дискриминирует право инвалидов на труд.

В Казахстане из 705 тыс. лиц с инвалидностью 60 %, или 430 тыс. трудоспособного возраста. Только 25 % из них, или 106,5 тыс. лиц с инвалидностью имеют работу, тогда как в Германии, Великобритании, Австралии и других странах ОЭСР этот показатель достигает 40 % [7].

В этом плане большую помощь в трудоустройстве играют так называемые «ярмарки вакансий», которые проводятся во всех регионах по утвержденным графикам. По словам вице-министра здравоохранения и социальной защиты С. Жакуповой «эффективность от таких ярмарок я не скажу, что очень большая, потому что есть некоторые нюансы, что настроение среди трудоустраиваемых очень разное. Первое — это конкурентоспособность. Для того, чтобы лицо с ограниченными возможностями было конкурентоспособным, нужно образование. Да, у нас есть спрос на специалистов с определенными квалификационными требованиями, и бывает такое, что инвалид не может претендовать на определенную вакансию, так как у него нет квалификации». Также она отметила, что «у порядка 45 % инвалидов нет образования вообще, т. е. на уровне среднего, а у порядка 20 % нет желания работать, т. е. живут благодаря пособию по инвалидности» [6]. Но если учесть, что на сегодняшний день пособие по инвалидности составляет 21,323 тенге, то этим 20 % остается только пожелать стойкости духа.

Каждый человек независимо от группы инвалидности имеет право на труд. Согласно Трудового кодекса отказ в заключении трудового договора, перевод на другую работу по мотивам инвалидности не допускается, за исключением случаев, когда по заключению медицинской организации состояние его здоровья препятствует выполнению трудовых обязанностей либо угрожает его здоровью и (или) безопасности труда других людей. По закону люди с ограниченными возможностями имеют право заключать с работодателями трудовые договоры либо в специализированных организациях, использующих труд инвалидов с учетом персональных программ реабилитации, либо на предприятиях с обычными условиями труда.

Мотивацией для отказа, не нарушающей право инвалидов на труд, является невозможность создать особые условия, которые бы отвечали критериям программы реабилитации сотрудника. Этот же мотив дает руководству право уволить работника, чем и пользуются многие работодатели [8].

Интересную мысль трудоустроить инвалидов в Парламент и министерства, а также акиматы всех уровней высказывали депутаты Сената Парламента, отметив при этом, что работа органов власти по созданию безбарьерной зоны для инвалидов была бы более эффективной, если бы в Парламенте и министерствах работали люди с ограниченными возможностями, которые знают о проблемах не понаслышке [9]. Ярким примером тому является председатель Союза организации инвалидов Казахстана Али Аманбаев, который в июне 2012 г. был назначен на должность внештатного советника министра труда и социальной защиты населения. Таким образом, Казахстан стал первой страной в Центральной Азии, где советником министра стал лидер НПО по правам человека.

Решение названных проблем должно осуществляться в комплексе с проведением мероприятий по формированию доступной для инвалидов жизнедеятельности, направленных на повышение их жизни с учетом разумного, взвешенного подхода, имеющихся условий, финансовых возможностей государства, элемента постепенности и соизмеримости, поскольку одновременная полная реализация многих

прав инвалидов не может быть гарантирована государством немедленно.

В соответствии с законопроектом «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам миграции и занятости населения» за несоблюдение требований по трудоустройству инвалидов на предприятиях согласно установленным квотам будет предусмотрена административная ответственность в виде административных штрафов в зависимости от уровня бизнеса от 20 до 200 МРП [9].

Инвалидность — это не медицинская проблема, а социальная. Общество обязано адаптировать существующие стандарты, исходя из нужд людей, имеющих инвалидность, чтобы эти люди могли жить независимой жизнью, обладать естественным правом человека быть неотъемлемым к жизни, общественным зданиям, транспорту, средств коммуникации, труду и образованию.

На сегодняшний день подобную Конвенцию о правах инвалидов приняла 151 страна, в частности, государства СНГ: Россия, Украина, Грузия, Армения, Молдова, Азербайджан.

Согласно Конвенции государства-участники должны предпринимать все надлежащие меры по созданию эффективных правовых механизмов обеспечения прав лиц с ограниченными возможностями, в том числе законодательные, для обеспечения достаточного жизненного уровня инвалидов, участия их в политической, общественной и культурной жизни страны.

Опыт свидетельствует о том, что ни степень инвалидности, ни ситуация на рынке труда не могут рассматриваться как явные преграды. Немало примеров, когда люди, передвигающиеся на колясках, незрячие, активно работают, занимаются общественной работой. А лица молодого, трудоспособного возраста отказываются от трудоустройства.

Решение проблем включения людей с инвалидностью в рынок труда должно решаться с двух сторон. Со стороны общества должны быть решены вопросы создания доступной среды (не только архитектурная доступность, но и отношение к людям с инвалидностью, избавление от существующих

стереотипов и предрассудков) и обратное движение не менее важно. Без активной жизненной позиции людей с инвалидностью решение проблем их трудовой занятости невозможно [2].

В заключении, хотелось бы отметить, что отношение к людям с ограниченными возможностями является одним из индикаторов здоровья общества. Никакие экономические показатели, никакая военная мощь, никакой политический вес не скажут миру о стране столько, сколько скажут удовлетворенные лица наших соотечественников — людей с ограниченными возможностями, уверенных в гарантированной защите их прав и интересов государством и уважительном и равном отношении к ним всех остальных людей.

Литература

1. Рузаева Е. М. Некоторые вопросы социальной политики в отношении инвалидов: правовой аспект // Вестник Оренбургского университета. № 3 (152). 2013. С. 154–157.
2. Некоторые аспекты профессиональной реабилитации инвалидов. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-sotsialnoy-politiki-v-otnoshenii-invalidov-pravovoy-aspekt#ixzz3TDlXXOwH>
3. Музапарова Л. Положение инвалидов в Казахстане: проблемы и пути социальной реабилитации // КИСИ. 12.04.2006.
4. Казахстанские инвалиды прячутся от официальной статистики // Амансаулык. 13.01.2010.
5. В Казахстане лишь 12 % инвалидов трудоспособного возраста обеспечены рабочими местами // Минтруда РК. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/>
6. Как решить вопрос трудоустройства лиц с инвалидностью в Казахстане. URL: <https://www.gov.kz/memleket/>.
7. Государством сделано немало по решению вопросов обеспечения прав инвалидов // Zakon.kz. 07.11.2013.
8. За нетрудоустройство инвалидов на предприятиях будет предусмотрена административная ответственность. URL: http://soik.kz/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=2&Itemid=37

ВНЕПРАВОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ И НОРМЫ СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Л. В. Саенко

Саратовская государственная юридическая академия
доцент кафедры гражданского права
кандидат юридических наук, доцент
saenko7@yandex.ru

Аннотация. Ценностные ориентиры современного семейного права и семейного законодательства подвергаются изменению. Следует отметить все более значимое влияние на регулирование семейных правоотношений внеправовых социальных регуляторов.

В статье производится сравнительный анализ правового регулирования бракоразводных процессов в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Одной из ключевых методик является проведение сравнения между положениями Семейного и Гражданского кодексов Российской Федерации и Гражданского кодекса КНР по регулированию вопросов раздела общего имущества супругов, исследуются различия между правовым закреплением морально-нравственных начал института семьи. В Российской Федерации проводится политика, направленная на развитие института семьи. С каждым годом законодательство модернизируется, что позволяет вносить в него корректировки, основываясь на тенденциях гуманизма, справедливости и нравственности. Одним из способов улучшения нынешнего законодательства является проведение сравнительного анализа с практикой применения законодательств других стран, чему и посвящена данная статья.

На основе проведенного сравнительного анализа приходим к выводу о возможности законодательного закрепления измены как морально-нравственного отступления от государственной идеологии поддержания института семьи, а на этом основании возможности раздела совместной собственности на основе «принципа заботы о невинной стороне».

Ключевые слова: имущество, нравственность, бракоразводный процесс, Китайская Народная Республика, семейное законодательство.

Abstract. The value orientations of modern family law and family legislation are being changed. It is worth noting the increasingly significant influence of non-legal social regulators on the regulation of family legal relations.

This provides a comparative analysis of the legal regulation of divorce proceedings in the Russian Federation and the People's Republic of China. One of the key methods is to compare the provisions of the civil code of the Russian Federation and the civil code of the People's Republic of China on regulating the division of common property of spouses; the differences

between the legal consolidation of the moral principles of the institution of family are explored. Russian Federation has been implementing a policy aimed at developing the institution of family. Every year the legislation is modernized, which makes it possible to make adjustments to it based on global trends in humanism, justice and morality. One of the ways to improve current legislation is to conduct a comparative analysis with the practice of applying the laws of other countries, which is what this article is devoted to.

Based on the comparative analysis, we conclude that it is possible to legislate treason as a moral deviation from the state ideology of maintaining the institution of the family, and on this basis, the possibility of dividing joint property based on the “principle of caring for the innocent party”.

Keywords: property, moral, divorce proceedings, People’s Republic of China, family law.

В последнее время наметились тенденции существенного изменения ценностных ориентиров семейного права и семейного законодательства. Причем, в рамках сравнительного правоведения вектор интереса «развернуло» в противоположную сторону, мы стали все более обращать свое внимание на изучение правового регулирования как публичных, так и частных отношений в странах Азии. А в данных правовых системах внеправовые социальные регуляторы — традиции, обычаи, нормы морали и религии испокон веков значительно влияли на законодательное регулирование, в том числе и семейных отношений.

Выбранная тематика не является новой для автора, в свое время ей были посвящены несколько статей [1; 2]. Однако в продолжении темы о влиянии внеправовых нормативных регуляторов на регулирование семейных отношений не следует ограничиваться лишь их выявлением и описанием, интересным и полезным, на наш взгляд, будет рассматривать их проявления в правовом регулировании конкретных семейных отношений. На этот раз в качестве примера выберем расторжение брака, а конкретнее, законодательное регулирование измены как морально-нравственное отступление от государственной идеологии поддержки института семьи.

Итак, государственная политика Российской Федерации направлена на охрану семьи, выработку у граждан высоких семейных ценностей. Идеология законодателя направлена на развитие института семьи, сохранение брака и увеличении

уровня рождаемости. Статистические данные показывают, что такая целенаправленная государственная политика уже дает свои результаты. Так, на февраль 2024 г. было зарегистрировано 47 156 браков, что на 15,6 % больше, чем в январе того же года, а количество разводов за аналогичный период снилось на 10,48 % [3]. В любом случае, пока число разводов не будет сведено к минимуму законодатель будет вынужден решать вопрос бракоразводных процессов. Причин тому великое множество, что в свою очередь, сильно влияет на разрешение конфликтов в имущественной сфере, а именно поднятию вопросов разделения имущества между супругами. Но, обратимся к примерам, которые иллюстрируют отношение государства к разрешению сложных вопросов как имущественного, так и неимущественного характера. Огромный интерес в этой связи представляет законодательство и правоприменительная практика Китая. Так, на основе анализа судебной практики КНР можно сделать вывод, что при решении имущественных споров между супругами делается упор также на морально-нравственное начало брака, яркий пример тому — дело о взыскании с любовницы 560 000 долл. за 14 лет «незаконных» отношений, которые «не одобряются законом и противоречат добрым нравам» [4].

Семейный кодекс Российской Федерации в ст. 1 делает упор на регулирование семейных отношений со следующей точки зрения: «Регулирование семейных отношений осуществляется в соответствии с принципами добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи». Но стоит отметить, что моральные ценности регулируются в основном внеправовыми институтами, такими как: мораль, нравственность, любовь, дружба и т. д., что не закрепляется ни в одном нормативном правовом акте, но, в свою очередь, вполне могло бы выступить доказательством в судебном разбирательстве.

Интересная позиция с данной точки зрения указана в Гражданском кодексе КНР (ГК КНР), который регламентирует высокие нравственные семейные ценности, закрепленные не на уровне внеправовой категории морали, а непосредственно в статье кодифицированного акта. Как гласит ст. 1043 ГК КНР, «мужья и жены должны быть верны друг другу, ..., поддерживать равные, гармоничные и цивилизованные брачно-семейные отношения» [5]. Нельзя не отметить, как показывает статистика, в 2021 г. в Российской Федерации одним из факторов, который вынуждает людей развестись стала измена, что составляет 14 % от всех совокупностей факторов. С одной стороны, можно констатировать, что процент невелик, но он стоит на втором месте после финансовых проблем, которые составляют 30 % [6].

Стоит заметить, что вопросы, касающиеся раздела имущества между супругами в КНР закреплены в Гражданском кодексе КНР и также отличаются от СК РФ. Так, например, ст. 1054 ГК КНР гласит: «Имущество, приобретенное в период проживания, распределяется по соглашению сторон, а если соглашение не достигнуто, народный суд выносит решение на основе принципа заботы о невиновной стороне» [5]. Аналогичная норма изложена в ст. 38 СК РФ: «Общее имущество супругов может быть разделено между супругами по их соглашению... в случае спора раздел имущества супругов, а также определение долей супругов в этом имуществе проводятся в судебном порядке». Отсюда можно сделать вывод, что в ГК КНР при разделе имущества между супругами обращается внимание не только на соглашение сторон, но и на факт, который привел к разводу, и в таком случае имущество будет разделено по принципу «заботы о невиновной стороне», который ни в ГК РФ, ни в СК РФ не наблюдается. В российском законодательстве делается упор на деление имущества на доли, в соответствии с которыми каждый из бывших супругов получает свою часть от общего имущества. По нашему мнению, принцип, который прослеживается в гражданском законодательстве КНР, более справедлив и гуманен и вполне мог бы найти свое отражение в законодательстве России.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что в семейном законодательстве Российской Федерации наблюдается нехватка качественного правового регулирования бракоразводных процессов, которые регламентировали бы поддержание нравственных составляющих семейного быта. В этом плане мы можем позаимствовать идею у наших восточных соседей, а именно законодательное регулирование измены как морально-нравственное отступление от государственной идеологии поддержания института семьи. Данные нормы коснутся не только частных вопросов раздела имущества между сторонами, но и общих направлений регулирования нравственных начал существования института семьи.

Литература

1. Саенко Л. В. Особенности нравственно-религиозных оснований регулирования семейных отношений в правовом пространстве СНГ: к проблемам семейно-правовой науки // Правовая культура. 2014. № 4 (19). С. 60–65.
2. Саенко Л. В. Традиционные культурно-правовые ценности и современные подходы к регулированию брачно-семейных отношений // Правовая культура. 2016. № 1 (24). С. 107–113.
3. Федеральная служба государственной статистики. 2024. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/235033> (дата обращения: 02.04.2024).
4. Суд в Китае постановил любовнице женатого мужчины вернуть ¥3,79 млн (\$560 000), которые она получила за 14 лет, его законной жене. Суд указал, что роман с любовницей «не признается законом и противоречит обычаям». URL: <https://pravo.ru/news/242276/> (дата обращения: 11.04.2024)
5. Гражданский кодекс КНР. URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_civil_code_2020_russian/ (дата обращения: 09.04.2024).
6. От брака до развода: 1990–2021 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-braka-do-razvoda-1990-2021> (дата обращения: 03.04.2024).

ДОХОДЫ СУПРУГОВ ОТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ЧАСТЬ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА: ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ И РАСПОРЯЖЕНИЯ

Е. С. Синицына

Новосибирский государственный университет
экономики управления
преподаватель СПО кафедры общественных финансов
кандидат экономических наук
действительный член ИПБ России
sinicyna@yandex.ru

Аннотация. В связи значительной включенностью предпринимателей по все сферы хозяйствования усложняются вопросы, связанные с имущественными отношениями супругов, которые являются предпринимателями. Семейный кодекс Российской Федерации относит доходы от предпринимательской деятельности к общему имуществу супругов, детально не регламентируя их состав, порядок определения, момент включения в общее имущество. В статье предпринимается попытка определить, каким образом на практике разрешаются споры доходов супругов-предпринимателей по данным значимым обстоятельствам.

Ключевые слова: индивидуальный предприниматель, доходы от предпринимательской деятельности, супруг-предприниматель, общее имущество супругов.

Abstract. Due to the significant involvement of entrepreneurs in all spheres of economic activity, the issues related to property relations of spouses who are entrepreneurs become more complicated. The Family Code of the Russian Federation refers income from entrepreneurial activity to the common property of spouses, without regulating in detail their composition, the order of determination, the moment of inclusion in the common property. The article attempts to determine how disputes on income of entrepreneurial spouses on these important circumstances are resolved in practice.

Keywords: individual entrepreneur, income from entrepreneurial activity, entrepreneurial spouse, common property of the spouses.

По состоянию на 1 января 2024 г. в России по данным Федеральной налоговой службы зарегистрировано более 4,1 млн индивидуальных предпринимателей [9]. Активное развитие предпринимательства, усложнение экономического «поведения» супругов естественно приводит и увеличению числа споров между бывшими супругами по вопросам раздела общего имущества. Если в 2022 г., по данным Судебного департамента

Верховного Суда, было рассмотрено судами первой инстанции 26 124 таких дела [10], то в 2023 г. их число составило уже 28 507 [11], что на 9 % больше.

При рассмотрении вопросов, связанных с ведением предпринимательской деятельности граждан, состоящих в браке, важно учитывать положения, вытекающие из режима общей совместной собственности супругов. В соответствии со ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) доходы от предпринимательской деятельности каждого из супругов относятся к их общему имуществу, равно как и имущество, приобретенное предпринимателем в процессе предпринимательской деятельности в период брака. Право на общее имущество супругов принадлежит также тому из них, который в период брака вел домашнее хозяйство, осуществлял уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода.

Регистрация гражданина, состоящего в браке, в качестве индивидуального предпринимателя не требует в РФ согласия на то второго супруга. Статус второго супруга при этом в юридическом смысле законодательством РФ не определен. Исходя из тесных межличностных, имущественных, бытовых и прочих связей между супругами, которые подразумевает брак, представить себе полностью «обособленного» от второго супруга предпринимателя невозможно. Справедливо в этом смысле вести речь о семейном бизнесе.

Но законодательно статус семейного предпринимательства в РФ не определен [12], лишь некоторые его элементы прослеживаются в крестьянском (фермерском) хозяйстве, что обуславливается спецификой сельского хозяйства вообще — традиционно семейной сферы деятельности и бытования.

На практике же с учетом нормативных требований о государственной регистрации, предпринимательство может вестись одним зарегистрированным в качестве предпринимателя супругом, как без активного участия второго супруга, так и при достаточно существенном вкладе (личном, трудовом) второго супруга. Реализуются модели, при которых каждый из супругов имеет статус индивидуального предприни-

мателя, а также варианты, в которых один супруг выступает работодателем для второго.

Как справедливо отмечают исследователи, вопрос правового регулирования семейного бизнеса в РФ уже назрел [13]. Модели правового регулирования семейного предпринимательства предлагаются как со стороны ученых [14], так и со стороны бизнес-сообщества: проект «Семейное предпринимательство» реализуется Торгово-промышленной палатой Российской Федерации, в том числе с целью развития идей, лежащих в основе предложенного законопроекта [15].

В зарубежных правовых порядках, ввиду исторических особенностей социально-экономического и политического развития, супругам предпринимателей уделяется внимание в законе. Так во Франции статья L121-3 Торгового кодекса констатирует, что супруг торговца сам считается торговцем только в том случае, если он осуществляет коммерческую деятельность отдельно от деятельности своего супруга [7]. При этом супругу (*marîé*), гражданскому партнеру (*pacsé*) или лицу, состоящему в гражданском союзе (*union libre*) с предпринимателем (коммерсантом, ремесленником, представителем свободных профессий), активно и регулярно занятому в бизнесе, закон устанавливает обязанность выбора одного из трех статусов (статья L121-4 Торгового кодекса):

- сотрудничающий супруг (*conjoint collaborateur*);
- работающий супруг (*conjoint salarié*);
- связанный супруг (*conjoint associé*).

Профессиональные и социальные права и обязанности супруга вытекают из статуса, который был выбран. Предприниматель обязан сообщать в регистрирующие органы профессиональную деятельность своего супруга и статус, выбранный последним. Сотрудничающий супруг подлежит упоминанию в торговом реестре и реестре компаний, в специальном реестре коммерческих агентов, в специальном реестре индивидуальных компаний с ограниченной ответственностью и в национальном реестре компаний. При отсутствии сообщения о профессиональной деятельности супруг, регулярно занятый в предпринимательстве, считается осуществляющим ее в статусе работающего супруга. В случае отсутствия заявле-

ния о выбранном статусе считается, что выбран статус работающего супруга. Сотрудничающим супругом можно быть не более 5 лет в совокупности. По истечении этого срока супруг, продолжающий регулярно осуществлять профессиональную деятельность, выбирает статус супруга-работника или ассоциированного супруга. В противном случае считается, что он выбрал статус работающего супруга.

Относя доходы от предпринимательской деятельности к общему имуществу супругов, иной регламентации, в том числе по порядку определения состава и размера доходов от предпринимательства, СК РФ не содержит. Легальное определение понятия «доход от предпринимательской деятельности» в настоящее время в российском законодательстве отсутствует. Понятие собственно «дохода» существует только в налоговом контексте. В силу норм ст. 41 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить. Такая выгода определяется в соответствии с главами «Налог на доходы физических лиц» и «Налог на прибыль организаций». При определении размера налоговых обязательств, в зависимости от выбранной субъектом хозяйствования системы налогообложения, действуют различные правила включения (или невключения) тех или иных поступлений в денежной и в натуральной формах в состав доходов.

Сложность в однозначной трактовке состава доходов от предпринимательской деятельности связана сегодня и с гражданско-правовой неопределенностью статуса лица, ведущего предпринимательскую деятельность, и применяющего специальный налоговый режим — налог на профессиональный доход. Применение налога на профессиональный доход позволяет физическим лицам не регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей при фактическом занятии предпринимательской деятельностью, но в тоже время допускает, что не вся деятельность гражданина в рамках этого режима налогообложения является предпринимательской [4].

Также этот режим могут применять и зарегистрированные в установленном порядке индивидуальные предприниматели.

Более того, специальный закон оперирует понятием «профессиональный доход» по отношению ко всем плательщикам этого налога (как предпринимателям, так и не выступающим в таком статусе гражданам). Под профессиональным доходом понимается доход от деятельности, при ведении которой физическое лицо не имеет работодателя и не привлекает наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества, что не явно не вносит терминологической определенности. Можно предположить, что профессиональный доход соотносится с доходом от предпринимательской деятельности как частное и общее, и предложить законодателю внести уточнение в дефиницию, прямо указав на это.

Тем не менее можно отметить, что в контексте семейных отношений определенный подход к определению величины дохода от предпринимательской деятельности вполне сложился. В частности, при определении величины алиментных обязательств супругов — предпринимателей во внимание берутся доходы от занятий предпринимательской деятельностью, определяемые за вычетом сумм понесенных расходов, которые связаны с осуществлением предпринимательской деятельности [5; 6]. Уменьшение доходов на указанные расходы производится в случае их подтверждения индивидуальным предпринимателем вне зависимости от выбранного им режима налогообложения, но на основании документов, в соответствии с требованиями налогового законодательства РФ.

Смежным вопросом тут выступает вопрос об определении момента времени, когда доход будет считаться полученным ввиду отсутствия легального подхода. На практике для этих целей решающими выступают два обстоятельства: момент прекращения супружеских отношений и момент фактического получения дохода. Фактическое прекращение супружеских отношений всегда определяется конкретными обстоятельствами дела. Легальное понятие «дата получения дохода» также содержится только в НК РФ для целей опреде-

ления налоговых обязательств. НК РФ при налогообложении доходов физических лиц (в том числе зарегистрированных в качестве предпринимателей) использует так называемый «кассовый метод», при котором доход считается полученным в день поступления средств на счета в банках и (или) в кассу, поступления иного имущества (работ, услуг) и (или) имущественных прав, а также погашение задолженности перед налогоплательщиком иным способом (ст. 223, 346.5, 346.15 НК РФ).

Прямо обращаясь к нормам НК РФ, возникает риск того, что предприниматель искусственно «перенесет» дату получения дохода на период после расторжения брака. Например, при применении УСН достаточно договориться с контрагентом об отсрочке исполнения обязательства, и дата получения дохода по нему будет определяться тем днем, когда денежные средства будут реально получены на расчетный счет. Очевидно, что вероятность подобных злоупотреблений в целях защиты прав второго супруга на доход должна быть сведена к минимуму. И основание для этого уже сложились в судебной практике. В этой связи необходимо принять во внимание Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 октября 2019 г. № 78-КГ19-41, включенное в Обзор судебной практики ВС РФ № 1 за 2020 г. [8]. Суд пришел к выводу, что «фактическое перечисление денежных средств на счет ответчика после прекращения брака с истцом не изменяет их режим общего имущества супругов и не лишает бывшего супруга права на получение части этих средств при их разделе на основании ст. 38, 39 СК РФ». То есть определяющим будет тот момент времени, когда возникло право на доход от предпринимательской деятельности у супруга, и если это право возникло в браке, то не имеет значения момент фактического получения дохода после его расторжения.

Также в рамках этого же дела Судебная коллегия Верховного Суда РФ фактически подтвердила условный «налоговый подход» в определении размера дохода, подлежащего разделу. А именно размер дохода предпринимателя должен определяться с учетом понесенных расходов, и супруг-предприниматель должен доказать обоснованность таких расходов.

Требования налогового законодательства к расходам при расчете налоговых обязательств предпринимателей обособленно не устанавливаются. Законодатель дает отсылку к п. 1 ст. 252 НК РФ (гл. 25 «Налог на прибыль организаций»), где закрепляются требования:

- документальной подтвержденности;
- экономической обоснованности;
- направленности на получение дохода.

В свою очередь понятие «экономическая обоснованность» расходов одно из самых спорных в налоговом праве, его границы весьма размыты и что именно будет являться экономически обоснованным, а что нет, при возникновении споров решается судом. В стремлении занижить размер имущества, подлежащего разделу, предприниматель может завысить размер расходов. Или наоборот — все расходы уже были понесены, а доходы поступили позже, как в такой ситуации доказать их взаимосвязь? Ответы на подобные вопросы может дать судебно-бухгалтерская экспертиза. Предметом судебно-бухгалтерской экспертизы являются факты хозяйственной жизни, включая достоверность их отражения в бухгалтерском учете, в ситуациях, когда эти факты стали фактическими обстоятельствами дела, определенными в рамках судебного разбирательства и относительно которых эксперт дает заключение. Однако индивидуальные предприниматели в силу п. 1 ч. 2 ст. 6 федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» могут не вести бухгалтерский учет, в случае если в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах они ведут учет доходов и расходов. То есть материалами экспертизы будут данные налогового учета, которые сведутся к книгам учета доходов и расходов, что никак не отвечает тому смыслу, который вкладывает Верховный Суд РФ в право предпринимателя на уменьшение дохода на расходы.

Также с учетом судебного подхода установить, например, в брачном договоре принадлежность доходов, полученных после расторжения брака, супругу предпринимателю будет являться нарушением норм СК РФ, так как явно ставят второго супруга в неблагоприятное положение. Такие положения брачного договора могут быть признаны недействительными.

В тоже время узнать о поступлении доходов, право на которые возникло в браке, после его расторжения второй супруг чаще всего не может, а, следовательно, не может и защитить свои права.

Можно сказать, что перед нами хоть и прикладная, но проблема правоприменения, которая пока в силу недостаточности практики решается индивидуально при рассмотрении каждого отдельного дела. Очевидно одно — предпринимателям необходимо большое внимание уделять фиксации понесенных расходов, хранению документов, связанных с ними и определению взаимосвязи полученных доходов и понесенных расходов, даже если такое требование на них напрямую налоговым законом не возлагается.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
4. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федер. закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.
5. Перечень видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей: постановление Правительства РФ от 2 ноября 2021 г. № 1908 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 46. Ст. 7706.
6. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ, Минфина России и Министерства образования и науки РФ от 29 ноября 2013 г. № 703н/112н/1294 // Российская газета. 24.01.2014. № 15.
7. Code de commerce: Section 1: De la qualité de commerçant. (Articles L121-1 à L121-3). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_1c/LEGITEXT000005634379/LEGISCTA0000006161246/#LEGISCTA0000006161246 (дата обращения: 01.05.2024).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/28993/> (дата обращения: 01.05.2024).
9. Отчет по форме 1-ИП «Сведения о работе по государственной регистрации индивидуальных предпринимателей и крестьянских

- (фермерских) хозяйств» по состоянию на 01.01.2024 // Официальный сайт ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/13134434/ (дата обращения: 01.05.2024).
10. Отчет по форме № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции» за 12 месяцев 2022 года // Судебного департамента Верховного Суда РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 01.05.2024).
 11. Отчет по форме № 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции» за 12 месяцев 2023 года // Судебного департамента Верховного Суда РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата обращения: 01.05.2024).
 12. Ершова И. В. Семейный бизнес — явление уникальное и не до конца изученное // Семейный бизнес в правовом пространстве России: моногр. / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 44–55.
 13. Левушкин А. Н. Юридическая природа бизнеса супругов в цивилистической парадигме // Гражданское право. 2020. № 2. С. 3–7.
 14. Побережный С. Г. Правовой статус супругов как субъектов предпринимательской деятельности: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 249 с.
 15. Официальная страница проекта «Семейное предпринимательство». URL: <https://family.tpprf.ru/> (дата обращения: 01.05.2024).

ПОДЛЕЖИТ ЛИ СУДЕБНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРОВЕРКЕ В АПЕЛЛЯЦИОННОМ ПОРЯДКЕ НА ПРЕДМЕТ СОБЛЮДЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ?

В. П. Скобелев

Белорусский государственный университет
заместитель декана по учебной работе
и образовательным инновациям
юридического факультета
кандидат юридических наук, доцент
s_v_p@tut.by

Аннотация. В статье обосновывается, что в апелляционном порядке не должно проверяться соблюдение требования о надлежащей процессуальной форме судебного постановления.

Ключевые слова: апелляция; судья; судебное постановление; надлежащая процессуальная форма судебного постановления; мотивировочная часть; резолютивная часть.

Abstract. The article substantiates that the appeal procedure should not check compliance with the requirement of the proper procedural form of the court decision.

Keywords: appeal; judge; court order; proper procedural form of a court order; motivational part; operative part.

Ранее мы неоднократно отмечали, что в пределы проверочной деятельности судов апелляционной инстанции не входит проверка соблюдения не только требований полноты и определенности, но и требования надлежащей процессуальной формы [9, с. 40–42; 10, с. 24]. Обратимся к рассмотрению данного тезиса более подробно. Требование о надлежащей процессуальной форме, безусловно, означает то, что судебное постановление должно быть изготовлено в письменном виде, иметь структуру и реквизиты, предусмотренные Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее — ГПК) [2, с. 64, 71]. Нужно сказать, что в этом плане нарушения требования о надлежащей процессуальной форме подпадают под нарушения иных требований, предъявляемых к судебным постановлениям, и, значит, квалифицироваться должны как нарушения этих иных требований (а не как нарушения требования о надлежащей процессуальной форме) со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Например, отсутствие в резолютивной части решения суда вывода о судьбе одного из нескольких рассмотренных им исковых требований и (или) указания на распределение судебных расходов (несоблюдение реквизитов, предусмотренных ч. 1 ст. 306 ГПК) следует расценивать как нарушение требования полноты судебного решения, а проверка соблюдения данного требования, как нами было подробно обосновано [11, с. 39–43], не входит в пределы проверочной деятельности судов апелляционной инстанции, для выявления и устранения указанного нарушения существует специальная проверочная форма — ст. 326, 330 ГПК. Если в описанной ситуации не нашедшая отражения в резолютивной части решения информация о судьбе рассмотренного искового требования

и (или) о распределении судебных расходов будет доведена до юридически заинтересованных в исходе дела лиц в устной форме при оглашении решения, то к нарушению установленных ч. 1 ст. 306 ГПК реквизитов добавится нарушение требования о письменной форме решения, однако и в этом случае ошибку суда необходимо будет квалифицировать в качестве нарушения требования полноты решения и устранять только в порядке, предусмотренном ст. 326, 330 ГПК.

Несоблюдение других закрепленных в ГПК реквизитов решения суда может приводить к нарушению такого предъявляемого к судебному решению требования, как определенность. Нарушения требования определенности тоже подлежат выявлению и устранению не в апелляционном производстве, а в специально установленном процессуальном порядке — путем разъяснения решения, исправления в нем описок и явных счетных ошибок в соответствии со ст. 327, 328, 330 ГПК. Полагаем, что использование процедуры разъяснения решения, исправления в нем описок и явных счетных ошибок возможно тогда, когда, например, в решении не указаны или указаны с явными искажениями (опечатками): время и место его вынесения, фамилии, имена, отчества (для физических лиц) или наименования (для юридических лиц) участников судопроизводства, секретаря судебного заседания (секретаря судебного заседания — помощника судьи) (перечисленные недостатки являются нарушениями прежде всего реквизитов, установленных ст. 303 ГПК для вводной части решения, хотя неточности в написании фамилий, имен, отчеств и наименований участников судопроизводства могут присутствовать и в других частях решения суда), размер взыскиваемой с ответчика суммы, суть требуемого от ответчика исполнения по требованиям неимущественного характера, срок и порядок исполнения судебного решения, срок и порядок обжалования решения суда (приведенные огрехи представляют собой нарушение реквизитов резолютивной части решения, прописанных в ст. 307 ГПК).

Правда, стоит сказать, что для устранения указанных огрехов процедура ст. 327, 328, 330 ГПК не всегда применима. Если подобные огрехи свидетельствует о безответственном

отношении судей к исполнению служебных обязанностей, т. е. указывают на допущенные ими грубые процессуальные нарушения, то это может явиться поводом для отмены решения вышестоящим судом. Примером тому может служить следующий случай из практики уголовного судопроизводства (тот факт, что казус имеет отношения к иному виду правосудия, нежели гражданское, принципиального значения здесь не имеет). Так, по заявлению о возбуждении уголовного дела частного обвинения, поступившему в районный суд 19 августа 2016 г., судья вынес постановление об отказе в возбуждении дела, которое датировал априори неверной датой — 22 июля 2016 г. (в действительности постановление было вынесено 22 августа 2016 г.). Несмотря на то что в порядке ст. 402 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь указанная дата была скорректирована на нужную (как исправление явной описки), в последующем в совокупности с иными допущенными по делу нарушениями это послужило одним из оснований к отмене судебного постановления [12].

Попутно заметим, что путаницу с датами вынесения проверяемых судебных постановлений иногда допускают и судьи вышестоящих судебных инстанций. Например, по уголовному делу президиум Минского городского суда в своем постановлении указал, что проверяемый приговор был вынесен 2 октября 2015 г., хотя в действительности он был вынесен 23 октября 2015 г. (это явилось одной из причин отмены постановления надзорной инстанции) [3, с. 26]. По экономическому делу о взыскании ряда сумм по договору строительного подряда, заключенному 27 марта 2019 г., судебная коллегия по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь, выступая в качестве кассационной инстанции, констатировала, что решение экономического суда Минской области было вынесено 15 апреля 2019 г., однако из фабулы дела, в том числе даты заключения договора, следует, что такой даты быть не могло, и, вероятно, здесь имеет место просто опечатка в написании года — решение по спору было постановлено 15 апреля 2020 г. [1]. В другом случае при описании сути гражданского дела о взыскании неосновательного обогащения высшая судебная инстанция допустила указание двух совершенно разных дат

вынесения одного и того же решения районного суда: 24 сентября 2019 г. и 27 сентября 2019 г. [8].

Несоблюдение еще одной группы реквизитов судебного решения определяется законодателем как существенное нарушение требования законности (его процессуально-правовой составляющей) и влечет отмену решения суда в безусловном порядке. Суть данного нарушения отражена в п.6 ч.4 ст. 424 ГПК: «решение не подписано судьей, который рассматривал дело, либо вынесено или подписано не тем судьей, который рассматривал дело». Наверное, наиболее простой с точки зрения ее выявления и квалификации является ситуация, когда «решение не подписано судьей, который рассматривал дело», — тогда в решении попросту отсутствует подпись судьи, рассмотревшего дело, причем везде по тексту решения фамилия и инициалы судьи, в том числе и там, где должна стоять его подпись, указаны верно. Подобное нарушение вероятнее всего может быть допущено в том случае, когда по первой инстанции дело рассматривалось судом в коллегиальном составе и один из судей «забыл» проставить в решении свою подпись (к слову, в практике уголовного судопроизводства встречаются случаи, когда апелляционное определение не подписано всеми судьями коллегии [4, с. 38]).

Ситуация, когда «решение подписано не тем судьей, который рассматривал дело», является более сложной и охватывает собой несколько возможных вариантов. Самый элементарный из них — когда в конце решения стоят подпись, инициалы и фамилия другого (не участвовавшего в рассмотрении дела) судьи. Примером подобного нарушения может быть следующий случай: после нескольких состоявшихся по гражданскому делу судебных заседаний произошла замена судьи, и новый судья, продолжив рассмотрение дела (а не начав разбирательство с самого начала), разрешил его по существу. Правда, стоит отметить, что в данном случае решение будет не только подписано, но и вынесено не тем судьей, который рассматривал (по крайней мере, частично) дело, т. е. будет иметь место сразу два нарушения, которые, однако, по смыслу п. 6 ч. 4 ст. 424 ГПК (из-за употребленного там разделительного союза «или») одновременно не могут происходить. В этой связи думается,

что в п. 6 ч. 4 ст. 424 ГПК союз «или» целесообразно заменить на оборот «и (или)». Аналогичным образом два указанных нарушения будут иметь место и тогда, когда после вынесения по делу немотивированного решения его мотивировочная часть в виде отдельного документа по одному из указанных в п. 1, 2 ст. 305 ГПК оснований будет составлена и подписана другим судьей (по причине того, что судья, который рассмотрел дело, временно (ввиду болезни и пр.) или полностью (вследствие смерти и т. п.) прекратил исполнение служебных обязанностей).

Следующий вариант анализируемой ситуации (когда «решение подписано не тем судьей, который рассматривал дело») заключается в том, что в конце решения стоят инициалы и фамилия надлежащего (того, который занимался разбирательством дела) судьи, однако подпись — не его (такая ситуация может произойти, в частности, тогда, когда спустя какое-то время после вынесения решения будет обнаружено отсутствие на нем подписи судьи, а ввиду того, что последний в суде уже не работает, другой судья или даже сотрудник суда, не имеющий судейского статуса, захочет этот недостаток собственными силами «устранить»).

Наконец, еще один вариант предполагает то, что в решении стоит подпись судьи, рассмотревшего дело, но проставленные напротив подписи (или в другом месте решения, например, в его вводной части) инициалы и фамилия принадлежат другому лицу (стоит отметить, что степень расхождения фамилии и инициалов лица, указанного в постановлении, и фамилии и инициалов судьи, подписавшего постановление, может быть разной — от их полного несоответствия до несовпадения лишь отдельных элементов; в частности, практика уголовного судопроизводства показывает, что в судебном постановлении могут быть неверно (или, по крайней мере, отлично от протокола) указаны целиком данные о члене состава суда [5] либо только его фамилия или инициалы [7, с. 55]). Нам представляется (чуть ниже мы приведем тому обоснование), что подобную ситуацию следует относить к нарушениям другого рода, а именно «решение вынесено не тем судьей, который рассматривал дело».

По буквальному смыслу п. 6 ч. 4 ст. 424 ГПК при таком нарушении, как «решение вынесено не тем судьей, который рассматривал дело», решение всегда содержит подпись надлежащего судьи, однако сам текст решения составлен не им (другим судьей или даже секретарем судебного заседания). Нужно сказать, что, во-первых, подобную ситуацию крайне сложно доказать. Во-вторых, и это самое главное, данная ситуация маловероятна — вряд ли кто-то возьмет на себя труд и ответственность составить в полном объеме текст решения за судью, рассмотревшего дело. С точки зрения современных реалий скорее может произойти случай, когда решение вынесено не тем судьей, который рассматривал дело, не полностью, а только частично. Мы имеем в виду ситуацию, когда судья при вынесении решения в качестве образца (своеобразного эталона) использовал решение (его электронную версию в виде компьютерного файла) своего коллеги, постановленное по аналогичному делу, заменяя при этом данные «чужого» дела на данные «своего» (в такой ситуации есть все основания утверждать, что хотя бы в какой-то части решение вынесено не тем судьей, который рассматривал дело).

Осуществляя подобные замены, судья может забыть исправить фамилию и инициалы другого судьи на собственные персональные данные. Именно этим чаще всего и объясняется тот факт, что в решении, подписанном судьей, рассматривавшим дело, присутствуют указания на фамилию и (или) инициалы другого судьи (в практике гражданского судопроизводства действительно имел место реальный случай, когда судья, воспользовавшись электронным вариантом решения другого судьи, «забыл» исправить во вводной части решения фамилию и инициалы другого судьи, а также наименование суда, в котором работал последний). Поэтому присутствие в решении неправильных сведений о судье, скорее всего, свидетельствует об использовании судьей, рассматривавшим дело, в качестве шаблона «чужого» решения, и, следовательно, служит доказательством анализируемого нарушения — «решение вынесено не тем судьей, который рассматривал дело».

В виде существенного нарушения требования законности (его процессуально-правовой компоненты) квалифицируется

законодателем и такое нарушение процессуальной формы решения, как несоблюдение структуры последнего. Мы имеем в виду безусловное основание к отмене решения, предусмотренное п. 7 ч. 4 ст. 424 ГПК, — «отсутствует мотивировочная часть решения в случаях, когда в соответствии с настоящим Кодексом она должна быть составлена». Ситуация отсутствия в решении мотивировочной части весьма вероятна (что подтверждают и соответствующие примеры из правоприменительной практики [6, с. 20]), поскольку, как видно из ст. 305 ГПК, мотивировочная часть уже не является безусловно обязательным структурным элементом решения, а значит, не исключено, что составить данную часть решения тогда, когда это требуется по закону, судья действительно может просто «забыть». Ситуацию же, когда бы не было других частей решения (вводной, описательной и резолютивной), достаточно сложно представить, вследствие чего подобная ситуация, очевидно, и не оговорена в ч. 4 ст. 424 ГПК.

Правда, в то же время нельзя не отметить, что содержание действующего правового регулирования таково, что создает определенные риски для отсутствия в решении и иных (помимо мотивировочной) его частей. Такие риски таят в себе нормы ГПК, позволяющие суду оглашать только резолютивную часть решения (в этом случае суд может посчитать целесообразным перенести составление неоглашаемых частей решения «на потом», а затем попросту «забыть» их составить). Прежде всего здесь следует указать на норму первого предложения ч. 2 ст. 311 ГПК, которая изначально содержалась в данной статье: «При отсутствии в решении мотивировочной части суд оглашает его резолютивную часть и излагает устное обоснование решения». Буквальное прочтение данной нормы позволяет сделать вывод, что оглашение вводной и описательной частей решения не обязательно. Еще более четко данный вывод следует из нормы ч. 3 ст. 311 ГПК, введенной в эту статью Законом Республики Беларусь от 4 января 2012 г. № 337-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь»: «При составлении решения с мотивировочной частью с согласия юридически заинтересованных в исходе дела лиц, присутствующих при оглашении

решения, допускается оглашение только резолютивной части решения». Наконец, подобное регулирование проникло даже в производство по пересмотру судебных решений. Так, после изложения Законом Республики Беларусь от 8 января 2018 г. № 94-З «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь» главы 32 ГПК в новой редакции в ней появилась норма о том, что суд второй инстанции после подписания своего определения «немедленно возвращается в зал судебного заседания и оглашает резолютивную часть определения с устным обоснованием принятого решения» (ч. 2 ст. 429 ГПК).

Следует сказать, что выявление описанного в п. 7 ч. 4 ст. 424 ГПК процессуального нарушения не составит большого труда, когда мотивировочная часть подлежит изготовлению уже после вынесения решения в виде отдельного судебного документа, а именно, когда в течение десяти дней после оглашения решения юридически заинтересованным в исходе дела лицом было заявлено соответствующее требование (п. 1 ч. 1 ст. 305 ГПК) или решение было обжаловано (опротестовано) в апелляционном порядке (п. 2 ч. 1 ст. 305 ГПК). Отсутствие такого отдельного судебного документа как раз и будет свидетельствовать о том, что мотивировочной части решения нет. Однако, если решение суда изначально подлежит вынесению вместе с мотивировочной частью (поскольку требование о ее составлении было заявлено до удаления суда в совещательную комнату (п. 1 ч. 1 ст. 305 ГПК), или решение не подлежит апелляционному обжалованию и опротестованию (п. 3 ч. 1 ст. 305 ГПК), либо вынесение решения вместе с мотивировочной частью предписано нормами Кодекса (п. 4 ч. 1 ст. 305 ГПК)), то установление нарушения, предусмотренного п. 7 ч. 4 ст. 424 ГПК, может быть сопряжено с рядом проблем.

Во-первых, согласно сложившейся практике изготовления судебных решений в них четко обособляются только вводная и резолютивная части, а описательная и мотивировочные части следуют неразрывно друг за другом (сплошным текстом), поэтому для того чтобы четко разграничить между собой две последние части решения, необходимо вчитываться в текст постановления суда. Во-вторых, даже в тех случаях, когда, на

первый взгляд, мотивировочная часть в решении отсутствует, элементы, относящиеся к мотивировке, в тексте решения все равно можно найти. Например, в ч. 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 10 «О решении суда первой инстанции» разъяснено, что «если в силу закона решение выносится без мотивировочной части, то после изложения его описательной части следует указать, какими нормами материального и процессуального права руководствовался суд при разрешении спора». А указание на подлежащие применению акты законодательства как раз и есть один из реквизитов мотивировочной части решения (см. ст. 300, ч. 2 ст. 305 ГПК). Кроме того, в подобных случаях (при вынесении решения без мотивировочной части) судьи нередко в краткой форме указывают установленные ими при разрешении дела факты. Таким образом, пусть и неполноценная (не соответствующая всем требованиям ст. 300, ч. 2 ст. 305 ГПК), но мотивировочная часть в решении обычно есть.

Отмеченные проблемы с выявлением зафиксированного в п. 7 ч. 4 ст. 424 ГПК процессуального нарушения могут быть преодолены за счет изменения практики изложения судебных решений, а именно четкого размежевания в тексте решения абсолютно всех его структурных частей с одновременным указанием наименования каждой части. Такой подход позволит не только четко установить наличие (отсутствие) в решении мотивировочной части, но и повысить ответственность судей за составление последней.

Вместе с тем обращение к Кодексу гражданского судопроизводства Республики Беларусь (см. ч. 4 ст. 579), который вступит в силу с 1 января 2026 г. и заменит собой ГПК, показывает, что из числа безусловных оснований к отмене судебных постановлений в апелляционном порядке там исключено нарушение, которой сейчас предусмотрено п. 7 ч. 4 ст. 424 ГПК, хотя статья, аналогичная ст. 305 ГПК и допускающая по общему правилу вынесение решения без мотивировочной части (а значит, и несущая в себе риски того, что в необходимом случае составить данную часть решения судья может «забыть»), в КГС сохранена (см. 289). К сожалению, присутствует в КГС и те нормы, которые создают риск несоставле-

ния и других (помимо мотивировочной) частей решения, прежде всего вводной и описательной. Мы имеем в виду норму ч. 1 ст. 299 КГС, которая берет свои истоки, очевидно, из ч. 2, 3 ст. 311 ГПК: «Непосредственно после принятия и подписания решения суд возвращается в зал судебного заседания и оглашает его резолютивную часть, а также излагает устное обоснование решения».

Литература

1. Вынесенные по делу судебные постановления нельзя признать законными и обоснованными, поскольку судом допущено неполное выяснение обстоятельств, имеющих значение для дела, обстоятельства, положенные в основу судебных постановлений, не подтверждены достоверными и убедительными доказательствами [извлеч. из постановления судеб. коллегии по эконом. делам Верхов. Суда Респ. Беларусь] // Судовы веснік. 2020. № 3. С. 37–39.
2. Гражданский процесс. Особенная часть / Т. А. Белова [и др.]; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. 3-е изд. Минск: Изд. центр БГУ, 2022. 552 с.
3. Допущенные существенные нарушения уголовно-процессуального закона повлекли отмену приговора, апелляционного определения и надзорного постановления [извлеч. из определения судеб. коллегии по уголов. делам Верхов. Суда Респ. Беларусь] // Судовы веснік. 2017. № 2. С. 24–26.
4. Ефремов А., Ковальчук А. О применении судами апелляционной инстанции норм УПК, регулирующих апелляционное производство // Судовы веснік. 2019. № 4. С. 18–38.
5. Нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные судьей при назначении и подготовке судебного разбирательства, а также совокупность нарушений закона при судебном разбирательстве повлекли отмену постановления судьи о назначении судебного разбирательства, приговора суда и кассационного определения [извлеч. из постановления президиума Минск. обл. суда] // Судовы веснік. 2009. № 1. С. 45–46.
6. О практике рассмотрения гражданских дел в апелляционном порядке // Судовы веснік. 2021. № 2. С. 10–23.
7. Обзор кассационно-надзорной практики Верховного Суда Республики Беларусь по уголовным делам за 2008 год // Судовы веснік. 2009. № 2. С. 55–63.
8. Положения ст. 366 ГК не применяются, если неосновательное обогащение ответчика произошло не за счет денежных средств, а путем использования имущества истца [извлеч. из ответа должностного лица Верхов. Суда Респ. Беларусь на надзорную жалобу] // Судовы веснік. 2021. № 1. С. 26–27.
9. Скобелев В. П. Пределы апелляционной проверки судебных постановлений в гражданском процессе: проблемы теории и правоприменительной практики // Юстиция Беларуси. 2023. № 8. С. 37–43.

10. Скобелев В. П. Пределы апелляционной проверки судебных постановлений в гражданском процессе: проблемы теории и правоприменительной практики // Юстиция Беларуси. 2023. № 9. С. 18–25.
11. Скобелев В. П. Пределы апелляционной проверки судебных постановлений в гражданском процессе: проблемы теории и правоприменительной практики // Юстиция Беларуси. 2023. № 11. С. 37–43.
12. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона повлекли отмену судебных постановлений [извлеч. из определения судеб. коллегии по уголов. делам Верхов. Суда Респ. Беларусь] // Судовы веснік. 2017. № 3. С. 40–41.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВ НА ПЕРЕРАБОТКУ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Е. Г. Холмова

Новосибирский государственный университет
экономики управления
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
кандидат юридических наук, доцент
e.g.holmova@edu.nsuem.ru

Аннотация. В статье рассматривается право на переработку произведений науки, литературы и искусства в цифровую эпоху. Исследованы факторы влияния цифровой эпохи на решение проблем, связанных с регулированием переработки произведений и правоприменением в данной сфере. Сделаны выводы о необходимости дополнения законодательных норм, и обеспечения баланса интересов авторов, правообладателей и общества.

Ключевые слова: право на переработку; авторское право; баланс интересов.

Abstract. The article examines the right to recycle works of science, literature and art in the digital age. The factors of influence of the digital age on solving problems related to the regulation of the processing of works and law enforcement in this area are investigated. Conclusions are drawn about the need to supplement legislative norms and ensure a balance of interests of authors, copyright holders and society.

Keywords: the right to recycle; copyright; balance of interests.

Право на переработку произведения всегда было сложным, как с теоретической точки зрения, так и с практической — в плане осуществления и защиты. Даже правовая при-

рода права на переработку неоднозначна. С одной стороны, оно представляет собой одно из правомочий правообладателя, являясь составной частью исключительного права на производство науки, литературы и искусства, что вытекает непосредственно из содержания ст. 1270 ГК РФ. С другой стороны, это мера возможного поведения не только правообладателя, но во многих случаях и других лиц.

Цифровая эпоха еще более усложняет существовавшие ранее спорные аспекты рассматриваемого права, добавляя новые факторы, условия и обстоятельства, высвечивает старые проблемы и заставляет их решать, а кроме того, задает новые вопросы и создает новые проблемы.

Старые проблемы права на переработку в свете цифровых технологий

Основные аспекты влияния цифровой эпохи на значимость ранее существовавших проблем и возможности их решения следующие:

- количество создаваемых в результате переработки производных произведений увеличилось в десятки и сотни раз, что актуализирует вопрос о правах переработчиков;
- соответственно увеличилось и число споров между правообладателями и лицами, осуществившими переработку;
- намного чаще чем ранее сейчас возникает вопрос о «параллельном творчестве» в противовес переработке;
- в связи с созданием электронных каталогов повысилась актуальность переработки произведений, выраженных в музейных экспонатах;
- легкость и связанная с ней частота внесения изменений в чужие произведения способствует размыванию границ между переработкой произведения и нарушением права на его неприкосновенность.

Цифровая эпоха заставляет решать эти проблемы.

Благодаря сегодняшним компьютерным технологиям стало очень просто создавать произведения науки, литературы и искусства, и еще проще — их перерабатывать. Сегодня возможность с помощью различных гаджетов рисовать, писать книги, фотографировать, выполнять дизайнерские

проекты и произведения других видов имеет практически каждый человек в возрасте старше пяти лет в нашем государстве, в западноевропейских, североамериканских и других странах. И большая часть людей этой возможностью активно пользуется. Именно этот фактор имеет решающее влияние на резкое возрастание количества создаваемых объектов авторских прав.

Далее, если до начала цифровой эпохи большинство произведений, созданных непрофессионалами, оставалось необнародованным, то сейчас обнародуется большая часть создаваемого — именно в силу предоставляемой электронными устройствами легкости доведения произведений до всеобщего сведения.

По данным Агентства правовой информации число рассмотренных судами общей юрисдикции дел о защите нарушенных авторских прав за последние пять лет (с 2018 по 2013 г.) возросло с 238 до 781, т. е. более чем в три раза, взысканная по этим делам сумма увеличилась с 719 тыс. руб. до 33 млн руб. Интересно, что в системе арбитражных судов картина несколько иная: число дел той же категории, рассмотренных арбитражными судами за тот же период, возросло в меньшей степени, а число удовлетворенных исков уменьшилось. Число рассмотренных дел о защите авторских и смежных прав в Интернете увеличилось почти вдвое — с 1041 до 2078, взысканная по ним общая сумма — с 158 до 444 тыс. р. [8].

Право на переработку становится объектом особого внимания судов, в том числе высших судов государства. В 2022 г. Конституционным судом было рассмотрено известное дело IT-специалиста М., использовавшего для создания программного продукта открытый код [5]. Речь шла не столько о переработке, сколько о создании составного произведения, но выводы суда, безусловно, применимы и к переработке. Решалась старая проблема: права лица, осуществившего переработку (переработчика), не получившего разрешения на переработку от правообладателя исходного объекта авторских прав. Вывод по проблеме: заявлять об отсутствии такого права и о нарушении прав правообладателя исходного объекта может только сам правообладатель, но не третье лицо.

Активнее проявляются проблемы, связанные с так называемым «параллельным творчеством». И сейчас, и в доцифровую эпоху несколько авторов могли и могут создавать произведения, основанные на одних и тех же идеях или темах. Это явление называется параллельным творчеством, и оно может вызывать конфликты между авторами и правообладателями. В связи с тем, что произведений создается больше, а идеи и факты в связи со всеобщей цифровизацией одинаково доступны многим, таких споров стало намного больше, и, следовательно, проблемы обострились. Например, использование высококачественной цифровой техники позволяет нескольким фотографам одновременно создать почти идентичные фото одного и того же природного объекта.

Проблема первая и главная: является ли «параллельное творчество» нарушением авторских прав. Исходя из общих начал авторского права, вопреки расхожему мнению, использование чужих идей и чужой информации нарушением авторских прав не является. Однако исходя из тех же начал, творчество и не может быть абсолютно «параллельным», так как его результат характеризуется новизной и оригинальностью, или характеризовался до недавнего времени, пока Верховный суд РФ именно в связи со спором о «цифровых» объектах не указал, что новизна и оригинальность не закреплены в законе как признаки охраноспособности объектов авторских прав [6]. Таким образом, сейчас отсутствие новизны и оригинальности само по себе не говорит о том, что созданный объект не является произведением или иным объектом авторских прав, что подтверждается и дальнейшей судебной-арбитражной практикой [7]. Грань между результатом «параллельного творчества» и неправомерным использованием чужого произведения лежит в иной плоскости: следует доказать, что одно произведение создано именно на основе другого (охраноспособного) произведения, а не одних и тех же данных.

Проблема вторая: затруднение в установлении авторства. В некоторых случаях параллельное творчество может сделать сложным установление истинного автора произведения. Далее это приводит к проблемам с определением ответственности за нарушение авторских прав и другим правовым последствиям.

Один из предлагаемых подходов к решению проблем параллельного творчества — согласование прав: заключение договоров о сотрудничестве или соглашениях, которые определяют условия использования информации, идей и тем каждым автором. Главный недостаток этого подхода: нежелание и полное отсутствие мотивов идти на такие соглашения при полном понимании договаривающихся, что каждый из них без этого договора сможет использовать больший объем исходного материала.

Важно найти баланс между интересами всех сторон и обеспечить справедливое распределение прав и доходов от использования произведений.

Совершенно особая ситуация сложилась по поводу произведений, выраженных в музейных экспонатах. Их правовой статус определяется не только общими нормами гражданского законодательства, но и специальным законом [1] и международными договорами. Исходя из общих норм авторского права, большинство произведений, выраженных в музейных экспонатах, находятся в общественном достоянии, и любой человек может свободно их использовать. При этом музеи сохраняют авторские права на каталоги и выставки, что позволяет им контролировать использование изображений экспонатов, музеи имеют право обращаться в суд для запрещения использования выраженных в экспонатах произведений без их разрешения. Это помогает защитить интересы музеев, обеспечить сохранность культурных ценностей, в чем заинтересовано и общество в целом.

Вместе с тем право запретить использование произведения означает и право запретить такое действие как переработка. В результате возникает парадоксальная ситуация: ограничив в интересах общества право использовать определенные произведения, закон ограничил и возможность развития искусства на основе величайших его достижений.

Массовое использование технических средств все более размывает границы между переработкой произведения и нарушением права на неприкосновенность произведения.

Переработка произведения — это создание нового произведения на основе существующего. Распространенный в цифровую эпоху пример переработки — адаптация произведения для другой аудитории (отличающейся возрастом, образованием и т. д.).

Право на неприкосновенность произведения — это личное неимущественное право автора, которое означает, что автор имеет право на защиту произведения от любых искажений без его согласия. Примеры нарушения права на неприкосновенность произведения: внесение изменений в произведение без согласия автора, добавление комментариев или иллюстраций к произведению без разрешения автора.

И если какое-либо лицо, адаптируя произведение для виртуального использования, внесло в него изменения, то в каждом конкретном случае нужно определять, было ли это изменение переработкой, т. е. созданием производного произведения, или произвольным вмешательством, искажающим исходное произведение, но другое произведение не создающим.

Переработка может быть как законной, так и незаконной. Если переработка осуществлена без согласия правообладателя, то она, как правило, является незаконной. Незаконная переработка, как и нарушение права на неприкосновенность являются, по сути, гражданскими правонарушениями — противоправными действиями, нарушающими авторские права. Различия между переработкой произведения и нарушением права на неприкосновенность произведения заключаются в следующем:

- объект нарушения: незаконная переработка произведения затрагивает исключительное право на произведение, в то время как нарушение права на неприкосновенность касается личных неимущественных прав автора;
- степень вмешательства: при переработке произведения создается новый продукт на основе старого, в то время как нарушение права на неприкосновенность предполагает внесение изменений в существующее произведение без создания нового;

- субъект, чье право нарушено: незаконная переработка произведения нарушает права правообладателя, нарушение права на неприкосновенность нарушает права автора произведения; автор и правообладатель могут совпадать в одном лице, но для рассматриваемого вопроса это не принципиально, так как это лицо выступает в разных статусах.

Применение цифровых технологий создает значительные трудности, в первую очередь, в определении степени вмешательства в суть произведения. Так, литературное произведение легко адаптировать к иной аудитории, заменив с помощью специальной программы, например, высокохудожественную лексику на просторечную. Если замен слов окажется достаточно много, и лицо, вносящее изменения, приведет построение фраз в соответствие с привнесенной лексикой, то на выходе мы получаем производное произведение. Если доля замененных слов невелика, то нового произведения не возникает, а имеющееся искажается. При условии, что замена лексики производилась без согласия автора и правообладателя, мы в обоих случаях имеем дело с нарушением авторских прав, но нарушенные права будут разными, меры ответственности тоже окажутся различны, и субъекты, имеющие юридическую возможность заявить о нарушении права, тоже не совпадут, вследствие чего мы заранее не сможем даже сказать, какое звено судебной системы правомочно рассматривать возникший спор с нарушителем.

Проблемы права на переработку, возникшие в цифровую эпоху

Новые проблемы и вопросы, заданные цифровой эпохой:

- возникновение исключительно «цифровых» объектов и последующий стремительный рост их количества, при отсутствии достаточной ясности их правового статуса и возможностей применения существующих норм к отношениям по поводу таких объектов;
- появление новых технологий создания псевдопроизведений, проблемы их правовой квалификации и связанного с этим вопроса о праве на переработку (в ином ракурсе, нежели рассмотрено выше), а также и о статусе произведений, созданных в результате такой переработки;

- квалификация в качестве производных произведений результатов, создаваемых на основе «машинного обучения» и «произведений» искусственного интеллекта;
- новые, невозможные без цифровых технологий формы соавторства;
- цифровой формат открытых лицензий.

О цифровых объектах авторских прав

К числу исключительно цифровых объектов интеллектуальной собственности традиционно (с прошлого века) относятся программы для ЭВМ и базы данных. Цифровыми объектами становятся и преобразованные в цифровую форму произведения науки, литературы и искусства.

Особенности защиты цифровых объектов интеллектуальной собственности связаны с легкостью и быстротой распространения информации в интернете. Это создает новые вызовы для защиты прав, такие как нелегальное копирование, незаконная переработка и другие нарушения авторских прав.

Для эффективной защиты цифровых объектов интеллектуальной собственности необходимо адаптировать законодательство к новым реалиям цифровой экономики, использовать технические средства защиты и правовые меры, а также сотрудничать на международном уровне для унификации подходов к защите прав.

О произведениях науки, литературы и искусства, созданные с использованием машинного обучения

Машинное обучение — это технология, которая позволяет компьютерам обучаться без прямых инструкций человека. Эта технология находит применение в различных областях, включая науку, литературу и искусство. В науке машинное обучение используется для создания новых гипотез и теорий. Например, исследователи из Университета Торонто создали программу, которая анализирует данные о заболеваниях и предсказывает возможные связи между ними. Программа была обучена на данных о более чем 100 млн пациентов, что позволило ей выявить ранее неизвестные закономерности.

В литературе машинное обучение применяется для создания текстов (всем известный пример — YandexGPT в «Алисе»),

стихов и даже романов. В искусстве машинное обучение используется для создания картин, скульптур и других произведений искусства. Один из примеров — проект «DeepDream», разработанный компанией Google и позволяющий пользователям загружать фотографии и применять к ним различные фильтры и эффекты, созданные с использованием машинного обучения. В результате получаются необычные и оригинальные произведения искусства.

Машинное обучение открывает новые горизонты для творчества и научных исследований, позволяя экономить огромное количество времени и других ресурсов. Но в правовом поле оно создает проблемы или, как минимум, заставляет задаваться вопросами, связанными не только с проблематикой авторства [2], но и с правом на переработку, главный из которых: кто вправе перерабатывать псевдопроизведения, созданные в результате машинного обучения (и вправе ли кто-либо). И вслед за названным возникает другой вопрос — о переработанных псевдопроизведениях: что это. Возможные варианты ответов:

- производное произведение (т. е. результат осуществления права на переработку);
- оригинальное произведение;
- или же переработка «произведений» искусственного интеллекта вообще не приводит к созданию объекта интеллектуальной собственности.

Исследователи отмечают, что «первым объектом, создаваемым с помощью технологии, который получил правовую охрану в качестве результата интеллектуальной деятельности и прямо упоминается в Бернской конвенции, стала фотография» [3, с. 154] Из чего следует вывод: «Сам по себе факт применения технологии или технических средств при создании объекта не лишает этот объект возможности получить правовую охрану в качестве авторского произведения, поскольку его создание не исключает творческий характер самого процесса» [3, с. 156]. «Важны степень и характер участия человека в создании объекта» [3, с. 156]. Таким образом, объект, созданный в результате машинного обучения, не являясь объектом авторских прав сам по себе, приобретает статус произведения

в результате приложения к нему творческого труда человека. И значит, внесение изменений в такой объект является не переработкой, а процессом создания произведения. При условии вложения творческого труда человека, дальнейшая переработка объекта третьими лицами допустима только с согласия правообладателя.

О новых формах соавторства

Цифровые технологии позволяют осуществлять такие формы взаимодействия при создании произведений, которые ранее были невозможны. Яркий пример новой формы соавторства — Wiki, уникальная система, в которой каждый участник может добавлять, изменять и удалять информацию, а также связывать ее с другими страницами. Особенностью соавторства в этой системе является возможность коллективного редактирования, при котором участники могут работать над одним документом одновременно, и при том независимо друг от друга.

О цифровом формате открытых лицензий

Открытые лицензии — это правовой инструмент защиты интересов правообладателей, предоставляющих произведения (и часто — программное обеспечение) для широкого использования и доработки сообществом пользователей. Наиболее известные виды открытых лицензий:

- Creative Commons (CC): набор лицензий, позволяющих распространять изображения, музыку, видео и другой контент на разнообразных условиях;
- GNU General Public License (GNU GPL): первая открытая лицензия для распространения ПО, обязательная для распространения программы и ее модификаций;
- The MIT License: разрешительная лицензия, требующая приложить уведомление об авторском праве и текст лицензии к каждому экземпляру ПО.

Особенностями цифровых форматов открытых лицензий является электронный документооборот: использование электронных документов и систем управления лицензиями упрощает процесс распространения и контроля использования произведений, в том числе их переработки; автоматизи-

зация процессов: применение программных решений для управления лицензиями.

В контексте переработки произведений особое значение приобретает так называемый *copyleft* — лицензия, позволяющая использовать оригинальные работы при создании новых работ без получения разрешения от правообладателя. Она требует, чтобы два пункта присутствовали в лицензии производной работы: указание на источник и предоставление таких же прав в отношении производного объекта.

В действующем российском законодательстве концепции *copyleft* в определенной мере соответствуют правила ст. 1286.1 (открытая лицензия) и п. 5 ст. 1233 ГК РФ

В научной литературе высказано мнение, что заявление о предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать принадлежащие ему произведение является вариантом «отказа от исключительного права» [4]. Однако такая позиция представляется в корне неверной. Предоставление прав третьим лицам не является отказом от своего права. Так, собственник вещи, объявивший, что его вещью может пользоваться кто захочет (в отличие от собственника, объявившего, что отказывается от права собственности на вещь), не теряет своего права собственности. Причем происходит это не в силу патернализма государства, а в силу правовой природы сделанного объявления. Аналогично и предусмотренное п. 5 ст. 1233 ГК РФ заявление не влечет прекращения исключительного права.

Этот вывод подтверждается и тем, что в заявлении может содержаться указание не только на срок, что Н.В. Щербак упоминает как некую уступку патернализму, но и на способ, территорию и иные условия предоставления прав.

И названный пункт, пусть пока фактически и не востребованный практикой, и ст. 1286.1 (открытая лицензия) — примеры сбалансированности интересов правообладателя и общества в вопросе права на переработку произведений.

Таким образом, главные особенности прав на переработку произведений в цифровую эпоху заключаются в следующем:

- наличие права на переработку не всегда очевидно, и цифровые технологии эту неочевидность на текущем этапе не устраняют, а усугубляют;

- осуществление права на переработку имеет разные форматы, часто сходно с соавторством и иногда почти неотличимо от фактических действий, переработкой не являющихся.

Очевидно, что в связи с все большим переплетением и взаимопроникновением цифровых технологий и творчества становится необходимым дополнение законодательных норм, и при создании этих норм необходимо сохранить и (или) обеспечить баланс интересов авторов, правообладателей и общества.

Литература

1. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации: федер. закон. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496 (дата обращения: 12.05.2024)
2. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: моногр. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.
3. Рожкова М. А., Исаева О. В. Квалификация в качестве производных произведений объектов, создаваемых на основе результатов машинного обучения и «произведений» искусственного интеллекта // Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты: кол. моногр. Вып. 19 / рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: ГАУГН Пресс, 2023. 438 с.
4. Щербак Н. В. Договоры, направленные на передачу прав на произведение в материальной и цифровой реальности // Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты: кол. моногр. Вып. 19 / рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. М.: ГАУГН Пресс, 2023. 438 с.
5. Постановление Конституционного суда РФ № 25-П от 16 июня 2022 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419677 (дата обращения: 12.05.2024).
6. Постановление Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470 (дата обращения: 12.05.2024).
7. Постановление СИП от 30.05.22 № С01-408/2022 по делу А-40-120582/2021. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404688603> (дата обращения: 12.05.2024).
8. Сайт Агентства правовой информации. Данные о рассмотрении гражданских дел. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/gr/t/22/s/28> (дата обращения: 20.06.2024).

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ РОДИТЕЛЯМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Е. Г. Холмова

Новосибирский государственный университет
экономики управления
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
кандидат юридических наук, доцент
e.g.holmova@edu.nsuem.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты осуществления родителями интеллектуальных прав малолетних детей. Уделено внимание проблемным вопросам прав на заключение договоров и определения интересов детей в рамках соответствующих договорных отношений, осуществления личных неимущественных прав ребенка, а также связанным с осуществлением прав вопросам их защиты. Обозначены проблемы защиты интеллектуальных прав детей-блогеров и ответственности родителей за нарушения интеллектуальных прав, допущенные их малолетними детьми.

Ключевые слова: интеллектуальные права, права малолетних детей.

Abstract. The article examines the legal aspects of parents' exercise of the intellectual rights of young children. Attention is paid to problematic issues of the right to conclude contracts, the exercise of personal non-property rights of the child, as well as issues related to the exercise of rights of their protection. The problems of protecting the intellectual rights of children bloggers and the responsibility of parents for violations of intellectual rights committed by their young children are outlined.

Keywords: intellectual property rights, the rights of young children.

Дети — творцы по своей природе, с самого раннего возраста они рисуют, придумывают сказки, поют, а став чуть старше, пишут компьютерные программы, фотографируют и шьют дизайнерские вещи. И вся эта деятельность порождает интеллектуальные права, о которых сами дети не догадываются, а родители часто не задумываются. Ребенок, достигший 14 лет, свои интеллектуальные права осуществляет сам, точнее, может осуществлять, если ему подскажут. До четырнадцатилетия ребенка осуществление таких прав является полностью задачей родителей.

Не следует считать результаты творческой деятельности детей чем-то малозначимым. Детское творчество может порождать результаты, весьма ценные как с культурной, так и с

экономической точек зрения, достаточно вспомнить, в каком возрасте создавали известные произведения Валентин Серов, Надя Рушева, Саша Путря и другие юные художники и поэты. Дети-исполнители, дети-программисты, дети-изобретатели — это не редкие явления в жизни. И даже если ребенок не знаменитость, его интеллектуальные права следует правильно осуществлять и защищать. Юридические нюансы решения этой задачи многогранны и требуют не только разъяснения со стороны специалистов, но и научного исследования ввиду сложности и неоднозначности целого ряда аспектов.

Родители малолетнего ребенка:

а) осуществляют исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные ребенком, в том числе заключают связанные с ними договоры;

б) осуществляют личные неимущественные и иные права детей как авторов;

в) защищают интеллектуальные права ребенка;

г) несут ответственность за нарушения чужих прав, допущенные их малолетними детьми.

Проблемы осуществления прав

Родители осуществляют права ребенка в его интересах, в том числе заключают договоры от его имени.

Проблемным аспектом в области заключения лицензионных договоров, договоров об отчуждении исключительного права и иных договоров, связанных с интеллектуальной собственностью малолетнего, является определение «выгоды», пользы для самого ребенка. Это и проблема экономической оценки (интеллектуальную собственность оценить сложнее, чем большинство видов имущества), и проблема соотнесения сиюминутной экономической выгоды или невыгодности с получаемыми или утрачиваемыми возможностями, как юридического, так и фактического характера.

Является дискуссионным связанный с этим вопрос о достаточности норм, регулирующих заключение договоров родителями.

В 2020 г. на сайте Журнала Суда по интеллектуальным правам была опубликована статья «Интеллектуальные права

несовершеннолетних: особенности реализации и судебной защиты», в которой предложено ограничить правомочия родителей по отчуждению исключительного права [1]. Высказанное авторами статьи А. В. Ермаковым и Н. Ю. Сергеевой мнение о том, что требуются специальные ограничения в вопросе заключения родителями договоров об отчуждении исключительного права, представляется в корне неверным. Имеющиеся в гражданском и семейном законодательстве общие ограничения достаточны для соблюдения интересов ребенка. Так, в соответствии со ст. 37 ГК РФ любые сделки по распоряжению имуществом от имени малолетнего гражданина его законные представители совершают в интересах малолетнего. Исключительное право является имущественным, соответственно, его отчуждение подпадает под действие указанной нормы.

При этом сохранение за ребенком исключительного права на результат интеллектуальной деятельности совсем не равнозначно сохранению за ним же права собственности на вещи, такие как дом или коллекционное ювелирное украшение. Если отчуждение исключительного права, например, на комикс, нарисованный восьмилетней девочкой, или инди-игру, написанную двенадцатилетним мальчиком, принесет ребенку денежные средства — это благо. При этом стремление «придержать» права до совершеннолетия ребенка с большой вероятностью приведет к потере актуальности произведений и, соответственно, к утрате их экономической ценности. И даже безвозмездное отчуждение исключительного права вполне может быть благом для автора, если будет способствовать его популярности, популярность же, в свою очередь, может способствовать дальнейшему творческому развитию ребенка. Впрочем, какие интересы (имущественные, творческие или иные) окажутся первичными в каждой отдельно взятой семье, зависит от той системы семейных ценностей, в которой ребенок воспитывается [5].

Лицензионные договоры тем более служат к пользе детей, поскольку позволяют ребенку заработать «здесь и сейчас», популяризируют его творчество и при этом сохраняют за ним все юридические возможности в отношении результатов

интеллектуальной деятельности на будущее время. При решении вопроса, заключается ли такой договор в интересах детей, также следует исходить из всего круга интересов, затрагиваемых договором.

Родители осуществляют не только имущественные (исключительные) права малолетний детей, но и их личные неимущественные и иные права на результаты интеллектуальной деятельности. Здесь имеется неочевидная, но серьезная проблема: малолетний сам, своими фактическими действиями осуществляет свои личные неимущественные права, но исходя из норм действующего законодательства, эти действия не влекут юридических последствий. Исключительное право тоже может осуществляться фактическими действиями ребенка, но в этом отношении фактическое и юридическое «разводится», разделяется относительно легко, как и в отношении осуществления права собственности на принадлежащие ребенку вещи. Фактические действия по осуществлению исключительного права осуществляет ребенок: поет свои песни, рассказывает свои сказки, перекодирует свою программу и т. д., юридические действия, в частности, заключение договоров (о чем уже сказано выше) и совершение иных сделок — осуществляют родители.

В отношении же личных неимущественных прав ситуация сложнее. Проблема отчетливо видна на примере права на обнародование произведения науки, литературы или искусства. Пример: ребенок размещает в Интернете свои рисунки, стихи, пользовательский контент в играх; фактический результат: произведение доведено до всеобщего сведения. Юридический же результат — получение произведением статуса «обнародованное» — не может считаться достигнутым, ведь ребенку до 14 лет не предоставлена возможность осуществлять интеллектуальные права, и никакая сделка в сфере интеллектуальной собственности не является бытовой. Значит, если не родители разместили в Интернете сделанное ребенком фото, то оно там размещено незаконно, и обнародованным не является.

Право на авторское имя осуществляется, как правило, в момент обнародования произведения или в момент заключения договора в отношении результата интеллектуальной

деятельности. Юридически такие действия осуществляют родители, поэтому, например, ребенок использует псевдоним, но юридически выбор предоставлен не ему, а от его имени — его родителям.

Вопрос об осуществлении права доступа, предусмотренного ст. 1292 ГК РФ, решается путем разделения фактических и юридических действий: фактический доступ для создания копии работы предоставляется ребенку на основании юридического действия — заявления или требования его родителей.

Проблемы защиты интеллектуальных прав малолетних детей

Осуществление права невозможно без возможности его защиты. Обеспечение защиты прав и соблюдение законных интересов каждого ребенка — важная государственная задача [4].

А. А. Гладкий и В. В. Тарасенко предлагают включить в законодательные акты нормы, прямо предусматривающие права прокурора и органов опеки и попечительства предъявлять иски о защите интеллектуальных прав несовершеннолетних авторов [3]. Предлагаемые новеллы представляются избыточными, так как указанные органы и без того имеют процессуальные возможности, достаточные для защиты интеллектуальных прав детей. Однако обращение к данному вопросу свидетельствует о понимании важности защиты интеллектуальных прав малолетних детей.

Родители обязаны защищать права своих несовершеннолетних детей, следовательно, они должны также отслеживать нарушения этих прав и предъявлять требования об их устранении. Это сложная задача, особенно применительно к интеллектуальным правам. Даже совершеннолетний дееспособный автор далеко не всегда знает, кто использует его произведения и насколько такое использование законно, тем более этого может не знать малолетний и его родители; последние — еще и потому что в современной действительности они не в состоянии даже отследить, какие результаты интеллектуальной деятельности созданы их чадами.

Противодействие нарушителям интеллектуальных прав требует серьезных усилий, т. е., фактически становится для семьи проблемой. Одно из возможных решений — не заниматься защитой интеллектуальных прав ребенка самостоятельно, а заключать договоры со специалистами. Представляется допустимым заключать их за счет средств ребенка, в первую очередь, средств, получаемых по договорам о его интеллектуальной собственности. И здесь также придется решать вопрос, поднятый в первой части статьи — о «пользе», «выгоде» и интересах ребенка.

Самые большие трудности возникают в связи с особыми объектами, с которыми трудно работать юридически правильно, даже когда они созданы взрослыми людьми. Это аккаунты, исполнения (особенно в цифровом формате), компьютерные программы, виртуальные объекты, в том числе игровые предметы.

Аккаунт с технической точки зрения — всего лишь способ идентификации в цифровой среде. Юридически он может рассматриваться как сложный объект интеллектуальной собственности, включающий в себя произведения науки, литературы и искусства и другие результаты интеллектуальной деятельности. Верховный суд Германии в рамках наследственного права приравнял аккаунты к письмам и дневникам [2], что является лишь одним из аспектов оборотоспособности и одновременно позволяет провести параллель с произведениями литературы. Аккаунт, наполненный авторским контентом — экономически значимый объект, иногда очень дорогостоящий. В отношении контента, наполняющего аккаунт малолетнего ребенка, в полной мере действуют указанные выше проблемы: юридически все охраноспособные объекты, выложенные ребенком, а не мамой или папой, должны считаться необнародованными, и указанное имя автора не соответствует условиям правовой охраны. Защищать права на результаты интеллектуальной деятельности, являющиеся контентом аккаунта малолетнего пользователя — технически и юридически сложный процесс, в том числе в связи с отсутствием у родителей самостоятельного доступа к соответствующим материалам.

Дети-блогеры часто являются авторами произведений или их исполнителями, или же авторами и исполнителями одновременно. В тех случаях, когда, например, тексты подготавливаются родителями, а ребенок их только озвучивает, то у ребенка может возникнуть право на исполнение, даже если озвучиваемые тексты не являются охраноспособными. Главное требование для возникновения интеллектуальных прав на исполнение — его творческий характер, наличие которого обычно определяется по следующим признакам:

- новизна и оригинальность: создание новых идей, форм и методов;
- индивидуальность: выражение своей личности и уникального стиля;
- развитие и совершенствование: постоянное улучшение навыков.

Нетворческое исполнение характеризуется следующими особенностями:

- копирование и повторение: воспроизведение существующих идей, форм и методов;
- отсутствие индивидуальности: следование установленным образцам и стандартам;
- ограниченное развитие и совершенствование: ориентация на общепринятые нормы и правила.

Разграничение творческого и нетворческого представления детьми материалов, подготовленных родителями или другими лицами, является одной из проблем осуществления и защиты прав детей-блогеров. В целом же их интеллектуальные права (и соответственно, возможности и обязанности родителей по их защите) требуют дополнительного исследования.

Защищая интеллектуальные права своих детей, родители несут и ответственность за нарушения интеллектуальных прав третьих лиц, допущенные их малолетними детьми. Так, если упомянутые выше дети-блогеры исполняют чужие произведения без согласования с правообладателями, то последние могут предъявить требования о выплате компенсации по ст. 1301 ГК РФ. Размеры компенсации могут оказаться значительными. Проблемой при этом является отсутствие у роди-

телей юридических механизмов отслеживания того, что создает, использует для создания и исполнения их ребенок, особенно — в сети Интернет.

Кроме того, для физических лиц не должно быть ответственности за невиновное нарушение интеллектуальных прав. Рассматривая нарушения, допущенные малолетними детьми, мы должны говорить о вине не самих детей (в силу отсутствия у них деликтоспособности), а их родителей. Представляется правильным установить, что отсутствие у родителей возможности проконтролировать наполнение блога или аккаунта ребенка, либо иных хранилищ информации само по себе должно считаться доказательством отсутствия вины родителей.

В целом же выход видится не столько в юридической плоскости, сколько в повышении информированности родителей и детей и воспитании добросовестности.

Литература

1. Ермаков А. В., Сергеева Н. Ю. Интеллектуальные права несовершеннолетних: особенности реализации и судебной защиты // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 27. 2020. С. 41–49.
2. Карташов М. Наследование личной страницы в социальной сети после смерти пользователя в судебной практике Германии. URL: https://zakon.ru/blog/2018/5/24/nasledovanie_lichnoj_stranicy_v_socialnoj_seti_posle_smerti_polzovatelya_v_sudebnoj_praktike_german (дата обращения: 10.05.2024).
3. Гладкий А. А., Тарасенко В. В. Особенности защиты интеллектуальных прав несовершеннолетних. М.: Инфра-М, 2015. URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=111311> (дата обращения: 10.05.2024).
4. Стратегия развития и воспитания в Российской Федерации до 2025 года, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-п5. URL: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 10.05.2024).
5. Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА УСЛОВИЙ ТРУДА В СООТВЕТСТВИИ С НОРМАМИ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

А. Г. Чернецова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
старший преподаватель
кафедры гражданского и предпринимательского права
a.g.chernecova@edu.nsuem.ru

Аннотация. Цель статьи — определить особенности и проблемы правового регулирования специальной оценки условий труда в современной России. Рассмотреть характерные признаки специальной оценки условий труда, порядок организации и проведения специальной оценки условий труда, контролирующие органы, механизм получения государственной услуги по проведению экспертизы условий труда.

Ключевые слова: охрана труда, трудовые отношения, Трудовой кодекс РФ, работник, работодатель, специальная оценка условий труда, идентификация рабочего места.

Abstract. The purpose of the article: to determine the features and problems of legal regulation of special assessment of working conditions in modern Russia. To consider the characteristic features of special assessment of working conditions, the procedure for organizing and conducting a special assessment of working conditions, regulatory authorities, the mechanism for obtaining a state service for conducting an examination of working conditions.

Keywords: labor protection, labor relations, Labor Code of the Russian Federation, employee, employer, special assessment of working conditions, identification of the workplace.

Правовое регулирование охраны труда — это один из правовых институтов трудового права, который прочно занял свое место в системе трудового права. Действующая Конституция Российской Федерации ч. 3, ст. 37 определяет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности [1]. Трудовой кодекс закрепляет обеспечение безопасных условий труда, как один из принципов, регламентирующий отношения в сфере труда. Термин «безопасные условия труда» определен легально и закреплен в трудовом законодательстве, к безопасным условиям труда, прежде всего, относятся усло-

вия труда, при которых воздействие на работающих вредных и (или) опасных производственных факторов исключено либо уровни воздействия таких факторов не превышают установленных нормативов [2].

Необходимо обозначить основные исторические этапы формирования таких норм трудового права, как специальные условия труда. Итак, в августе 1986 г. произошло значимое событие для всего трудового законодательства. В этом году главным государственным санитарным врачом СССР была утверждена «Гигиеническая классификация труда (по показателям вредности и опасности факторов производственной среды, тяжести и напряженности трудового процесса)», которая определила три класса «условий и характера труда»: «оптимальные» (I класс), «допустимые» (II класс) и «вредные и опасные условия и характер труда» (III класс), которые — III класс — в свою очередь также были дифференцированы на три степени в зависимости от «вредности и опасности».

В этом же году Госкомтруда СССР и ВЦСПС принимает постановление № 387/22-78 «Об утверждении Типового положения об оценке условий труда на рабочих местах и порядке применения отраслевых перечней работ, на которых могут устанавливаться доплаты рабочим за условия труда». Фактически это постановление на нормативном уровне закрепляет доплаты за условия труда, которые производятся на рабочих местах, на которых выполняются работы с тяжелыми и вредными, особо тяжелыми и особо вредными условиями труда. Далее, в 1991 г. были утверждены списки производств, работ, профессий, должностей и показателей, дающих право на льготное пенсионное обеспечение, целью принятия которых было улучшение условий труда, те списки, которые определяют право на досрочное назначение страховых пенсий по старости в современных условиях. Впоследствии в марте 1997 г. расширилась классификация условий труда — был введен четвертый класс условий труда (опасный), рабочее место признается неаттестованным и подлежит незамедлительному переоснащению или ликвидации.

При этом следует отметить, что система сертификации работ по охране труда была формально упразднена в 2010 г.,

основанием послужил Приказ Минздравсоцразвития России № 779 н. Но ненадолго, так как 28 декабря 2013 г. был принят Федеральный закон № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» (далее — ФЗ № 426-ФЗ) и Приказ Минтруда России от 24 января 2014 г. № 33н, «Об утверждении Методики проведения специальной оценки условий труда, Классификатора вредных и (или) опасных производственных факторов, формы отчета о проведении специальной оценки условий труда и инструкции по ее заполнению» (далее Методика проведения СОУТ), утвердивший Методику проведения СОУТ.

На данный момент указанный нормативно-правовой акт является актом специального регулирования, который призван урегулировать отношения, возникающие в связи с проведением комплекса мероприятий по проведению специальной оценки условий труда. По мнению законодателя, это фактическая реализация, с одной стороны, права работодателя — реализовывать права, предоставленные законодательством о специальной оценке условий труда. А с другой стороны — это обязанность работодателя, обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда, регламентированные ст. 22 ТК РФ [2]. За время действия указанного закона в него 12 раз были внесены изменения, последние датированы 24 июля 2023 г., юридическую силу приобрел этот специальный нормативно-правовой акт с первого января 2014 г.

Анализируя современную ситуацию по организации и проведению специальной оценки условий труда сложно ответить однозначно о достижении той цели, которую преследовал законодатель, достигнута она или нет, выполняет ли свои обязанности работодатель добросовестно. Исследуя организацию и порядок проведения специальной оценки условий труда, которые должен осуществлять работодатель, определим наиболее важные закономерности. Логически правильно начать с термина, который для нас уже определен в законе, следовательно, является легальным.

Под специальной оценкой условий труда, необходимо понимать, совокупность мероприятий, которые проводятся с целью идентификации условий труда и выявления, как пра-

вило, опасных и вредных факторов производственной среды и трудового процесса. Кроме этого очень важно определить уровень воздействия этих особых условий на работников и наличие отклонений от установленных нормативов условий труда. Еще один немаловажный признак специальной оценки условий труда, это определение порядка использования средств индивидуальной и коллективной защиты.

Примечательно, что ч. 3 и 4, ст. 3 ФЗ № 426-ФЗ определяют категории работников, в отношении условий труда которых не проводится специальная оценка условий труда, к ним относятся:

- 1) надомники;
- 2) дистанционные работники;
- 3) работники, вступившие в трудовые отношения с работодателями — физическими лицами, не являющимися индивидуальными предпринимателями, или с работодателями — религиозными организациями, зарегистрированными в установленном порядке;
- 4) государственные гражданские и муниципальные служащие [4].

На этом перечисление категорий работников не заканчивается в законе, в ч. 6 ст. 10 ФЗ № 426-ФЗ и в п. 11 Методики проведения СОУТ есть дополнение, в частности, идентификация не осуществляется в отношении следующих категорий работников и условий труда:

1) это рабочие места работников, профессий, должностей, специальностей, которых включены в списки работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых осуществляется досрочное назначение страховой пенсии по старости;

2) сюда относятся рабочие места, в соответствии с законодательными и иными нормативными правовыми актами которым предоставляются гарантии и компенсации за работу с вредными и (или) опасными условиями труда;

3) и рабочие места, на которых по результатам ранее проведенных аттестации рабочих мест по условиям труда или специальной оценки условий труда были установлены вредные и (или) опасные условия труда [5].

Данное положение закреплено в законе и в Методике проведения СОУТ, оно закреплено в законе и в подзаконном акте. Отсюда возникает вопрос, почему законодатель поделил категории работников и условия труда, зачем установлено такое разграничение на закрепление в законе и подзаконном акте. Одна из проблемных сторон, это то, что работодатель не видит нормативные положения, о чем свидетельствует судебная и административная практика. Так, например, достаточно часто подвергаются идентификации медицинские работники, зачем отрицать очевидное.

Все разногласия, которые могут возникнуть между работодателем и работниками по вопросам проведения специальной оценки условий труда, такие как несогласие, с результатами проведения специальной оценки условий труда, или, например, подача жалобы на действия (бездействия) организации, проводившей проверку, рассматриваются федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на проведение федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства и его территориальными органами. Вынесенные решения указанных органов могут быть обжалованы в судебном порядке, это положение закреплено в ч. 1, ст. 26 ФЗ № 426-ФЗ. Следовательно, сторона, чьи права нарушены должна защитить себя и восстановить свое нарушенное трудовое право посредством обращения в соответствующие органы. Следовательно, если ваше рабочее место и условия труда были подвергнуты идентификации, хотя в Методике проведения СОУТ этот вид условий труда не подлежит данному действию, то, чтобы вам доказать и восстановить свое право нужно обжаловать либо в федеральный орган исполнительной власти по труду и занятости, запросив проведение государственной экспертизы условий труда, либо подать исковое заявление в суд. Чаще всего на практике судья запрашивает данную экспертизу, чтобы вынести решение.

Нормы Трудового кодекса РФ, федерального закона № 426-ФЗ и положения приказа Минтруда России, регламентирующие Методику проведения СОУТ не определяют порядок обращения в федеральные органы исполнительной власти, уполномоченным на проведение федерального госу-

дарственного надзора за соблюдением трудового законодательства и территориальные органы. Для реализации данного права нужно ознакомиться с Административным регламентом предоставления Федеральной службой по труду и занятости государственной услуги по рассмотрению разногласий по вопросам проведения специальной оценки условий труда, несогласия работника с результатами проведения специальной оценки условий труда на его рабочем месте, а также жалоб работодателей на действия (бездействие) организации, проводящей специальную оценку условий труда, в редакции Приказа Роструда от 23 августа 2019 г. № 233 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по труду и занятости государственной услуги по рассмотрению разногласий по вопросам проведения специальной оценки условий труда, несогласия работника с результатами проведения специальной оценки условий труда на его рабочем месте, а также жалоб работодателей на действия (бездействие) организации, проводящей специальную оценку условий труда» [8]. Именно данный Регламент содержит правила и предлагает типовые формы заявлений, которые нужно заполнить.

В соответствии со ст. 353 ТК РФ, Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, осуществляется федеральной инспекцией труда. Изначально, как правило, работник, чьи права нарушены, обращается с жалобой Государственную инспекцию труда (ГИТ), форма составления жалобы не предусмотрена, законодатель не устанавливает в этой части требования, однако ГИТ может потребовать недостающие документы, допустим, которые подтверждают указанные требования, так как возможно повторное обращение. По результатам рассмотрения жалобы, ГИТ в соответствии с нормами Административного регламента вынесет решение не в пользу заявителя, так как этот вопрос не входит в компетенцию Государственной инспекции труда. В обязательном порядке необходимо повторное обращение, с последующей подачей заявления, заполненного по установленной форме, форма определена

Административным регламентом, в Приложении № 1, если вы планируете получить услугу бесплатно.

В соответствии с п. 20 Административного регламента для того, чтобы получить государственную услугу бесплатно, заявитель направляет в адрес Роструда или ее территориального органа, указанные в п. 16–19 Административного регламента документы, соответствующие установленным требованиям. Форма подачи может быть на бумажном носителе или заказным почтовым отправлением с уведомлением о вручении, либо возможно личное обращение к должностному лицу Роструда. Пункт 22 указанного регламента перечисляет документы, которые нужно предоставить для того, чтобы была предоставлена государственная услуга, требования, которым должны соответствовать предоставляемые документы определены. Порядок оформления документов в машинописном виде и установлен запрет на содержание слов и аббревиатур, которые не предусмотрены действующим российском законодательством. Если заявителем выступает работник, то к заявлению должны быть предоставлены, копия трудовой книжки и (или) иных документов, которые могут подтвердить факт работы у работодателя, так, например, это может быть трудовой договор. Если работник располагает документами, в которых отражены результаты организации и проведения специальной оценки условий труда и на которые ссылается работник в заявлении, то такие документы, как правило, копии также нужно приложить.

Основанием для начала административной процедуры регистрации заявления или жалобы с прилагаемыми документами является их поступление в Роструд или его территориальный орган, это положение регламентирует п. 56 Административного регламента. Результат административной процедуры, это установление оснований для предоставления государственной услуги или возможно отказ в ее предоставлении. Срок предоставления услуги — в течение 30 рабочих дней с даты регистрации заявления, допускается продление срока, в зависимости от сложности дела, т. е. срок рассмотрения в общей сложности может быть более двух месяцев. Указанный способ применяется на практике, однако не всегда работник может получить эту услугу бесплатно.

Нормы ч. 1 ст. 24 ФЗ от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ закрепляют, что экспертиза качества специальной оценки условий труда осуществляется органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области охраны труда в рамках государственной экспертизы условий труда, предусмотренной Трудовым кодексом Российской Федерации. Четко определен порядок предоставления и осуществления экспертизы качества условий труда на бесплатной основе, таких случаев определено два:

1) в порядке представления территориальными органами федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на проведение федерального государственного надзора за соблюдением трудового законодательства, именно этот способ является наиболее востребованным, он изложен выше;

2) в порядке предоставления по представлениям федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по организации и осуществлению федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора, в связи с осуществлением мероприятий по государственному контролю (надзору) за соблюдением требований законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Нормы приказа Минтруда России от 29 октября 2021 г. № 775н «Об утверждении Порядка проведения государственной экспертизы условий труда», определяют форму подачи заявления непосредственно в региональный орган исполнительной власти, в частности в Минтруд НСО [6]. Приказ Минтруда Новосибирской области от 22 апреля 2015 г. № 225 «Об установлении размера платы за проведение экспертизы качества СОУТ» определяет размер платы за проведение экспертизы условий труда [7]. Если заявление подает работник или профсоюз, действующий у работодателя, либо объединение других уполномоченных работниками представительных органов, то размер платы составляет 792 р. за один объект экспертизы (рабочее место). Первоначально нужно перечислить плату в областной бюджет и направить подтверждение оплаты в Минтруд, а только потом подать заявление соответствующей формы, приложить требуемые документы, и в обя-

зательном порядке согласие на обработку персональных данных. Возможно несколько форм подачи — лично принести в канцелярию, направить по почте или воспользоваться сайтом «Госуслуг». Минтруд располагает временем в течение 30 рабочих дней, а затем результаты экспертизы направляются заявителю.

Законодатель допускает кроме описанного выше административного способа, в ч. 2 ст. 26 Федерального закона № 426-ФЗ судебный порядок обжалования результатов проведения специальной оценки условий труда, который осуществляется в рамках гражданского судопроизводства. В этом случае необходимо составить исковое заявление о признании специальной оценки условий труда незаконной и результатов оценки условий труда недействительными.

Используя способы защиты нарушенных прав нужно не забывать, что сроки обращения в суд ограничены, ст. 392 ТК РФ четко их регламентирует, однако работник узнает о нарушении его права, как правило, когда обращается за назначением досрочной страховой пенсии по старости, тогда сроки уже пропущены и возможности разрешить ситуацию в пользу работника уже нет. Кроме этого, по номенклатуре установлены сроки хранения документов работодателем, которые уже тоже просрочены, и нет возможности документально подтвердить. И тогда работодатель остается безнаказанным, если судья не примет решение в пользу работника.

Подводя итог проведенному исследованию по определению некоторых особенностей правового регулирования специальной оценки условий труда, и выявлению проблем, считая необходимым упорядочить законодательство, регулирующее порядок организации и проведения специальной оценки условий труда в соответствии с современными реалиями. Специальная оценка условий труда по всем своим особенностям выгодна для работодателя, но работник в результате претерпевает трудности и дополнительные проблемы, если работодатель проводит данные мероприятия некачественно и нарушает установленные требования. Назрела необходимость внесения дополнений в Федеральный закон РФ от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда»,

в частности ст. 3 дополнить пунктом шестым и включить в него положения из п. 6 ст. 10, тогда все ограничения будут закреплены в одной статье. В законе закрепить виды юридической ответственности за нарушение установленных правил в результате организации и проведения специальной оценки условия труда, в отношении лиц, которые участвуют в специальной оценке условий труда.

Внести дополнительный вид административного наказания в отношении должностных лиц (руководителя организации) в ч. 2 ст. 5.27.1 Кодекса об административных правонарушениях — дисквалификацию, за нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации [3].

Кроме этого, определить персональную ответственность эксперта, который проводит комплекс мероприятия по организации и проведению специальной оценки условия труда, так, например, добавить ч. 6 в ст. 5.27.1 Кодекса об административных правонарушениях — нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации [3]. Возможна следующая редакция — «Нарушение установленного порядка проведения специальной оценки условий труда организацией (экспертом), которая проводит специальную оценку условий труда на рабочих местах», определить виды административных наказаний — административное приостановление деятельности и (или) дисквалификацию для руководителя экспертной организации. Можно предположить, что вышеуказанные меры могут снять частично нагрузку с судебных органов в рамках рассмотрения трудовых споров, нарушающих порядок проведения и последствия проведения специальной оценки условий труда.

Сложно определить, присутствует достижение цели на практике, которая регламентирована законодателем относительно специальной оценки условий труда, или нет, но, ознакомившись со структурой Министерства труда и социального развития Новосибирской области, можно убедиться, что есть специальный отдел управления охраной труда и государ-

ственной экспертизы условий труда управления труда Министерства труда и социального развития Новосибирской области, отсюда можно предположить, что обращения в этот орган носят актуальный характер.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5e37b9644c66582efdaf762a109a281bf999c28d/ (дата обращения: 26.04.2024).
2. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.04.2024). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/78f36e7afa535cf23e1e865a0f38cd3d230eef0/ (дата обращения: 30.04.2024).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 17.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.04.2024). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/7ff50b874c8cbce814266fd45eb5fff8b30449b6/ (дата обращения: 22.04.2024).
4. О специальной оценке условий труда: федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156555/ (дата обращения: 01.05.2024).
5. Об утверждении Методики проведения специальной оценки условий труда, Классификатора вредных и (или) опасных производственных факторов, формы отчета о проведении специальной оценки условий труда и инструкции по ее заполнению: приказ Минтруда России от 24 января 2014 г. № 33н (ред. от 27.04.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158398/9e1b4de85ae73d1db247f4e7e6cc909eded0ced2/ (дата обращения: 30.03.2024).
6. Об утверждении Порядка проведения государственной экспертизы условий труда: приказ Минтруда России от 29 октября 2021 г. № 775н. URL: <http://www.consultant.ru/about/purchase/price/> (дата обращения: 22.04.2024).
7. Об установлении размера платы за проведение экспертизы качества СОУТ: приказ Министерства труда и социального развития Новосибирской области от 22 апреля 2015 г. № 225. URL: <https://mtsr.nso.ru/page/6580> (дата обращения 26.04.2024).
8. Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по труду и занятости государственной услуги по рассмотрению разногласий по вопросам проведения специальной оценки условий труда, несогласия работника с результатами проведения специальной оценки условий труда на его рабочем месте, а также жалоб работодателей на действия (бездействие) организации, проводящей специальную оценку условий труда: приказ Роструда от 23 августа 2019 г. № 233. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339654/ (дата обращения: 20.04.2024).

ПРАВА И ИНТЕРЕСЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

А. Ю. Шуткина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
магистрант

Аннотация. В данной статье говорится о защите прав и законных интересов предпринимателей в Российской Федерации. Довольно актуальная тема на сегодняшний день, поскольку предприниматели являются чуть ли не самыми важными коммерческими субъектами, способствующие развитию экономики государства. В целом в статье будут затрагиваться законодательные вопросы, а также особенности защиты интересов предпринимателей.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, предприниматели, бизнес, защита, права, интересы.

Abstract. This article talks about the protection of the rights and legitimate interests of entrepreneurs in the Russian Federation. This is quite a relevant topic today, since entrepreneurs are almost the most important commercial entities that contribute to the development of the state's economy. In general, the article will touch upon legislative issues, as well as the features of protecting the interests of entrepreneurs.

Keywords: entrepreneurial activity, entrepreneurs, business, protection, rights, interests.

Защита прав предпринимателей включает в себя большое количество аспектов, которые выходят за границы только юридической сферы. Главными элементами защиты прав предпринимателей являются, к примеру, следующее:

1. Экономическая защита: создание равных конкурентных условий на рынке, устранение монополизации, полноценная господдержка предпринимательства через налоговые льготы.

2. Инновационная политика: поощрение за создание технологических и информационных новшеств, поддержка бизнес-проектов начинающих предпринимателей, создание благоприятной инфраструктуры для развития новых технологий.

3. Образование и поддержка: создание эффективных рычагов к образованию и информационным ресурсам для предпринимателей, консультации и обучение в области бизнеса и менеджмента.

4. Социальная защита: обеспечение для социальной защиты предпринимателей, поддержка малого и среднего бизнеса, создание нужного количества рабочих мест.

Поэтому можно с уверенностью судить, что защита прав предпринимателей включает в себя множество аспектов, не ограничиваясь только правовой сферой, и требует комплексного подхода для поддержки и развития предпринимательской деятельности. Президент РФ проводит встречи с предпринимателями и с уполномоченным по защите прав предпринимателей, на которых представлены доклады о положении дел, связанных с защитой прав человека в области предпринимательской деятельности.

На решение этой проблемы и направлен федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее — федеральный закон № 294-ФЗ), основные положения которого вступили в силу с 1 мая 2009 г. Нельзя не отметить, что это не первый подобный закон в современной России. Одновременно с вступлением в силу федерального закона № 294-ФЗ утратил свое действие Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)», которым ранее регулировались данные правоотношения. Однако именно с принятием ныне действующего федерального закона № 294-ФЗ защита прав субъектов предпринимательской деятельности вышла на качественно новый уровень.

За годы действия федерального закона № 294-ФЗ накоплена обширная правоприменительная практика, которая в значительной степени повлияла на корректировку его положений. Всего дополнения и изменения вносились в Федеральный закон № 294-ФЗ более полусотни раз. Вместе с тем не все вопросы получили свое законодательное регулирование. На данный момент российское государство решительно настроено на поддержку и развитие предпринимательской деятельности. Президент неоднократно заявлял, что малое предпринимательство — это огромный резерв, способствующий эко-

номическому росту всей страны. Чтобы развивать различные сферы предпринимательства, нужна рационально сбалансированная система правовых норм, а также тщательно продуманные организационные меры. Для подробного анализа наиболее важных аспектов такого рода деятельности, прежде всего, нужно разобраться в том, каково содержание исследуемого понятия.

Обеспечение защитой гражданских прав в Российской Федерации осуществляется через правовые рычаги и инструменты, которые есть в законодательстве страны, такими как Гражданский Кодекс и другие нормативные акты. Когда права гражданина нарушены, он имеет право на защиту в суде, которая может привести к восстановлению его прав и положения, существовавшего до нарушения. Применение правовых средств основано на признании права и его защите в рамках юридической системы страны. Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля» действительно сосредоточен на защите прав и интересов предпринимателей в рамках осуществления государственного контроля.

Но отметим, что защита прав предпринимателей включает в себя как охрану, так и обеспечение правовых гарантий. Однако в данном законе может быть ограниченное количество статей, уделяющих внимание защите прав предпринимателей, это не исключает значимости и эффективности самого закона. Соответственно, отсюда исходит вывод, что качество защиты прав можно определить не только количеством статей, но и тем, какие механизмы и гарантии предусмотрены в законе для защиты интересов предпринимателей.

По нашему мнению, введение закона «Об индивидуальном предпринимательстве в Российской Федерации» с целью реализации права граждан на свободу предпринимательской деятельности и формирования системы государственных гарантий для индивидуальных предпринимателей представляется обоснованным и важным шагом.

Такого рода закон, по нашему мнению, вполне способен определить правовые основы индивидуального предпринимательства, установить права и обязанности индивидуаль-

ных предпринимателей, а также предусмотреть механизмы защиты и поддержки их деятельности. Закон также может содержать в себе положения о государственной поддержке и стимулировании индивидуального предпринимательства и о мерах по предотвращению негативных последствий для предпринимателей.

Литература

1. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федер. закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (ред. от 15.04.2019) // Российская газета. № 266. 30.12.2008.
2. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора): федер. закон от 8 августа 2001 г. № 134-ФЗ (утратил силу) // Российская газета. № 155-156. 11.08.2001.
3. Ершова Е. В., Иванова Т. М. Предпринимательское право: учеб. пособие. М.: Юриспруденция, 2023. 336 с.
4. Серебрякова А. А. Проблемы развития социального предпринимательства в Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 9. С. 49–55.
5. Сошникова Т. А. Введение в специальность «Юриспруденция». М.: Моск. гуманит. ун-т; Ростов н/Д.: Феникс, 2021. 249 с.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНЫЕ РЕФОРМЫ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ»

ЛИЧНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е. В. Лунгу

ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России»
начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
кандидат юридических наук, доцент
lungu.const.law@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровизации на реализацию личных прав и свобод. На основе анализа научной литературы, судебной практики, статистических данных делается вывод о неоднозначном влиянии цифровизации на реализацию личных прав и свобод человека. Влияние цифровизации на личные права и свободы человека на сегодняшний день является очень противоречивым, с одной стороны отсутствие должного уровня правового регулирования, соответствующего уровню технического развития процессов цифровизации, не позволяет пока перейти на качественно иной уровень развития отношений в сфере реализации личных прав и свобод человека, с другой стороны цифровизация общественных отношений приводит к созданию гипертроефированных форм реализации.

Ключевые слова: личные права человека, цифровизация, достоинство личности, защита чести и доброго имени, право на тайну переписки, право на неприкосновенность жилища.

Abstract. The article examines the impact of digitalization on the realization of personal rights and freedoms. Based on the analysis of scientific literature, judicial practice, and statistical data, it is concluded that digitalization has an ambiguous effect on the realization of personal human rights and freedoms. The impact of digitalization on personal human rights and freedoms today is very contradictory, on the one hand, the lack of an adequate level of legal regulation corresponding to the level of technical development of digitalization processes does not yet allow us

to move to a qualitatively different level of development of relations in the field of realization of personal human rights and freedoms, on the other hand, digitalization of public relations leads to the creation of hypertrophied forms of realization.

Keywords: personal human rights, digitalization, personal dignity, protection of honor and good name, the right to privacy of correspondence, the right to inviolability of the home.

Невозможность достоверно оценить влияние цифровых технологий и искусственного интеллекта на конституционные права и свободы человека является актуальной проблемой современной юридической науки. С одной стороны, процессы цифровизации быстрыми темпами проникают в общественные отношения, с другой стороны, еще не накоплен достаточный объем практики реализации, который позволил бы сделать обоснованные выводы о влиянии цифровизации на конституционные права и свободы человека.

В современной науке выделяют два основных подхода к цифровизации. В узком значении это перевод данных из аналоговой формы в цифровую форму (Н. Негропonte) [1]. В широком значении цифровизация рассматривается как «драйвер мирового общественного развития» (В. Г. Халин, Г. В. Чернова) [2]. Исследование конституционных прав и свобод человека требует анализа не только наличия цифровой формы реализации прав и свобод человека, но и влиянии цифровизации на права и свободы человека и гражданина, а также качественное изменение их каталога. Под цифровизацией нами будет пониматься возможность реализации личных прав и свобод человека в цифровой форме, а также признание за человеком новых прав и свобод, реализуемых исключительно в цифровой сфере.

В группе личных прав и свобод человека и гражданина нами были исследованы десять прав и свобод на предмет наличия признаков цифровизации. Такие признаки отсутствуют, на наш взгляд, только у двух из десяти прав — это право на жизнь и право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства. Право на жизнь, как базовое, естественное право человека на сегодняшний день не имеет цифрового аналога. В то же время в научной литера-

туре обсуждается цифровой антипод этого права — «цифровая смерть» [3; 4]. Право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства может получить свой цифровой аналог как право выбора национального домена, цифровой платформы или сервера. В России, например, право использовать национальный домен может получить любое юридическое и/или физическое лицо, независимо от национальности, гражданства, резидентства и присутствия в стране [5].

В отношении остальных исследованных личных прав и свобод человека и гражданина возможно говорить о цифровизации прежде всего в узком значении. Речь идет не о каком-то новом уровне развития конституционных правоотношений в области реализации, охраны и защиты конституционных прав и свобод человека, а лишь о новых формах ее проявления. При этом следует отметить, что цифровые формы этих прав и свобод до сих пор не получили должного механизма правового регулирования. При этом общую обеспокоенность влиянием цифровизации на личные права и свободы и недостаточность правового регулирования в этой сфере выражают многие авторы (С. А. Авакьян, Тим Бернес-Ли, Дж. Рердан, Д. А. Пашенцев, О. А. Попова и другие) [6; 7; 8; 9].

Наибольшее количество информации о последствиях цифровизации получено в отношении четырех личных прав и свобод человека (право на достоинство личности, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, право на неприкосновенность жилища). Данная группа прав с одной стороны с развитием цифровизации столкнулась с угрозами, нашедшими подтверждение в судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц [10], по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) [11]. С другой стороны, статистические данные судебных органов содержат очень ограниченное количество информации по данным категориям дел. Например, удовлетворение

требований о защите чести, достоинства и репутации физических лиц в сети Интернет является все еще редким явлением, а еще более редким — взыскание морального ущерба. Более того, данная категория дел в целом является малораспространенной: в 2021 г. было принято 281 решение (из них 93 % — гражданские дела, 7 % — уголовные, административные и иные). Процент удовлетворений и отказов по данным делам примерно равный. 2021 г.: из 281 решений 44,5 % было удовлетворено полностью или частично, 40,2 % — отказано в удовлетворении, остальное: было обжаловано, отменено или окончательное решение еще не принято [12]. Незначительные показатели по привлечению к уголовной ответственности за совершение преступлений против конституционных прав и свобод человека с использованием информационно-телекоммуникационных ресурсов отмечается и по данным портала единого информационного пространства мировых судей города Москвы в период с 2018 по 2024 г. по ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни) зарегистрировано четыре дела, по ст. 138 УК РФ (нарушение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений) — три дела.

В то же время, по данным Роскомнадзора, правонарушения в сфере конституционных прав и свобод человека показывают существенный рост, например, только в сфере обработки персональных данных в 2022 г. выявлено 4590 нарушений, в 2023 г. — уже 7068 [13]. Общий удельный вес преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, от общего числа зарегистрированных преступлений ежегодно составляет более 25 % [14]. Такая практика говорит, о слабой правовой защите указанных прав в информационно-коммуникационных сетях, и необходимости создания дополнительных мер правовой охраны.

Показатели реализации права на пользование родным языком, свободы совести и свободы религиозного вероисповедания, права на определение и указание национальной принадлежности, права на доступ к информации, непосредственно затрагивающей права и свободы человека являются

более позитивными и свидетельствует, скорее всего, о расширении возможности реализации прав и свобод человека. Такой подход заметен в широком присутствии органов государственной власти, местного самоуправления, общественных, религиозных организаций в сети интернет, в том числе через интернет — СМИ на национальных языках коренных народов Российской Федерации [15], появление и развитие «Официального интернет-портала правовой информации», портала государственных услуг Российской Федерации.

В то же время даже в этой подгруппе цифровизация позволила вывести на новый уровень только отношения, связанные с оказанием государственных услуг населению, в том числе в части информации непосредственно касающихся прав и свобод человека (к концу 2023 г. количество зарегистрированных пользователей «Госуслуг» составило 109 млн пользователей) [16]. В остальных случаях влияние цифровизации оказывается достаточно опосредованным, например, на 2016 г. не более 10 % интернет-СМИ издавалось на языках народов России, при этом по данным отрасли их количество ежегодно сокращается еще на 10 % [15]. На востребованность сайтов религиозных организаций большое влияние оказала пандемия коронавируса, повысив востребованность таких ресурсов более чем на 30 %, при этом цифровизация способствовала появлению виртуального суррогата религии, который проявляется в сакрализации устройств и появлении цифровых идентификаторов религиозности [17].

Влияние цифровизации на личные права и свободы человека на сегодняшний день является очень противоречивым, с одной стороны, отсутствие должного уровня правового регулирования, соответствующего уровню технического развития процессов цифровизации, не позволяет пока перейти на качественно иной уровень развития отношений в сфере реализации личных права и свобод человека, с другой стороны, цифровизация общественных отношений приводит к созданию гипертрофированных форм реализации.

Литература

1. Negroponte N. Being Digital. New York: Knopf, 1995.
2. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.
3. Данилов Н. А., Силкин В. В. Правовое регулирование доступа к информации пользователя сети Интернет после его смерти: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 86–101.
4. Малышева И. В. Социальные сети как правовой феномен // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2(101). С. 10–16.
5. Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ (утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 № 2011-18/81). URL: <https://cctld.ru> (дата обращения: 10.06.2024).
6. Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23.
7. Berners-Lee T. Weaving the Web: Origins and Future of the World Wide Web. Texere Publishing, 1999.
8. Riordan J. The Liability of Internet Intermediaries. Oxford, 2016. P. 3.
9. Пашенцев Д. А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 11–12.
10. Попова О. А. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 14.
11. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3. URL: http://www.consultant.ru/document/-cons_doc_LAW_52017/ (дата обращения: 10.06.2024).
12. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 // Российская газета. 2019. 9 января.
13. Исследование: защита чести и достоинства в сети Интернет // RTM Group. URL: <https://rtmtech.ru/research/rtm-research-rp/> (дата обращения: 24.04.2024).
14. Роскомнадзор — Отчеты о деятельности. URL: <https://rkn.gov.ru/activity/plans/reports/> (дата обращения: 26.04.2024).
15. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: <https://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 06.05.2024).
16. Черевко Т. С., Гладкова А. А. Интернет СМИ на языках этнических групп России // 2016. № 5. С. 56–72.
17. Число пользователей «Госуслуг» составило 109 млн человек к концу 2023 года // Министерство цифрового развития, связи и массовых

коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/49226/> (дата обращения: 02.05.2024).

18. Нимяев Э. А. Место религии в системе цифровых коммуникаций: «пространство для сообщества» и цифровой религиозный суррогат // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2023. № 3. С. 171–183.

СОЗДАНИЕ НОВОЙ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ТЕРМИДОРИАНСКОГО ПЕРЕВОРОТА: РЕФОРМЫ 1795–1798 ГГ.

М. В. Кричевцев

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
доцент кафедры теории и истории государства и права
кандидат исторических наук, доцент
cm.martellus@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена реформам военно-судебной системы Франции в эпоху термидорианской диктатуры и правления Директории — теме, недостаточно разработанной в российской историографии. В работе представлено обозрение основных этапов в проведении преобразований, и содержится анализ законодательных актов, определявших состав, компетенцию и порядок производства уголовных дел в новых военных судах (срочных военных советах, затем постоянных военных и постоянных ревизионных советах). Реформы заложили основы военной юстиции во Франции вплоть до середины XIX в. и превратили ее в интегральную часть вооруженных сил страны. Военные суды строились с соблюдением принципа военной субординации, состояли исключительно из военных и обходились без института присяжных. Публичность суда и ограниченные процессуальные гарантии для подсудимых (включая использование адвоката на стадии предварительного следствия и возможность пересмотра приговора) свидетельствуют об определенном прогрессе в развитии военно-судебной процедуры в эпоху «термидорианской реакции».

Ключевые слова: военная юстиция, постоянные военные советы, постоянные ревизионные советы, термидорианское правление, эпоха Директории.

Abstract. The article is devoted to the reforms of the military judicial system of France during the era of the Thermidorian dictatorship and the rule of the Directory — a topic that has not been sufficiently developed in

Russian historiography. The research provides an overview of the main stages in the implementation of reforms, and contains an analysis of legislative acts that determined the composition, competence and procedure for the criminal cases in the new military courts (urgent military councils, then permanent war councils and permanent councils of revision). The reforms laid the foundations of military justice in France until the middle of the 19th century and turned it into an integral part of the country's armed forces. Military courts were built on the principle of military subordination, consisted exclusively of military personnel and dispensed with the institution of juries. The publicity of the trial and limited procedural guarantees for defendants (including the use of a lawyer at the preliminary investigation stage and the possibility of reviewing the sentence) indicate some progress in the development of military judicial procedure in the era of the Thermidorian Reaction.

Keywords: Military Justice, Permanent War Councils, Permanent Councils of Revision, The Thermidorian Reaction, The era of the Directory.

Эпоха 1794–1799 гг. — термидорианской диктатуры и правления Директории — стала важной вехой в истории военно-судебной системы Франции. Именно в этот период были заложены основы военной юстиции, которые выдержали испытание временем и просуществовали с конца XVIII до середины XIX столетия. Отсюда тот интерес, который военно-судебные реформы 1795–1798 гг. вызывали у исследователей. Французские ученые неоднократно обращались к их изучению. Можно указать на работы Э. Шенона, Ж. Мишона, диссертацию А. Пика, статью А. Пижара [9, р. 220–223; 13, р. 64–79; 15, р. 260–268; 16, р. 8, 10, 11]. Мнения ученых неоднозначны в оценке данных реформ в общем контексте развития права революционной Франции. Показательной является негативная позиция Ж. Мишона, который оценивал изменения в военно-судебном праве после термидорианского переворота 1794 г. как полностью ретроградные, как «шаг назад» по отношению к достижениям эпохи начала Революции и правления якобинцев. В частности, исследователь рассматривал процедуру рассмотрения дел в постоянных военных советах, учрежденных в правление Директории, как «поразительный аналог» процедуры военных судов Старого порядка [13, р. 64, 74]. Другие исследователи занимали скорее нейтральную позицию, отмечая определенный прогресс термидорианских юристов в развитии военно-судебного права, в частности в решении вопроса о пересмотре судебного приговора [9, р. 220–223]. Учитывая,

что в российской историографии указанные реформы изучены явно недостаточно, в данной статье предлагается дать общий обзор преобразований военной юстиции 1795–1798 гг. на основе анализа законодательных актов и законопроектной документации Национального Конвента и Законодательного корпуса (парламентов того времени). Одновременно ставится задача выявления особенностей военной юстиции на разных этапах проведения реформ, ее отличий в сравнении с предыдущим периодом, чтобы сформировать объективную картину эволюции военного правосудия.

Начало организации военной юстиции в эпоху Великой революции было положено еще законодательством Учредительного собрания. Законом от 22 сентября 1790 г. (подписанным королем 29 октября) были учреждены особые «марсиальные суды» (*cours marciales* — военные суды). Они включали высшего окружного судью и двух военных комиссаров-аудиторов. Суд действовал с использованием двух жюри присяжных: обвинительного жюри, которое решало вопросы предания суду, и судебного жюри, которое выносило вердикт о виновности подсудимого. Жюри могли быть смешанными и состоять наполовину из военных, наполовину из штатских лиц [13, р. 19–23; 15, р. 248–253]. Обжалование судебных решений поначалу не допускалось, но по декрету от 30 сентября 1791 г. (Военному кодексу) стало возможным обжаловать приговор в Кассационном трибунале на тех же основаниях, что и обжалование приговоров обычных уголовных судов. Вскоре, впрочем, подобное подчинение военного правосудия штатскому было сочтено неприемлемым и отменено декретом Законодательного собрания от 12 мая 1792 г. [9, р. 219, 220].

В правление якобинцев в 1793–1794 гг. во Франции единая система военных судов отсутствовала. В частности, существовали военные уголовные трибуналы, учрежденные по Закону от 12–16 мая 1793 г. и подтвержденные декретом от 3 плювиоза II года Республики (далее — г. Р.) (22 января 1794 г.) [14, р. 179]. В них входили судьи, назначаемые Национальным Конвентом по представлению Комитета общественного спасения. Обычно это были профессиональные юристы — из бывших прокуроров-синдиков, официальных адвокатов и др. Эти

штатские судьи были независимы от военного командования и действовали на основе вердикта жюри присяжных, куда также входили штатские лица. Для подсудимых из числа военных были предусмотрены те же процессуальные гарантии, что и для обычных граждан. По словам историка Р. Моннье, «организация военной юстиции, независимой от командования и составленной из гражданских магистратов, была оригинальным созданием по отношению к общей истории данного института» [14, р. 179]. Но в условиях продолжавшейся войны с Первой антифранцузской коалицией и борьбы с внутренней контрреволюцией использование таких судов порождало немалые трудности: трибуналы действовали слишком медленно. Поэтому на местах их стали преобразовывать в чрезвычайные суды, принимавшие обозначение «специальных и революционных комиссий», действовавших в ускоренном порядке иногда без присяжных, но с использованием штатских судей, либо с сохранением жюри присяжных. Помимо этого якобинцы использовали так называемые военные комиссии (*commissions militaires*), созданные еще декретом от 9 октября 1792 г. для суда над эмигрантами. Их равным образом использовали в качестве инструмента репрессии в отношении неприсягнувших священников, дезертиров, мятежников и др. противников революции, в том числе в рядах армии. Всего было ок. 60 военных комиссий, они обычно назывались по именам председателей суда (Комиссия Ленуара в Нанте, Комиссия Вольклера в Лавале и т. д.). Наряду с ними действовали революционные трибуналы, которые могли рассматривать, в том числе, и военные правонарушения [11, р. 384; 14, р. 178–183]. Конец этой чрезвычайной пестроты в сфере военной юстиции был положен лишь после свержения якобинского правительства 9–10 термидора II г. Р. (27–28 июля 1794 г.).

После термидорианского переворота 1794 г. во Франции поначалу была закреплена система военных уголовных трибуналов, образованных в соответствии с прежними Законами от 12–16 мая 1793 г. и 3 плювиоза II г. Р. (22 января 1794 г.). Эти трибуналы были быстро организованы в армиях Рейна, восточных и западных Пиренеев, Севера, Арденн и Самбры и Меза [13, р. 63]. Однако уже вскоре термидорианцы приняли

решение о проведении широкомасштабной военно-судебной реформы, призванной создать органы правосудия на совершенно иной основе, чем было прежде. Депутат из Кальвадоса Л.-Т. Дюбуа-Дюбэ (от лица военного комитета) представил в Национальный конвент проект закона о военных советах (*conseils militaires*), призванных заменить военные уголовные трибуналы. Докладчик обрушился с критикой на старые суды, которые, по его мнению, страдали чрезвычайной медлительностью, вследствие чего «толпа военных ожидала годами свой приговор». Новые военные советы должны были созываться по мере необходимости в тех местах, где совершались преступления, и сразу по завершении процесса распускаться, дабы их члены не могли приобрести опасного влияния. Они должны были действовать быстро и эффективно [13, р. 64, 65]. Эти новые суды были учреждены Конвентом по Закону от 2 дополнительного дня III г. Р. (18 сентября 1795 г.), состоявшему из 28 артикулов [1].

Закон устанавливал двойную систему военных судов из дисциплинарных и военных советов. Дисциплинарные советы (*conseils de discipline*) были учреждены еще по декрету Учредительного собрания от 15 сентября 1790 г. и подтверждены положениями якобинского декрета от 3 плювиоза II г. Р. (22 января 1794 г.). По декрету 1794 г. состав совета был довольно демократичным и включал по девять чел. для пехотных полубригад и полков артиллерии: высшего офицера, капитана, лейтенанта, су-лейтенанта, сержанта, капрала и трех солдат или канониров; и для кавалерийских полков: высшего офицера, капитана, лейтенанта, су-лейтенанта, квартирмейстера (*maréchal-des-logis*), бригадира и трех кавалеристов. В его компетенцию входило рассмотрение дел о проступках (*fautes*) против дисциплины, а также продление или уменьшение наказания, наложенного в дисциплинарном порядке старшим начальником своему подчиненному, и рассмотрение жалоб подчиненных на действия своих начальников [10, р. 93; 12, р. 89–91].

Что касается военных советов, то по Закону от 18 сентября 1795 г. их ведению подлежали все правонарушения (*délits*), совершаемые военнослужащими или другими лицами, при-

надлежавшими к армии или сопровождавшими ее (art. I). Военный совет должен был включать девять человек: трех офицеров (высшего или командующего офицера, капитана, лейтенанта или су-лейтенанта), трех унтер-офицеров (в звании сержанта и капрала в пехоте или квартирмейстера и бригадира в кавалерии) и трех солдат. Председательствовать должен был самый старший по званию среди них. Этот состав назначался и созывался вышестоящим генералом. В случае, если обвиняемому грозило наказание смертной казнью (при обвинении в убийстве, изнасиловании, поджоге, краже со взломом, участии в незаконном сборище или насилии), состав совета удваивался (по шесть лиц от каждой категории военнослужащих), так чтобы подсудимый мог отвести из них половину и оставить девять. Обязанности следователя возлагались на капитана-докладчика, назначаемого советом администрации для каждого пехотного батальона на срок в три месяца (и в той же пропорции для остальных родов войск). Голос этого докладчика на суде, впрочем, не учитывался. Также при совете имелся секретарь, назначаемый вне его состава и без права решающего голоса. Подсудимый мог иметь защитника из числа военнослужащих, если он являлся военным, и из числа принадлежавших к армии штатских лиц, если был штатским (art. XII). Заседания суда должны были быть публичными, но для вынесения решения члены суда могли на время удалиться с заседания. Голосование по принятию решения проводилось по большинству, подача голосов начиналась с нижних чинов. В случае вынесения смертного приговора требовалось квалифицированное большинство в две трети (art. XI). При определении меры наказания члены совета должны были руководствоваться нормами Военного уголовного кодекса, при этом предусматривалась возможность смягчения наказания, но не его ужесточения (art. XX). Решения военных советов были окончательными и обжалованию не подлежали, приговоры должны были приводиться в исполнение немедленно после вынесения [1].

По мнению исследователя Ж. Мишона, Закон от 18 сентября 1795 г. не давал обвиняемому «необходимых гарантий» [13, р. 66]. С этим суждением трудно полностью согласиться.

Хотя реформа отменила использование суда присяжных, она, тем не менее, подчинила военнотружущих суду своих «природных» судей — самих военных, которые не были профессиональными юристами, но хорошо разбирались в тонкостях военной жизни и могли здраво оценить обстановку, в которой было совершено правонарушение. Участие в суде штатских лиц, вовсе не причастных к военной службе, уже не допускалось. Определенными гарантиями служили также предоставленная судьям возможность смягчения наказания, установленного законом, и правило квалифицированного большинства в две трети при вынесении смертных приговоров. Существенными недостатками новой военно-судебной организации являлись принцип назначения членов военных советов от генерала, которому подчинялись данные военнотружущие, и отсутствие возможности обжаловать приговор при немедленном приведении его в исполнение.

Закон от 18 сентября 1795 г. также не учитывал особенностей суда над высшими офицерами и требований военной субординации. Получалось, в таком суде рядовые могли судить генералов. Учитывая это обстоятельство, был издан дополнительный Закон от 4 брюмера IV г. Р. (26 октября 1795 г.) [4]. Он установил составы военных советов для суда над высшими офицерами и одновременно изъял их из-под ведения дисциплинарных советов. Так, генерал-аншефа могли судить генерал командующий или имевший главное командование, три дивизионных генерала, три бригадных генерала, командир инженерной бригады и командир артиллерийской бригады. Дивизионного генерала — генерал командующий или имевший главное командование, два дивизионных генерала, два бригадных генерала, два командира бригады, командир инженерного батальона и командир артиллерийского батальона. Бригадного генерала — дивизионный генерал или главнокомандующий, два бригадных генерала, два командира бригады, два командира батальона, один инженерный капитан и один капитан артиллерии. Командир бригады мог быть судим генералом, двумя командирами бригады, двумя командирами батальона или эскадрона, двумя капитанами и двумя лейтенантами. Командир батальона или эскадрона —

генералом, одним командиром бригады, двумя командирами батальона или эскадрона, двумя капитанами, двумя лейтенантами и одним су-лейтенантом. Как видно, членами таких военных советов ни рядовые, ни унтер-офицеры уже быть не могли. Члены военных советов для суда над командиром бригады или командирами батальона или эскадрона должны были назначаться генерал-аншефом (либо в случае его отсутствия — дивизионным генералом). Для суда же над генералами военные советы формировал Комитет общественного спасения либо военный министр. Аналогично этому порядку должны были назначаться и офицеры-докладчики. Секретарей же предполагалось назначать самими военными советами. Обвиняемым высшим офицерам было позволено выбрать себе защитника в том воинском звании, которое сочтут подходящим [4].

В условиях введения в 1795 г. ускоренного судебного разбирательства без присяжных и столь же быстрого исполнения наказаний стал насущным вопрос об обжаловании решения. Прежнее военно-судебное законодательство Франции (после издания декрета от 12 мая 1792 г.) вообще не допускало пересмотра вынесенных приговоров. Законом от 17 жерминаля IV г. Р. (6 апреля 1796 г.) была установлена возможность оценки приговора со стороны особой комиссии из трех офицеров. До вступления приговора в силу, за 24 часа они должны были проверить его на соответствие законам (по форме и налагаемому наказанию). Если приговор не вызывал сомнений, его приводили в исполнение в 24 часа, если содержал нарушения — члены комиссии назначали «ревизию». Ревизия предполагала немедленный созыв нового военного суда (военного совета) и повторное рассмотрение дела. Как комиссия из трех членов, так и этот военный совет должны были созываться генералом, сформировавшим первоначальный военный совет, либо его преемником по должности [2]. Закон от 18 фрюктидора IV г. Р. (4 сентября 1796 г.) подтвердил проведение ревизии только в двух случаях: при нарушении установленных законом форм либо при назначении более сурового наказания, чем предписано законом для данного правонарушения [3].

Однако даже после этих нововведений система военных судов была далека от совершенства и вызывала серьезные нарекания у военных, в частности, у высших командиров. Так, 11 сентября 1796 г. генералы Армии Самбры и Меца писали Директории: «Печальный опыт доказывает только, насколько закон от 2 дополнительного дня (от 18 сентября 1795 г. — М. К.) мало подходит для цели, поставленной законодателем. Организация военных советов исключительно порочна и деструктивна для дисциплины. Этот закон, к тому же, неисполним при быстрых передвижениях армий» (цит. по: [13, р. 70]). В числе недостатков новой системы судов генералы также отмечали равенство солдат во власти с офицерами, ненужные формальности, негодное осуществление «ревизий» — вынесенные приговоры почти всегда отменялись. В целом снижение армейской дисциплины было показателем «недостаточности этого закона». Генералы настаивали на том, чтобы в военных советах преобладали офицеры, а для них самих было установлено право утверждать необходимые регламенты в зависимости от обстоятельств [13, р. 70, 71]. Негативные отзывы с разных сторон подвигли законодателей на проведение новой реформы военного правосудия, когда были учреждены постоянные военные советы.

Первый проект закона о военных советах, предложенный от Совета пятисот (нижней палаты Законодательного корпуса), 17 вандемьера V г. Р. (8 октября 1796 г.) был отклонен Советом старейшин (верхней палатой). Критику вызвали положения о непубличном характере заседаний, об одном защитнике сразу для нескольких обвиняемых, праве судей смягчать наказания, голосовании о мере наказания по большинству голосов и др. [13, р. 72]. С учетом замечаний новый проект был предложен депутатом Ф. Обри (F. Aubry) 6 брюмера (27 октября) и утвержден в качестве закона 13 брюмера (3 ноября) [5; 17].

Закон от 13 брюмера V г. Р. (3 ноября 1796 г.) состоял из 43 артикулов и включал нормы, относившиеся к организации военных судов и уголовному судебному процессу [5]. Из текста арт. I явствовало, что действие закона рассчитано до заключения мира (он будет достигнут в 1797 г.), однако, на деле, оказалось весьма продолжительным и сохранилось вплоть до

1857 г. В плане военно-судебной организации закон отменил дисциплинарные советы и комиссии по ревизии судебных приговоров, установив только одно звено — постоянные военные советы (*conseils de guerre permanents*) (art. I, XLII). Такой совет учреждался в каждой дивизии армии и в каждой дивизии войск, размещенных внутри государства и должен был судить все военные правонарушения (*tous les délits militaires*). В его составе было семь членов: командир бригады (председатель суда), командир батальона или эскадрона, два капитана, один лейтенант, один су-лейтенант и один унтер-офицер. Один капитан должен был исполнять функции докладчика, который имел право также выбрать секретаря суда. Также при совете должен был постоянно состоять капитан для исполнения обязанностей комиссара исполнительной власти, призванный следить за соблюдением форм производства дел и должным применением законов. Указанные должностные лица (кроме секретаря) должны были назначаться главнокомандующим дивизии с правом замены всех или части членов совета при необходимости. Под страхом разжалования и трехмесячного тюремного заключения запрещалось отказываться от назначения в совет (кроме как по болезни). Закон не допускал членство в совете для близких родственников по крови и свойству (а также участие в совете родственников обвиняемого). Как видно из указанного состава, в военном совете уже не было рядовых, и явно доминировали офицеры: на семь членов совета приходился только один унтер-офицер.

Ведению постоянного военного совета подлежали все военные лица, но также штатские, принадлежавшие к армии или сопровождавшие ее. Закон определял круг таких лиц, указывая род их занятий, вплоть до рабочих, сопровождавших войска, или офицерских слуг. Кроме того, под юрисдикцию советов попадали подстрекатели к измене (*embaucheurs*), шпионы и жители вражеской страны, оккупированной войсками Республики (art. IX, X).

Дело о правонарушении должно было возбуждаться по жалобе, обращенной к высшему командующему того места, где оно совершено. Подозреваемый в правонарушении должен был быть отправлен под арест. На основании жалобы

командующий обязан был поручить капитану-докладчику начать следствие. Капитан должен был провести необходимые следственные действия, собрать и запротоколировать вещественные улики, провести допросы свидетелей и подозреваемого. Свидетели должны были скрепить свои показания подписями. Допросы нескольких подозреваемых проводились отдельно. При составлении протоколов использовался секретарь. По окончании предварительного расследования его материалы следовало зачитать обвиняемому.

Далее обвиняемому предоставлялась возможность выбрать по своему желанию защитника (из любого состава граждан на месте). При затруднении в этом обвиняемого капитан-докладчик мог выбрать его сам (art. XIX). Такому защитнику позволялось ознакомиться с материалами дела и протоколами следствия (art. XXI).

По завершении предварительного следствия капитан-докладчик делал отчет командующему места, и тот обязан был созвать собрание военного совета. Оно не могло быть затем распущено, пока не завершится производство по данному делу. Заседания совета должны были быть публичными, число зрителей, впрочем, не могло превышать тройного количества судей. От присутствующих требовалось соблюдение порядка: входить на заседание с оружием, палками и тростями запрещалось. Следовало сидеть с непокрытой головой и не нарушать тишины. Проявление неуважения к суду могло быть наказано тюремным заключением на срок до 15 дней (art. XXIV).

Судебное заседание начиналось с формального акта возложения председателем экземпляра текста закона на бюро. Далее слово предоставлялось капитану-докладчику, который зачитывал протокол следствия и представлял другие бумаги по делу. После их прочтения председатель приказывал привести на суд обвиняемого. Он приводился без оков в сопровождении своего защитника. Охрана сопровождения оставалась за дверями зала заседаний и могла быть введена по мере необходимости по приказу председателя суда. Обвиняемый мог быть подвергнут допросу со стороны председателя, первый мог отвечать лично либо через своего защитника. Вопросы обви-

няемому могли задавать и другие члены совета. При наличии пострадавшей стороны она также могла быть заслушана, и на ее требования обвиняемый также должен был дать объяснения. По окончании допроса председатель приказывал охране отвести подсудимого в место заключения.

Далее все присутствующие должны были покинуть зал заседаний, кроме членов совета и комиссара исполнительной власти. Они оставались для принятия решения в закрытом режиме. Председатель обращался с вопросом о признании вины за подсудимым, принимая голоса от членов совета, начиная с низших званий. Сам председатель подавал свое мнение последним. Закон определил следующие правила при подсчете голосов (art. XXXI–XXXIII). Если в пользу обвиняемого проголосовало трое членов совета, он считался оправданным и подлежал немедленному освобождению. Если пять членов сочли подсудимого виновным, комиссар исполнительной власти требовал применить наказание, установленное законом. Председатель в этом случае должен был зачитать закон, после чего утверждалась мера наказания (большинством в пять голосов). Если при голосовании о мере наказания не удавалось получить пять голосов, принималось решение, наиболее благоприятное в пользу обвиняемого. После данного голосования в заседание допускались капитан-докладчик и секретарь, чтобы зафиксировать приговор совета в протоколе. Протокол должны были подписать все члены совета, докладчик и сам секретарь. С копией приговора докладчик должен был отправиться к подсудимому, чтобы ознакомить с решением суда, затем — к офицеру-командующему места для организации наказания и приведения приговора в исполнение (казни и проч.).

Над деятельностью постоянных военных советов вводился контроль со стороны военного министерства. В начале каждого месяца председатель совета обязан был делать отчет военному министру о приговорах, вынесенных в предыдущем месяце (art. XL) [5].

Аналогично вышеупомянутым Законам от 18 сентября и 26 октября 1795 г., Закон от 3 ноября 1796 г. был сопровожден специальным законом о суде над генералами, высшими офи-

церами и военными комиссарами — дополнительным Законом от 4 фрюктидора V г. Р. (21 августа 1797 г.) [6], см. также: [18]. Теперь в случае суда над генералом армии в состав военного совета должны были входить главнокомандующий армиями Республики, три дивизионных генерала и три бригадных генерала. Председательствовал старший из дивизионных генералов. Он же назначал докладчика из числа генерал-адъютантов и командиров бригады. Функции комиссара исполнительной власти при совете возлагались на комиссара-распорядителя (*commissaire-ordonnateur*). Члены совета и комиссар должны были назначаться военным министром. Повышались и ранги судей для производства дел других высших офицеров и генералов. Так, когда нужно было судить дивизионного генерала или бригадного генерала, лейтенант, су-лейтенант и унтер-офицер из состава прежнего военного совета заменялись на трех генералов в звании обвиняемого, назначаемых генералом или главным командующим армии. Председателем совета становился старший генерал, а функции докладчика возлагались на командира батальона или эскадрона. При суде над генерал-адъютантом, командиром бригады, командиром батальона или эскадрона су-лейтенант и унтер-офицер подлежали замене на двух офицеров, старше по званию с обвиняемым, а старший командир бригады становился председателем. В плане же производства процессуальных действий следовало в основном придерживаться нормативных предписаний Закона от 3 ноября 1796 г. [6].

После издания указанного Закона 1796 г. пересмотр приговоров, вынесенных постоянными военными советами, поначалу не допускался до создания постоянных ревизионных советов. Постоянный ревизионный совет (*conseil de révision permanent*) был введен в каждой военной дивизии Французской республики по Закону от 18 вандемьера VI г. Р. (9 октября 1797 г.) [7; 20], см. также: [19]. Закон состоял из 27 статей и определял состав совета, порядок его формирования и работы, устанавливал компетенцию суда и порядок реализации его решений. Состав суда определялся в пять человек и включал в себя: генерала (председателя совета), командира бригады, командира батальона или эскадрона, двух капита-

нов, а также секретаря, назначенного по выбору председателя. Среди членов совета выбирался один, на которого возлагались функции докладчика. Кроме того, при совете должен был состоять комиссар-распорядитель (*commissaire-ordonnateur*) или обычный военный комиссар первого класса для выполнения функций комиссара исполнительной власти. Указанные члены совета и комиссары должны были назначаться военачальниками — либо генералами армии, либо генералами или главнокомандующими дивизиями войск внутри страны из военнослужащих офицеров своего подчинения. При нехватке офицеров в дивизии можно было привлекать других офицеров из числа уволенных или отставленных с должности и участвовавших ранее в «войне за свободу» (как можно полагать, в защите революции и войне с Первой антифранцузской коалицией). Однако, следовало строго придерживаться правила, по которому члены постоянного военного совета (суда первой инстанции) не могли входить в состав ревизионного совета. Были установлены и некоторые особые цензы для членов ревизионного суда. Кандидат должен был достичь полных тридцати лет, быть участником трех военных кампаний или состоять на действительной военной службе в армии или на флоте не менее шести лет. Не допускалось присутствие в совете лиц, состоявших между собой в близком родстве или имевших родственные связи с обвиняемым или судьями, вынесшими приговор. При назначении в совет отказаться от участия в нем без достаточных причин было невозможно: офицер обязан был исполнить свой долг. Допускалась замена членов совета на новых: она могла осуществляться военачальниками лишь при наличии законных оснований.

Пересмотр решения постоянного совета мог производиться в ревизионном совете либо по жалобе сторон, либо при отсутствии такой жалобы по обращению комиссара исполнительной власти. При оспаривании оправдательного приговора на подачу и регистрацию жалобы от комиссара отводилось только 24 часа. Ревизионный совет созывался председателем и собирался в указанном им месте. На совете помимо представления материалов докладчика могли быть представлены доводы защитников сторон. Они также имели право на

замечания после выступления комиссара исполнительной власти. После заслушивания доводов сторон ревизионный суд мог приступить к обсуждению собственного постановления. Решение совета принималось по большинству голосов. Предполагалось, что ревизионный совет может собраться лишь однократно: он не должен был расходиться до вынесения решения по приговору нижестоящей инстанции.

Аналогично военным советам заседания суда были публичными: на ревизионном совете могли присутствовать зрители в количестве, не превосходящем тройного числа судей. Посетители обязаны были сидеть с непокрытой головой и сохранять молчание. Проявление неуважения к совету могло быть наказано лишением свободы на срок до 15 дней.

По Закону от 9 октября 1797 г. круг ведения постоянных ревизионных советов был строго ограничен. Совет имел право аннулировать приговор суда первой инстанции в пяти случаях:

- «1. когда военный совет не был составлен в порядке, предписанном законом;
2. когда он вышел за пределы своей компетенции либо в отношении обвиняемых, либо в отношении правонарушений, отнесенных законом к его ведению;
3. когда он признал себя некомпетентным, чтобы судить обвиняемого, подлежащего его юрисдикции;
4. когда не была соблюдена одна из предписанных законом форм либо при получении доказательств (*information*), либо при расследовании (*instruction*);
5. наконец, когда решение не соответствует закону в применении наказания» (art. XVI) [7; 20].

Если находилась одна из указанных причин, ревизионный совет, не входя в существо дела, отменял приговор постоянного военного совета. При этом, если основанием для отмены приговора служил недостаток в сфере компетенции суда, дело направлялось на рассмотрение в тот трибунал, которому было подсудно. Во всех других случаях материалы дела в 24 часа передавались во второй постоянный военный совет, учрежденный в каждой дивизии по образцу первого (в соответствии с нормами Закона от 3 ноября 1796 г.), но в который уже не

могли входить его члены. Второй совет призван был провести новое расследование и рассмотреть дело по существу (*Loi du 18 Vendémiaire, an VI, art. XVIII, XIX, XXI*) [7; 20].

Особый случай — когда приговор второго военного совета мог вызвать новые возражения и требование ревизии. Если основания претензии были те же, что и при отмене первого приговора, повторное решение уже не могло быть предметом рассмотрения ревизионного совета. В этом случае, как указывал арт. XXIII, вопрос передавался на обсуждение в Законодательный корпус (парламент) для принятия соответствующего закона. Ревизионный совет должен был последовать нормам принятого акта [20]. Закон 1797 г., однако, не предусматривал случая, когда ревизионный совет уже по другим основаниям мог аннулировать приговор второго военного совета. Специально данный случай был обозначен в Законе от 29 прериала VI г. Р. (17 июня 1798 г.). Там было указано, что при повторной отмене приговора дело должно быть передано на новое производство в первый военный совет одной из соседних военных дивизий [8; 20].

С созданием постоянных ревизионных советов дело реформирования военной юстиции во Франции можно было считать завершенным. Подводя итог, можно сказать, что военно-судебные реформы 1795–1798 гг. более четко определили вопросы подсудности военных и штатских лиц органам военного правосудия. Она была основана на сочетании двух критериев: *ratione personae* и *ratione materiae*. С одной стороны, военные суды должны были судить только военнослужащих и штатских лиц, принадлежащих к армии или составляющих ее сопровождение. С другой стороны, их ведению подлежали определенные составы преступлений, четко обозначенные в законах (например, шпионаж). В целом изменение военной юстиции в правление термидорианцев и Директории прошло два этапа. Первый этап: сентябрь 1795 г. — ноябрь 1796 г. В это время были образованы срочные военные советы для рассмотрения серьезных правонарушений при сохранении дисциплинарных советов для производства дел по незначительным проступкам. Законодатель пытался еще сочетать принцип демократизма с принципом военной субординации при пол-

ном отказе от использования штатских лиц в составе совета и отказе от жюри присяжных, обвинительного и судебного. Введение комиссии по оценке вынесенного приговора позволило создать ограниченные условия для пересмотра судебного решения. Второй этап реформ: ноябрь 1796 г. — июнь 1798 г. В этот период были ликвидированы дисциплинарные советы, учреждены постоянные военные советы и затем постоянные ревизионные советы. Реформа знаменовала победу принципа военной субординации, исключив участие рядовых военнослужащих в судопроизводстве и укрепив зависимость суда от воинских начальников. С другой стороны, были расширены возможности для пересмотра приговоров и предоставлены гарантии защиты для обвиняемого. Последний мог использовать адвоката, начиная со стадии предварительного следствия.

Военно-судебные реформы завершили процесс создания новой военной юстиции Франции. Значительный рост численности армии после введения всеобщей воинской повинности (с 1793 г.) и перерастание войны с Первой антифранцузской коалицией из освободительной в завоевательную привели к расшатыванию воинской дисциплины. В связи с этим создание новых военных советов как интегральной части вооруженных сил должно было укрепить единство и стабильность вооруженных сил страны. В этом значение проведенных термидорианцами преобразований.

Литература

1. Bulletin des lois de la République française. P.: De l'imprimerie de la République, an 3. Bull. 179. № 1099.
2. Bulletin des lois de la République française. P.: De l'imprimerie de la République, an 4. Bull. 39. № 308.
3. Bulletin des lois de la République française. P.: De l'imprimerie de la République, an 4. Bull. 74. № 683.
4. Bulletin des lois de la République française. P.: De l'imprimerie de la République, an 4. Bull. 202. № 1215.
5. Bulletin des lois de la République française. P.: De l'imprimerie de la République, an 5. Bull. 88. № 843.
6. Bulletin des lois de la République française. P.: De l'imprimerie de la République, an 5. Bull. 138. № 1369.
7. Bulletin des lois de la République française. P.: De l'imprimerie de la République, an 6. Bull. 151. № 1484.

8. Bulletin des lois de la République française. P.: De l'imprimerie de la République, an 6. Bull. 206. N° 1884.
9. Chénon É. Origines, conditions et effets de la cassation. P.: L. Larose et Forcel, libraires-éd., 1882. 301 p.
10. Collection générale des décrets rendus par l'Assemblée nationale... . Mois de Septembre 1790. P.: Chez Baudouin, imprimeur de l'Assemblée nationale, s./d. 211 p.
11. Godechot J. Les Institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. 2 éd., rev. et augm. P.: Presses universitaires de France, 1968. 791 p.
12. Le guide des juges militaires, ou Recueil des lois, arrêtés et avis du Conseil d'État; sur la législation criminelle-militaire, et maritime.... Par J. B. Perrier. P.: Chez Magimel, libraire, 1808. 506 p.
13. Michon G. La justice militaire sous la Révolution. P.: Librairie F. Alcan, 1922. 98 p.
14. Monnier R. Le peuple juge // La Révolution de la justice. Des lois du roi au droit moderne / sous la dir. de Ph. Boucher. S./l.: Éd. J.-P. de Monza, 1989. P. 161–190.
15. Picq A. La législation militaire de l'époque révolutionnaire. Introduction à l'étude de la législation militaire actuelle. Thèse pour le doctorat. P.: Jouve & Cie, éditeurs, 1931. 327 p.
16. Pigeard A. La justice militaire sous le Consulat et le Premier empire // La revue Napoléon. Août 2000. N° 3. P. 6–26.
17. Projet de résolution présenté Par F. Aubry, Rapporteur, Sur l'établissement des Conseils de Guerre pour toutes les Troupes de la République. Séance du 6 brumaire an 5. P.: De l'imprimerie Nationale, an 5. 11 p.
18. Projet de résolution présenté au nom d'une commission spéciale, Par Aubry. Sur la manière de juger les officiers généraux supérieurs. Séance du 7 nivôse, an 5. P.: De l'imprimerie Nationale, an 5. 3 p.
19. Projet de résolution Sur l'établissement des conseils de révision pour les troupes de la République, présenté Par F. Aubry.... Séance du 20 messidor, an 5. P.: De l'imprimerie Nationale, an 5. 7 p.
20. Кричевцев М. В. Ревизия и кассация в военных судах Франции конца XVIII — начала XIX в.: к вопросу о юридической природе постоянных ревизионных советов // Genesis: исторические исследования. 2021. N° 11. С. 146–155. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36953 (дата обращения: 25.06.2024).

МЕХАНИЗМЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ СТОРОН НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА НАЙМА СЛУЖЕБНОГО ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Н. Ю. Папушина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
доцент кафедры теории и истории государства и права
кандидат юридических наук
papushinanatalya@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются условия недействительности договора найма служебного жилого помещения, а также механизмы судебной защиты сторон недействительного договора. Автором приводятся доводы о том, что дефектность договора найма служебного жилого помещения возможна только в силу нарушений, допущенных на стадиях административно-организационных или организационно-учетных отношений, предшествующих его заключению. Анализ существа отношений позволяет также прийти к убеждению о необходимости предоставления дополнительных гарантий гражданину, чье поведение отвечает стандартам доброй совести, даже в случае допущенных нарушений, каковые могли бы приводить к недействительности договора.

Ключевые слова: судебная защита, недействительность договора, договор найма служебного жилого помещения, административно-организационное отношение, организационно-учетное отношение.

Abstract. The article analyzes the conditions of invalidity of the contract of employment of office premises, as well as the mechanisms of judicial protection of the parties to the invalid contract. The author argues that the defective rental agreement for office premises is possible only due to violations committed at the stages of administrative and organizational or accounting relations preceding its conclusion. An analysis of the substance of the relationship also makes it possible to come to the conclusion that it is necessary to provide additional guarantees to a citizen whose behavior meets the standards of good conscience, even in the case of violations that could lead to the invalidity of the contract.

Keywords: judicial protection, invalidity of the contract, contract of employment of office premises, administrative and organizational relationship, organizational and accounting relationship.

Условия пользования служебным жилым помещением определяются положениями договора найма. Часть 2 ст. 100 Жилищного кодекса Российской Федерации [3] определено, что заключение договора найма специализированного жилого

помещения происходит как следствие принятия уполномоченным лицом (органом) решения о предоставлении жилого помещения. Поэтому сложно согласиться с точкой зрения Н. В. Карпенко о том, что «отсутствие решения о предоставлении жилья... и наличие заключенного договора найма не влечет недействительности возникающих правоотношений, так как решение и договор найма — это основания возникновения отношений найма жилья..., которые существуют по принципу взаимодополняемости. При отсутствии решения заключение уполномоченными лицами договора свидетельствует о наличии у обеих сторон воли на вступление в отношения найма жилья...» [4, с. 162]. Очевидно, что действительность заключаемого договора найма специализированного жилого помещения (в частности, служебного жилого помещения), в том числе, определяется наличием соответствующего решения о предоставлении жилого помещения, что вполне отражено и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 [6]. Принятое решение о предоставлении жилого помещения, в свою очередь, дает лицу право требовать заключения с ним договора найма служебного жилого помещения в срок, определенный в решении о предоставлении, а если такой срок не определен — в разумный срок, в том числе путем обращения с соответствующим гражданско-правовым иском.

Анализируя отношения, складывающиеся в связи с принятием решения о предоставлении жилого помещения на условиях социального найма, М. В. Бандо выделяет «организационно-предпосылочное гражданско-правовое отношение, содержанием которого являются право гражданина требовать заключения договора социального найма конкретного жилого помещения и обязанность уполномоченного органа заключить такой договор, возникающее с момента принятия решения о предоставлении конкретного жилого помещения и прекращающееся с момента заключения договора социального найма», которое «не включается в правообразующий юридический состав жилищного правоотношения социального найма и не совпадает по содержанию с административно-правовым отношением по предоставлению жилого

помещения». Практическое значение такого разграничения, по мнению ученого, заключается в том, что «неисполнение обязанностей уполномоченного органа в рамках учетного правоотношения дает возможность гражданину обжаловать соответствующие действия в административном порядке..., то нарушение обязанности заключить договор дает гражданину право обратиться в суд с иском о понуждении заключить такой договор» [1, с. 128–129].

Как справедливо отмечает Ю. С. Васильев: «Когда административный акт является элементом фактического состава, он имеет обязательную силу для обеих сторон правоотношения» [2, с. 4]. Вместе с тем, если обратиться к складывающейся судебной практике, необходимо отметить тенденцию к предъявлению в рамках гражданского иска требований о признании незаконным бездействия по заключению договора найма, где требование об обязанности заключить договор рассматривается как последствие неисполнения органом своей обязанности по предоставлению жилого помещения в рамках учетного правоотношения, т. е. фактически защита осуществляется не исключительно в рамках гражданского, но и в рамках административного правоотношения, пусть даже такая практика и охватывает предоставление жилых помещений на условиях социального найма [5]. Таким образом, здесь снова проявляется комплексный характер жилищного правоотношения, заключающийся в том, что хотя собственно учетное (организационно-учетное) правоотношение завершено вынесением решения о предоставлении жилого помещения, а договорное правоотношение еще не возникло, организационное правоотношение, вытекающие из реализации правомочия требования заключения договора, связано не только с гражданско-правовым обязательством, но и с исполнением административной обязанности органа, принявшего решение о предоставлении жилого помещения.

Хотя действующий Жилищный кодекс Российской Федерации не предусматривает оснований, порядка и последствий признания решения о предоставлении специализированного жилого помещения (в том числе служебного жилого помещения) недействительным, Верховным Судом Российской Феде-

рации в постановлении Пленума от 2 июля 2009 г. № 14 (п. 41) дано разъяснение, что решение о предоставлении специализированного жилого помещения и, соответственно, договор найма специализированного жилого помещения могут быть признаны недействительными, если будет установлено, что нарушены требования, предъявляемые к форме и порядку принятия указанного решения, а также если отсутствуют необходимые основания для заключения договора специализированного найма жилого помещения (например, гражданин предоставил не соответствующие действительности сведения о заключении трудового договора или назначении на должность, у гражданина имеется иное жилое помещение в данном населенном пункте, гражданин не отнесен законом к категориям граждан, имеющих право на получение специализированного жилого помещения).

Признание Верховным Судом Российской Федерации за заинтересованными лицами права на оспаривание вполне обоснованно, поскольку, как уже отмечалось, решение о предоставлении служебного жилого помещения следует рассматривать как юридический акт — акт применения права, что дает возможность обсуждать условия его действительности. В качестве первого из таких условий следует рассматривать принятие решения о предоставлении служебного жилого помещения только специально уполномоченным лицом с соблюдением установленной процедуры и формы для принятия соответствующего решения. Например, согласно Положению о предоставлении служебных жилых помещений прокурорам и работникам, замещающим в научных и образовательных организациях прокуратуры Российской Федерации должности, по которым предусмотрено присвоение классных чинов [7] с учетом предложений жилищных комиссий по месту службы служебные жилые помещения предоставляются прокурорским работникам прокуратур субъектов Российской Федерации, приравненных к ним специализированных прокуратур — по решению соответствующих прокуроров субъектов Российской Федерации, приравненных к ним специализированных прокуроров, которые оформляются в виде распоряжений.

В качестве второго обязательного условия действительности решения о предоставлении служебного жилого помещения следует рассматривать требование к распределяемому жилью: оно должно быть свободным от прав и притязаний третьих лиц (как юридически, так и фактически), а также отвечать требованиям изолированности (квартира или жилой дома), пригодности для проживания и благоустроенности. В противном случае лицо, которому осуществляется предоставление служебного жилого помещения, вправе отказаться от его получения и обратиться в суд с требованиями об оспаривании решения о предоставлении и обязанности предоставить жилое помещении соответствующее требованиям закона.

Одним из важнейших условий действительности решения о предоставлении служебного жилого помещения выступает соблюдение требований к лицу, в отношении которого выносится такое решение. Служебное жилое помещение может предоставляться только лицу, признанному нуждающимся в служебном жилом помещении и только с соблюдением требований об очередности.

Однако в дальнейшем при решении вопроса о признании недействительным договора найма по иску лица, право которого на заключение такого договора было нарушено по вине органа, осуществляющего учет нуждающихся в служебных жилых помещениях, (к примеру, договор был заключен с другим лицом в нарушение очередности), следует принимать во внимание не только допущенные органом нарушения, но и поведение лица, которому такое жилое помещение было предоставлено вопреки интересам истца. Необходимо учитывать, что защита правомерного интереса одного лица не может быть осуществлена за счет нарушения правомерного интереса другого лица. Поэтому в случае, если спорное служебное жилое помещение предоставлено лицу, действовавшему добросовестно, с разумной долей осмотрительности, не осведомленному о допускаемых органом нарушениях, договор найма не может быть признан недействительным даже и при наличии очевидных нарушений при реализации организационно-учетного правоотношения.

Литература

1. Бандо М. В. Основания возникновения жилищных правоотношений социального найма жилого помещения: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 266 с.
2. Васильев Ю. С. Расторжение и изменение договора жилищного найма в судебном порядке: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1961. 16 с.
3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Российская газета. № 1. 12.01.2005.
4. Карпенко Н. В. Правоотношения найма жилого помещения в общедомовом управлении: понятие, структура и динамика: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 301 с.
5. Кассационное определение судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 1 сентября 2015 г. № 204-КГ15-11.
6. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 // Российская газета. № 123. 08.07.2009.
7. О порядке обеспечения прокуроров жилыми помещениями: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 2 октября 2018 г. № 624.

К ВОПРОСУ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ЛИЦАМИ, УЧАСТВУЮЩИМИ В ДЕЛЕ, СВОИМИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ СУДОМ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И СПОСОБАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Е. А. Бабушкина

Советский районный суд г. Новосибирска, судья
Новосибирский государственный университет
экономики и управления
доцент кафедры теории и истории государства и права
кандидат юридических наук
sovetsky.nsk@sudrf.ru

Аннотация. В статье анализируются способы злоупотребления правами лицами, участвующими в деле, а также предлагаются способы по противодействию такому поведению.

Ключевые слова: злоупотребление правом, задачи гражданского судопроизводства, правонарушение, отказ в защите права.

Abstract. This article is determined by the need to analyse the ways of abuse of rights by persons involved in the case, and also suggests ways to counteract such behavior

Keywords: abuse of law, tasks of civil proceedings, offense, refusal to protect rights.

В ст. 2 Гражданского процессуального кодекса РФ устанавливается, что задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений.

Достижению указанных задач могут создаваться препятствия со стороны лиц, участвующих в деле (ст. 34 ГПК РФ), которые злоупотребляют своими процессуальными правами.

В юридической литературе и судебной практике, традиционно, при раскрытии содержания злоупотребления правом авторы обращаются к ст. 10 Гражданского кодекса РФ, в котором указывается на недопустимость осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

В специальной литературе при раскрытии содержания термина «злоупотребление правом» отмечаются такие его признаки, как формальная законность, умысел, вредоносность, противоречие с предназначением права, юридическая значимость [1, с. 60; 2, с. 174; 3, с. 39–40; 4, с. 9; 5, с. 17].

Конституционным Судом РФ отмечается, что не допускается истолкование и применение правовых норм вопреки положениям Гражданского кодекса РФ, которые относят к основным началам гражданского законодательства принцип добросовестности участников гражданских правоотношений, недопустимость извлечения кем-либо преимуществ из сво-

его незаконного или недобросовестного поведения (п. 3 и 4 с. 1), и не допускают осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, как и действий в обход закона с противоправной целью, а также иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав (злоупотребления правом) (п. 1 ст. 10) [6].

Также Конституционным Судом РФ сформулирована позиция, что установление судом факта злоупотребления правом может иметь место лишь с учетом содержания регулирующих конкретные отношения правовых норм и после исследования и оценки поведения участников гражданско-правовых отношений, с тем чтобы их правомерные действия не могли быть поставлены им в вину и повлечь для них негативные последствия [7].

В постановлении от 20 июля 2023 г. № 43-П Конституционный Суд РФ привел толкование положений ч. 3 ст. 79 ГПК РФ применительно к ситуациям уклонения от внесения оплаты экспертизы, указав, что если такая неоплата не обусловлена имущественным положением стороны и представляет собой злоупотребление правом, суд вправе, применив по аналогии ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, в зависимости от того, какое значение для стороны, уклоняющейся от внесения суммы в размере оплаты экспертизы, имеет экспертиза, признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым без ее проведения [8].

Обращаясь к положениям Гражданского процессуального кодекса РФ, можно выделить несколько статей, направленных на создание надлежащих условий для отправления правосудия в целях обеспечения соблюдения процессуальной формы (установленного законом порядка и условий принятия процессуального решения), необходимой для обеспечения реализации основополагающего принципа судопроизводства — принципа законности:

- ст. 2, в которой, в частности, закреплено, что гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду;

- ст. 12, согласно которой суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, разъясняет лицам, участвующим в деле, их права и обязанности, предупреждает о последствиях совершения или несовершения процессуальных действий, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел;

- ст. 35, в которой содержатся положения о том, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами;

- ст. 158, в которой, в частности, установлено, что судебное разбирательство происходит в условиях, обеспечивающих надлежащий порядок в судебном заседании и безопасность участников процесса;

- в ст. 159 приведены меры реагирования к нарушителям порядка в судебном заседании.

Из анализа изложенных выше положений можно сделать вывод о том, что факт злоупотребления права при рассмотрении судами общей юрисдикции гражданских дел должен быть достоверно установлен, после чего судьей, осуществляющим руководство процессом (ст. 12 ГПК РФ), должны быть приняты соответствующие меры реагирования.

При этом, необходимо разграничивать случаи правонарушений, т. е. ситуации, когда лицо, участвующее в деле, например, не соблюдает порядок в судебном заседании (ст. 158 ГПК РФ), за такие деяния установлена специальная меры ответственности, например, в ст. 17.3 КоАП РФ; со случаями злоупотребления процессуальными правами, т. е. ситуациями, когда поведение субъекта права (лица, участвующего в деле) носит формально законный характер, но при этом сознательно осуществляется во вред другим участникам процесса и направлено на достижение целей, противоречащих предназначению права.

Сформулировать полный перечень способов нарушений злоупотребления процессуальными правами вряд ли возможно.

В литературе и судебной практике можно встретить оценки в качестве злоупотребления правом таких действий как предъявление встречного иска, содержащего недостатки (несоответствие положениям ст. 131 и ст. 132 ГПК РФ), в последнем судебном заседании, подача ходатайства о назначении экспертизы на стадии дополнений перед судебными прениями либо в суде апелляционной инстанции, об отложении судебного разбирательства в отсутствие уважительных причин (например, в заседании был объявлен перерыв после заявления стороной ходатайства о назначении по делу экспертизы, для обеспечения внесения денежных средств на депозит суда), подача апелляционной жалобы, не соответствующей требованиям ГПК РФ (например, без приложения чека об уплате госпошлины, либо без подтверждения направления другой стороне), для оставления ее без движения в целях затягивания вступления судебного акта в законную силу, заявление в суде апелляционной инстанции о наличии третьего лица, чьи интересы могут быть затронуты принятым решением, использование оскорбительных или иных недопустимых выражений в текстах процессуальных документов, указание в целях изменения подсудности спора ненадлежащих соответчиков, подача искового заявления с заведомо отсутствующим документом об уплате госпошлины, либо об отправке иска другой стороне (для использования права подать заявление о возвращении искового заявления в порядке ст. 135 ГПК РФ и повторного предъявления иска в целях выбора желаемого судьи), ходатайство стороны по делу об отложении для согласования условий мирового соглашения при отсутствии намерения его заключения, уклонение представителя истца от явки в судебное заседание при наличии возражений ответчика и необходимости для правильного разрешения дела предоставления истцом дополнительных документов (например, по искам о взыскании задолженности по кредитному договору и заявлении ответчиком срока давности), заявление

ходатайства о принятии обеспечительных мер для склонения ответчика к скорейшему внесудебному разрешению спора.

В качестве негативного последствия злоупотребления правом в ст. 10 Гражданского кодекса РФ указано на отказ лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично.

В качестве примера можно привести следующее гражданское дело. Гражданин обратился с исковым заявлением о признании недействительной (основание — ст. 170 ГК РФ, мнимая сделка) сделки, заключенной со своей сестрой по продаже ей доли в праве собственности на квартиру. Суд, разрешая дело, посчитал заслуживающими внимания доводы ответчика относительно наличия оснований для отказа в судебной защите по причине недобросовестного поведения истца. Из решения следует, что истец основывает свои исковые требования на положениях ст. 170 Гражданского кодекса РФ, указывая, что спорная сделка была совершена сторонами лишь с целью избежать ареста имущества истца со стороны кредиторов, т. е. заведомо имела своей целью причинить вред кредиторам путем уклонения от исполнения обязательств, тогда как п. 1 ст. 170 Гражданского кодекса РФ направлен непосредственно на защиту добросовестных участников гражданского оборота от недобросовестных. Истец ссылается на свое недобросовестное поведение — заключение сделки с намерением причинить вред другим лицам (кредиторам), с целью обхода закона, следовательно, он не вправе ссылаться на незаконность сделки (недействительность, мнимость), что влечет за собой в целях пресечения необоснованных процессуальных нарушений потерю права на возражение («эстоппель») [9].

В зарубежном законодательстве можно обнаружить решения тех же проблемных вопросов, с которыми приходится сталкиваться в российских судах.

Так, в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь содержатся положения о том, что *независимо от результатов рассмотрения дела* суд может обязать недобросовестную сторону, третье лицо возместить судебные расходы другой стороне или в доход государства, если они вызваны уклонением от дачи объяснений, дачей заведомо ложных объяснений, сокрытием доказательств, а также представле-

нием доказательств с нарушением срока их представления, установленного судом, или иными недобросовестными действиями. В случае уклонения ответчика от явки в суд, несвоевременного направления в суд возражений против иска либо встречного иска судебные расходы по первоначальному и повторному рассмотрению дела возлагаются на ответчика, *даже если его жалоба была полностью удовлетворена*. Ответчик освобождается от судебных расходов, если докажет, что не виновен в неявке или что своевременно направил суду возражения против иска либо встречный иск, которые не были приобщены к делу. Также установлено право суда взыскать со свидетеля, судебно-экспертной организации, эксперта, специалиста, переводчика или представителя в пользу стороны или в доход государства издержки, связанные с рассмотрением дела, возникшие по их вине (ст. 154 «Возложение судебных расходов на недобросовестных участников гражданского судопроизводства») [10].

Таким образом, возможное злоупотребление правом фактически переводится в число правонарушений, установление наказания за которые направлено на пресечение действий недобросовестных участников процесса.

Подобный подход видится приемлемым и для российского законодательства.

Отвечая на возможный вопрос о необходимости закрепления на уровне правовой нормы, казалось бы, и так очевидных положений, стоит отметить неоднозначность складывающейся судебной практики по отдельным вопросам оценки поведения участников процесса в качестве злоупотребления правом, либо как недобросовестного, а также обратить внимание на возможные коллизии, с которыми могут столкнуться судьи в процессе мотивирования меры ответственности за злоупотребление правом.

Так, по общему правилу, судебные издержки взыскиваются стороне, в пользу которой состоялось решение суда. Лишь в отдельных случаях, возможно отступить от этого правила.

Например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» отмечается, что суд также вправе

отнести все судебные расходы по делу на кредитора и поручителя, злоупотребивших процессуальными правами, *независимо от результатов рассмотрения дела* (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ и ст. 111 АПК РФ).

В том случае, если спор не будет связан с правоотношениями, по которым имеется специальное разъяснение Пленума ВС РФ, судья будет обращаться к общим положениям ГПК РФ и разъяснениям в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», согласно которым лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами, в связи с чем суд вправе отнести судебные издержки на лицо, злоупотребившее своими процессуальными правами и не выполнившее своих процессуальных обязанностей, либо не признать понесенные им судебные издержки необходимыми, если это привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию итогового судебного акта.

Вместе с тем в п. 32 не содержится указания на возможность возложения расходов *независимо от результатов рассмотрения дела*, что может повлечь различные толкования.

При этом, закрепление в ГПК РФ нормы, аналогичной в ст. 111 АПК РФ, будет соответствовать курсу унификации гражданского и арбитражного процессуального законодательства, принятому в рамках Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, после объединения ВС РФ и ВАС РФ [11].

Относительно противодействия поведению по подаче исков с отсутствующими документами для выбора судьи, возможно установление настроек в ГАС «Правосудие» при распределении дел таким образом, чтобы при повторном поступлении иск распределялся тому же судье, а также принятию в практику оборота принятия таких исков за отсутствующего судью (например, в случае нахождения в ежегодном отпуске либо на больничном) другим судьей, с назначением заседания

согласно графику отсутствующего судьи (такая практика, как известно, широко распространена в арбитражных судах).

Что касается случаев уклонения от явки в судебное заседание в отсутствие уважительных причин, то судебной практикой выработаны устоявшиеся подходы к непринятию доводов жалоб относительно отсутствия лица в судебном заседании ввиду занятости представителя в другом процессе.

При оценке поведения участника процесса, не явившегося в судебное заседание по причине нахождения на больничном, как правило, суды ссылаются на то, что само по себе наличие листка нетрудоспособности не свидетельствует о невозможности участия в судебном заседании, поскольку из него не усматривается стационарный режим заболевания [12].

Вместе с тем можно встретить и иные оценки. Например, отдельные суды указывают, что суду, ранее рассматривавшему дело, необходимо было убедиться с том, что состояние здоровья участника процесса не позволяло участвовать в судебном заседании в судебном заседании в условиях состязательности и выполнения процессуальной обязанности по представлению доказательств, обосновывающих его возражения против заявленных требований, отмечая, что данное нарушение является настолько существенным, что принятые судебные акты нельзя признать законными [13].

В целях исключения подобных ситуаций, единообразия судебной практики, ясности правил отправления правосудия для лиц, участвующих в деле, и судей, видится целесообразным закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» соответствующих разъяснений, относительно того, что само по себе наличие листка нетрудоспособности не свидетельствует о невозможности участия в судебном заседании, и на лице, не явившемся в судебное заседание, лежит обязанность представить не вызывающие сомнения доказательства относительно отсутствия у него в силу заболевания объективной возможности явки в судебное заседание (например справка

от лечащего врача об отсутствии возможности участвовать в судебном заседании).

Ситуации с заявлением ходатайства о проведении экспертизы в суде апелляционной инстанции требует особого внимания.

С одной стороны, в ГПК РФ закреплён принцип состязательности и отсутствуют положения о том, что в случае недостаточности представленных доказательств суд собирает их по своей собственной инициативе (ст. 50 ГПК РСФСР 1964 г.).

С другой стороны, в процессуальной литературе распространён взгляд о необходимости суду стремиться к установлению истины по делу, о том, что только истинное решение может быть правильным.

Известный русский философ Владимир Соловьёв отмечал, что истина является безусловным бытием всех в единстве и должна проявляться как справедливость [14].

Как показывает практика, нередко в суде апелляционной инстанции (общей юрисдикции) в целях установления истины принимаются новые доказательства, удовлетворяются ходатайства о проведении экспертизы, несмотря на предложения суда первой инстанции по ее проведению, адресованные участнику процесса.

Так, например, по гражданскому делу № 33-2407/2022 судебной коллегией по гражданским делам Новосибирского областного суда принято определение об отмене решения суда первой инстанции и отказе в удовлетворении исковых требований гражданина к страховой организации. Как следует из материалов гражданского дела, страховщик не направлял своего представителя в суд первой инстанции ни для участия в судебных заседаниях, ни для ознакомления с результатами проведенной судебной экспертизы (в судебной повестке, а также в телефонограмме перед судебным заседанием предлагалось ознакомиться с экспертным заключением), затем, при подаче апелляционной жалобы представителем страховщика были представлены документы об участии автомобиля истца в другом ДТП, запрошенные у другого страховщика, а также заявлено ходатайство о назначении по делу судебной

экспертизы (ходатайство было удовлетворено, документы приняты в качестве доказательств).

Таким образом, в результате судебного разбирательства была установлена истина по делу, а бездействие страховщика не получило какой-либо оценки, в том числе и при распределении судебных расходов по делу.

При этом, практика арбитражных судов существенно отличается. Так, например, в постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 31 марта 2015 г. № Ф03-428/2015 по делу № А24-3418/2013 указывается, что судом первой инстанции обоснованно отказано в удовлетворении ходатайства о назначении по делу судебной экспертизы, заявленной ООО «ЕвроКом» в последнем судебном заседании, проводимом после объявления перерыва с 13.08.2014 по 20.08.2014. Отказ в удовлетворении ходатайства суд первой инстанции мотивировал длительностью рассмотрения дела, а также отсутствием доказательств со стороны организации наличия каких-либо препятствий ранее заявить такое ходатайство, учитывая, что имеющихся в деле доказательств достаточно для того, чтобы сделать выводы по существу спора.

При указанных обстоятельствах видятся необходимыми руководящие разъяснения по подходам судов в подобных ситуациях. В том случае, если судам общей юрисдикции необходимо стремиться не ставить во главу угла положения о принципе состязательности, а применять соответствующие правовые положения более гибко, стремясь к установлению объективной истины по делу, видится важной выработка единого подхода к исключению таких отмен из брака судьи при подготовке соответствующих статистических данных.

Не менее важный вопрос о пределах осуществления процессуальных прав лицом, участвующим в деле, при подаче им процессуальных документов, в частности, апелляционных (частных) жалоб на судебные постановления.

В судебной практике можно встретить следующий подход к оценке таких жалоб при наличии в них оскорбительных или иных недопустимых выражений.

Исходя из требований общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом, апелляционная (частная)

жалоба, в которой приведены недопустимые и оскорбительные высказывания в адрес участников процесса и суда, является неприемлемой и поданной с нарушением закона, что препятствует ее принятию к рассмотрению и разрешению по существу.

Суды ссылаются в обоснование такого вывода на положения ст. 11 федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», применяя их по аналогии (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ), а также на положения ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, ст. 35 ГПК РФ, указывая, что несмотря на то, что право на судебную защиту является неотъемлемым правом каждого, его реализация ставится в зависимость от соблюдения лицом, обращающимся в суд за защитой своих прав, предусмотренного действующим законодательством порядка его осуществления [15].

Вместе с тем остается неясным, какими должны быть действия судьи после установления данного обстоятельства, возможно ли, как следует из положений п. 2 ст. 10 Гражданского кодекса РФ, отказать подателю жалобы в судебной защите, возвратив жалобу, либо необходимо руководствоваться положениями о необходимости обеспечения, даже при таких обстоятельствах, доступа к правосудию и оставлять жалобу без движения, предоставляя срок на устранение недостатков, тем самым фактически ущемляя права другой стороны по делу, ожидающей скорейшего вступления судебного акта в силу для обращения за его исполнением в целях действительного восстановления своих прав после обращения в суд за защитой.

Отказ в судебной защите в виде возвращения жалобы, содержащей оскорбительные или иные недопустимые выражения, видится разумной санкцией за недобросовестное поведение, которая будет иметь существенное значение в плане предупреждения повторения такого поведения в дальнейшем. Положения об этом могут быть установлены в ст. 322 ГПК РФ (содержание апелляционных жалобы, представления).

Следующая группа ситуаций. Кредитная организация, обратившись с иском в суд о взыскании с ответчика задолженности по кредитному договору и указав в нем, что просит

рассматривать дело в свое отсутствие, в дальнейшем уклоняется от предоставления доказательств, необходимых суду для правильного разрешения дела. Например, когда ответчик заявляет о применении пропуска срока исковой давности, а в отсутствие графика платежей, полных условий договора, суд лишен возможности произвести правильный расчет.

В практике встречаются различные подходы. Несмотря на доктринальную концепцию о том, что сторонами доказательства представляются по собственной инициативе, а истребование дополнительных доказательств возможно лишь от лиц, не являющихся участниками процесса, суды направляют истцам запросы и под угрозой наложения судебного штрафа, как правило после неоднократных попыток, получают необходимые документы. Также в судебной практике встретился такой подход. После того, как истец в ответ на определение суда об истребовании доказательств не представил необходимые документы, не обеспечил явку представителя в судебное заседание, учитывая, что ответчиком заявлены возражения по иску, доводы которых требуют проверки, судами указывается, что осуществление правосудия не может ставиться в зависимость от желания или нежелания истца участвовать в судебном разбирательстве по делу. При указанных обстоятельствах суд констатирует, что истец утратил интерес к рассматриваемому спору и, несмотря на заявление о рассмотрении дела в отсутствие, оставляет иск без рассмотрения.

В том случае, если истец не соглашается с таким выводом суда, по его заявлению выносится соответствующее определение, и рассмотрение дела проводится сначала.

Стоит отметить, что количество заявлений от истцов о возобновлении разбирательства в подобных обстоятельствах является незначительным.

Возможно, в ст. 222 ГПК РФ подобные ситуации могут быть закреплены в числе оснований для оставления иска без рассмотрения (истец, не представивший в суд документы, истребованные определением суда, не явился в суд по вторичному вызову, а ответчик не требует рассмотрения дела по существу).

Трудности представляют случаи заявления исковых требований заведомо в завышенном размере с одновременной

подачей ходатайства о принятии обеспечительных мер для склонения ответчика к скорейшему внесудебному разрешению спора (например, о взыскании компенсации морального вреда в заведомо завышенном размере, заявление ходатайства о принятии обеспечительных мер на всю сумму заявленных требований в целях блокирования хозяйственной деятельности ответчика).

Стоит заметить, что в отличие от арбитражных судов, при подаче ходатайства о принятии обеспечительных мер сторона по делу не уплачивает госпошлину, что, как показывает практика (когда заявители не интересуются результатом разрешения таких ходатайств, не получают письма из суда с исполнительным листом по принятым мерам), нередко приводит к заявлению таких ходатайств без достаточной на то необходимости, что суду затруднительно оценить в условиях поступления искового заявления, учитывая положения ст. 141 ГПК РФ о незамедлительном рассмотрении заявления об обеспечении иска.

Применительно к указанной выше ситуации, помимо установления госпошлины в достаточном и разумном размере (возможно, по аналогии с арбитражными судами, в размере 3000 р., ст. 333.21 Налогового кодекса РФ), внесение каких-либо изменений не видится целесообразным, правильное разрешение таких ходатайств будет зависеть от объективной и основанной на изучении всех обстоятельств оценки суда, в том числе и при разрешении ходатайства об изменении обеспечительной меры.

Для иных ситуаций, когда само по себе предъявление искового заявления направлено единственно на принятие обеспечительных мер в отношении ответчика, возможным направлением для исследования видится установление компенсационного механизма после разрешения спора по существу в виде безусловного взыскания, например, 10 % от суммы арестованного имущества.

Отвечая на возможные возражения относительно наличия ст. 146 ГПК РФ о возмещении убытков, причиненных обеспечением иска, стоит заметить, что на практике нередко доказывание факта причинения убытков, прежде всего упущенной

выгоды, бывает достаточно затруднительным. Установление гарантированной суммы компенсации позволит действительно защитить права ответчика, подвергшегося ограничению в реализации прав вследствие недобросовестного поведения истца, а также будет способствовать предупреждению подобных случаев в будущей практике.

В случаях одновременной подачи апелляционной жалобы, не соответствующей требованиям ГПК РФ, при наличии ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока на ее подачу, видится целесообразным отойти от сложившегося в практике судов общей юрисдикции подхода по первоначальному рассмотрению ходатайства о восстановлении срока, затем оставлении жалобы без движения, и по аналогии с практикой арбитражных судов, назначая судебное заседание для рассмотрения ходатайства о восстановлении срока, указывать на недостатки поданной жалобы и устанавливать срок для их устранения (до даты судебного заседания). Возможно внедрение такого подхода на уровне обсуждения при проведении плановых учебных семинаров кураторов судов субъектов с судьями, рассматривающими дела по первой инстанции.

В заключение хотелось бы отметить, что все вопросы оценки поведения лиц, участвующих в деле, в качестве злоупотребления правом невозможно разрешить в рамках одной статьи, что дает основание полагать необходимым дальнейшее изучение данного вопроса в целях выработки наиболее приемлемых вариантов для совершенствования законодательства и правоприменительной практики в целях успешного исполнения задач, поставленных в ст. 2 Гражданского процессуального кодекса РФ перед судами общей юрисдикции, осуществляющими правосудие по гражданским делам.

Литература

1. Крусс В. И. Злоупотребление правом: учеб. пособие. М., 2010. 175 с.
2. Горобец В. Д. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2021. 411 с.
3. Двалишвили Л. З. К вопросу о признаках и видах злоупотребления правом: анализ российской и немецкой судебной практики // Мировой судья. 2018. № 12. С. 39–54.

4. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 53 с.
5. Ромашов Р. А. Злоупотреблением в праве и злоупотреблении правом // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: мат-лы IV Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) / под ред. Р. Ф. Степаненко, С. Н. Тагаевой. Казань: Изд-во Ун-та управления ТСБИ, 2020. С. 14–19.
6. По запросу Норильского городского суда Красноярского края о проверке конституционности положений пунктов 15, 15.1 и 16.1 статьи 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»: определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2019 г. № 1838-О.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фрушак Анатолия Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 291.6, 291.11, 291.12, 291.13 и 291.14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 798-О.
8. По делу о проверке конституционности абзаца второй части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации «Экспертно-криминалистический центр “Судебная экспертиза”»: постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2023 г. № 43-П.
9. Решение Советского районного суда г. Новосибирска от 27 сентября 2023 г. по гражданскому делу № 2-1141/2023: Советский районный суд г. Новосибирска. URL: <http://sovetsky.nsk.sudrf.ru/> (дата обращения: 22.06.2024).
10. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-3. URL: <https://continent-online.com/> (дата обращения: 22.06.2024).
11. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобр. решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124 (1)).
12. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 августа 2023 г. № 33-31805/2023.
13. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июня 2023 г. № 88-15782/2023 по делу № 2-646/2023.
14. Владимир Соловьев. Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.
15. Гражданское дело № 2-301/2022, определение Советского районного суда г. Новосибирска от 17 марта 2023 г. // Архив Советского районного суда г. Новосибирска.

СУДИМОСТЬ ГРАЖДАНИНА КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

А. И. Беляев

Новосибирский государственный университет
экономики управления
старший преподаватель
кафедры административного, финансового и корпоративного права
artem_belyaev97@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается институт судимости, который выступает избирательным цензом при реализации пассивного избирательного права.

Ключевые слова: избирательный процесс, пассивное избирательное право, судимость.

Abstract. The article examines the institution of a criminal record, which acts as an electoral qualification in the implementation of passive suffrage.

Keywords: electoral process, passive suffrage, criminal record.

Развитие института пассивного избирательного права и существующих механизмов его реализации проходит в соответствии с изменением политических, социальных и духовных условий организации государственной власти. Вместе с этим, рассматривая вопрос о гарантиях реализации прав граждан быть избранными, важно исследовать систему ограничений пассивного избирательного права в Российской Федерации.

Как отмечают исследователи, структура любого права может быть рассмотрена в отраслевом и функциональном срезе. В отраслевом срезе структуру права составляют предписания, непосредственно закрепленные в избирательном законодательстве. При функциональном срезе, нормы, регулирующие права участников избирательного процесса можно разделить на регулятивные и охранительные. При этом данное разделение выступает основополагающим, сохраняя между собой прочные связи и функционируя в едином правовом пространстве [1, с. 67].

Под регулятивными предписаниями в избирательном законодательстве можно понимать нормы, которые представ-

ляют участникам избирательных отношений определенные права, при этом возлагая конкретные обязанности. Например, основаниями для отказа в реализации пассивного избирательного права в форме отказа в регистрации выступает нарушение норм материального права, которое непосредственно выражается в невыполнении условий регистрации, непредставлении необходимых документов или неуказании иных сведений кандидатами. При этом, необходимо разграничивать юридические категории «отказ в реализации пассивного избирательного права» и «правовая ответственность участников избирательного права», при котором отказ связан с невыполнением императивных правил и условий регистрации, а ответственность обуславливается применением мер, характеризующихся как правонарушение.

В свою очередь, охранительные предписания направлены на установление регулирования мер правовой ответственности за совершенные действия, в том числе не обязательно в период избирательной кампании. Особенностью охранительных предписаний выступает тот факт, что они могут удовлетворяться посредством принуждения [2, с. 54–55]. Иными словами, охранительные правоотношения возникают из предусмотренных законом «конфликтных» ситуаций, которые в свою очередь препятствуют осуществлению регулятивных правоотношений.

Примером может выступить норма законодательства, которая лишает граждан пассивного избирательного права до истечения десяти лет со дня снятия или погашения судимости за совершение тяжкого преступления. На основании данной нормы гражданину Б. было отказано в регистрации кандидатом в депутаты. Посчитав данное решение суда незаконным и необоснованным гражданин Б. обратился в суд для защиты своих прав [7].

Новосибирским областным судом установлено, что Б. осужден за совершение тяжкого преступления и со дня снятия с него судимости прошло менее десяти лет. Судебная коллегия по административным делам оставила данное решение суда без изменения, подтвердив, что в данном случае гражданин не обладает пассивным избирательным правом [4].

Аналогичная позиция содержится в кассационном определении, согласно которому погашение или снятие судимости правового значения для решения вопроса о пассивном избирательном праве не имеет. Вместе с этим, снятие судимости никоим образом не отменяет факт осуждения за совершение преступления к лишению свободы, признанного законодателем безусловным основанием для ограничения пассивного избирательного права [3].

При этом важно учитывать, что наличие у осужденного кандидата пассивного избирательного права не ставится в зависимость от самого факта судимости. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ, в каждом конкретном случае необходимо учитывать характер и степень общественной опасности совершенных им деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации, наличия на день голосования на выборах неснятой и непогашенной судимости за указанные преступления либо истечения установленного законом срока дня снятия и погашения судимости [6].

Вместе с этим в Постановлении было отмечено, что погашение или снятие судимости не отменяет факт осуждения лица, который в свою очередь выступает основанием для ограничения пассивного избирательного права и не рассматривается как уголовно-правовое последствие этого деяния. Исходя из этого, вышеуказанное обстоятельство является законным основанием для признания правомерным отказ в регистрации либо отмены судом решения о регистрации кандидата.

В свою очередь Конституционный Суд РФ в своем Постановлении указывал, что в российском законодательстве предусмотрены также правовые последствия судимости, которые не преследуют цель реализации уголовной ответственности и связаны с запретом занятия определенных должностей [7]. В данном случае судимость приобретает автономное значение и влечет за собой не уголовно-правовые, а общеправовые, опосредованные действия. Кроме этого, данный механизм выступает в качестве особого конституционно-правового дисквалифицирующего препятствия для занятия выборных публичных должностей.

Важно понимать, что лишение пассивного избирательного права носит личный характер и назначается судом с учетом общественной опасности правонарушения. При этом, основными целями данного механизма может выступить поддержание авторитета законодателя, недопущение преступного сообщества в выборные органы власти, а также исключение возможности криминального влияния на представителей жителей определенной территориальной единицы.

Основной причиной ограничения избирательного права во всех вышеупомянутых случаях выступает необходимость защиты национальных интересов и безопасности страны. Анализ ограничений пассивного избирательного права при наличии судимости свидетельствует о том, что они связываются законодателем и органами судебной власти с характером совершенных деяний, и опасностью лица, их совершившего для охраняемых законом ценностей. Вместе с этим указанные ограничения пассивного избирательного права учитывают личность претендента на выборную должность и иные обстоятельства, способствующие адекватной оценке как самого деяния, так и лица, его совершившего.

Литература

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. литература, 1987. 360 с.
2. Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. 136 с.
3. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.09.2021 № 53-ИКАД21-1-А5 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии от 28.08.2015 № 67-АПГ15-50 // СПС «КонсультантПлюс».
5. По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова: постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П // СПС «КонсультантПлюс».
6. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 24 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Решение Новосибирского областного суда от 07.08.2015 № 3-126/2015 // Официальный сайт Новосибирского областного суда. URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=45747720&case_uid=12b65d09-7ed6-41a6-836c-f73a115db8cd&result=1&delo_id=1540005 (дата обращения: 02.05.2024).

ФОРМИРОВАНИЕ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ 2003–2020 ГГ.)

М. А. Демиденко

Пятый апелляционный суд общей юрисдикции
Demidenko.maiya@mail.ru

Научный руководитель — ***М. С. Саламатова***,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
кандидат исторических наук, доцент
Salamatova.m@mail.ru

Аннотация. Исследование судейского корпуса Новосибирской области было проведено в период с февраля по май 2022 г. Собиралась информация по федеральным судьям Новосибирской области, назначенных на должности с 2003 по 2020 г. Информация собиралась с помощью различных источников сети Интернет: «КонсультантПлюс», сайт «Судьи РФ», официальные сайты районных и областных судов Новосибирской области, газета «Судебный вестник», затем обобщалась и заносилась в Google-таблицы и Microsoft Excel. В итоге было получено три таблицы, содержащие информацию о поле, возрасте, опыте работы и образовании судей Новосибирской области. В данной статье более подробно отражен предыдущий профессиональный опыт федеральных судей Новосибирской области в 2009–2014 гг. Целевая группа настоящего исследования — федеральные судьи Новосибирской области, назначенные на должность в 2009–2014 гг. Всего в данном исследовании насчитывается 340 судей районных и областных судов, но не по каждому из них была найдена информация, так как при ее формировании возникла проблема — закрытые источники и острая нехватка информации по судьям. Несмотря на значительные усилия предшественников, особенности формирования судейского регионального корпуса остаются практически неизученными, в настоящей работе планируется восполнить эти пробелы.

Ключевые слова: предыдущий профессиональный опыт судей, судьи Новосибирской области, аппарат суда.

Abstract. The study of the judiciary of the Novosibirsk region was carried out from February to May 2022. Information was collected on federal judges of the Novosibirsk Region appointed to positions from 2003 to 2020. The information was collected using various Internet sources: Consultant Plus, the Judges of the Russian Federation website, the official websites of the district and regional courts of the Novosibirsk Region, the Sudebny Vestnik newspaper, then it was summarized and entered into Google spreadsheets and Microsoft Excel. As a result, three tables were obtained containing information about the gender, age, work experience and education of judges in the Novosibirsk Region. This article reflects in more detail the previous professional experience of federal judges of the Novosibirsk region in 2009–2014. The target group of this study is the federal judges of the Novosibirsk region, appointed in 2009–2014. In total, in this study, there are 340 judges of district and regional courts, but information was not found for each of them, since a problem arose during its formation — closed sources and an acute lack of information on judges. Despite the significant efforts of the predecessors, the features of the formation of the judicial regional corps remain practically unexplored, in this work it is planned to fill these gaps.

Keywords: previous professional experience of judges, judges of the Novosibirsk region, court apparatus.

Судья является носителем судебной власти, можно сказать, ключевой фигурой правосудия, и именно от него зависят качество и доступность судебного процесса. Правовое государство и демократизм строятся на самостоятельном, не зависящем ни от кого, профессиональном, разрешающем споры только на основе права, судебском корпусе. Это представляется возможным лишь при условии, когда функция правосудия отнесена к определенным властным субъектам, которые действуют на основании знаний в области права, достаточно профессиональны и опытни для этого.

Суд обладает очень важной и ответственной ролью, он является «высшим источником правды», и, чтобы как подобрает справляться со своей функцией, он должен быть соответственно устроен, а именно: обладать полной беспристрастностью, авторитетом, знаниями, опытом и властью.

Исходя из специфической функции судей, законодатель предъявляет к ним повышенные требования, в том числе и моральные, а также устанавливает особый порядок формирования судебского корпуса, подбирает кандидатов, которые соответствуют установленным требованиям.

Проблема качественного формирования судей была во все времена, но наиболее актуальной становится в настоящее время, так как меняются общественно-экономические отношения в государстве, происходит все больше обновлений в законодательстве. При таких условиях квалификационные коллегии судей должны тщательно и объективно подбирать кандидатов на должность судей, которые способны осуществлять судебную деятельность профессионально и беспристрастно.

Чаще всего в научных статьях судейский корпус оценивается по так называемым критериям: пол, возраст и преимущественный опыт. Рассуждая о тенденции формирования судейского корпуса России, на примере Новосибирской области можно сделать следующие выводы.

При рассмотрении демографического состава судейского корпуса видно, что в судейском корпусе в 2003–2008 гг. женщины-судьи составляют 70 %, в 2009–2014 гг. — 75 % женщин, далее в 2015–2020 гг. наблюдается увеличение количества женщин до 79 %. По сравнению с общероссийскими данными, согласно проведенному в 2011–2014 гг. исследованию В. Волкова и А. Дмитриевой, доля женщин-судей составила 65 % от числа опрошенных.

2003-2008 гг.	70%
2009-2014 гг.	75%
2015-2020 гг.	79%

Проанализировав приведенные выше исследования, стоит заметить, что в период 2003–2020 гг. наблюдается большой перевес судей-женщин над судьями-мужчинами. Рекордная представленность женщин в судейском корпусе наблюдается в 2003–2008 гг., где женщины составляют 87 %. Далее в 2008–2014 гг. наблюдается убывание количества женщин до 75 %, а в 2015–2020 гг. — увеличение до 79 %. Несмотря на спад количества женщин по сравнению с прошлыми годами все равно остается высокое преимущество женщин над мужчинами в судебной системе, и, действительно, наблюдается про-

цесс феминизации профессии судьи. Исследователи пришли к выводу, что феминизация профессии судьи произошла из-за специфики работы судьей — многозадачности, рутинности, большой нагрузки. В России наблюдается успешность феминизации профессии без снижения престижа профессии.

Рассмотрим предыдущий профессиональный опыт действующих судей Новосибирской области. В 2003–2008 гг. самым популярным профессиональным опытом действующих судей была работа в прокуратуре (42 %), опыт работы в аппарате суда составил 26 %. По показателям первое место занимает опыт работы в аппарате суда — 39 %. На второе место можно поставить прокуратуру — 21 %. На третьем месте — юрист коммерческой, общественной и иной невластной организации — 13%, и правоохранительные органы и военная служба — 12 %. По 7 % — органы госуправления и адвокатура, и самый низкий показатель имеет преподавательская деятельность — 2 %. В 2015–2020 гг. показатели опыта работы в аппарате стали наивысшими (71 %). Согласно общероссийским данным, 30 % опрошенных имеют профессиональный опыт в аппарате суда и 20,8 % — в прокуратуре.

Наблюдается преимущественное формирование судейского корпуса за счет внутренних источников судебной системы. Выходцы из аппарата суда за время своей работы видят всю «внутреннюю кухню», так скажем, учатся работать с большой нагрузкой, в условиях многозадачности. По моему мнению, выходцам из аппарата суда легче становится судьями. Работнику аппарата суда приходится выполнять рутинную низкооплачиваемую работу, и чаще всего с этим лучше справляются женщины, чем мужчины. Помимо этого, в нашем обществе сложилось так, что мужчина — главный кормилец в семье, следовательно, представители мужского пола просто не могут себе «позволить» работать 5–7 лет за маленькую заработную плату — это еще одно объяснение феминизации профессии. Здесь можно увидеть еще одну причину феминизации профессии судьи.

Возраст судей на момент назначения на должность. В 2003–2008 гг. судьями становились в большинстве случаев в 40–44 года (30 %). В 2009–2014 гг. больше всего судей назначаются на должности районных и областных судов в возрасте от 35 до 39 лет (24 %), в 2015–2020 гг. становятся судьями в 35–39 лет (29 %). По данным общероссийского исследования, средний возраст назначения на должность судьи составляет 36 лет.

2003-2008 гг.	40-44 года
2009-2014 гг.	35-39 лет
2015-2020 гг.	35-39 лет

На основании приведенных данных можно заметить омоложение судейского корпуса. Это можно объяснить тем, что в настоящее время из-за большой нагрузки судьи уходят в отставку как можно раньше, на их место приходят молодые кадры. Процесс омоложения судей почти достиг предела, учитывая требования, предъявляемые к профессии судьи, — необходимое образование и опыт судьи.

Глядя на результаты исследования, можно заметить следующие закономерности, присущие судейскому корпусу Новосибирской области:

- увеличение числа женщин среди судей;
- омоложение судейского корпуса;
- вымывание внешних источников формирования судейского корпуса.

Исследование судейского корпуса Новосибирской области показало, что наблюдается процесс дальнейшей феминизации и омоложения состава регионального судейского корпуса.

Соответственно, можно составить портрет судьи Новосибирской области — это женщина от 35 до 39 лет, преимущественный опыт работы которой приходится на аппарат суда.

Литература

1. Волков В., Дмитриева А. Источники рекрутирования, гендер и профессиональные субкультуры в российской судебной системе // Социология власти. 2015. Т. 27. № 2. С. 103.

2. Дмитриева А., Савельев Д. Источники пополнения судейского корпуса РФ и роль аппарата судов (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения»). СПб.: ИПП ЕУСПб, 2018. С. 12.
3. Steffensmeier D., Hebert C. Women and Men Policymakers: Does the Judge's Gender Affect the Sentencing of Criminal Defendants? // Social Forces. 1999. № 77 (3). Pp. 1163–1196.
4. Дмитриева А. Кому доверить выбор судей. URL: <https://www.Vedomosti.ru/opinion/articles/2018/03/22/754530-vibor-sudeu/>
5. Саламатова М. С. Судейский корпус в России: выбор профессии, карьерные возможности и ограничения // Идеи и идеалы 2023. Т. 15. № 4. Ч. 2. С. 336–358.

ОШИБОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ВО ВРЕМЯ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭКСПЕРТНЫХ ДАННЫХ

Д. А. Копкин

Арбитражный суд Новосибирской области
Новосибирский государственный университет
экономики управления
магистрант второго курса
kopkin.d@bk.ru

Научный руководитель — *Н. Ю. Папушина*,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права НГУЭУ

Аннотация. Основопологающим постулатом данной статьи является значение анализа и интерпретации данных. Суть их заключается в том, что рассмотрения имеющихся в адвокатской, а также судебно-медицинской литературе взглядов относительно возможных погрешностей в экспертных решениях и то, что систематизация экспертных погрешностей должна производиться совместно с учетом ответа на вопросы при их возникновении, а кроме того, законов логики и правильного суждения. Иной подход к интерпретации погрешностей в экспертных решениях, наличие каковых учтен в первую очередь в анализе экспертного решения, который, в свою очередь, имеет свой взгляд на ошибочные действия.

Ключевые слова: судебная экспертиза; эксперт; заключение эксперта; экспертная ошибка; интерпретация; экспертный анализ.

Abstract. The fundamental tenet of this article is the importance of data analysis and interpretation. Their essence consists in the fact that consideration of the views available in the advocacy and forensic literature

regarding possible errors in expert decisions, and that the systematization of expert errors should be carried out jointly taking into account the answer to the questions, when they arise, and in addition the laws of logic and correct judgment. A different approach to the interpretation of errors in expert decisions, the presence of which is taken into account, first of all, in the analysis of expert decision, which in turn has its own view on erroneous actions

Keywords: forensic examination; expert; expert opinion; expert error; expert error; interpretation; expert analysis

Рассуждая о существенных условиях, предъявляемых к заключению, эксперт никак не застрахован от погрешностей. В криминалистической литературе экспертные просчеты именуются не как не надлежащие беспристрастной реальности предложения специалиста или его воздействия, не погружающие к миссии экспертного изучения, показывающие итогом случайного недоразумения. Основополагающий фактор, имеющий значение в данном аспекте, — это неверное толкование вопроса в поступках либо рассуждениях соучастников хода экспертного изучения [1]. Он, в свою очередь, может спровоцировать построение заключений, которые могут быть отрезаны от условий реальности. Подобным способом разрешенные специалистом погрешности устанавливают подозрения на доказательственную мощь решения или совсем совершают вывод специалиста непозволительным подтверждением.

Вид данных, приобретенных в процессе оценивания, устанавливает цель экспертизы. Зачастую в практике используют надлежащие проблемы: регулирование либо интерпретацию предметов, численный анализ предметов согласно конкретному показателю [4]. Их относительно возможно охарактеризовать вопросами оценивания предметов либо их качеств. Рассуждая об анализе экспертных данных, можно отметить, что присутствуют единые основы, кроме того рубежи рассмотрения данных, приобретенной в процессе расценивания, которые в свою очередь охватывают задачи экспертизы и виды экспертных суждений. Но осуществление данных основ, а также стадий, появляющиеся присутствие данной задачи, а кроме того, способы их постановления станут различными с целью различных экспертиз, а также типов взглядов на их рассмотрение [3, с. 36–38]. Большинство ошибок

могут быть показаны только лишь по итогам полного анализа предоставленных доказательств.

Суть анализа считается крайне разнообразной. Ведь сама сущность анализа заключается в методах его исследования, которые характеризуются выделением и изучением отдельных частей объектов исследования. Рассмотрим некоторые из видов, которые присутствуют при рассмотрении экспертных сведений в каждом виде экспертизы.

Выделяют следующие этапы анализа:

- анализ индивидуальных экспертных суждений;
- анализ совокупности суждений экспертной группы в целом;
- агрегация экспертных суждений;
- анализ конкретизации экспертных данных.

Рассматривая данные структуры, важно проанализировать персональное мнение каждого специалиста, тем самым выстроить их системность по отношению друг к другу. В основании оценивания предметов нужно находить определенную главную точку, от которой в дальнейшем будут отталкиваться при анализе конкретной ситуации. Взгляд эксперта способен быть разносторонним и оценивать ситуацию в разных направлениях, тем самым показывая свою гибкость [2]. Подобным способом специалист непротиворечив в таком случае, если его мнение отображает определение с помощью разносторонних взглядов. В зависимости от ситуации каждый вывод, который сделает эксперт, он тщательно проанализирует и поставит ситуацию с разных сторон, тем самым подводя итог к главному выводу.

Тактические ошибки заключаются в том, что специалист подбирает не рациональный метод исследования, переводя его в метод разрешения, и установки конечной цели. Конкретный способ проявляется в выборе ошибочной очередности реализации конкретных стадий изучения вопроса и построения анализа выяснения причины [1]. Эксперт при получении конкретной документации, которая имеет значение по конкретному из вопросов, может ошибочно отметить информацию. Это может произойти из-за того, что специалист, проводя анализ информации, ищет конкретную суть,

на которую он может сделать упор при заключении экспертизы [2, с. 39–44]. В свою очередь анализ предполагает более углубленное изучение и осмысление информации, так как суть анализа заключается в том, что построение определенной цепочки, в которой одно может вытекать из другого, тем самым раскрывая информацию, которая не была на поверхности, а только скрыта в ее формальностях. Зачастую эксперты именно в этих формальностях и теряют главную мысль своего исследования, и в дальнейшем всю цепь которую они выстраивают, уже теряет свою суть и правильное решение становится все более отдаленным.

Ошибка интерпретации заключается в том, что происходит неправильная обработка информации, а также анализ неоднозначности ситуации. Восприятия экспертом запаха, цвета, плотности объекта и иных чувственно воспринимаемых характеристик исследуемых объектов. Данная информация показывает нам, что специалист, видя все это, может по-разному интерпретировать подход к изучению данной ситуации. К примеру, если судебно-медицинский эксперт не обнаружил, что трупные пятна имеют несколько необычный цвет или необычный оттенок, или не ощутил, что от органов трупа исходит посторонний запах и поэтому не взял материал на дополнительные исследования, это может привести к ошибке в определении причины смерти [3, с. 36–38].

Причины неправильной интерпретации эксперта не всегда лежат в области допущенных им ошибок. Экспертное исследование может быть проведено безупречно и сделанные выводы могут быть полностью, соответствовать полученным результатам, но если исходные для экспертизы данные были ошибочно интерпретированы, или исследуемые объекты не имели отношения к делу, заключение — в установление истины по делу окажется ошибочным. В данном случае не может быть речи об экспертной ошибке, поскольку это может быть ошибочным действием лица, назначившим экспертизу, либо его умышленные действия, которые привели к неправильным выводам [4]. В каждой конкретной ситуации нельзя сделать сразу однозначный вывод, кто виноват. Анализ всей конкретики, а также последовательность действий нужно

тщательно разложить по пунктам, тем самым исключить лишние доводы эксперта.

Причина ошибочности экспертного заключения может быть допущена не только через экспертные ошибки. Экспертное исследование может быть выполнено идеально, и сделанные выводы полностью соответствовать полученным результатам. Но также если анализ и интерпретация данных были ошибочными или исследуемые объекты не имели отношения к делу, а конкретно были сфальсифицированы, то и заключение эксперта в аспекте установления истины по делу окажется ошибочными. В свою очередь, разбирая вопрос об интерпретации, можно сделать вывод, что это объективный процесс, так как личные убеждения эксперта, опыт и знания могут повлиять на то, как он интерпретирует информацию и что он в нее закладывает. Например, два эксперта, рассматривая одни и те же материалы по делу, могут прийти к совершенно разным выводам и точкам зрения. И, как бы странно это ни звучало, но это совершенно нормальное явление [3]. Отталкиваясь от вышесказанного, нужно учитывать тот факт, что каждую ситуацию нужно рассматривать с разных сторон восприятия и логики. Сам термин «интерпретация» — это и есть диалог между людьми, у которых разный взгляд на одну ту же ситуацию, и тот самый диалог должен привести их к единому выводу, который впоследствии и будет верным с точки зрения экспертизы.

Немаловажной экспертной ошибкой является интерпретация и разъяснения одним экспертом результатов исследования другого в одном и том же заключении, вывод эксперта только другому эксперту. Зачастую на практике бывают случаи, когда не подкрепленные исследованиями выводы преподносятся в псевдонаучной форме, затрудняющей понимание или делающей его невозможным. Заключение эксперта не просто не должно быть единоличным и не повторять информацию, которую уже и так имеется, а должно нести совершенно новую и конкретную суть дела. Таким образом, заключение эксперта будет первоначальным доказательством. [4]

В практической деятельности правоохранительных органов недостатком в работе следователя или судьи будет

являться неисполнение или ненадлежащее анализ уже имеющих в материалах дела заключений эксперта, которые в свою очередь устанавливают фактические обстоятельства дела.

Причины:

- интерпретация экспертного заключения в решении, которых неверно истолковано (например, категорический вывод принимается как вероятный);
- использование экспертного заключения в неполном виде, когда одни выводы суда принимаются, а другие нет;
- интерпретация установленных в экспертном заключении фактов не соответствует смыслу.

В свою очередь, хотелось бы отметить, что экспертная деятельность была, есть и будет ключевой структурой научной деятельности. Эксперт, как и каждый из нас, не застрахован от своих рабочих ошибок. Анализ и интерпретация экспертных данных — трудоемкий процесс, который включает в себя разбор каждого фактора на разные составляющие, где истина может быть заложена не там, где ее ожидают увидеть. Для того чтобы избежать ошибок и достичь точных результатов при анализе экспертных данных, необходимо определить четкие цели и задачи исследования, выбрать квалифицированных экспертов, использовать разнообразные проверенные методы анализа и уделять внимание всем аспектам экспертной деятельности.

Литература

1. Зимин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза: учеб. М.: Право и закон; Юрайт, 2002. 320 с.
2. Ивлиев А. Д. Оценка заключения эксперта судебной оценочной экспертизы // Законы России: опыт, анализ практика. 2023 № 3. С. 39–44.
3. Клевно В. А. Понятие и классификация экспертных ошибок // Судебно-медицинская экспертиза. 2012 № 2. С. 36–38.
4. Майлис Н. П. Теория и практика судебной экспертизы в доказывании: спецкурс: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити: Закон и право, 2019. 255 с.

РОЛЬ СУДА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ ПО ИСКАМ ПРОКУРОРОВ В ЗАЩИТУ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Е. В. Кравченко

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
магистрантка второго курса
Kerber2011@mail.ru

Научный руководитель — *Н. Ю. Папушина*,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права НГУЭУ

Аннотация. В данной статье рассматривается важная роль, которую играет суд в разрешении споров по искам прокуроров, инициированных в целях защиты окружающей среды. Автор выделяет четыре ключевые функции суда в этой сфере: обеспечение законности и справедливости при рассмотрении дел, восстановление нарушенных прав граждан на благоприятную окружающую среду и возмещение экологического ущерба, предупреждение подобных нарушений в будущем за счет создания прецедентов, а также обеспечение прозрачности и публичности судебного процесса. В статье подчеркивается, что эффективное взаимодействие прокуратуры и судебной системы имеет решающее значение для успешной защиты природы и обеспечения экологической безопасности в стране.

Ключевые слова: суд, прокуратура, защита окружающей среды, экологические права, экологический ущерб, восстановление прав, возмещение вреда, судебные решения, беспристрастность, прозрачность, прецедент, законность, справедливость, превенция нарушений, охрана природы.

Abstract. This article examines the important role that the court plays in resolving disputes over lawsuits filed by prosecutors aimed at protecting the environment. The author highlights four key functions of the court in this area: ensuring legality and fairness in the consideration of cases, restoring violated rights of citizens to a favorable environment and compensating for environmental damage, preventing similar violations in the future through the creation of precedents, as well as ensuring transparency and publicity of the judicial process. The article emphasizes that effective interaction between the prosecutor's office and the judicial system is crucial for the successful protection of nature and ensuring environmental safety in the country.

Keywords: Court, prosecutor's office, environmental protection, environmental rights, environmental damage, restoration of rights, compensation for harm, court decisions, impartiality, transparency, precedent, legality, fairness, prevention of violations, nature conservation.

Рост количества экологических нарушений и ущерба окружающей среде, в том числе из-за недобросовестной хозяйственной деятельности компаний, требует активной реакции прокуратуры и судебной системы.

Прокуроры стали чаще выявлять нарушения и подавать иски в суды о возмещении вреда природе. При этом суды рассматривают все больше таких дел, вырабатывая правовые подходы, что важно для единообразия правоприменения.

Повышение экологического правосознания в обществе, внимания СМИ и общественности к проблемам охраны природы требует адекватного реагирования государства, в том числе через прокурорско-судебную систему защиты экологических прав.

То есть тема роли суда при разрешении споров по искам прокуроров в защиту окружающей среды является актуальной и практически значимой как в контексте обеспечения верховенства закона, так и для охраны окружающей среды и защиты экологических прав граждан при определяющей роли органов прокуратуры и судебной системы.

Целью нашего исследования является анализ роли и функций суда при рассмотрении исков прокуроров в защиту окружающей среды.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Рассмотреть законодательную базу, регулирующую полномочия прокуроров по подаче исков в защиту окружающей среды.
2. Изучить особенности судебного разбирательства по экологическим искам прокуроров.
3. Проанализировать основные категории споров по защите окружающей среды, инициируемых прокурорами.
4. Исследовать роль суда в оценке доказательств по экологическим делам.
5. Рассмотреть практику применения судами мер по обеспечению исков в сфере охраны природы.
6. Проанализировать подходы судов к определению размера компенсации экологического вреда.

7. Изучить проблемы исполнения судебных решений по экологическим искам прокуроров.

8. Сформулировать рекомендации по совершенствованию судебной практики в данной категории дел.

Современное общество сталкивается с серьезными экологическими проблемами, такими как изменение климата, загрязнение, истощение природных ресурсов и др. Защита окружающей среды является жизненно важной задачей для обеспечения устойчивого развития и сохранения благоприятных условий для жизни человека.

Стокгольмская декларация 1972 г. утверждает основное право человека на благоприятные условия жизни в окружающей среде. Российское законодательство, согласно федеральному закону «Об охране окружающей среды», определяет благоприятную окружающую среду как среду, обеспечивающую устойчивое функционирование естественных экологических систем и природных объектов. Однако, как отмечает С. А. Боголюбов, это определение недостаточно ясно.

Российские исследователи предлагают различные трактовки права на благоприятную окружающую среду. Некоторые определяют его как возможность жить в условиях, обеспечивающих максимальное здоровье и использование средств, устраняющих угрозы биосфере. Другие подчеркивают, что это право на среду, которая не только здорова, но и ресурсоемка, устойчива, эстетически богата и разнообразна.

Есть мнение, что это право на среду, соответствующую установленным законодательством критериям и нормативам. Некоторые исследователи рассматривают это право как возможность использовать безопасные природные блага и требовать от государства и других субъектов выполнения обязанностей по охране окружающей среды.

В юридической литературе выделяются два основных подхода к определению права на благоприятную окружающую среду. Первый — узкий подход — рассматривает его как право на здоровую среду, соответствующую установленным нормативам. Второй — широкий подход — включает не только здоровую, но и ресурсоемкую, устойчивую и эстетически богатую среду обитания.

Эти различные интерпретации отражают сложность и многогранность понятия права на благоприятную окружающую среду, а также подчеркивают необходимость дальнейшего уточнения и развития этого концепта в правовой теории и практике.

Вопрос необходимости эффективного правового регулирования и судебной защиты в сфере охраны природы является крайне актуальным. Соблюдение природоохранного законодательства имеет ключевое значение для предотвращения экологических нарушений и минимизации ущерба окружающей среде. Суд играет важную роль в обеспечении исполнения законов и восстановлении нарушенных прав.

В последние годы наблюдается тенденция к увеличению количества исков, подаваемых прокурорами для защиты экологических прав граждан и привлечения нарушителей к ответственности. Это обуславливает необходимость анализа роли суда в данной сфере. Так, в первом полугодии 2023 г. прокурорами предъявлено свыше 16 тыс. исков о возмещении экологического ущерба.

Судебные решения по искам прокуроров создают прецеденты, которые служат ориентиром для других хозяйствующих субъектов и стимулируют их соблюдать природоохранное законодательство. Вопросы защиты окружающей среды вызывают большой общественный резонанс, поэтому важно обеспечить прозрачность и публичность судебных разбирательств по соответствующим искам.

Как считает И. И. Головкин, в России создана система государственных органов, отвечающих за охрану окружающей среды. Однако эти органы не всегда эффективно выполняют свои обязанности. Поэтому Генеральный прокурор РФ издал приказ № 165 от 1 апреля 2014 г., в котором требует от прокуроров обеспечивать надлежащее исполнение полномочий органами экологического надзора. Уделять особое внимание взысканию компенсаций за ущерб, нанесенный природе. Это касается всех случаев загрязнения, истощения ресурсов, повреждения экосистем и других нарушений экологического законодательства. Пресекать попытки органов экологиче-

ского надзора снизить размер ущерба, причиненного окружающей среде.

Этот приказ направлен на усиление роли прокуратуры в обеспечении соблюдения природоохранного законодательства и защиты окружающей среды [1].

Чернышов В. В. указывает, что прокуратура исторически играет важную роль в судебных разбирательствах, связанных с публичными правоотношениями. Это участие обусловлено необходимостью обеспечить равенство сторон в процессе, где обычный гражданин или группа лиц противостоит государственному органу или должностному лицу, обладающему значительными ресурсами и влиянием.

Прокурор может выступать в двух ролях:

1. Как инициатор судебного процесса, защищающий законные интересы.

2. Как обязательный участник судебного заседания согласно требованиям закона.

Такое участие прокурора подчеркивает его особую роль, возложенную государством. Эта роль напрямую связана с основной задачей современной прокуратуры РФ, которая определена в федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» (п. 2 ст. 1), — обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина.

Присутствие прокурора в таких делах помогает уравновесить психологическое давление государственной системы на отдельного гражданина, обеспечивая более справедливое рассмотрение дел [2].

Изучение роли суда при разрешении споров по искам прокуроров в защиту окружающей среды имеет высокую актуальность в контексте современных экологических вызовов, необходимости эффективного правового регулирования и судебной защиты, а также общественного интереса к данной проблематике.

В настоящее время споры о защите права на благоприятную окружающую среду рассматриваются как в арбитражных судах, так и в судах общей юрисдикции. В арбитражной практике по этому вопросу сформировались два различных подхода.

Согласно первому подходу, арбитражные суды должны рассматривать дела о взыскании ущерба, причиненного окружающей среде, при соблюдении двух условий. Во-первых, учитывается субъектный состав спора. Во-вторых, должны быть обстоятельства, подтверждающие, что ущерб окружающей среде возник в результате осуществления субъектом предпринимательской или иной экономической деятельности.

Второй подход основан на том, что дела о возмещении вреда окружающей среде не связаны напрямую с предпринимательской или иной экономической деятельностью. Сторонники этого подхода аргументируют свою позицию тем, что такие споры касаются защиты прав неопределенного круга лиц на благоприятную окружающую среду. Они считают, что сам спор не имеет прямой связи с предпринимательской деятельностью лица, загрязняющего окружающую среду, а лишь косвенно связан с ней через причиненный ущерб. Следовательно, согласно этому подходу, арбитражные суды не должны рассматривать такие споры.

Наличие этих двух противоположных подходов в арбитражной практике указывает на сложность и неоднозначность вопроса о подсудности споров, связанных с защитой права на благоприятную окружающую среду.

Обеспечение законности и справедливости является одной из ключевых функций суда при рассмотрении исков прокуроров в защиту окружающей среды. Суд выступает в роли независимого и беспристрастного арбитра, гарантирующего соблюдение закона и равенство сторон перед законом [3].

Во-первых, суд обязан строго следовать действующему законодательству, в том числе нормам конституционного, гражданского, административного и экологического права, что указывается в ст. 3 закона РФ от 26 июня г. 1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». Судьи тщательно изучают все обстоятельства дела, заслушивают позиции сторон и выносят решения, основываясь исключительно на законе. Это обеспечивает законность принимаемых судебных актов.

Во-вторых, принцип независимости и беспристрастности суда является залогом объективного рассмотрения споров.

Суд отделен от органов исполнительной и законодательной власти, что позволяет ему оставаться непредвзятым и не поддаваться влиянию каких-либо заинтересованных сторон. Это создает условия для вынесения справедливых решений.

В-третьих, в судебном процессе все стороны — государственные органы, коммерческие организации и граждане — равны перед законом (ст. 7 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»). Суд обязан рассматривать их аргументы беспристрастно, без каких-либо преференций или дискриминации, что способствует обеспечению справедливости судебных решений [4].

Кроме того, суд обязан мотивировать свои решения, подробно изложив обоснование и ссылки на соответствующие нормы права. Это повышает прозрачность судебного процесса и позволяет сторонам понять логику принятого решения. Также стороны имеют право обжаловать решения суда в вышестоящих инстанциях, если считают, что было допущено нарушение закона или принцип справедливости не был соблюден.

Обеспечение законности и справедливости при рассмотрении исков прокуроров в защиту окружающей среды достигается за счет независимости и беспристрастности суда, строгого следования закону, равенства сторон, мотивированности решений и права на обжалование. Эти принципы имеют особую значимость в делах, связанных с охраной природы и экологическими правами граждан, поскольку способствуют восстановлению нарушенных прав и предупреждению подобных нарушений в будущем [5].

При рассмотрении исков прокуроров в защиту окружающей среды суд наделен полномочиями по восстановлению нарушенных прав граждан и возмещению причиненного экологического ущерба. Эта функция суда имеет важное значение для обеспечения экологической безопасности и защиты конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду.

1. Восстановление нарушенных прав граждан.

Согласно с. 42 Конституции РФ, каждый имеет право на благоприятную окружающую среду [6]. На основе анализа

судебной практики можно сделать вывод, что вопросы, связанные с применением экологического законодательства и обеспечением права граждан на благоприятную окружающую среду, рассматриваются судами в рамках различных видов судопроизводства:

- гражданского;
- арбитражного;
- административного.

Эти дела охватывают широкий спектр споров, включая:

- Возмещение ущерба, нанесенного окружающей среде.
- Прекращение или приостановление деятельности, вредящей экологии.
- Оспаривание нормативных правовых актов в сфере охраны окружающей среды.
- Обжалование действий (или бездействия) и решений органов, ответственных за охрану природы.
- Административные правонарушения в области охраны окружающей среды.

Таким образом, судебная система играет важную роль в разрешении широкого круга экологических споров и обеспечении соблюдения природоохранного законодательства.

В случае удовлетворения иска прокурора суд может обязать ответчика (физическое или юридическое лицо) устранить нарушения природоохранного законодательства, которые привели к ухудшению качества окружающей среды и нарушению прав граждан. Например, суд может предписать прекратить незаконные выбросы вредных веществ в атмосферу, очистить загрязненные территории или водные объекты.

2. Возмещение причиненного экологического ущерба.

В соответствии со ст. 77 федерального закона «Об охране окружающей среды» юридические и физические лица, причинившие вред окружающей среде, обязаны возместить его в полном объеме [7]. При удовлетворении иска прокурора суд может взыскать с ответчика компенсацию за нанесенный экологический ущерб, включая затраты на восстановительные работы, оценку ущерба и другие расходы.

Суды при рассмотрении дел об экологическом ущербе принимают во внимание, что вред окружающей среде может проявляться в различных формах негативного воздействия:

- Загрязнение окружающей среды.
- Истощение природных ресурсов.
- Порча или уничтожение природных объектов.
- Деградация и разрушение естественных экосистем.
- Гибель или повреждение представителей флоры и фауны.
- Другие неблагоприятные последствия для экологии.

Важно отметить, что в случаях, когда экологический ущерб причинен в результате деятельности, признанной источником повышенной опасности, применяется принцип объективной ответственности. Это означает, что виновник обязан возместить ущерб независимо от наличия или отсутствия вины с его стороны.

Такой подход судов подчеркивает серьезность отношения к экологическим правонарушениям и стремление обеспечить максимальную защиту окружающей среды, даже в случаях, когда вред причинен неумышленно.

Принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ № 49 от 30 ноября 2017 г. стало важным событием в сфере природоохранной деятельности. Этот документ разъяснил ряд ключевых вопросов, связанных с применением законодательства о возмещении вреда окружающей среде. Анализ положений постановления и практики его применения в 2018 г. выявил пробелы и недостатки в экологическом законодательстве, требующие внимания не только специалистов, но и законодателей.

В п. 13 постановления указано, что возмещение вреда может осуществляться двумя способами: взысканием убытков и/или возложением на ответчика обязанности восстановить нарушенное состояние окружающей среды. Выбор способа возмещения при обращении в суд осуществляет истец, в том числе прокурор, если он подает иск. При этом постановление требует применять способ, наиболее соответствующий целям природоохранного законодательства, учитывая необходимость эффективного восстановления среды, публичный интерес, позиции участников дела и конкретные обстоятельства.

Восстановление первоначального состояния окружающей среды считается приоритетной формой возмещения вреда. Однако это не всегда возможно по объективным причинам, например, при нанесении ущерба редким видам животных, занесенным в Красную книгу, или при незаконной добыче полезных ископаемых. В таких случаях приходится прибегать к другим формам возмещения вреда.

3. Штрафные санкции.

Помимо возмещения ущерба, суд может применить к ответчику штрафные санкции за нарушение природоохранного законодательства. Размер штрафов установлен соответствующими нормативными актами (Кодексом об административных правонарушениях, Уголовным кодексом и др.) и зависит от тяжести совершенного правонарушения.

Принцип платности природопользования и возмещения вреда окружающей среде применяется судами в следующих случаях:

Взыскание платы за негативное воздействие на окружающую среду, включая:

- Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников.

- Сбросы загрязняющих веществ в водные объекты.

- Размещение отходов производства и потребления.

С 1 июля 2016 г. по инициативе Верховного Суда РФ введено упрощенное приказное производство для дел о взыскании задолженности по экологическим платежам, если сумма не превышает 100 тыс. р. Это нововведение позволило:

- ускорить процесс возмещения экологического ущерба;
- упростить процедуру взыскания.

Верховный Суд РФ поддерживает идею увеличения суммы задолженности, которая может быть взыскана в приказном порядке. Это предложение направлено на дальнейшее совершенствование механизма возмещения вреда окружающей среде.

Данные меры демонстрируют стремление судебной системы к более эффективной реализации принципа платности природопользования и своевременного возмещения экологического ущерба.

4. Временное приостановление деятельности.

В случае грубых и систематических нарушений, представляющих серьезную угрозу для окружающей среды, суд по иску прокурора может принять решение о временном приостановлении деятельности предприятия или организации до устранения выявленных нарушений.

Так, удовлетворяя иски прокуроров, суд способствует восстановлению нарушенных экологических прав граждан, возмещению причиненного ущерба окружающей среде, применению штрафных санкций к нарушителям и приостановлению опасной для природы деятельности. Эти меры направлены на защиту экологических интересов общества и создание благоприятных условий для реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду.

Защита окружающей среды является одной из приоритетных задач современного общества. В этой сфере прокуратура играет важную роль, выступая в качестве надзорного органа и инициируя судебные разбирательства в случае выявления нарушений законодательства об охране природы. Суд, в свою очередь, выполняет ключевую функцию в разрешении споров по искам прокуроров в защиту окружающей среды [8].

Суд является независимым и беспристрастным органом, призванным обеспечить соблюдение законов и защиту прав граждан. При рассмотрении исков прокуроров в области охраны окружающей среды суд тщательно изучает все обстоятельства дела, заслушивает позиции сторон и принимает решение, руководствуясь действующим законодательством и принципами справедливости.

В случае удовлетворения иска прокурора суд может обязать ответчика устранить нарушения природоохранного законодательства, восстановить нарушенные права граждан на благоприятную окружающую среду, а также взыскать компенсацию за причиненный экологический вред.

Судебные решения по искам прокуроров в защиту окружающей среды не только восстанавливают нарушенные права, но и играют важную роль в предупреждении подобных нарушений в будущем. Они создают прецеденты, которые служат

ориентиром для других хозяйствующих субъектов и стимулируют их соблюдать природоохранное законодательство.

Судебные разбирательства по искам прокуроров в защиту окружающей среды, как правило, проходят открыто и гласно, что обеспечивает прозрачность процесса и позволяет общественности контролировать ситуацию. Это также способствует повышению уровня экологической культуры и осведомленности граждан.

Принцип соблюдения права каждого на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды предусматривает обязанность предоставления соответствующих сведений по запросам граждан и СМИ. В связи с этим Верховный суд РФ обратил внимание судов на то, что обязанность предоставлять информацию о состоянии окружающей среды по запросам СМИ распространяется на все организации независимо от их организационно-правовой формы. Это касается как коммерческих, так и некоммерческих юридических лиц, а также организаций, осуществляющих свою деятельность без образования юридического лица. Таким образом, Верховный суд РФ подчеркнул, что форма собственности или тип организации не являются основанием для отказа в предоставлении экологической информации. Это разъяснение направлено на обеспечение широкого доступа общественности к сведениям о состоянии окружающей среды и повышение прозрачности в экологических вопросах, что соответствует принципу открытости информации и праву граждан на благоприятную окружающую среду.

Эффективное взаимодействие прокуратуры и судебной системы является залогом успешной защиты природы и обеспечения экологической безопасности.

Суд при рассмотрении исков прокуроров в защиту окружающей среды играет важную роль в предупреждении подобных нарушений в будущем. Эта функция реализуется несколькими путями:

1. Создание прецедентов.

Судебные решения по искам прокуроров формируют прецедентную практику, которая служит ориентиром для других хозяйствующих субъектов. Вынося решение, суд не только

разрешает конкретный спор, но и устанавливает четкие правовые позиции относительно применения и толкования норм экологического законодательства. Это помогает предприятиям и организациям осознать правовые риски и последствия нарушений, стимулируя их соблюдать природоохранные требования.

2. Превентивный эффект.

Решения суда, обязывающие нарушителей устранить последствия правонарушений, возместить ущерб и уплатить штрафы, имеют значительный превентивный эффект. Осознавая неизбежность наказания и серьезные финансовые потери, хозяйствующие субъекты будут более ответственно относиться к соблюдению экологических норм и предпринимать меры по предотвращению нарушений.

3. Публичность разбирательств.

Судебные процессы по искам прокуроров, как правило, проходят открыто и гласно. Широкое освещение в СМИ резонансных дел, связанных с нарушениями природоохранного законодательства, служит мощным предупреждением для других потенциальных нарушителей. Это повышает уровень осведомленности общества о важности защиты окружающей среды и необходимости соблюдения законов.

4. Разъяснительная функция.

В своих решениях суд не только выносит вердикт по конкретному делу, но также может дать разъяснения по применению норм экологического права. Такие разъяснения помогают устранить пробелы в понимании законодательства и снизить риск совершения нарушений из-за незнания или неправильного толкования правовых норм.

Таким образом, роль суда в предупреждении экологических нарушений в будущем заключается в создании прецедентов, обеспечении превентивного эффекта, публичности разбирательств и разъяснении норм права. Эффективное правосудие по искам прокуроров способствует повышению уровня правовой культуры и ответственности хозяйствующих субъектов перед обществом, тем самым предотвращая новые нарушения в сфере охраны окружающей среды.

Обеспечение прозрачности и публичности судебных разбирательств по искам прокуроров в защиту окружающей среды является важной функцией суда. Это способствует повышению доверия общества к правосудию, а также информированности граждан о проблемах в сфере экологии.

В соответствии с принципом гласности судопроизводства (ст. 9 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»), разбирательства по искам прокуроров об охране окружающей среды, как правило, проходят открыто. На судебные заседания могут быть допущены представители СМИ, общественных организаций и любые заинтересованные граждане [9]. Это позволяет обществу контролировать ход рассмотрения дела и убедиться в объективности и беспристрастности суда.

Решения суда по делам, связанным с защитой экологических прав, подлежат опубликованию в официальных источниках (сборниках судебных актов, на сайтах судов и др.). Это обеспечивает доступ общественности к информации о результатах рассмотрения конкретных исков и формирует базу судебной практики по данной категории дел.

Особо резонансные судебные процессы по искам прокуроров, касающиеся крупных экологических правонарушений или затрагивающие интересы значительного числа граждан, широко освещаются в средствах массовой информации. Это привлекает внимание общества к проблемам охраны окружающей среды и способствует повышению экологической осведомленности населения.

В ряде случаев суд может допустить к участию в процессе представителей общественных экологических организаций в качестве третьих лиц. Они могут высказывать свою позицию, представлять дополнительные доказательства, что повышает прозрачность и объективность рассмотрения дела.

Суд обязан мотивировать свои решения по искам прокуроров, подробно излагая обоснование и ссылаясь на соответствующие нормы права. Это позволяет сторонам и общественности понять логику вынесенного судебного акта [10].

Обеспечение прозрачности и публичности судебных разбирательств по искам прокуроров в защиту окружающей

среды достигается благодаря открытости заседаний, публикации судебных актов, освещению в СМИ, участию общественности и мотивированности решений. Это повышает доверие граждан к правосудию и способствует повышению уровня экологической культуры в обществе.

В заключение следует отметить, что суд играет ключевую роль в разрешении споров по искам прокуроров, направленных на защиту окружающей среды и экологических прав граждан. Выполняя свои функции, суд обеспечивает законность и справедливость судебных решений, восстанавливает нарушенные права, способствует возмещению причиненного природе ущерба, предупреждает совершение новых нарушений в будущем и обеспечивает прозрачность и публичность судебного процесса.

Благодаря независимости, беспристрастности и строгому следованию закону, суд гарантирует вынесение законных и объективных решений по искам прокуроров. Путем применения мер по устранению нарушений, возмещению вреда и наложению штрафов, суд способствует восстановлению нарушенных экологических прав и компенсации причиненного ущерба.

Формирование прецедентной практики, публичный характер разбирательств и разъяснения норм права создают мощный превентивный эффект, стимулируя хозяйствующие субъекты к неукоснительному соблюдению природоохранного законодательства. Это, в свою очередь, предотвращает новые нарушения и обеспечивает защиту окружающей среды.

Открытость судебных заседаний, публикация судебных актов и освещение в СМИ повышают прозрачность правосудия, позволяют общественности контролировать ситуацию и способствуют повышению экологической культуры граждан.

Таким образом, роль суда при разрешении споров по искам прокуроров в защиту окружающей среды является ключевой в контексте обеспечения экологической безопасности, восстановления нарушенных прав граждан на благоприятную окружающую среду и возмещения причиненного природе ущерба. Активная позиция органов прокуратуры в выявлении экологических правонарушений и инициировании судеб-

ных процессов, а также последовательная практика судов по рассмотрению данной категории дел служат действенным механизмом правовой охраны окружающей среды. При этом судебная система выступает не только средством разрешения экологических споров, но и инструментом предупреждения подобных нарушений в будущем, формируя единообразные подходы к применению природоохранного законодательства.

Литература

1. Головки И. И. Проблемы возмещения вреда окружающей среде в судебном порядке по инициативе прокурора // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2 (март — апрель). С. 129–142. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/2/Golovko_Compensation-Environmental-Damage/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 20.06.2024).
2. Чернышов В. В. Процессуальные особенности рассмотрения в суде общей юрисдикции заявления прокурора в защиту прав граждан на благоприятную природную среду // Образование и право. 2016. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnye-osobennosti-rassmotreniya-v-sude-obschey-yurisdiktsii-zayavleniya-prokurora-v-zaschitu-prav-grazhdan-na> (дата обращения: 20.06.2024).
3. Байдакова К. А. Роль судов в реализации экологических прав граждан // Российское правосудие. 2021. № 7. С. 19–27.
4. О судебной системе Российской Федерации: федер. конст. закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023).
5. Крыленко К. М. Судебная защита права на благоприятную окружающую среду // Экологическое право. 2022. № 2. С. 33–38.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020).
7. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024).
8. Винокуров А. Ю. Актуальные проблемы судебной защиты экологических прав граждан // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 97–107.
9. О судебной системе Российской Федерации: федер. конст. закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023).
10. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики: моногр. / О. Н. Коршунова [и др.]. М.: Русайнс, 2019. 268 с.

МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ: КЛЮЧ К РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ПРАВОСУДИЕ НАСЕЛЕНИЕМ РФ

О. Н. Лунева

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
студентка второго курса магистратуры
ol87y@mail.ru

Научный руководитель — *М. С. Саламатова*,
доцент кафедры теории и истории государства и права

Аннотация. Несовершенство судебной системы «первого звена» напрямую влияет на реализацию права граждан по восстановлению ими нарушенных прав. В статье раскрыты основные проблемы организации работы мировых судей и его аппарата, чего не хватает для их полноценного функционирования, а также раскрыты пути их решения.

Ключевые слова: судебная система. Договорная подсудность. Корпус мировых судей. Институт мировой юстиции.

Abstract. The imperfection of the judicial system of the “first link” directly affects the implementation of the right of citizens to restore their violated rights. The article reveals the main problems in the organization of the work of justices of the peace and its apparatus, what is lacking for their full functioning, and also reveals ways to solve them.

Keywords: Judicial system. Contractual jurisdiction. Corps of justices of the peace. Institute of justice of the peace.

С момента проведения судебной реформы 1864 г. судебные органы не имели четкой регламентации в организации судебной системы. Важным шагом на пути реализации таких целей, как максимально приблизить население к суду и облегчить доступ к правосудию, обеспечить оперативность судопроизводства, стал федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации», закрепивший двухуровневую судебную систему: федеральную и относящуюся к субъектам Федерации. К судам субъектов Российской Федерации относятся мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции. Ровно через два года после принятия Федерального конституционного закона о судебной системе РФ был принят Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. «О мировых судьях в Российской Федера-

ции», в котором получили нормативное закрепление основы, фундаментальные принципы организации и функционирования мировой юстиции. После внесения необходимых изменений и дополнений в соответствующее процессуальное законодательство с августа 2000 г. в России начал свою работу институт мировой юстиции. В настоящее время мировые судьи работают во всех субъектах Российской Федерации.

С уверенностью можно утверждать, что мировая юстиция вносит значимый вклад в совершенствование юридической защиты прав и свобод человека, с приходом на правовое поле мировых судей правосудие стало более качественным и оперативным. Кроме того, следование принципу размещения мировых судей на местах, территориально приближенно к населению, позволило сделать правосудие в большей степени доступным. Мировыми судьями рассматривается около 80 % от общего количества всех дел, поступающих в суды общей юрисдикции, что позитивно сказалось на решении многих проблем функционирования как районных судов, так и судебной системы в целом. Особенностью деятельности мировых судей является отсутствие специализации по рассмотрению дел, т. е. мировой судья рассматривает все поступающие к нему дела — уголовные, гражданские, административные, что требует от него хорошей процессуальной подготовки и знаний всех отраслей права. Несмотря на широкую специализацию, ежегодно возрастающую нагрузку мировых судей, которая, в три раза превышает среднюю нагрузку на федерального судью, мировая юстиция показывает высокие результаты работы. Из всех решений мировых судей обжалуются не более двух процентов, что свидетельствует о высоком авторитете судебных актов и доверии гражданского общества к мировой юстиции. Можно сказать, что на сегодняшний день институт мировой юстиции полностью сформировался и успешно функционирует. Однако в организации работы мировых судей сохраняются некоторые проблемы, требующие решения для дальнейшего развития института мировой юстиции.

В большом количестве субъектов остро стоит проблема нехватки численности работников аппаратов мировых судей

и вопросы стабильности кадрового состава аппаратов мировых судей. Сложность работы, высокая нагрузка и несоразмерная с ними оплата труда приводит к высокой текучести кадров, к невостребованности вакантных должностей, «кадровый голод». Мировые судьи остаются без помощников и секретарей, что негативно отражается на качестве их работы и сроках рассмотрения дел. В целях повышения гарантии недопустимости уменьшения объема финансирования, выделенного на обеспечение деятельности мировых судей, обеспечения контроля со стороны органов судейского сообщества за расходованием бюджетных средств был принят федеральный закон № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере организационного обеспечения деятельности мировых судей». Данным законом предусмотрено обязательное взаимодействие советов судей субъектов Российской Федерации с региональными исполнительными органами власти при разработке проекта регионального бюджета в части расходов на материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей и оплату труда работников аппарата мировых судей. Однако до настоящего времени проблема финансирования регионами потребностей мировой юстиции остается нерешенной, что приводит к снижению качества работы мировых судей, которые вынуждены меньше времени уделять правовой составляющей и больше озадачены материально-техническими вопросами, поиском новых сотрудников.

Одной из проблем формирования судейского корпуса является его длительность, оно может длиться от десяти месяцев до полутора лет по отдельным кандидатурам, так как при всей демократической системе отбора кандидатов на вакантные должности судьи она не учитывает всей степени подготовленности данных кандидатов для работы в конкретном суде и не позволяет тщательно изучить кандидата на месте. Эта проблема рождает другую — проблему перенагрузки работающих судей, которые обязаны осуществлять работу вакантной должности судьи. Последние несколько лет количество рассматриваемых мировыми судьями дел ежегодно возрастает на 17 %.

В 2020 г. общее количество рассмотренных мировыми судьями дел составило 31 млн 137 тыс. В настоящее время отсутствует правовой акт, устанавливающий нормы нагрузки на мировых судей. Так, в ст. 4 закона о мировых судьях были внесены изменения, согласно которым судебные участки создаются из расчета численности населения на одном участке от 15 до 23 тыс. человек, в административно-территориальных образованиях с численностью населения менее 15 тыс. человек. В городах и районах, где создан не один, а несколько участков, сложности возникают уже при «нарезке» участков, так как сама по себе численность населения участка не всегда отражает наличие «спроса» на «судейские услуги». В связи с чем возникает неравномерность нагрузки мировых судей в одном и том же регионе. Критерий численности населения, используемый при формировании судебных участков, неоднократно подвергался критике. В Государственную Думу вносились многочисленные законопроекты, предлагающие его изменение, в том числе путем уменьшения расчета численности населения с 23 тыс. человек до 18–19 тыс. человек. Однако увеличение количества мировых судей не является решением проблемы возрастающей ежегодно нагрузки, требуется комплексный подход с точки зрения как организации работы, применения новых технологий, так и совершенствования процессуального законодательства. В связи с устойчивой тенденцией ежегодного роста вынесенных мировыми судьями судебных приказов стоит обратить внимание на процедуру приказного производства. С 2011 по 2019 г. количество судебных приказов, выданных мировыми судьями, возросло в три раза с 6 млн до 19,8 млн, а в 2020 г. по сравнению с предшествующим годом выросло на 20,7 % и составило 23,9 млн судебных приказов. В целях снижения нагрузки на мировых судей в части рассмотрения бесспорных требований Судебным департаментом при Верховном Суде РФ предусмотрен перевод документооборота в электронную форму и разработана программа для формирования судебных приказов с использованием конструктора шаблонов в соответствии с типовыми бланками, разработанными Судебным департаментом и согласованными с Верховным Судом Российской Федерации, что позволит значительно

снизить нагрузку на мировых судей, что положительно отразится на качестве правосудия. Для снижения нагрузки мировых судей требуется преобразование самого процесса отправления правосудия и организации внутренней работы суда. Внедрение электронного правосудия позволяет упростить документооборот с последовательным переходом от электронного к цифровому способу передачи данных, обеспечить безопасное хранение данных, освободить аппарат суда от рутинных обязанностей, автоматизировать многие процессы, повысить доступность и открытость правосудия. Для реализации перечисленных мер требуется создание единого информационного пространства для судов всех уровней. Использование единых программно-аппаратных средств для осуществления судопроизводства и делопроизводства позволит минимизировать затраты на формирование архивов, повысит скорость получения и отправления документов как внутри судебной системы, так и для заявителей. Актуальность данных мер подтверждается принятым в третьем чтении Государственной Думой РФ 21 декабря 2021 г. федеральным законом о расширении возможностей дистанционного участия в судебном процессе, в соответствии с которым возможно направление документов в суды через портал «Госуслуги» в электронном виде, а также участие в судебных заседаниях посредством веб-конференций. Кроме того, необходимо в дальнейшем расширять возможности электронного взаимодействия мировых судей не только внутри судебной системы, но и с информационными системами органов власти и получать напрямую из ведомственных органов информацию и документы о важных фактах в рассматриваемом деле в электронном виде.

Кроме того, необходимо предусмотреть ряд мер по совершенствованию альтернативных, примирительных процедур, в том числе с участием судебных примирителей. Стоит вернуться к той задаче мировых судей, которая была поставлена еще судебной реформой 1864 го. — примирение и урегулирование конфликта между сторонами. Нам предстоит раскрыть потенциал мировой юстиции как института, способного сформировать в обществе стремление к достижению мира и согла-

сия, необходимости соблюдения договоренностей и закона как естественной нормы социального поведения.

Подводя итог, стоит отметить, что мировая юстиция играет ключевую роль в формировании авторитета всей судебной власти в России. Мировые судьи рассматривают абсолютное большинство дел и являются наиболее близкими к населению. Осознавая их уникальную и важнейшую роль, считаю, что мировой юстиции стоит и далее уделять пристальное внимание совершенствованию статуса и работы мировых судей.

РОЛЬ СПЕЦИАЛИСТА И ЭКСПЕРТА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Н. И. Юнусова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления
студентка второго курса магистратуры
yunusova060794@gmail.com

Научный руководитель — ***Е. А. Бабушкина***,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права НГУЭУ,
судья Советского районного суда г. Новосибирска

Аннотация. Статья посвящена роли специалиста и эксперта в гражданском судопроизводстве, анализируются проблемные аспекты деятельности специалиста и эксперта в гражданском процессе Российской Федерации. Представлены предложения по усовершенствованию работы специалиста и эксперта в гражданском процессе.

Ключевые слова: гражданский процесс, специалист, эксперт.

Abstract. The article is devoted to the role of a specialist and an expert in civil proceedings, analyzes the problematic aspects of the activities of a specialist and an expert in the civil procedure of the Russian Federation. Proposals for improving the work of a specialist and an expert in civil procedure are presented.

Keywords: civil procedure, specialist, expert.

В последнее время в российском праве все больше развивается правотворческая деятельность в сфере применения специальных познаний. Появляется все больше научных трудов по данной тематике, проблемы данного направления становятся все более актуальными и требуют более детального изучения.

В современном российском законодательстве носителями специальных знаний общепринято считать специалиста и эксперта, именно они заложены в определение понятия «специальные познания», но проблема российского права в том, что нет четкого определения данных понятий со стороны законодателя, хотя и данные термины используются во всех действующих процессуальных кодексах.

Наименее, по сравнению с уголовным процессом, проработаны статусы специалиста и эксперта именно в гражданском процессе, как со стороны ученых, так и со стороны законодателя. В уголовном процессе при возникающих вопросах можно обратиться к разъяснениям в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам». Что примечательно, в гражданском судопроизводстве специальных разъяснений Пленума до сих пор нет, в связи с чем, у судов до сих пор остро стоит проблема в применении специальных познаний и разграничения деятельности специалиста и эксперта.

К примеру, при анализе Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, при разъяснении прав и обязанностей эксперта в гражданском процессе применяется термин «специальные знания». В соответствии со ст. 188 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации специалист привлекается к процессу для того, чтобы получить консультацию, пояснения или техническую помощь для того, либо иного вопроса, что можно трактовать как «профессиональные знания». Думается, что законодатель неслучайно провел данную градацию и тем самым попытался разграничить понятие эксперта и специалиста. В российской литературе также должного внимания данному вопросу не было уделено, указано лишь, что «термин «профессиональные знания»

может использоваться для раскрытия понятия «специальные знания», но не для его замены» [2, с. 16]. Анализ судебной практики показывает, что суд или иное лицо при выборе эксперта для проведения экспертизы делает акцент не на его специальных познаниях, а именно на компетенции эксперта в его работе, а также стаже в его деятельности, дипломе об образовании, научных степенях и других более важных вещах.

Думается, что для решения данной проблемы необходимо законодательно закрепить определенные процессуальные понятия и статус как специалиста, так и эксперта в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, а также для решения каких вопросов будет привлекаться тот или иной.

Следующая проблема, которой также необходимо уделить внимание, — это то, что в ст. 171 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации законодательно закреплено привлечение эксперта к уголовной ответственности в случае дачи заведомо ложного заключения, в связи с чем эксперт дает подписку суду, в которой он подтверждает, что ознакомлен с данным положением, данная подписка приобщается к протоколу судебного заседания. Примечательно то, что специалист такой подписки не дает, это и не регламентировано российским законодателем и не отражено ни в одной из существующих норм права. Специалиста не предупреждают об уголовной ответственности, а лишь разъясняют ему права и обязанности, напрашивается мысль, что специалист не является полноценным участником гражданского процесса. Немаловажным является то, что при даче консультаций, пояснений суду специалист может с прямым умыслом или по незнанию ввести суд в заблуждение касаясь того вопроса, в соответствии с которым суд привлек его к участию в процессе, что может повлечь затягивание процесса, а что еще хуже — воспрепятствовать вынесению законного и обоснованного решения суда.

Таким образом, для решения указанной проблемы, целесообразно дополнение ст. 171 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации пунктом о предупреждении о привлечении к уголовной ответственности, помимо эксперта, и специалиста, что позволит унифицировать правовые нормы

и будет, как представляется, способствовать более внимательному отношению специалистов к исполнению своих обязанностей, т. е. повысит качество работы специалистов, что будет, без сомнения, способствовать повышению качества отправления правосудия.

Также следует отметить проблему отсутствия прямого запрета в нормах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации назначать экспертизу эксперту, давшему ранее заключение стороне или сторонам по досудебному разбирательству. Ведь любая сторона заинтересована в разрешении дела в свою пользу, в связи с чем, для решения вопроса об обоснованности иска сторона может до его подачи обратиться к эксперту для получения заключения в том или ином вопросе. Однако минус человеческой ответственности в том, что он готов на многое ради победы в суде, готов даже за стоимость внепроцессуального исследования фактически «купить» себе присуждение по делу [3]. Может договориться заранее с экспертом о решении вопроса в свою сторону или предоставить в распоряжение эксперта объекты не в полном объеме, что также послужит принятию решения не в пользу уже заведомо проигравшей стороны. А так как данное заключение в соответствии со ст. 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации будет считаться письменным доказательством и к нему не установлено требований к форме и содержанию, существует требование только о сведениях, имеющих значение для рассмотрения дела, Кодекс не имеет прямого запрета в назначении судебной экспертизы тому же эксперту, который произвел внепроцессуальную экспертизу. Также у эксперта нет обязанности сообщать, что такая экспертиза была им проведена. Можно сделать вывод, что при данных обстоятельствах нарушаются положения п. 1 ст. 18 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации об отводе эксперта, а также принцип его независимости, ведь если не заявить отвод такому эксперту, будет нарушен принцип состязательности сторон, что повлияет на правильность решения по делу.

Для решения данной проблемы, чтобы не допускать недобросовестной судебной практики, считаю целесообразным

закрепление в российском праве нормы на запрет назначения судебной экспертизы лицу, которое проводило или даже участвовало в проведении внесудебной экспертизы, а также обязать уведомлять суд о проведении такой экспертизы, если она была проведена, такое решение будет положительно отражаться на работе эксперта, сделает его работу более качественной, в том числе и результат этой работы. В ином случае предусмотреть уголовную ответственность за нарушение указанного запрета.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что специалист и эксперт играют важную роль в обеспечении гражданского правосудия. Существующие проблемы, касающиеся участия специалиста и эксперта в гражданском судопроизводстве, мешают нормальному функционированию судебной деятельности и разрешению дела по существу, думается, что разрешению данных проблем поможет лишь усовершенствование нормативной базы российским законодателем, что будет способствовать более точному, правильному и законному рассмотрению гражданских дел.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024, с изм. от 04.06.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/?ysclid=lxearl2l28108143994 (дата обращения: 23.05.2024).
2. Жижина М. В. Методологические основы использования специальных знаний в гражданском и арбитражном процессе // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 3. С. 10–18
3. Лазарев С. В. Вопросы независимости эксперта и качества экспертного заключения в арбитражном процессе // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8. С. 58–69.
4. Смирнова С. А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения // Судебная экспертиза: перезагрузка. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2012. 466 с.

К ВОПРОСУ О СУДЕБНЫХ ОШИБКАХ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

П. М. Соболева

Новосибирский государственный университет
экономики управления
студентка второго курса магистратуры
polina.kurkova.99@mail.ru

Научный руководитель — *Е. А. Бабушкина*,
канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства
и права НГУЭУ, судья Советского районного суда г. Новосибирска

Аннотация. В данной работе рассмотрено понятие судебной ошибки, анализируются проблемные аспекты правового регулирования вопросов о предотвращении судебных ошибок в практике судов Российской Федерации. Представлены предложения по улучшению правового регулирования.

Ключевые слова: судебная ошибка, судейский состав, суд.

Abstract. In this work, the concept of judicial error is considered, problematic aspects of legal regulation of issues of preventing judicial errors in the practice of the courts of the Russian Federation are analyzed. Proposals for improving legal regulation are presented.

Keywords: judicial error, judicial staff, court.

Целью научной статьи является анализ проблем правового регулирования судебных ошибок и формулирование предложений по их решению. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей», которое касается судебной практики применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей, впервые на уровне высшей судебной инстанции было упомянуто о «судебной ошибке». Согласно п. 2 этого постановления, судья не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за вынесение незаконного или необоснованного судебного акта, если судебная ошибка произошла из-за неправильной оценки доказательств в деле или некорректного применения норм материального или процессуального права [2].

Важно подчеркнуть, что в действующем законодательстве России не содержится официального определения термина

«судебная ошибка». Так, в высших судебных органах этот термин применяется, как аксиома при описании процесса пересмотра судебных решений, но он не имеет официального признания.

Вместе с тем закрепление на законодательном уровне определения судебной ошибки может положительно сказаться на качестве судебных решений, поскольку позволит: конкретизировать критерии и условия, при которых можно говорить об ошибке; оказать содействие участникам процесса в формулировании своих процессуальных позиций. Это поможет исключить ошибки в деятельности суда. В результате, складывающаяся практика будет способствовать более успешному разрешению задач гражданского судопроизводства (ст. 2 ГПК РФ) [1].

Немаловажной проблемой является недостаточно высокий уровень компетенций начинающих судей, что может приводить к совершению судебных ошибок. Вот некоторые аспекты этой проблемы:

1. Недостаток опыта: начинающие судьи могут не иметь достаточного опыта для того, чтобы адекватно оценивать сложные юридические вопросы или интерпретировать закон. Это может привести к неправильным решениям.

2. Неполное понимание закона: законодательство может быть сложным и многогранным, и новые судьи могут испытывать трудности в его понимании. Это может привести к неправильному применению закона.

3. Проблемы с процессуальными вопросами: начинающие судьи могут не обладать знаниями отдельных сложных вопросов, что может привести к процессуальным ошибкам.

4. Проблемы с оценкой доказательств: оценка доказательств является ключевым элементом судебного процесса. Начинающие судьи могут испытывать трудности в оценке доказательств, что может привести к ошибкам.

5. Эмоциональное и психологическое давление: начинающие судьи могут испытывать значительное эмоциональное и психологическое давление, что может влиять на их способность принимать объективные и справедливые решения.

Стоит отметить, что все эти факторы могут привести к судебным ошибкам, это подчеркивает важность обучения и подготовки судей. Так, зарубежный опыт может быть полезен для совершенствования российской судебной системы. Например, во Франции подготовка осуществляется в рамках специальной магистратуры. В процессе обучения судьи осваивают базовые знания о системе материального и процессуального права, а также процедурные моменты ведения процесса. В Великобритании при отборе и назначении судей учитывается продолжительный профессиональный опыт, как правило, в сфере адвокатской практики. В Испании лица с университетским образованием, успешно сдав квалификационные экзамены на должность судьи, проходят обязательное специальное обучение в учебном центре.

Важно отметить существующие недостатки системы переобучения вновь назначенных судей в России:

1. Минимальные сроки обучения. В соответствии с законом «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3132-1, общая продолжительность профессиональной переподготовки судьи не может превышать шесть месяцев, но на практике обучение составляет всего три недели без учета практики в суде.

2. Отсутствие четкой регламентации. Порядок и сроки прохождения судьей профессиональной переподготовки определяются Верховным Судом Российской Федерации, но в правовых актах отсутствуют конкретные указания на формы и сроки обучения.

3. Отсутствие автономного центра подготовки судей.

Можно предположить, что реализовать в России на практике важность обучения и подготовки судей можно путем создания специализированных учебных учреждений или создание программы в университетах для обучения кандидатов в судьи и самих судей. Это позволит эффективно решать задачи внутрисистемного управления судами (подготавливать проекты нормативных правовых актов, касающихся деятельности судов, вырабатывать рекомендации по актуальным направлениям судебной практики; повышать профессиональный уровень действующих судей).

Думается, что использование принципа «судьи учат судей» поможет в обучении будущих судей и студентов, желающих стать судьями. Предполагается, что будет эффективно привлекать к обучению как действующих судей, так и судей, пребывающих в отставке, а также преподавателей со специальными профессиональными и методическими компетенциями. Важно помнить, что система профессиональной подготовки судей должна соответствовать индивидуальным особенностям конкретного правопорядка, чтобы обеспечить качество правосудия и защиту прав граждан. Таким образом, система профессиональной подготовки судей должна быть гибкой и динамичной, чтобы учитывать изменения в законодательстве и правоприменительной практике.

Значительной проблемой является высокая нагрузка судей и недостаток судейского состава. Это, в свою очередь, снижает качество судебных решений и увеличивает вероятность судебных ошибок. Для решения данной проблемы, думается эффективно вовлечь студентов в судебную систему, которые в дальнейшем планируют работать в судах или студентов обучающийся по профилю «юриспруденция, судебный юрист», что, в свою очередь, может помочь справиться с данной проблемой. Например: студенты обучающиеся по профилю «юриспруденция», могут помочь в подготовке и организации судебных материалов, а именно подготовка документов, организация дел, а также помощь в управлении судебными записями, ведение описи, рассылка уведомлений участникам процесса, что может сэкономить время судей и позволить им сосредоточиться на более важных аспектах судебного процесса.

Также, студенты могут проводить исследования по вопросам, связанным с делами, например: может включать исследование юридической литературы, анализ прецедентов и подготовку отчетов или обзоров, которые могут помочь судьям лучше понять сложные вопросы, а также это позволит подготовить и самих студентов к будущей работе в судах. Представляется, что реализовать данный подход можно с помощью сотрудничества вузов с судами, для создания программы, которая позволит студентам-юристам работать в судах в качестве помощников или стажеров. Что касается объема работы,

он может зависеть от потребностей конкретного суда и возможностей студентов. Это может быть частичная занятость или полный рабочий день во время каникул.

Стоит отметить, что участие будет нести добровольный характер, это в свою очередь позволит привлечь мотивированных и заинтересованных студентов. Так некоторые программы могут включать в себя стипендии или оплату труда, где размер выплаты будет оцениваться с выполненным объемом работы студентом. Важно обеспечить поддержку и обучение для студентов, чтобы они могли эффективно выполнять свои обязанности, а именно программа может включать регулярные встречи с наставником, обучающие семинары и возможность обратной связи. Однако данную программу важно регулярно оценивать и отслеживать ее эффективность. Предполагается, что она поможет выявить области для улучшения качества судебных решений и снизить количество судебных ошибок.

Таким образом, внедрение официального определения термина «судебная ошибка», обучение и подготовка судей, а также вовлечение студентов в судебную систему могут способствовать улучшению качества судебных решений и укреплению доверия общества к судебной системе. Эти меры требуют дальнейшего изучения и анализа для их эффективного применения в практике.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 6 апреля 2024 г., с изм. от 4 июня 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/?ysclid=lxearl2l28108143994 (дата обращения: 14.06.2024).
2. О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей», которое касается судебной практики применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей, впервые на уровне высшей судебной инстанции было упомянуто о «судебной ошибке»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196812/?ysclid=lxeb92re7a496526067 (дата обращения: 14.06.2024).
3. Зайцев И. М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. Саратов, 1985. С. 5–6.

СОДЕРЖАНИЕ

Международная научно-практическая конференция «Взаимодействие правовых систем: евразийское измерение — правовая интеграция на евразийском пространстве»

Сарпеков Р. К.

Некоторые вопросы правовой реформы
в Республике Казахстан 5

Турецкий Н. Н.

Реформирование судебной системы Казахстана 10

Ибрагимов Ж. И.

Примирительные процедуры в судебной практике 16

Панова А. С.

Корпоративные стандарты
и реальный сектор экономики 23

Куницкая О. М.

Меры государственной поддержки инвестиций
и правовое обеспечение государственной
инвестиционной политики 29

Сарсембаев М. А.

Казахстан, международное частное право
и разрешение споров по хозяйственным делам 37

Василенко Г. Н.

Принцип обоснованности:
от «кочана» до конституционного права
на «мотивированное публичное управление» 44

<i>Кайжакпарова А. Б.</i>	
Судебная реформа и реализация кадровой политики в судебной системе Республики Казахстан	48
<i>Абакумова Е. Б., Комиссаров А. В.</i>	
Англосаксонская модель «слепого траста» для передачи имущества государственных служащих в доверительное управление	57
<i>Полежаев Д. А.</i>	
Об обоснованности обязательных требований	62

**Международная научно-практическая конференция
«Гармония частного права:
современные глобальные тенденции развития
международного и национального права»**

<i>Аманбаева А.</i>	
Актуальные проблемы взыскания и выплаты алиментов.....	73
<i>Арыкова К. А.</i>	
Особенности правового регулирования бесхозяйной недвижимой вещи: сравнительно-правовой аспект	84
<i>Аюшеева И. З.</i>	
Метавселенные: проблемы гражданско-правового регулирования	93
<i>Борзенко Ю. А., Брылякова Е. С.</i>	
К вопросу о понятии доли в уставном капитале ООО	99
<i>Гасанов З. У.</i>	
Перспективы развития применения криптовалют в сфере купли-продажи недвижимости.....	106
<i>Громоздина М. В.</i>	
К вопросу о совершенствовании семейного законодательства Российской Федерации	113

<i>Джантасова А. Д.</i> Правовое регулирование валютно-финансовых отношений в Республике Казахстан и перспективы совершенствования отечественного законодательства в свете интеграционных процессов Евразийского экономического союза	118
<i>Долинская В. В.</i> Проблемы правосубъектности и представительства на основании закона.....	130
<i>Дорожинская Е. А.</i> Изъятие акций миноритарных акционеров как способ защиты публичных интересов.....	143
<i>Дорожинская Е. А.</i> Сервис «Государственная онлайн-регистрация бизнеса» и риски участников хозяйственных обществ при его использовании	151
<i>Захарова И. В.</i> Адвокатское соглашение как особый вид договора.....	156
<i>Карпова В. В.</i> Формирование судейского корпуса. Отечественные и зарубежные научные взгляды.....	164
<i>Карцева Н. С., Комиссарова П. К.</i> Особенности наследования доменных имен: проблемы и тенденции развития законодательного регулирования	169
<i>Косарев К. В.</i> Понятие права следования в вещном праве РФ.....	176
<i>Косова О. Ю.</i> О семейно-правовых понятиях	179
<i>Краснова С. А.</i> О возможности виндикации акций и защите добросовестного приобретателя	186

<i>Минаков С. К.</i>	
Дробление иска как злоупотребление процессуальными правами.....	196
<i>Нурмахамбетова С. Т.</i>	
Аспекты правовой защиты права собственности и иных вещных прав	201
<i>Окашев Р. Д.</i>	
Вопросы развития казахстанской национальной политики в отношении инвалидов	214
<i>Саенко Л. В.</i>	
Внеправовые социальные регуляторы и нормы семейного законодательства в пространстве ценностных ориентиров: сравнительно-правовой анализ	223
<i>Синицына Е. С.</i>	
Доходы супругов от предпринимательской деятельности как часть общего имущества: вопросы признания и распоряжения.....	228
<i>Скобелев В. П.</i>	
Подлежит ли судебное постановление проверке в апелляционном порядке на предмет соблюдения надлежащей процессуальной формы?.....	236
<i>Холмова Е. Г.</i>	
Особенности прав на переработку произведений в цифровую эпоху.....	247
<i>Холмова Е. Г.</i>	
Осуществление родителями интеллектуальных прав малолетних детей	259
<i>Чернецова А. Г.</i>	
Специальная оценка условий труда в соответствии с нормами трудового законодательства: особенности и проблемы правового регулирования	267
<i>Шуткина А. Ю.</i>	
Права и интересы предпринимателей как объект правовой защиты.....	278

**Международная научно-практическая конференция
«Правосудие и судебные реформы:
международный и национальный опыт»**

Лунгу Е. В.

Личные права и свободы человека
в свете цифровизации общественных отношений 282

Кричевцев М. В.

Создание новой военной юстиции Франции
после термидорианского переворота:
реформы 1795–1798 гг. 288

Папушина Н. Ю.

Механизмы судебной защиты интересов сторон
недействительного договора найма
служебного жилого помещения 306

Бабушкина Е. А.

К вопросу о злоупотреблении лицами,
участвующими в деле, своими процессуальными правами
при рассмотрении гражданских дел судом
общей юрисдикции и способах противодействия 311

Беляев А. И.

Судимость гражданина
как конституционно-правовое препятствие
в реализации пассивного
избирательного права 327

Демиденко М. А.

Формирование судейского корпуса в России:
тенденции и перспективы
(на примере исследования
Новосибирской области 2003–2020 гг.) 331

Копкин Д. А.

Ошибочные действия, возникающие во время анализа
и интерпретации экспертных данных 337

Кравченко Е. В.

Роль суда при разрешении споров
по искам прокуроров в защиту окружающей среды 343

Лунева О. Н.

Мировая юстиция: ключ к реализации права
на правосудие населением РФ 359

Юнусова Н. И.

Роль специалиста и эксперта
в гражданском судопроизводстве:
проблемы правового регулирования
и пути их решения 364

Соболева П. М.

К вопросу о судебных ошибках:
проблемы, пути решения 369

Научное издание

**ПРАВО И ЭКОНОМИКА:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ
И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ**

Сборник статей
по итогам VI Новосибирского
международного юридического форума
(13–19 мая 2024 г., 14 июня 2024 г.)

Гарнитура PT Serif. Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 22, 1.
Подписано в печать 05.06.2025. Тираж 300 экз.

Новосибирский государственный университет экономики
и управления «НИНХ»
630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56.